

Нина
Берберова

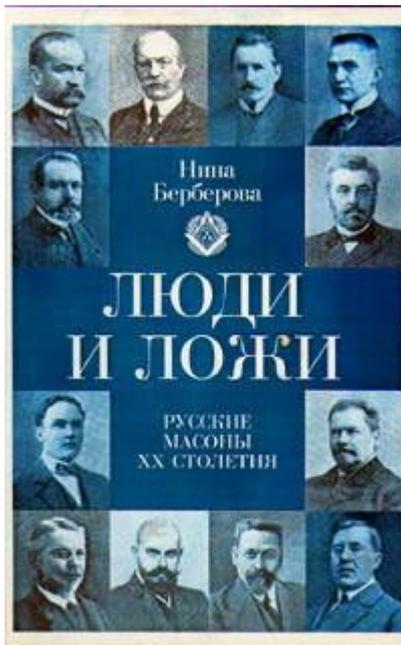
ЛЮДИ И ЛОЖИ

РУССКИЕ
МАСОНЫ
XX СТОЛЕТИЯ

Нина Берберова Люди и ложи. Русские масоны XX столетия

«Люди и ложи. Русские масоны XX столетия.»: «Прогресс-Традиция»; Москва; 1997
ISBN 5-89-493-008-1

Аннотация

Книга создана на основе уникальных архивных источников. Она содержит историю русских лож в XX столетии, описание масонских ритуалов, толкование специальных терминов, биографический словарь русских масонов. Особый интерес представляет раздел, в котором впервые приведены воспоминания и переписка ведущих политических деятелей России начала века, связанные с историей масонства.

Остро и увлекательно написанная книга Нины Берберовой адресована не только специалистам-историкам, но и всем читателям, интересующимся этой темой.

Нина БЕРБЕРОВА ЛЮДИ И ЛОЖИ Русские масоны XX столетия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой интерес к русскому масонству начался в тот день, когда началось мое личное знакомство с русскими масонами, не потому что это были исключительные люди, а потому что они были люди исключительного времени и играли в нем исключительную роль.

Книга эта написана не только для специалистов, но и для рядового интеллигентного читателя, знающего, что такое Февральская революция, кто такие – «союзники», и кто заключил сепаратный мир с Германией со стороны России, закончив таким образом Первую мировую войну. Имена масонов откомментированы в Биографическом словаре; о не-масонах сведения даны либо в самом тексте, либо в примечаниях. Действующие лица принадлежали к поколению моих родителей, т.е. родились между 1860 и 1880 гг. Личного знакомства до отъезда из России у меня с ними не было, и быть не могло, но имена их звучали для меня

привычно еще в ранние годы. Я далека от намерения сравнивать собственное детство с детством Набокова, который, через своего отца, знал тех, кто так или иначе имел касательство к Государственной Думе или кадетской партии. М.М. Винавер и И.В. Гессен звали его Володей, и он буквально вырос на коленях у Родичева и Петрункевича. У нас в доме бывал один-единственный член Думы и ЦК кадетской партии, М.С. Аджемов, товарищ моего отца по Лазаревскому институту Восточных языков (за час до его прихода меня предусмотрительно гнали спать). После этих званных вечеров, раза два в год, утром еще пахло аджемовской сигарой, когда я уходила в гимназию. А также иногда в неурочный час, около десяти вечера, заходил ночной гость – известный кооператор со странным именем Вахан Фомич Тотомиянц, с торчащими из ноздрей и ушей золотистыми пучками вьющихся волос.

С материнской стороны были менее почтенные экземпляры прошлого, вернее, позапрошлого поколения, троюродные братья бабушки: В.Н. Коковцев и зловещей памяти министр внутренних дел П.Н. Дурново. Тяжелое было наследие! Я понимала, что гордиться мне ими не приходится, особенно вторым. Я их никогда не видела, потому что они не бывали не только, разумеется, у нас, но и у бабушки: дедушка Караулов был тверской земец, и водился с непочтенными тверскими либералами. Его друзья не встречались с ее родственниками, о которых никогда в доме не упоминалось, когда собирались «тверские вольнодумцы» – Корсаков, Колюбакин и другие. Недавно, работая в одном архиве в США, я наткнулась на пачку бумаг дочери Родичева, Анны Федоровны, умершей в 1930-х гг. в эмиграции, в Швейцарии, – большую часть своей жизни она прожила в доме дочери Герцена, Наталии. В одной из папок оказались записки ее матери, жены Федора Измаиловича, и в них было рассказано, как глубокой ночью 1 марта 1881 г. к ним на тройке со станции в метель прибыл петербургским поездом И.Д. Караулов с ужасным известием «о злодейском убийстве государя». Этим вестником был мой дед.

Мои личные знакомства с масонами начались уже в Париже, в середине 1920-х гг. Мы шли гурьбой с какого-то литературного собрания, и М.А. Осоргин, отстав от других, признался мне, что в Париже недавно восстановлена московская масонская ложа, и он не помнит себя от радости. Почему? Да потому что он – неверующий человек – ужасно любит всякие ритуалы и считает, что каждому человеку они необходимы: они дают чувствовать общность, соборность, в них играют роль всякие священные предметы, в них красота и иерархия.

Таков был мой первый контакт с русским масоном.

Постепенно я стала привыкать к тому, что после позднего сидения в каком-нибудь парижском кафе, когда все расходились по домам, Бунин говорил: «Обедать? В четверг? Но Алданов никогда не может в четверг. Давайте лучше в пятницу. По четвергам он лежит в гробу, на rue Cadet, и вокруг него происходит какой-то таинственный обряд, вы же знаете!» Или мой дядя, бывший директор Учетно-судного банка в Ростове-на-Дону, спрашивал меня, знакома ли я с Маклаковым: «Я имел удовольствие (или он сказал «честь»?) познакомиться с ним недавно в одном месте, за ужином. Высокого ума человек!»

Очень скоро, однако, я поняла, что кроме четвергов, есть еще вторники, уже не на улице Кадэ, а на rue de l'Yvette. Ходасевич посмеивался: Ишь ты! Два вечера имеют свободными в неделю, отдых от семейного счастья. Каждому лестно!

Александр Иванович Коновалов был председателем правления газеты «Последние новости», где я 16 лет работала: печатала рассказы и даже стихи, кинокритику, хронику советской литературы, иногда – репортаж, а летом заменяла уехавшую в отпуск машинистку. Когда с НВМ, моим вторым мужем, мы купили перед войной маленький деревенский дом под Парижем, Коновалов приезжал к нам по воскресеньям с Анной Фердинандовной, своей второй женой; я однажды спросила его, когда мы были одни, как он чувствует себя, когда надевает свой передник и стучит молотком три раза по «алтарю»? В это время я уже понимала, что девять из десяти образованных, интеллигентных (преимущественно – столичных) людей, среди которых мы жили, – масоны. Но А.И. в ответ на мой вопрос сделал каменное лицо (ему это было легко, оно у него было малоподвижно), и не произнес ни

одного слова.

В начале 1930-х гг. я была приглашена в «Аврору» – смешанную ложу, где были и женщины, и мужчины, и позволялось приводить гостей. Женщины играли в «Авроре» первенствующую роль. Строгостей там было меньше, чем в ложах других «Послушаний». Я знала двух «сестер» – приезжавшую из Лондона к сыну в Париж А.В. Тыркову, члена к.-д. партии, когда-то писавшую в «Речи», и Евдокию Нагородскую, автора популярного и «рискованного» (как тогда говорили) романа «Гнев Диониса»; она, между прочим, была дочерью Авдотьи Панаевой (гражданской жены Некрасова) и в Петербурге дружила с поэтом М.А. Кузминым. Нагородская приняла меня очень тепло. Она после этого еще два-три раза приглашала меня, но скоро увидела, что в ложу входить я не собираюсь. Ни она, ни Тыркова не изменили ко мне своего доброго отношения.

В это же время, или несколько позже, некоторые из моих сверстников, поэтов и прозаиков, были посвящены в русские ложи. Но серьезный интерес во мне не просыпался. Я в те годы работала над биографиями П.И. Чайковского и А.П. Бородина, писала рассказы. Началась война. Меньше чем через десять месяцев Париж был взят немцами, и от прежней жизни остались одни клочья, которых не только нельзя было собрать и привести в порядок, но и не хотелось этого делать.

Здание на улице Кадэ было внутри частично разрушено, священные предметы затоптаны сапогами, библиотека частью сожжена, частью вывезена, и имена «братьев» опубликованы в печати. В списках было приблизительно (на глаз) 9.000 имен французских масонов, и так же на глаз можно было определить один процент имен русских, польских, литовских, еврейских, грузинских и армянских. Большинство этих людей было уже вне Парижа, в «свободной зоне». Эта зона перестала существовать в 1942 году.

Русские масоны были арестованы в июне 1941 г., когда Германия начала войну с Россией. Средний возраст их теперь был 65-70 лет. Оккупанты выловили их с помощью русских нацистов, работавших с немцами. Их продержали несколько месяцев и постепенно выпустили. Многие позже были арестованы вторично и депортированы как «социалисты» и «евреи».

Через неделю после прихода союзников, в начале сентября 1944 г., я вошла в открытые двери здания «Великого Востока» на Кадэ. Всякий мог теперь войти и взглянуть на то, что было сделано с этим центром французского масонства. Потом начался ремонт. И я стала думать о том, что, может быть, мне суждено... не написать книгу, я тогда не думала о книге – но составить каталог имен. И в 1950 г., приехав в США, я начала медленно, не рассчитывая когда-нибудь довести дело до конца, заносить на карточки «каталога» в алфавитном порядке имена. В конце 1950-х гг. я встретила Г.Я. Аронсона, меньшевика младшего поколения, сотрудника «Социалистического вестника». У меня в это время было около ста имен. Ни структура организации, ни ее история, ни ее Мировые Конвенты и чины (или степени) меня тогда не интересовали. Я искала имена, я искала людей. Мне нужны были три русских поколения.

Первое поколение – средний возраст 80 лет – я знала. Это были участники Февраля. Их осталось очень мало. Второе поколение (в возрасте 50-60 лет) было хорошо знакомо мне, я сама приближалась к нему. У братьев третьего поколения, видимо, не игравших никакой роли в восстановлении «Послушаний», и крайне малочисленных, к масонству не было особого интереса. У меня в каталоге было теперь около двухсот имен, из них около ста были мне лично знакомы.

Г.Я. Аронсон, как и Н.В. Вольский (никогда не бывший масоном), сыграли некоторую роль в моей работе. У меня в архиве около ста писем Вольского, и в его архиве, вероятно, моих несколько меньше. Я видела с Л.О. Дан, с А.В. Тырковой (в Париже и Нью-Йорке). Я замечала, что тайн становится с каждым годом все меньше; на французском, английском и немецком языках теперь начали выходить книги – молчание было нарушено, и обратного хода этому процессу не было. В специальных энциклопедиях, выпущенных в 1960-1970 гг., каждый может прочесть теперь и узнать все, что ему надо: обряды, специальный масонский

словарь терминов, роль масонства в наше время, и имена... Это означает только одно: масонство, каким оно было в течение 900 лет, было убито. Но, разумеется, о русском масонстве и о его роли в последние шестьдесят лет ничего написано не было. И на русский, из иностранных статей и книг, ничего не переводилось.

В 1966 г. в одной из периодических публикаций я нашла первую статью о русском масонстве нашего столетия, написанную бывшим масоном: Борис Элькин, в лондонском «Славоник Ревью» (июль 1966, № 34, с. 454-472), видимо, подчиняясь новым веяниям, дал сведения о тайном обществе в спокойном и беспристрастном изложении. Вскоре за этим в американском «Славик Ревью» (декабрь 1968, № 27) появилась статья «Роль русского масонства в Февральской революции», за подписью Натана Смита, профессора новейшей европейской и русской истории (Вашингтон-Колледж, Честертаун, штат Мэриленд). Я написала ему письмо, мы встретились, и после того, как мы увидели, что мы оба заняты одной и той же темой, но с разных сторон подходи к ней, мы стали осведомлять друг друга о наших открытиях. А их в это время было немало.

Наконец, по его инициативе было написано письмо, которое мы размножили и послали в крупные книгохранилища Европы (включая Германию). Ответ через шесть месяцев пришел из Парижа. Нам сообщалось, что русский масонский архив, с 1922 по 1970 год, цел, и доступ к нему будет нам предоставлен, если мы хотим заняться им. Мы выехали в Париж, и когда я вернулась домой, у меня было уже не 220 карточек, а 660.

С этого времени я начала работать над книгой, которую теперь предлагаю читателям. Материал четырех тяжелых ящиков мы с проф. Смитом разложили в 17 нормальных коробок и сделали каталог всех фондов на двух языках, разложив в алфавитном порядке личные бумаги в тридцать папок. Этот архив, как нам сказали, был вывезен накануне падения Парижа сыном известного хирурга, русского эмигранта. Он вернул его не так давно. Никто никогда не вскрывал ящиков, – в этом мы были убеждены, так как пыль на них была в два пальца. Больше я ничего не могу сказать о чудесной судьбе этого архива.

Зимой 1983 г., после того как мною было прочитано около 300 книг, список которых приложен в Библиографии, был готов Биографический словарь, основа книги. Я уехала в Калифорнию и там, в архиве Герберта Гувера, в Станфорде, работала над коллекцией Б.И. Николаевского (более 250 фондов), в бумагах каталогизированных и, особенно ценных, некаталогизированных, поступивших только за год до этого, после смерти АМ. Бургиной, многолетней сотрудницы Бориса Ивановича. Из 35 ящиков 18 относятся к архиву В.А. Маклакова и 10 – к архиву Н.В. Вольского. Из 27 корреспондентов Маклакова две трети принадлежали к масонским ложам, – о них читатель прочтет в разделе «Архивные материалы», в конце этой книги.

Постепенно читателю станет ясно, что масонство нашего столетия объединяло великих князей Романовых и социал-демократов, генералов царской Ставки и членов Государственной Думы «прогрессивного блока», людей, известных в свое время всей России, и людей, имена и отчества которых (но не фамилии) остались никому неизвестны, и ни в «бархатных книгах» русского дворянства, ни в старых телефонных справочниках Москвы и Петербурга найти их мне не удалось.

Несколько слов о том, как выглядят рукописные материалы в архивах Гувера. За малыми исключениями, люди, родившиеся в прошлом веке, писали исключительно неразборчиво: были адресаты Маклакова, которые отсылали ему его письма, чтобы он им их переписал, были другие, которые сообщали ему, что ни строки не поняли в его письме и привезут ему это письмо на будущей неделе, чтобы он им его прочел. Дневник Маклакова, который он вел с лета 1917 г. до 1924 г., неразборчив на 80%, иногда непонятно даже, на каком языке написаны отдельные страницы – на русском или французском. Керенский, из-за близорукости, писал на машинке почти так же неразборчиво, как и рукой. Записка Кандаурова, видимо, не была перечтена им, и вместо запятых всюду поставлен какой-то загадочный знак – таково было свойство его Ундервуда. Дат на письмах нет, и только по содержанию можно догадаться, в каком году писалось данное письмо. Подстрочное

примечание в письме отсылает нас к крестик, но крестика в тексте нет, так что фраза примечания «он вошел в ложу в таком-то году», несет в себе загадку: о ком идет речь? Что касается собственно содержания, то очень часто оно просто неверно: парижский издатель Поволоцкий присутствовал на похоронах собрата по ложе через год после того, как был похоронен сам. Что касается писем масонов друг к другу, то среди них имеются бесспорно очень важные и интересные, но попадаются и совсем бессмысленные, напоминающие письмо Ваньки из чеховского рассказа: «на деревню дедушке».

Прежде чем закончить это предисловие, я хочу назвать дополнительную причину написания и издания этой книги: она касается зловещих и, по существу, лживых данных о масонстве, которые до сих пор распространяются об этом тайном обществе, и измышлений, которые могли возникнуть только в мозгу слабоумного кретина.

Первые идут из крайне-правых кругов эмиграции. Третье поколение, которых враги называют «православные неонацисты», повторяют старые бредни о «жидо-масонстве», во главе которого стояли Троцкий и Ленин. Это «тайное общество» погубило Русь и убило царя (кстати, в 1981 г. церковь этой группировки канонизировала Николая и его родственников).

Вторые (на территории Советского Союза) сводятся к тому, что масоны – это нацисты, Кайзер Вильгельм II, Гитлер и царские генералы, и все они хотели погубить «российский пролетариат». В газете «Голос Родины», № 32, 1981 г., напечатан отрывок из романа «Негромкий выстрел» некоего Иванова. Достаточно сказать, что герой его «высокой степени масон», – а именно третьей (высокая степень – 33-я), и что он «входит в небольшой флигелек, поднимается на второй этаж и попадает в просторный зал, где сидят 25 масонов». Вся эта галиматья подается, как шедевр, и тут же объявляется о выходе в свет другого масонского романа, «Ложи лжи», в издательстве «Молодая гвардия».

Обе эти позиции по отношению к масонству напоминают мемуары Симоны де Бовуар, которая писала о себе и Сартре: «Да, мы слышали, что Сталин не совсем то, чем он воображался нам в 1940-х гг., – не величайший человек XX века. Но сейчас нам уже поздно пересматривать свои суждения»... Ходасевич когда-то писал: «Счастливы те, у которых враги, которых они могут уважать!»

Я выражаю мою глубокую благодарность Парижскому архиву русского масонства в лице Андре Дорэ и Флоранс де Люси, давших мне возможность найти все, что мне было нужно, в недрах отдела рукописей и сделать нужные мне фотокопии.

Я выражаю такую же благодарность архиву Герберта Гувера и помогшим мне Чарльзу Пальму и Рональду Булатову, а также Елене Даниэльсон и всему штату архива, где для меня не оказалось ничего запретного, и где я узнала вещи, которых нигде в другом месте не могла бы узнать.

Третье место, где мне было оказано теплое гостеприимство, был Центр Вудро Вильсона в Вашингтоне, где я встретила специалистов по истории России 1905-1920 гг. Идеальные условия работы мне всегда кажутся щедрым даром судьбы, а встречи и разговоры с людьми, которые всю свою жизнь посвятили своему предмету, как проф. Джеймс Биллингтон, Питер Реддауэй, Герберт Эллисон, дали мне возможность кое-что уточнить и кое-что переоценить. Барбара Даш помогла мне с моим докладом.

Чувство благодарности я сохраняю к «первому масонологу», проф. Натану Смит, с которым мы вместе делали открытие за открытием в Париже, радовались находкам, страдали от неразборчивости почерков, ища ответы на вопросы и находя их.

Материалы архива А.Ф. Керенского оказались доступны для меня и проф. Натана Смита благодаря любезности Исследовательского Центра Гуманитарных наук Техасского университета в Остине.

Упомяну, что проф. Ричард Уортман (Принстонский университет) прочел некоторые части этой книги в рукописи и дал мне несколько советов, которым я последовала, признательная за его дружеское внимание, и что проф. Александр Рабинович (Индиана) оказал мне незаметную, но для меня чрезвычайно важную услугу, которая никогда не уйдет из моей памяти.

Что касается до главного редактора издательства «Руссика», А. Сумеркина, то работая вместе с ним над окончательной редакцией текста, я оценила тщательность его работы и тонкость его замечаний, и я рада, что судьба свела меня с таким внимательным, чутким и знающим человеком.

Внимание тех читателей, которые найдут, что мною сказанного недостаточно, и которым хотелось бы знать больше, я хочу направить на недавно вышедший справочник русских архивов в американских книгохранилищах и частных коллекциях. Стоит заглянуть в эту огромной ценности и интереса книгу (Guide: Russian Empire and Soviet Union. Ed. by J. Brown and S. Grant. Hall, 1981). Благодаря тому, что в архивах США ежегодно «раскрепощаются» старые документы, в свое время закрытые на 20, 30, 50 лет, эта книга отвечает на многие вопросы истории. Запреты снимаются тем больше, чем ближе подходит 21 век.

В то же время необходимо помнить, что сами масоны, в их устной передаче прошлого, в их переписке с «профанами» и – особенно – в их редких и не внушающих полного доверия «мемуарах», написанных небрежно и спустя много лет после случившихся событий, слишком часто пользуются своим тайным правом в исключительных случаях прибегать ко «лжи во спасение», к тому «освобождению от обетов» (dispensation), которое дается каждому масону, начиная с 3-го градуса, как особая привилегия: его священное право отрицания реального факта. Но здесь мы приходим к естественному и бесспорному выводу: косвенное показание, а еще лучше, когда их два или три, дают историку больше, чем показания самих братьев тайного общества, с его индульгенцией – неотъемлемым правом делать бывшее небывшим, то есть правом узаконенной лжи.

Глава первая МАСОНЫ В РОССИИ

В подзаголовке этой книги – «Русские масоны XX столетия» – полностью отражено ее содержание: оно говорит о том, что речь пойдет не о мировом масонстве, ведущем свою родословную от св. Тибальда (1017-1066) к розенкрейцерам, тамплиерам и иллюминатам, и не о масонстве Пьера Безухова: в 1822 году Александр I приказал закрыть тайные общества, а через три года, после Декабрьского восстания, масонство было запрещено. 80 лет, которые прошли с тех пор, прежде чем в России возродились масоны, требуют отдельного комментария, и это – дело историка. Эта книга написана не историком, но современником русского масонства XX века, когда оно возникло среди цензового городского населения России, в начальный период индустриально-технической эпохи европейского континента. Мощный рост буржуазии, появление новых производственных отношений, явления, обусловленные механизированным прогрессом, новые изобретения, изменившие мир – электричество, фотография, телеграф, телефон, автомобиль, пулемет и аэроплан – между 1880 и 1914 гг. с гигантской силой и неслыханными темпами меняли мир, в котором до того жили наши предки.

Сначала все эти явления почувствовались в двух столицах, затем – в провинциальных городах. Возрождение масонства в России было вызвано тремя важными событиями: поражением России в японской войне, революцией 1905 г. (и открытием русского парламента) и буйным ростом интеллигенции, вопреки всем запретам и препонам. Этот рост шел рука об руку не только с ростом буржуазии крупной, но и мелкой, которая, как и интеллигенция, «нажимала» на все стороны русской жизни: на запреты царя, помазанника Божия, на закрытие университетов, на торможение сессий Думы, на удушение мысли, на опоздание во всем, что касалось материального и умственного прогресса населения и равенства его перед законом. Я говорю здесь не о революционерах, бросавших бомбы в министров, но о тех, кто был решительно против революции и только хотел перемен. Желания их были очень скромны, и сейчас нам, их потомкам, они кажутся минимальными: допущение общественных деятелей, центристов Думы (их тогда называли

«общественниками») к управлению страной, земельная реформа, работа Думы в законном установленных рамках, рабочее законодательство, распространение грамотности. В огромном большинстве люди между 1906 и 1916 гг. вовсе не искали коренных перемен, они искали мирного обновления страны, а когда видели, что дела на верхах идут как раз в обратную сторону, они уезжали на время в свои поместья, отдохнуть и осмотреться, а некоторые – «к себе, в Париж», или на Ривьеру, лечить нервы. Именно так чуть раньше и поступил профессор Максим Максимович Ковалевский, которого враги называли «генералом на купеческих свадьбах». Судя по его фотографиям, они были недалеко от истины. Царское правительство в лице министра внутренних дел его обидело, запретив ему читать лекции в петербургских и московских высших учебных заведениях. В Париже он принадлежал к кругам, где ценилось его красноречие, – он, как многие люди его круга, был двуязычным. В 1901 г. он там открыл, с помощью своих друзей, «Русскую школу общественных наук» и читал в ней лекции. Его специальностью было конституционное право, и среди его студентов был, между прочим, молодой Луначарский, которого проф. Ковалевский отличал и считал «поборником свободы и демократии». Кроме всего, Ковалевский был масоном, «братом» французского «Великого Востока».

Он обедал и ужинал среди других блестящих говорунов, тоже людей из общества, превыше всего ценивших заветы французской революции: свободу, равенство и братство. Во Франции они боролись, главным образом, речами и статьями, против угнетения страны католической церковью и жадными потомственными грансеньерами, у которых на семь человек семьи часто бывало около 90 человек прислуги (включая, конечно, конюхов и садовников). Они боролись и за другие, весьма достойные идеалы, дорогие сердцу Ковалевского и его друзей.

В самом начале 20 века во Франции церковь наконец отделили от государства, и монастырские земли были отобраны. Это был праздник для либералов. Так что «свобода» в какой-то мере прогрессировала, «братство» тоже процветало: оно давалось им в ложах тайных обществ, где каждый назывался «братом», или «досточтимым братом», а иногда даже «дорогим» и «премудрым». О равенстве хлопотали меньше: равенства в широком смысле, конечно, не было и быть не могло, но равенство в узком смысле (перед законом), как оно понималось во Франции, на 50 процентов существовало, – если исключить из состава населения нищих, бродяг, безграмотных и женщин. Это показывало русским гедонистам-либералам, что в какой-то мере равенство в современном государстве возможно.

Ковалевский был введен в масонскую ложу в Париже, видимо, еще в конце прошлого века. Париж, после крушения Второй Империи, кишел тайными обществами. Русские нередко принадлежали к ним, начиная еще, впрочем, с 1860-х гг., когда И.С. Тургенев вступил в одно из них. Об этом факте мне удалось узнать случайно, он неизвестен литературоведам, биографам и комментаторам Тургенева, – во всяком случае, был неизвестен им, когда в 1960-х гг. в Москве вышло полное собрание писем Тургенева. Я узнала о нем из переписки вел. кн. Николая Михайловича (дяди царя)¹ с его парижским другом, историком Фредериком Массоном, где я нашла название тайного общества, в котором оба друга были членами. В этом обществе за все время его существования (оно закрылось в 1920-х гг.) состояли только двое русских: Тургенев (до самой своей смерти в 1883 г.) и Николай Михайлович, вступивший в него в начале 1890-х гг. Оно называлось «Биксио», и в примечаниях к письмам Тургенева советские литературоведы признавались, что им «не удалось расшифровать, кто это». Я послала в музей Тургенева в Орле ксерокопии этой переписки.

К началу 20 века французское масонство состояло из 4-х отдельных Послушаний. Это слово иногда в русских масонских документах переводится, как Устав, или не переводится

¹ Он был двоюродным братом Александра III, а не Николая II, как ошибочно называют его многие историки, в том числе Г. Катков в «Февральской революции».

вовсе. Так, в переписке М.А. Алданова с В.А. Маклаковым Алданов пользуется французским словом *obedience*, которое не переводит. Послушания были: «левое», «правое», «среднее» и «крайне правое». Это последнее, так называемая «Великая Французская Национальная Ложа», нас не касается: иностранцы туда не принимались. До 1912 г. оно существовало в мирном сожителстве с другими тремя, когда в Париже, где заседал Массонский Верховный Совет, начались осложнения. Судя по тому, что пишет историограф Национальной Ложи А. Меллор, все острые конфликты происходили на почве отношения масонства к религии. В храме, на столе («алтаре») Великого Мастера Национальной ложи, председателя и «Держателя Первого Молотка», лежала Библия, открытая на первой странице Откровения Иоанна Богослова. В трех других послушаниях этого не было.

Так называемое «правое» Послушание, Великая Ложа Франции (*Grande Loge de France, GLDF*), узаконенная в 1894 г., в сущности, не может быть названа по-русски «правой», скорее – умеренной. Она отличалась от так называемого «левого» Великого Востока (*Grande Orient de France, GODF*) немногим: в ней состояли либералы, а не радикалы, степеней было 18, а не 33. И атеисты в ней считались нежелательными, в то время, как Великий Восток принимал всех: верующих, безразличных к религии, и атеистов. Между этими двумя Уставами возникали время от времени конфликты; поводом для одного из них в 1930-х гг. стал спор о Великом Архитекторе Вселенной (он же Великий Геометр). Откровенно антиклерикальный Великий Восток отказывался допустить в свой словарь этот термин, а Великая Ложа, созданная в традициях Шотландского Массонства, желала его сохранить. Страсти в конце концов утихли, каждый остался при своем, и братья обоих Уставов до начала Второй мировой войны не только бывали гостями друг у друга на «сессиях» (собраниях) и «агапах» (ужинах), но часто входили в оба Устава, как члены одной организации.

Так называемое «среднее» Послушание состояло из нескольких лож и ближе всего примыкало к Великому Востоку, оно было наиболее либерально и, в отличие от остальных лож, в ложу «Аврора» женщины не только допускались, но и играли в ней ведущую роль. Ложа «*Les Droits de l'Homme*» («Права Человека») была, главным образом, занята защитой гражданских прав, т.е. защитой французских граждан от самого государства. Ритуалы здесь были сокращены до минимума, и хотя клятва тайны строго соблюдалась, но на сессии допускались гости, мужчины и женщины, друзья «братьев» и «сестер». «Аврора» была как бы ответвлением Великого Востока, как, видимо, и обе франко-русские ложи того времени, «*Cosmos*» и «*Mont Sinai*». Ложа «Права Человека» открылась в 1893 г. во Франции и Бельгии, и ее забота о равенстве всех перед законом была близка сердцу русских и французских либералов, особенно женщин – в эти годы во Франции женщинам запрещалось иметь собственные средства, открывать на свое имя коммерческие предприятия, а также иметь недвижимость или собственный текущий счет без разрешения отца или мужа и т.д. Но Великая Ложа с принципами «прав человека» не спорила, это видно из неопубликованного секретного отчета русской ложи «Лотос», в котором говорится не только о дружеских отношениях между братьями всех трех Послушаний, но и о частом присутствии братьев Великого Востока в храме Великой Ложи, и наоборот, а также о том, что некоторые братья, принадлежавшие к Шотландскому Уставу (Великой Ложе), даже просили допустить их к «работам» (собраниям) Великого Востока.

Русское «двойное братство» не должно нам казаться чем-то особенным. Антиклерикализм в русских ложах не играл той воинственной роли, какую он играл в ложах французских. Атеисты, конечно, были, но вопрос о религии не разделял людей; было главное, что их связывало: свобода и братство; оба эти идеала они обретали в тайном обществе, и это объединяло их. В вопросе религии русские либералы 1906 – 1916 гг. были бы совершенно удовлетворены, если бы царь уволил из Синода митрополита, друга и собутыльника Распутина, и назначил на это высокое место достойного человека, да и в целом их вполне примирило бы с правительством допущение в Совет министров

«общественников», о которых было сказано выше². Среди этих «общественников» было пять-шесть масонов, а все остальные были с масонами в дружеских отношениях. Необходимо помнить, что в эти годы об отделении церкви от государства в России мечтали только радикалы, либералы считали этот вопрос несвоевременным. А масонами в эти годы были, главным образом, либералы, т.е. огромная средняя часть Думского сектора, в 1915 г. получившая название «прогрессивного блока» – от левых октябристов до правых социалистов.

Итак, Ковалевский принадлежал к французскому масонству. К 1906 г. пятнадцать русских были при его содействии введены во французское Послушание Великого Востока. Среди них – В.А. Маклаков, Вас. Ив. Немирович-Данченко, А.В. Амфитеатров, В.О. Ключевский, изобретатель П.Н. Яблочков, кн. С.Д. Урусов, дипломат И. Лорис-Меликов (племянник министра Александра III), гр. Орлов-Давыдов, присяжный поверенный М.С. Маргулиес. Все они, по-видимому, принадлежали к ложам «Cosmos» и «Mont Sinai». Но именно Ковалевскому было предложено проявить инициативу и получить директивы для открытия первых лож в русских столицах. Он принял это предложение, в конце 1906 г. вернулся в Россию и начал свою масонскую деятельность, тем более, что свою парижскую школу ему пришлось закрыть за отсутствием учеников.

Для начала М.М. Ковалевскому было поручено открыть две ложи в Москве и одну в Петербурге, и он отправился в Россию в этот первый пореволюционный год (1906) к открытию I Гос. Думы, куда он был выбран. Через два года в Москве, Петербурге, Киеве, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах, от Варшавы до Иркутска, было открыто не менее 18 лож. Хотя Ковалевский и захватил из Парижа и перчатки свои, и передник, и, вероятно, некоторые другие предметы, необходимые для ритуалов, этого было недостаточно. Очень скоро два «брата» из французского Великого Востока приехали за ним и помогли ему устроить «храм» по всем правилам и посвятить кое-кого из общих ближайших друзей в тайное общество, сначала в первую степень (1°), а затем, учитывая заслуги некоторых из них (поименованных выше) перед французским масонством, через неделю перевести их всех в 3-ю, а некоторых – еще стремительнее – в 18-ю степень. М.С. Маргулиеса, известного в Петербурге молодого адвоката, они посвятили в самом здании тюрьмы, где Маргулиес отбывал срок за свои (в 1905 г.) революционные поступки (впрочем, весьма умеренные). Так, в камере «Крестов», в передниках и перчатках, с молотками в руках, Великие Мастера провели церемонию посвящения на глазах, вероятно, совершенно обалдевших от этого зрелища тюремных сторожей. Тут же, немедленно, с еще большей торжественностью, Мануил Сергеевич был возведен в 18-ю степень.

Старый русский парижанин, но в эти годы весьма еще молодой другой адвокат, В.А. Маклаков, был одним из первых «перепосвященных» в России. Таковым же был и кн. Давид Осипович Бебутов, горячо увлеченный открывшейся ему деятельностью. Всеобщий друг, он

² Две возможности были приемлемы в эти годы для русских масонов и их друзей: при первой, особенно близкой сердцу левых октябристов и кадетов, они полностью приняли бы «министерство народного доверия», т.е. коалицию либеральных царских министров с «общественниками». При второй – «ответственном министерстве» – довольны были бы левые кадеты, трудовики (или народные социалисты) и правые меньшевики: в такое министерство не были бы допущены бывшие царские министры, оно должно было состоять исключительно из «общественников» и их ближайших сторонников. Среди них большинство считало, что замена правительства новыми министрами недостаточна, необходима замена власти.

Иллюстрацией этого положения может служить одна встреча в Петербурге в гостинице «Франция» (Морская ул., дом 5), небольшой группы масонов-прогрессистов в 1916 г. Там обсуждались два плана: один – «умеренный», включающий в Совет министров Кривошеина, Поливанова и Игнатьева, т.е. план «министерства народного доверия». Другой – план «ответственного министерства», куда бы вошли исключительно «прогрессисты», т.е. думцы, от левых октябристов до правых социалистов.

Прогрессивный блок был создан 25 августа 1915 г. В октябре того же года в блоке были «некоторые неувязки», после которых некоторые члены из блока вышли. (См. Красный архив, 1933, № 1, с. 117). Статистика августа 1915 г. показывает, что в блоке было 6 фракций, около 300 депутатов Гос. Думы (из 420) и 3 группы Гос. Совета.

впоследствии оказался также другом директора Департамента полиции, и информировал его о происходящем. Делать это ему было легко: богатейший человек, он предоставил братьям свою московскую квартиру и свой петербургский особняк, оборудовав их под храмы для масонских сессий. Повара, которые готовили братьям «агапы», у Бебутова, как полагалось в его кругу, были французы.

Очень скоро появились первые трудности: психиатр Николай Николаевич Баженов оказался несколько болтливый, и это не только не способствовало соблюдению тайны – краеугольного камня всякого тайного общества, – но и грозило осложнениями с министерством внутренних дел. Ложи разрастались таким быстрым темпом, что двум французским Досточтимым Мастерам пришлось приехать в Россию несколько раз: Сеншоль и Буле на это не только не роптали, но были счастливы услужить русским братьям, – нечего и говорить, что проезд и пребывание в столицах им были щедро оплачены³. Третьей проблемой было упорядочить Капитулы и Ареопаги. Так назывались, по традиции, объединения нескольких лож, связанных общей «работой». Членами таких объединений могли быть только Мастера, т.е. масоны 3° или выше. Они существовали и внутри Великой Ложи и внутри Великого Востока. Ложам и Капитулам давались имена и номера, нумерация была общей для обоих Послушаний. Иерархия в архивных документах освещена наименее отчетливо, может быть, не без умысла, а может быть, и от неумения ясно изложить внутреннюю структуру организации. Одно несомненно: Сеншоль и Буле имели полномочия посвящать русских масонов в ложи обоих Уставов. Это было логично: Досточтимые Мастера обоих Уставов собирались вместе для обсуждения важнейших вопросов, и ритуал в обоих Уставах был идентичен.

В это время – от начала Первой мировой войны вплоть до февраля 1917 г. в России не было профессии, учреждения, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов. Для примера я приведу список братьев, служивших в царском дипломатическом корпусе, в русских посольствах или легациях за границей. Он, вероятно, не полный, но и по такому, какой он есть, видно, с какой молниеносной быстротой распространилось русское масонство даже в такой области, где казалось бы, сидели люди, преданные режиму:

- Англия – К.Д. Набоков, первый секретарь посольства, зам. посла А.К. Бенкендорфа в январе 1917 г.
- Франция – Л.Д. Кандауров, советник посольства.
- Италия – консул Г.П. Забелло.
- Швеция – А.В. Неклюдов, заменен К.Н. Гулькевичем из Норвегии.
- Норвегия – И.Г. Лорис-Меликов, заменил Гулькевича, был переведен из Сиама.
- Румыния – С.А. Поклевский-Козелл.
- Швейцария – посланник К.М. Ону, агент Министерства иностранных дел А.Н. Мандельштам.
- Сербия – Б.П. Пелехин, переведен из Китая.
- Греция – Е.П. Демидов.
- Черногория – консул Л.В. Иславин.
- США – Б.А. Бахметев, заменивший Ю.П. Бахметьева.
- Китай – Н.А. Кудашев.
- Персия – поверенный в делах В.Ф. Минорский.
- Бразилия – А. И. Щербацкий (глава дипломатической миссии), переведен из Японии.
- Уругвай, Парагвай, Чили – он же.
- Мексика – И.Я. Коростовец (не успел доехать; до этого в Китае).

³ Щеголев пишет фамилию Сеншоля – «Синкхоль». Он сообщает адрес Буле и называет его «присяжным корреспондентом русских масонов во Франции».

Среди людей, которые по кодексу законов Российской империи должны были «защищать интересы родины перед правительствами других стран, к которым были аккредитованы», такая крамола кажется просто невероятной.

Но был ли факт принадлежности к масонству – крамолой? С точки зрения самодержавного царского правительства, – несомненно, если даже Кривошеина, Столыпина и Сазонова царь и царица считали «хуже Думы». Но с точки зрения русского масонства, крамолы никакой не было.

В эти годы масонство никак не связывалось с революцией, и революционеров в ложах не было. Меньшевиков было не более пяти-шести за все эти довоенные годы, социалист шел в тайное общество тогда, когда от его революционности (и социализма) оставались только следы. Маклаков много раз говорил позже, что «все мы» были против революции, так что Кропоткин ошибался, считая что «русскому революционному движению хорошо и полезно быть связанным с масонством». Хотел ли он сказать этим, что масоны прекрасные конспираторы и могут научить этому революционеров, или он намекал на масонскую дисциплину, которая у эсеров была недостаточна?

Но Ковалевский, конечно, никогда не мог бы согласиться с Кропоткинским. Он был далек от всякой мысли о возможной революции. Вернувшись в Россию в 1906 году, он сперва начал газету, вскоре прикрытую, затем вступил в партию «демократических реформ», насчитывавшую в это время не то 4, не то 5 членов. Он был выбран в I Думу, но не прошел во вторую, и тогда повернулся лицом к Государственному Совету, в который едва прошел (из «академической курии»).

Его ближайшими друзьями были и посвященные масоны и сочувствующие профаны: Баженов, проф. С. Котляревский, В.Д. Кузьмин-Караваев, Аладьин, Урусов, Гейден, Н. Львов, А. Стахович, Энгельгардт. Его партия демократических реформ, доведя число своих членов до девяти, слилась с партией «мирного обновления» – само название которой отрицало всякую революцию. И в IV Думе эти друзья перешли в «прогрессивный блок». Но в это время он уже был тяжело болен, и в 1916 г. умер, последние годы руководя «Вестником Европы». Незадолго до своей смерти он близко сошелся в Петербурге с французским послом Морисом Палеологом. У посла в 1914-1916 гг. собирались на вечерах кадеты из Думы, и Палеолог говорил с ними только об одном: «Продолжать войну с Германией, а все остальное может подождать».

В эти годы появился на свет один из первых списков имен мирового масонства, в который были включены и русские имена. Об этом списке упоминает П.Е. Щеголев, в нем было 30 тысяч имен, он был составлен всемирной антимасонской организацией. Русские фамилии в нем настолько перевраны, что трудно узнать кого бы то ни было. Кое-кто, в виде исключения, назван верно: среди них – М.М. Ковалевский, В.В. Вырубов, Лорис-Меликов, Гамбаров, Тамамшев и врач Зелинский.

* * *

По архивным документам теперь известно, что в начале 1890-х гг. во Франции и Бельгии существовали масонские ложи, которые принимали русских. Двух примеров – Баженов и Прокопович – достаточно. В Париже, в 1900 г., некоторые французские ложи еще шире открыли свои двери для русских⁴. Это были уже названные «Cosmos» и «Mont Sinai».

⁴ Не должно казаться странным расположение французов к русским масонам и легкость, с которой они посвящали новых братьев – французские масоны как раз переживали тяжелое время: они в Европе оставались в одиночестве – английское масонство отказалось от них из-за разногласий в вопросе о Великом Архитекторе, без которого английские масоны не представляли себе масонства, а Германия захватила у них Эльзас – Лотарингию.

Тот факт, что в 1906 г. братья Сеншоль и Буле, почти одновременно с отъездом Ковалевского, перевели 15 братьев русского происхождения из французской ложи в учрежденную с их помощью русскую ложу, доказывает, что в это время почва была готова, или почти готова, для того чтобы русское масонство могло начать свою деятельность.

Из 15 братьев, посвященных в Париже, большинство принадлежало к Великому Востоку. Но Сеншоль и Буле имели полномочия вводить кандидатов в оба Устава. Имена девяти человек были мною названы выше, шесть имен остались неизвестными.

Параллельно в эти же годы (1905-1906) в России оживилась деятельность «мартинистов», с помощью двух шарлатанов, Папюса и Филиппа (предшественников Распутина при русском дворе). Вскоре гр. Мусин-Пушкин стал у них Великим Мастером. Говорили, что в молодости Николай II был мартинистом, по примеру своих английских, германских и датских родственников. Николай II вышел, однако, очень скоро из тайного общества. Но его дяди, вел. кн. Николай и Петр Николаевичи (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также вел. кн. Георгий Михайлович остались мартинистами высоких степеней и время от времени, в специальном храме в Царском Селе, собирались для ритуала. Это продолжалось до 1916 г., когда мартинистам пришлось прекратить свое существование. Великих князей, конечно, не тронули, а царь, как пишет Л.Д. Кандауров, «окончательно обратился наконец к Серафиму Саровскому». К этому времени относится письмо царя, в котором он рассказывает царице, как нынче утром, 8 августа 1916 г., он с особой нежностью вспоминал ее, потому что ровно год тому назад в это время он тоже причащался, и когда стоял против большой иконы, услышал внутренний голос, внезапно сказавший ему, чтобы он немедленно написал «Николаше» о своем бесповоротном решении прогнать его и сесть самому на место Верховного Главнокомандующего. Что он немедленно и сделал⁵.

Близко к мартинистам стояли филалеты. Их русская ложа в 1890 г. была основана в Париже (в доме № 70 по улице Эдгар Кинэ). Она вела свое происхождение от оккультного общества 18 века. Известно, что эта ложа имела дело, главным образом, с потусторонним миром. В 1898 г. она распространилась и на Швейцарию, и немного позже имела успех в России, где вел. кн. Александр Михайлович, брат Георгия и впоследствии автор воспоминаний, был заядлым спиритом. Ему было явление духа сирийского провидца Алкахеста, предсказавшего великому князю революцию и то, что он сядет на престол вместо Николая. Александр Михайлович был в это время управляющим Торгового мореплавания и был известен тем, что все никак не мог навести в этом учреждении порядок. Одновременно он стоял во главе Морского музея в Петербурге. В ложу филалетов принимали всех, кто хотел, никаких анкет и рекомендаций не требовалось. К 1916 г. в ложе оказалось около тысячи человек. Никого не исключали и никого никакими взносами не облагали.

Близко к мартинистам стояла и ложа «Люцифер», возникшая около 1910 г. и просуществовавшая очень недолго. В нее, по документам, не внушающим полного доверия, входили некоторые поэты-символисты: Вяч. Иванов, Брюсов, Белый и друг Белого А. Петровский. Перед самой войной ее решили «усыпить» (т.е. закрыть), хотя, как пишет Кандауров, «характер их работ был возвышенный». Была ли эта ложа та самая, в которую

⁵ Он добавляет, что делает это «даже независимо от нашего Друга», т.е. Распутина, а кстати просит царицу поблагодарить старца за присланные царю в Ставку цветы. Подарки Распутина рассматривались обоими, как знаки благоволения к ним старца; до этого им был прислан царю гребешок, и царица напоминает ему в письме от 23 августа 1915 г., чтобы он не забывал этим гребешком чесать свои волосы перед важными решениями, т.к. «это помогает». В то лето другой старец, Варнава, также занимал ее воображение: она узнала от него, что в день чудотворца Тихона в небе над селом Барабинским появился, на 15 минут, крест. По случаю этого знамения она через Варнаву послала ген. Алексееву картинку с изображенным на ней св. Иоанном-Воином. (Письмо царицы от 20 июня 1915 г.). Знамения были в большом ходу уже в 1903 г., когда царю во время одного молебна «Господь положил на душу уволить Витте», а перед назначением в министры Н.А. Маклакова, эта мысль была внушена ему во время молитвы у раки св. Феодосия Черниговского. (V.I. Gurko. Features and Figures of the Past. Цитирует К.А. Кривошеин).

Терещенко – тогда владелиц «Сирина», позже – министр Временного правительства, – ввел, или только собирался ввести, Блока?⁶.

М.М. Ковалевский начал работать над расширением масонских лож. В 1907 г. им была открыта «Северная Звезда» во дворце графа Орлова-Давыдова, в Петербурге. Орлов-Давыдов был, разумеется, одним из тех, кого посвятили в масонство Сеншоль и Буле еще в Париже. Он был член Гос. Думы и позже – прогрессист. Организованная вскоре «Военная ложа» до самого Февраля собиралась у него во дворце, в Петербурге. Материальный вопрос в первый период русского масонства никогда не стоял остро: Орлов-Давыдов, Бебутов и другие отдавали братьям под храмы свои особняки и квартиры, – их было у каждого по несколько. Орлов-Давыдов был знаменит на всю Россию: «Толстый, с вытаращенными глазами, розовым лицом и огромными плоскими ступнями, – пишет о нем Клод Анэ, корреспондент «Пти Паризьен», – он одно время считался другом и Керенского, и вел. кн. Николая Михайловича». Прославился он благодаря шумному судебному процессу: его любовница, исполнительница модных романсов и даже сочинительница их, – наибольшей популярностью пользовался ее романс «Лебединая песнь» – вчинила ему иск о признании им ее незаконно прижитого с ним ребенка. Кандауров в своей «Записке», о которой я буду позже подробно писать, говорит, что свидетелями по этому делу в суде были приглашены многие члены «организации» (так Кандауров в целях конспирации называет тайное общество и, в частности, – ложу «Астрея»). Керенский, сначала выступавший свидетелем на суде, позже был шафером на свадьбе: Мария Пуаре выиграла дело, и граф женился на ней.

В 1907 г. Орлов-Давыдов стал Великим Мастером «Северной Звезды», а в 1908 г. была открыта ложа «Возрождение», с Великим Мастером Н.Н. Баженовым. Название «Северная Звезда» требует небольшого комментария:

Сначала, видимо, по аналогии с французской ложей «Etoile Polaire», было выбрано традиционное название «Полярная Звезда». Из историков этим названием пользуется только С.П. Мельгунов, когда, кое-что зная о масонстве (впрочем, гораздо больше, чем все другие), он упоминает о ней в своей переписке с масонами. Можно предположить, хотя и с большой осторожностью, что французское название не могло быть переведено с необходимой точностью по одной странной и неожиданной причине: «Полярной Звездой» называлась одна из пяти или шести царских яхт, на которой Николай II отправился в 1894 г. в Германию на обручение с будущей своей женой, Алисой Гессенской. Ассоциация с этой «Полярной Звездой» могла показаться русским братьям нежелательной, и они перевели французское название, как «Северная Звезда». Под этим же именем ложа была восстановлена в эмиграции, в 1922 году⁷. 1908 г. прошел в приездах Сеншоля и Буле (Кандауров называет их «весьма усердными») и в посвящении новых братьев в Досточтимые Мастера. Затем французские помощники были торжественно введены в новооткрытые русские ложи. В Нижнем Новгороде (Д.М. Бурьгин), в Риге, в Саратове также открылись ложи и появились братья. Некоторые вначале не всегда знали, куда попали, и называли себя розенкрейцерами. В том же 1908 г. русский «Космос», близнец парижского, был открыт в Петербурге. Туда вошли сам Ковалевский, де Роберти, проф. Евг. Аничков, Гамбаров и др. «Космос» принадлежал к Уставу Великого Востока. Сеншоль и Буле приехали во второй раз в том же

⁶ Нет сомнения, что блоковский замысел пьесы «Роза и Крест» (1912 г.) связан с этим моментом его жизни. Так же можно предположить, что весь символизм Обезьяньей Великой и Вольной Палаты Ремизова, ее ритуал и ее регалии, были пародией на масонство, только вместо глаза, вписанного в масонский треугольник, в «Обезвельвопале» из треугольника смотрела какая-то рожица, нарисованная Ремизовым, как карикатура на самого себя.

⁷ Необходимо помнить также, что когда название русской ложи «Северная Звезда» переводилось с французского обратно на русский, то французское ее название, Etoile Polaire, неизменно переводилось невнимательными переводчиками на русский, как Полярная Звезда. Они, видимо, не были осведомлены об этих тонкостях – таких случаев между 1906 и 1970 гг. было немало.

году, учреждать сразу три ложи: в Петербурге, Москве и Варшаве. Маклаков, Немирович-Данченко и Амфитеатров принимали гостей; заодно в июле «узаконили» и «Северную Звезду». В Нижнем теперь уже было две ложи, одна из них называлась – «Железное Кольцо», с Досточтимым Мастером Кильвейном⁸. В этом же году были открыты русские ложи Шотландского Устава – Великой Ложи Франции.

В своем докладе в 1925 г. в Париже Маргулиес, касаясь этого периода, между прочим упоминает петербургскую «Военную ложу», в которую краткое время входили А.И. Гучков, ген. Вас. Гурко⁹, Половцев и еще человек десять – высоких чинов русских военных¹⁰.

1909 г. был годом процветания ложи «Возрождение», «Военной ложи» и «Феникса». В это же время департамент полиции стал сильнее нажимать на мартинистов. Некоторые спиритические ложи закрылись сами, «от скуки или от страха», как пишет Кандауров.

В 1910 г. была основана «Малая Медведица». В нее не принимались ни октябристы, ни военные. Исключение было сделано только для полковника (позже – генерал-майора) Теплова. Туда вошли Колюбакин, Гальперн, Ефремов, и в ложе произошел раскол на «правых» и «левых»¹¹. Вскоре «Малую Медведицу» приструнили.

В 1912 г., после некоторых неприятностей с полицией в связи с болтливостью кн. Бебутова, частично возобновилась деятельность нескольких лож. Кандауров пишет об этом так: «Устранили тех дорогих братьев, болтливость которых была установлена». «Малая Медведица» вновь собирается на частной квартире: Керенский, Волков, Демидов, Кроль, Барт и др. Они напечатали свой Устав, под названием «Итальянские угольщики» (т.е. карбонарии), чтобы его закамуфлировать. В том же году был в строгой тайне создан «Верховный Совет Народов России», который контролировался масонским Конвентом. Уже через год в этом Совете в качестве «Секретарей» – должность в масонской ложе – оказались Керенский, Терещенко и Некрасов¹².

О Керенском имеется секретное донесение департамента полиции от апреля 1916 г., сделанное на 60-ти страницах очень тщательно, но там нет ни слова о его масонстве. Позже мы увидим, что думал Кандауров о суммах, которые тратились на слежку за тайным обществом, а также о стараниях царской охранки в борьбе с масонством.

Вот краткий образчик из этого донесения:

«Кандидатура А.Ф. Керенского в 4-ю Государственную Думу была подготовлена Центральным Комитетом Трудовой Группы. В это время партия социалистов-революционеров, как таковая, бойкотировала выборы, и фракции социалистов-революционеров в Думе быть не могло, но вместе с тем партия не запрещала отдельным своим членам на их собственный риск пытаться проходить в Думу. Поэтому Центральный Комитет Трудовой Группы, следуя традициям

⁸ Горький в 1925 г. говорил, что впервые узнал о масонстве «во времена Кильвейна», в Нижнем, он всегда интересовался им, и поощрял в Ек. Павл., своей первой жене, интерес к масонству. Его ближайшие друзья, в том числе расстрелянный в 1921 г. Тихвинский, были масонами. Как будет видно дальше, на его квартире происходили собрания ложи в Петербурге. (Прошу читателя заметить, что когда я пишу: «Горький говорил», – это не значит, что он говорил мне. Это значит, что он говорил в моем присутствии).

⁹ Гурко и Алексеев, как теперь известно, с 1916 г. не пополняли свежими силами Петроградский гарнизон.

¹⁰ О «Военной ложе» см. М.С. Маргулиес. «Масонство в России за 25 лет».

¹¹ Вступление Колюбакина, Гальперна и Ефремова в «Малую Медведицу» вызвало раскол, т.к. принятые братья были гораздо левее основателей.

¹² Съезды Верховного Совета Народов России проводились в 1912, 1914 и 1916 гг. Некрасов был и оставался Секретарем, Керенский и Гальперн из Секретарей поднялись до членов. Некрасов стал членом, когда умер Колюбакин.

Группы, всегда ставившей своею задачею объединение всех народнических течений и поддерживавшей очень близкие отношения с партией социалистов-революционеров, решил наряду с трудовиками проводить в Думу и социалистов-революционеров при условии, что они, как это было и в 1-й Думе, войдут во фракцию трудовиков. Такое предложение было сделано Центральным Комитетом Трудовой Группы А.Ф. Керенскому и им было принято».

В 1915-1916 гг. открылось несколько новых лож, в том числе и «Думская ложа». В ней очень скоро оказалось около 40 человек. Она сразу же начала проявлять большую активность и, по словам Кандаурова, пошли такие раздоры, что десять братьев пришлось временно «усыпить» (т.е. исключить). В это же время «Верховный Совет Народов России» поручил всем Досточтимым Мастерам русских лож на территории Российской Империи составить список будущего правительства, когда произойдут наконец желанные всем перемены.

На это было отвечено Досточтимыми Мастерами, что эти списки уже давно составлены.

* * *

Итак – кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союза, адвокаты, военные, земцы, «общественники» созывали друг друга: их день настал. Бывшие царские министры, сидевшие на своих высоких местах год или два, а то и меньше, царской волей вышвырнутые со своих мест и замененные шутами, крестинами и безумцами, члены Государственного Совета (по выборам), умевшие молчать, великие князья, не могущие решить – остаться здесь, в своих дворцах, или наконец «сказать царю всю правду» и вырваться на Лазурный берег на веки вечные, и сам Родзянко, боявшийся революции и ее огня, с глазами на мокром месте, – все ждали чего-то, когда Ледницкий, лидер «Польского Коло», восклицал с думской трибуны, цитируя «Дзядов» Мицкевича: «Цо то бенде! Цо то бенде!»

В основном, списки тех, кто вот-вот должен был встать у кормила власти, были известны всем посвященным и полупосвященным, они ходили по рукам. Посвященных были сотни, настоящего числа их никто не знал, и вокруг них были полупосвященные, те, которые не давали таинственной клятвы, но молча поддерживали первых – старые товарищи по студенческим временам, родственники и свойственники, полные общих семейных преданий, соседи по родовым именьям, однокашники по корпусу, по училищу правоведения, по лицу. Сочувствовавшие и молчавшие, и стоявшие где-то совсем близко, чтобы в нужную минуту ответить на переключке.

Этот «второй слой» был очень значителен. Он особенно разросся во времена «прогрессивного блока», объединившего и товарищей по партии, и политических деятелей из соседствующих партий: в одном тесном кругу оказались октябристы – «левые», конечно, и «умеренно левые», и «социалисты» правого толка. Они объединились вокруг несомненно демократической, хотя и недалеко идущей программы «трудоуиков» (или «народных социалистов»): земельная реформа, земские школы, отмена цензуры, не взрывать Зимний дворец, но предложить царю уехать в Англию... Свобода, равенство, братство. И, может быть, – Республика, потому что нет кандидата на трон!

Возможно, что кто-нибудь из этого «второго слоя», в эти последние месяцы перед Февралем, был уже кандидатом в ложи, об этом в архивах следов нет. Однако прежде чем перейти к Подмастерьям и Мастерам, необходимо сказать несколько слов об этих людях, не посвященных в тайны, но знавших о тайнах, молчавших о них, создававших некую невидимую, но ощутимую защиту доверия и дружбы. Некий сочувствующий «арьергард».

Эти люди были «правее центра», какая-то сила удерживала их от вхождения в тайное общество. Что это была за сила? Происхождение? Высокие связи? Врожденный страх потерять опору своего класса, опору привилегий? Все это не мешало, однако, ни Олсуфьеву, ни Оболенскому, ни Шаховскому, ни Долгоруковым, не говоря уже о членах царской семьи,

присягать св. Тибальду. Но для истории психология этих людей не столь важна, важны их имена и места, на которых многих из них застал долгожданный и все-таки неожиданный Февраль.

Гейден, П.А., граф (1840-1907). Предводитель дворянства Опочецкого уезда. Председатель Вольно-Экономического Общества (закрытого царем). Вместе с Шиповым и Гучковым он был основателем партии октябристов. До 20 июля 1906 г. вел вместе с другими переговоры со Столыпиным о вступлении их группы в кабинет министров. Этими свиданиями с Г. были испорчены отношения Столыпина с царем. Недовольство царя Столыпиным привело впоследствии к тому, что царь простил Курлову убийство Столыпина, не имевшего в то время себе равных среди приближенных к трону людей.

Дмитрюков, И.И. (1872 –19?). Член Гос. Думы, октябрист, земец. В министерстве земледелия служил при Кривошеине; в 1909-1912 гг. – директор департамента, в 1912-1914 – тов. министра. Как Гейден и многие другие, хотел «просвещенной монархии и правового государства».

Игнатъев, П.Н., граф (1870-1926). Царский министр народного просвещения (январь 1915 –декабрь 1916). В тесных дружеских отношениях с членами к.-д. партии и «прогрессистами».

Кривошеин, А.В. (1857-1920). Министр земледелия. «Инициатор прогрессивного блока» (Гурко).

Крупенский, П.Н. (1863-192?). Член II, III и IV Думы. Председатель «центра» IV Думы. «В 1915 г. в ресторане Кюба, за ужином, давал советы Ковалевскому, Стаховичу и Меллер-Закомельскому (все трое – члены Гос. Совета)... Умеренный октябрист, активно работал в прогрессивном блоке с представителями из Думы и ее академической группы» (Гурко).

Покровский, Н.Н. Царский министр иностранных дел после отставки Сазонова (был заменен Штюрмером¹³. Тов. председателя Центрального Военно-промышленного комитета. Играл связующую роль между «прогрессивным блоком» и правительством. Друг народовольца Германа Лопатина.

Саблин, Е.В. Советник русского посольства в Лондоне до 1918 г., затем – полномочный представитель России в Англии. После признания Англией сов. правительства – эмигрант. Личный друг Маргулиеса. (Не путать с кап. Саблиным Н.П., адъютантом царя, членом гвардейского экипажа, любимцем царицы и Распутина, сопровождавшим императорскую яхту «Штандарт» в 1912-1915 гг. в летних поездках).

Савич, Н.В. Октябрист, член Гос. Думы, земец. Участвовал в съездах Военно-промышленных комитетов. Присутствовал на совещании с вел. кн. Михаилом Александровичем 27 февраля 1917 г. вместе с Родзянко, Некрасовым, Дмитриюковым и др.

Шабловский, И.С. Председатель Особой комиссии по расследованию дела ген. Корнилова. 4 октября 1917 г. дал о деле Корнилова интервью в «Русских ведомостях», присутствовал при допросе ген. Крымова Керенским.

Шипов, Д.Н. Земец, член Гос. Совета (по выборам). Председатель «Союза 17 октября», но вышел из партии октябристов в августе 1906 г. На его квартире в Петербурге 29 –30 октября 1905 г. обсуждалось положение о выборах в Гос. Думу. Присутствовало 14 человек, из них – 7 масонов, 2 сомнительных и 5 – неизвестно. Пять приглашенных не пришли, из них – 3 масона, 1 сомнительный и 1 – неизвестно. Автор книги «Воспоминания и думы». На «ты» с Муромцевым (председатель I Гос. Думы), близкий друг кн. Г. Евг. Львова. Был близок с

¹³ Б. Штюрмер – царский министр иностранных дел, ставленник Распутина в последнем составе царского правительства. Горемыкин был председателем Совета министров, а Протопопов – министром внутренних дел. Оба также были рекомендованы Распутиным. Вступив в должность, Штюрмер немедленно попросил царя изменить его фамилию на Панина. Царь колебался. (Переписка царя и царицы).

Головиным, Кокошкиным, одно время – с Гучковым, М. Стаховичем и Петрункевичем.

Щербатов, Н., князь. Царский министр иностранных дел (до этого управлял государственным коннозаводством). Царица жаловалась царю (22 июня 1915 г.): «Щербатов дает печати слишком большую свободу» и (29 августа): «Мне хочется отколотить Щербатова». Во время войны уничтожил черту оседлости для евреев-беженцев. На частных собраниях с Поливановым и Кривошеиным обсуждал меры борьбы с председателем Совета министров Горемыкиным.

Таков далеко не полный список «арьергарда» русского масонства в последние годы царского режима. Места и группы, где эти «друзья» всегда могли найти единомышленников, были следующие:

Французское посольство в Петербурге (Французская наб. дом 10),
Государственная Дума,
Государственный Совет,
Прогрессивный блок,
Союз Освобождения (сущ. до 1905 г.),
Партии кадетов, октябристов, трудовиков (нар. социалисты),
Рабочая группа при Военно-промышленном Комитете,
Военно-промышленный комитет,
Генералитет (после 1915 г. и смещения вел. кн. Николая Николаевича),
Московская городская Дума,
Торгово-промышленный союз,
Либеральное Тверское земство,
Адвокатура,
Профессура Московского и Петербургского университетов.

С таким защищенным тылом, чего было опасаться чиновным и нечиновным «общественникам», «братьям» и тайным заговорщикам? Они были твердо убеждены, что перемены нужны и придут. Они также знали, что кто-то, но не они сами, их непременно совершит и мирно обновит эту огромную и сложную страну. Быть может, придет время и новые архивные материалы покажут, что часть из мною названных лиц состояла в масонских ложах и принимала масонскую присягу? Это возможно и даже – вероятно.

Но почему же все-таки «кто-то», а не они сами? Да потому что они к этому не готовились, или их не готовили, они понятия не имеют, как «это» делали Кромвели, Мирабо и Гарибальди. Они отяжелели, учиться им поздно, они только совсем недавно начали думать о том, что, собственно, происходит. 1905 год оказался неожиданностью, как и до этого позор на Дальнем Востоке. Они любят традиции, их учили их любить. Тронешь одно – все посыпется... В этом они оказались правы.

* * *

1917 год оказался для русских масонов апогеем их деятельности, но общество оставалось сугубо тайным, может быть, еще даже более засекреченным, чем до революции: в первый состав Временного правительства¹⁴ (март-апрель) входили десять «братьев» и один «профан», который многое понимал и о многом догадывался, но был занят самим собой,

¹⁴ Первый состав Временного правительства: кн. Львов, Гучков, Керенский, Терещенко, Некрасов, Шингарев, Коновалов, Мануйлов, Годнев, В. Львов и Милоков. Кроме Милокова, всех остальных можно найти в Биографическом словаре. «Состав наметился как-то сам собой». (Шидловский. Воспоминания, т. 2, с. 61).

своей политической биографией и той «политической фигурой», которую он «проецировал» в умах союзников. Это был, конечно, Павел Николаевич Милюков. Причина, по которой он никогда не был масоном, довольно оригинальна, и вместе с тем логически вытекает из его житейской установки: он до того безмерно ненавидел всякий символизм, всякое «смутное значение» вещей, все полумистические, полумифологические ритуалы и намеки, таинственные жесты, обряды и псевдорелигии рыцарей, и все вообще средневековые в целом, что стать масоном он никогда бы не мог, и даже думать о нем ему было в высшей степени противно. О том, что он позже узнал, наконец, с кем имел дело, свидетельствует следующий отрывок из его «Воспоминаний», которые, кстати, редактировал после его смерти его душеприказчик и друг Б.И. Элькин, который одновременно был адвокатом в Лондоне в тяжбе Нины Васильевны Милюковой (второй жены П.Н.) с его сыном от первого брака:

«Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым – и двумя неназванными министрами, Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не только радикальные политические взгляды. Помимо этого, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического характера, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. В политике оба последние министра – новички, и их появление в этой среде вызывает особые объяснения. Киевлянин Терещенко известен Набокову, как меломан в петербургских кругах; другой «министр-капиталист», почти профессиональный пианист, ученик Зауэра, – на линии московского мецената. Терещенко берет, по ассоциации с своими капиталами, портфель министерства финансов; потом, столь же неожиданно, он становится дипломатом, без всякой предварительной подготовки. Природный ум и хорошее воспитание его выручают. Мой антагонист и преемник, он потихоньку ведет мою же политику, успешно надувая Совет рабочих депутатов, но к концу постепенно освобождается от своего левого гипноза и даже разрывает с Керенским. Фабрики фирмы Коноваловых славятся блестящей постановкой рабочего вопроса, и АИ. Коновалов с большим основанием занимает пост министра торговли и промышленности. Но он еще скорее рвет с марксистским социализмом, переходит к нам, к.-д. в момент крайней опасности для Керенского вдруг оказывается (в третьей коалиции) на посту его заместителя, отнюдь не имея для этого поста ни личных, ни политических данных. Дружба идет за пределы общей политики. Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группу четырех. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства».

(Милюков. Воспоминания, т. 2., с. 332-333).

Если из одиннадцати министров Временного правительства первого состава десять оказались масонами, братьями русских лож, то в последнем составе, «третьей коалиции» (так называемой Директории), в сентябре-октябре, когда ушел военный министр Верховский, масонами были все, кроме Карташева¹⁵ – те, которые выжили ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце и которых арестовали и посадили в крепость, и те, которые были «в бегах».

Известен факт, что накануне Февраля на территории Российской империи было 28 масонских лож обоих Уставов. Это число, в свете архивных данных, мне кажется преуменьшенным. Удивительно, что царское правительство было не слишком озабочено

¹⁵ Состав последней коалиции (сентябрь – 25 октября): Керенский, Коновалов, Терещенко, Верховский, Вердеревский, Прокопович, Никитин, Малянтович, Салазкин, Гвоздев, Ливеровский, Смирнов, Кишкин, Бернацкий, Третьяков, Маслов, Карташев.

таким положением вещей: в бумагах преданного масонству брата, Л.Д. Кандаурова, иногда настроенного иронически и критически к тайному обществу, находится один любопытный документ. Кандауров в нем признается, что сразу же после Февральской революции он ознакомился с содержимым архива царской полиции, относящегося к 1915-1916 гг., в помещении русского посольства в Париже (к этому архиву, он, будучи первым секретарем посольства, до того доступа не имел). Агенты охранки, Ратаев и Алексеев, как обнаружил Кандауров, в эти годы потребовали от Департамента полиции в Петербурге 200 тысяч рублей для обнаружения русских масонских лож за границей, в частности – во Франции. Как пишет Кандауров, им было переведено 150 тысяч золотых рублей, которые они оба, видимо, и поделили. В Петербурге на это не обратили никакого внимания.

Приходят на ум два возможных ответа на такую загадку: первая, что все тысячи рублей, которые тратились Департаментом министерства внутренних дел, попросту были прикарманены обоими агентами, которые были воры, и – вторая – оба агента никакой слежки не предприняли потому, что сами были масонами¹⁶.

Н.В. Савич, один из упомянутых мною участников все знавшего и молчавшего «арьергарда», со слов Климовича (директора департамента полиции), позже писал:

«Царское правительство считало, что существуют два революционных центра: первый – Земгор (Земско-городской Союз)¹⁷ вместе с Военно-промышленным комитетом, объединенные с Бубликовым, Рябушинским, Челноковым, и другими революционерами (!) и второй – социалисты, среди них думцы – Керенский и Чхеидзе».

Донесение о Керенском, процитированное выше, отчасти подтверждает эти слова: вот, оказывается, кого боялась царская полиция!

* * *

В книге Сержа Ютена о французском масонстве, вышедшей в 1960 г., раскрыта картина французского масонского Конгресса во время Первой войны, на который Россия либо не послала делегатов, либо, что вернее, не была приглашена. Там обсуждалось будущее, связанное с концом войны, победой Франции и переустройством мира: были подняты вопросы об Эльзасе и Лотарингии, Истрии, Триесте, Восточной Адриатике, Шлезвиг-

¹⁶ Борис Алексеев служил в царской охранке и, вместе с другим агентом, Ратаевым, подозревался Кандауровым в крупной растрате. А., будучи на службе в Париже, написал пять донесений в Петербург, где сообщал департаменту полиции о результатах своего расследования. Сведения, которые он получал от французской Антимасонской Ассоциации, и которым, видимо, в Петербурге верили, были им посланы в 1910-1911 гг. В своей четвертой докладной записке он пишет, что французские масоны в своем журнале *Revue Masonnique* пишут о русских с чрезвычайной симпатией уже с 1896 г., и надеются, что «масонство найдет наконец в России гостеприимную страну», а также сообщает, что с 1905 г. во французское масонство были приняты семь русских, и называет их фамилии. Он также дает 18 (!) армянских фамилий (среди которых – Р.И. Берберов).

¹⁷ Земгор (Земско-городской комитет или Комитет земств и городов) открылся в 1914 г. Он состоял преимущественно из членов земств и членов Военно-промышленных комитетов. Он вырос из Земских съездов 1904-1905 гг. В него входили кн. Львов, Гейден, Муромцев, Д. Шипов, бр. Гучковы, Н.Н. Щепкин, Н.И. Астров, Ф. Головин. Собирались у Баженова, М.А. Морозова и Долгорукова.

Кн. Евг. Львов сблизился с А. И. Гучковым в январе 1916 г. До этого они были только знакомы. В это время у них возник общий план: сослать царицу в Крым. Эта мысль возникла вокруг них на собраниях у Кишкина, Федорова и Хатисова еще в декабре 1915 г.

На собрание Земгора в апреле 1916 г. были приглашены французские министры Вивиани и Тома (это был первый приезд Тома в Россию). Тогда же члены прогрессивного блока Гос. Думы и Гос. Совета устроили обоим обед в ресторане Контан (БИБ: Наумов).

Гольштейне, Польше, Армении и колониальных землях Германии. Совершенно ясно, что никакой роли в переустройстве мира союзники при этом России не предназначали.

Тем не менее, уже 10 августа 1914 г. они начали требовать русского наступления – и в наступление пошли. «Желание помочь союзникам превозмогло все прочие (!) соображения». 23 августа/ 5 сентября с Англией было подписано соглашение о незаключении сепаратного мира, с Францией оно уже существовало. Осенью 1915 г. Поль Думер, будущий президент Франции (1930-1931), приезжал в царскую ставку и настаивал, чтобы Россия посылала 40 тысяч человек в месяц на западный фронт. «Помогите нам людьми», – говорил позже Шингареву министр Рибо, а после него, – уже летом 1917 г. – другие, с требованиями наступать в Карпатах, под Ригой и в Румынии.

Французский посол в Петрограде, Морис Палеолог, выехал во Францию весной 1917 года. Новый посол, Жозеф Нуланс, приехал только в конце лета. Альбер Тома, министр вооружений (1915-1917), социалист, заменял посла два месяца. С ним был советник французского посольства, которого вел. кн. Николай Михайлович называл *un vieux pede* (старый педераст), граф де Шамбрэн. Палеолог в марте – мае 1917 г. хотел, чтобы Николай Михайлович был назначен делегатом от России на будущей мирной конференции, и Николай Михайлович серьезно начал готовиться к этой роли. Все это время, до своего отъезда, Палеолог телеграфировал своему правительству в Париж одно, а Тома – другое. (Архивы французск. мин. ин. дел).

Между Керенским и Альбером Тома в 1917 г. был «агент связи», Эжен Пети (женатый на С.Г. Балаховской). Он был послан в Россию еще в 1916 г., во время первого пребывания в Петрограде Тома.¹⁸ Оба они, и Пети, и Тома, вместе с ген. Нисселем, имели одну задачу: держать Россию на стороне союзников. Позже посол Советов в Берлине, Н. Крестинский, недоумевал, почему бельгийский социалист Вандервельде, лидер партии, приезжал в Петербург летом 1914 г. и виделся не столько с русскими меньшевиками (и некоторыми большевиками), сколько с М.А. Стаховичем и М.М. Ковалевским (членами французской ложи). Вернувшись в Бельгию, Вандервельде призывал русских социалистов поддержать войну. Русские масоны на это легко пошли. «Вернувшись в Брюссель, – писал Крестинский, – Вандервельде дал телеграмму левой оппозиции в России, приглашая присоединиться к решению французских и бельгийских социалистов и выступить против германского империализма. Большевицкая фракция отказалась – в единодушии с тезисами Ленина». («Пролетарская революция», 1924, № 7 (30).

После Вандервельде приезжал Пуанкаре, а затем Тома и Вивиани (1916 г.), и снова Тома – уже в 1917 г.

Для понимания роли, которую играли союзные (французские, итальянские) социалисты и британские лейбористы в вопросе войны, необходимо помнить, что еще весной 1917 г. начались разговоры о созыве Конференции, которая объединила бы социалистов европейских воюющих держав, – включая Германию и Австро-Венгрию. Цель Конференции была – пересмотреть цели войны и ускорить общий мир. Сначала как будто этот план имел успех, если не считать крайне левые фракции европейских социалистических партий, но постепенно, при энергичном протесте союзных правительств, он был отброшен. В июне и июле велась подготовка Конференции, которая должна была иметь место в Стокгольме; в августе стало ясно, что она может не состояться, а в сентябре дело окончательно расстроилось. Ленин и крайнее крыло Петроградского Совета стали называть европейских и

¹⁸ Евгений Юльевич Пети (1871-1938), говоривший хорошо по-русски, был впоследствии в высоких чинах в Елисейском Дворце, при президенте Александре Милльеране (1920-1924), который был смещен левой группой французских парламентариев до своего срока. К власти пришла партия радикал-социалистов, на 90 процентов состоявшая из масонов. Пети был женат на киевлянке, С.Г. Балаховской (1870-1966), брат которой был мужем сестры философа Льва Шестова. Софья Григорьевна в молодости училась в Париже и стала одной из первых женщин-адвокатов парижского «барро». Е.Ю. покончил с собой после «Мюнхена» в момент тяжелой депрессии.

русских социалистов-оборонцев «социал-предателями», игравшими на руку международным империалистам. История этой несостоявшейся затеи подробно описана в работе Мейнелль (Н. Meynell). Идея Конференции принадлежала Шейдеману и Парвусу (т.е. Второму Интернационалу). Немцы действовали через нейтральных (скандинавских и голландских) социалистов. Первыми заколебались французы, к концу лета англичане присоединились к ним, и русские, в Совете Рабочих и Солдатских депутатов, раскололись на две части окончательно. К 1-му сентября все споры кончились, а в январе 1918 г. организационная комиссия распалась. В это время у Ленина появилась возможность создать Третий Интернационал, без оборонцев: он понял, что оторвать правых социалистов от буржуазных партий он не сможет, и стал надеяться на революцию в Германии и Австрии.

Можно было бы написать книгу о «тирании Парижа над Петроградом», если бы она уже не была написана. Но написана она была о первой тирании, т.е. о той, которая оказалась виднее американскому историку, Джону Кипу (J. Кеер), чем нам самим. Эта первая тирания продолжалась около ста лет, и делала русскую интеллигенцию устарелой в 20 веке, позволяя устарелым идеям 1789 года бесконтрольно владеть лучшими умами России. Кип считает, что параллель судеб Франции и России и приверженность русских «политиков», от декабристов до членов «прогрессивного блока», идеям французской революции, была и неоправданна, и вредна. В 20 веке в этих идеях не оставалось ничего «прогрессивного», и они заморозили русское сознание. Это не значит, конечно, что не может быть написана новая книга – о второй тирании, которая имела, может быть, еще более трагические последствия, чем первая.

К этой второй тирании может служить иллюстрацией такая сцена: полк. Н.Н. Пораделов, с мая-месяца телохранитель Керенского и начальник его охраны, вошел в кабинет Керенского без стука, услышав за стеной громкие голоса (он имел на это полное право). Министр-социалист и масон Великого Востока (30°) Альбер Тома, в Зимнем дворце, в кабинете Керенского стоял перед Главковерхом на коленях, а Марсель Кашен, тогда еще не лидер французской компартии, а только радикал-социалист (и масон), прятал лицо в платок, глуша рыдания. (Личное интервью Н.Б. с Пораделовым в Лонгшене, под Парижем, весной 1941 г.).

Но подписанное с французами и англичанами в 1914 г. соглашение о незаключении сепаратного мира с Германией и масонская клятва русских Великого Востока ни при каких обстоятельствах не бросать союзников, кое-кому из участников Февральской революции постепенно все больше казались гибельными. Эти люди, очень медленно, чувствуя себя если не виноватыми, то глубоко смущенными («через неделю Париж будет взят немцами, если вы подпишете сепаратный мир», – говорил Тома Керенскому), в сентябре 1917 года встали на точку зрения Верховского о необходимости немедленного мира. В.Д. Набокову, который никогда масоном не был, это сделать было легче, чем другим, в том числе – Б.Э. Нольде, который был масоном, и перед которым стояла проблема клятвы братьям-союзникам. Мечта войти в Берлин с востока, одновременно с войсками ген. Фоша, начала испаряться уже с июля – у него и у некоторых других. И после летних неудач в Галиции, куда Керенский срочно выехал в сопровождении Альбера Тома, удрученного не только катастрофой в Галиции, но и делами в Румынии, люди в Петрограде, на верхах министерств и в высшем командовании, стали внезапно исчезать. Они жаловались на болезни, переутомление, говорили о необходимости отдохнуть, переждать некоторые личные трудности, посмотреть, что делается в провинции. И с каждым днем вокруг командующего Петроградским военным округом, молодых военных, так называемых «младотурков», становилось все меньше.

Иным вспоминались непризнанные пророки прежних дней: дипломат барон Розен, в 1914 году говоривший, что Россия никогда не победит Германию, и надо сделать все, чтобы подготовиться к сепаратному миру, или ненавистный многим царский министр П.Н. Дурново (ум. в 1914 г.), сказавший приблизительно то же самое: «Две непримиримо враждебные державы (Франция и Германия) сумели втянуть остальные державы в войну». Говорившие это не были германофилы, это были независимые и серьезные люди, старые люди, видевшие дальше других.

* * *

Одним из имен, наиболее часто повторявшихся перед Февральской революцией и во время нее, было имя князя Георгия Евгеньевича Львова, кадета, земца и Досточтимого Мастера¹⁹. Это был человек «толстовской секты», как тогда говорили, мягкий и кроткий, сторонник непротivления злу. По некоторым, впрочем всегда почтительным, оценкам, он был, что называется, оппортунистом; в формировании первого Временного правительства он был выбран председателем Совета министров и одновременно – министром внутренних дел. Имя его уже несколько лет значилось в секретных списках будущих министров, после устранения царя. Член Гос. Думы, он был в Выборге в 1906 г. со всеми вместе, но «Воззвания» не подписал, сославшись на болезнь. Это не охладило его коллег, кадетов и народных социалистов, они по-прежнему любили и уважали его, а главное, их уже тогда начало беспокоить, что если его вежливо убрать из списков, то заменить его будет некем. Он был бессменный председатель Земгора, о нем написана книга, полная восторга перед его добротой и кротостью. (Т. Полнер. «Жизненный путь князя Львова»). В 1920 г. он поехал в США, чтобы объяснить, что происходит в России. Но популярностью он там не пользовался.

М.А. Алданов писал в 1919 г.:

«Правительство было составлено еще в 1916 г. Оно было составлено на заседаниях у кн. Львова, в номере гостиницы «Франция» в Петербурге, и список будущих министров почти целиком совпадал с первым составом Временного правительства.

(«Сборник в честь 70-летия П.Н. Милюкова», с. 25).

Член к.-д. партии, кн. Львов стремился к тому, чтобы в правительстве все было тихо, и то поддерживал Милюкова против Керенского (в апреле 1917 г.), то Керенского против Милюкова. С Милюковым он был за продолжение войны и против сепаратного мира. Как толстовец, он войну не любил, как масон, он считал неблагородным бросать союзников. Его кадетство никогда не проявлялось ярко, и еще в 1915 г. П.Б. Струве писал А.В. Кривошеину, что «кн. Львов себя кадетом не признает». Милюков однажды сказал, что он «сомнительный кадет». Тем не менее, кн. Львов в 1915 г. регулярно встречался с Маклаковым, С.А. Котляревским, П.Б. Струве у кн. Григория Трубецкого, чтобы тайно обсуждать, что делать.

Революции среди «прогрессистов» не хотел никто. Ее хотели так называемые «социалисты», но не они были на виду в 1915 г., когда процветала Военная ложа. Александр Иванович Гучков всецело был занят ею. Тяжелые потери в августе 1915 г. на фронте, усиливающееся влияние «темных сил» на царя и смещение Николая Николаевича с поста Верховного Главнокомандующего толкнули Гучкова на мысль о дворцовом перевороте. Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его «заговорщицкие планы». Все эти люди, как это ни странно, возлагали большие надежды на регентство (при малолетнем царевиче Алексее) вел. кн. Михаила Александровича, брата царя. Почему он казался им подходящим человеком – неясно. Говорил ли Гучков об этом с самим Мих. Ал. – неизвестно, но возможность такая у него была, и не раз.

Женатый морганатическим браком Михаил Александрович, не имевший по русским законам права на престолонаследие, стал в умах заговорщиков кандидатом на престол. План

¹⁹ Лица, о которых идет речь во второй части этой главы (кн. Г.Е. Львов, А.И. Гучков, ген. М.В. Алексеев, ген. А.М. Крымов, А.А. Бубликов, Д.Н. Вердеревский, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасов, П.Н. Переверзев, Б.Э. Нольде, П.А. Половцев, П.А. Пальчинский, В. Станкевич, ген. В.А. Черемисов, кн. Г.П. Трубецкой, С.Н. Третьяков, кн. П.Д. Долгоруков) – были масонами. См. Биографический словарь.

в общих чертах был несколько поверхностен: Распутина убрать или убить, царицу заточить куда-нибудь подальше, царя заставить отречься – или убить, а на престол посадить его брата.

До начала нового века Гучков был далек от русской политической жизни. Сравнительно молодым человеком из богатой старообрядческой купеческой семьи он во время войны англичан с бурами (1898) бросился воевать на стороне буров и попал к англичанам в плен. Затем он участвовал в македонском восстании за независимость. Вернувшись в Россию, Гучков стал директором правления Московского Купеческого банка. Он был поклонником реформ Столыпина, но к 1915-1916 гг. занял весьма решительную позицию в вопросе о свержении царя. В 1915 г. он стал во главе Российского Красного Креста. Член Гос. Думы, а затем и Гос. Совета, организатор и председатель Военно-промышленного комитета, он всю жизнь тянулся к военным. Царя он знал лично, он докладывал ему в Царском селе, когда был председателем III Думы. Для него замена ничтожеств, сидевших в царском Совете министров и в высшем командовании, выбранными им и его братьями по ложе достойными людьми (Кривошеин, Игнатъев, Поливанов и др.) была первым шагом к спасению России. На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 2 августа 1917 г. («Падение царского режима», т. 6) он говорит довольно откровенно о своем «детище», военном заговоре.

Ген. Михаил Васильевич Алексеев, войдя в Военную ложу с рекомендацией Гучкова и Теплова, привел с собой не только Крымова, но и других крупных военных. В этом свете становится понятно, почему именно генералы Алексеев и Рузский приняли участие вместе с Гучковым (и Шульгиным – не масоном) в процедуре подписания царем акта отречения.

Нольде пишет:

«Алексеев числился в кадетах и в кадетском партийном списке по выборам в Учредительное собрание».

М.К. Лемке пишет, что 9 ноября 1915 г. говорил с ген. Пустовойтенко о том, что «Алексеев будет диктатором», и что «у него есть что-то, связующее его с Крымовым. Зреет конспирация с Коноваловым и Гучковым, и ими обоими». И, внезапно, неожиданное сообщение: «вел. кн. Николай Михайлович относится к Алексееву очень тепло».

Но несмотря на поддержку в ложах и почти ежедневные вечерние собрания – открытые и закрытые – и поездки с фронта в Петроград и Москву, этот первый заговор дальше разговоров не пошел. Гучков уехал на фронт. У его единомышленников возник новый план.

В этом втором заговоре Гучков играл менее значительную роль, он теперь был на фронте. Он быстрее других охладевал после неудач. В это время Алексеев начал вести двойную игру – написал царю верноподданническое письмо, а вместе с тем занял видное место в оппозиции. 16 января 1916 г. он привез кн. Львова и Челнокова в Ставку, в Могилев, и свел их с царем. Вырубов пишет, что «царя волновали отношения (близость) Алексеева и Гучкова». Весьма вероятно, что через английского посла Бьюкенена слухи об обоих заговорах дошли до Ллойд-Джорджа²⁰.

В это же время ген. Ломоносов, полк. Мстиславский-Масловский (позже, весной 1917 г., назначенный комиссаром Северного флота) и Станкевич были ближайшими людьми к ген. Алексееву, состоя с ним в одной и той же ложе.

В январе 1916 г. «ген. Алексеев вел интимные переговоры с кн. Львовым». (Мельгунов. «На путях...», с. 94-97). Когда Алексеев по болезни уехал в Крым, Львов приезжал к нему для переговоров. Связи заговорщиков с ген. Крымовым были известны не одному Лемке.

²⁰ Через четыре месяца после Февральской революции английский премьер-министр через масона К.Д. Набокова приглашал ген. Алексева в Англию. Алексеев пользовался большим уважением у союзников, но в Англию не поехал. «Он не хотел встречаться с французскими масонами, – пишет Верховский. – Он знал их по приездам в Россию».

Известно письмо Гучкова к ген. Алексееву летом 1916г. с критикой правительственных действий, после отставки министра иностранных дел Сазонова. «Это письмо распространялось тайно» (Дякин. «Русская буржуазия...»). Тогда же Алексеева навещал М.В. Родзянко. В это время в Петербурге ходили слухи, что этот последний готовит доклад для съезда Промышленного комитета «об учреждении диктатуры», и ген. Маниковский (масон Военной ложи) уже имеет в руках копию этого доклада.

Ген. Алексеев, как пишет Мельгунов, «был связан с Гучковым, кн. Львовым и Родзянко еще до 1917 г.» («Легенда...»).

Вел. кн. Александр Михайлович в своих воспоминаниях сообщает:

«Ген. Алексеев связал себя с заговорами (вместе с ген. Рузским и Брусиловым), с врагами существующего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (кн. Львов), Красного Креста (Гучков), Военно-промышленного комитета (Коновалов), и др. Все генералы хотели, чтобы Николай II немедленно отрекся от престола. Это были генералы-изменники»

(с. 286).

Царский жандарм, ген. Спиридович пишет в своих воспоминаниях о важных собраниях в Петербурге, в октябре 1916 г., под председательством М.М. Федорова, на частных квартирах, в том числе и у Горького²¹. На одном из собраний было решено вынудить у царя отречение от престола и убить его. Об этом было сообщено тогда же кн. Львову и Челнокову, а также Родзянко, и тогда же был составлен список будущего Временного правительства.

Через 50 лет меньшевик Г.Я. Аронсон писал:

«Решительные люди – их имена теперь известны – это Гучков, Терещенко, ген. Крымов, кн. Д. Вяземский»...

(«Россия в эпоху революции», с. 6).

В 1918 г. Гучков отдалился от масонства окончательно. Бывший министр Сухомлинов называет его в своих «Воспоминаниях» «масоном первого призыва». В том же году вышел из масонства и ген. Алексеев. И тот, и другой были подвергнуты радиации (масонский термин, означающий исключение); братья вычеркивались из списков навсегда или на время, если провинность была небольшая. При окончательной радиации даже имя бывшего «брата» оказывалось под запретом и никогда больше не упоминалось. Братьям давалось право клясться именем Великого Геометра, что такой-то не состоит и никогда не состоял в членах тайного общества.

Одной из трагических жертв дела Корнилова оказался ген. А.М. Крымов: он покончил с собой после неудачи ген. Корнилова.

Вот несколько свидетельств об этом человеке, принадлежавших авторам самых различных политических направлений:

²¹ Эти собрания происходили не менее двух раз в месяц (Гувер, ПА). В Москве масоны собирались в частных домах и квартирах у П.П. Рябушинского, у Кусковой и Прокоповича, у Коновалова (в его загородном доме), у Челнокова, Долгорукова, Гучкова и др., в Петербурге – в отдельных кабинетах в ресторане «Контан» и у Донона, а также у Орлова-Давыдова, у Федорова, у Половцева, у Меллер-Закомельского, Горького и др.

В 1916 г. на собраниях в квартире Горького возникает «морской план» дворцового переворота (Мельгунов, Шульгин и др.), на который якобы согласны А.В. Колчак, Капнист (инициалы неизвестны). Там же появляется подруга Ек.П. Пешковой – Ек.Дм. Кускова. У Бьюкенена в январе 1917 г. на собрании присутствовали также «сын Столыпина» (может быть, брат?) и ген. Рузский. Обсуждался план дворцового переворота и был назначен день: 22 февраля 1917 г.

«Было еще две группы, подготовлявших переворот. Руководителем одной, в которую входили преимущественно офицеры, был ген. Крымов, намечавший, вместе со своим отрядом, план нападения на царский поезд. В случае отказа царя отречься от престола, решено было физически его устранить»
(Семенников. «Политика Романовых», с. 216).

«Этот Крымов участвовал в очень серьезном военно-фронтовом заговоре против Николая II перед революцией»
(Гиппиус. «Синяя книга», с. 192).

«После его самоубийства стало известно, что он в начале 1917 г. обсуждал в тесном кружке будущей переворот. А другой кружок прогрессистов, с участием некоторых земско-городских деятелей, обсуждал роль Гос. Думы после переворота»
(Граеве. «К истории...»).

«После дела Корнилова, Керенский стал кричать на Крымова, что сорвет с него эполеты. Крымов ответил: «Не ты, мальчишка, мне их дал, не ты и сорвешь».
(Мельгунов. «Воспоминания и дневники», с. 226).

«Герещенко был на его похоронах и положил ему перчатку в гроб»
(Интервью с С.П. Мельгуновым. Париж, 1950).

Временный думский комитет²², созданный наспех 28 февраля 1917 г. и распущенный в ночь со 2 на 3 марта, когда было создано Временное правительство, назначил директором всех российских железных дорог инженера А.А. Бубликова, а его помощником – лейтенанта Грекова. Советский историк Черменский («Четвертая Дума...») пишет, что Бубликов страдал «властобязнью» уже с 1915 г. Он боялся созыва Гос. Думы, был счастлив, когда ее распускали: «Зачем созывать Думу? Как они будут управлять? Мы не умеем...» Он сам был членом Думы с 1912 г. Он также считал, что мораль в политике только вредна. Пример этого был для него кн. Львов – непротивленец, слабый, а на посту министра внутренних дел нужен был сильный и даже властный человек. Об умственном уровне Бубликова свидетельствуют его воспоминания «Русская революция», написанные в 1918 году. Там он всех министров Временного правительства называет «нелепыми людьми»:

²² Временный Думский комитет был сформирован на заседании Гос. Думы 27 февраля в Таврическом дворце (на этом Совете Старейшин присутствовали 294 депутата). К полуночи был создан комитет, куда вошли думцы и полк. Энгельгардт, комендант Таврического дворца. Вслед за этим, в ночь со 2-го на 3 марта, было образовано Временное правительство, и Думский комитет был распущен. Этот комитет, просуществовавший 48 часов, состоял из следующих лиц: Родзянко, Милюков, Шульгин, кн. Львов, Чхеидзе, Некрасов, Караулов, Ржевский, Шидловский, Энгельгардт, Шингарев, Керенский, Дмитриуков. Из 13 человек три первых – не масоны, а последний принадлежал к масонскому «арьергарду». Этот комитет был наделен «неограниченными полномочиями».

Терещенко – курьез, «маленький чиновник по балетной части», Годнев и В. Львов «виновники нелепых действий», Гучков – октябрист, «член партии, измышленной правительством», Керенский и Терещенко «почему-то умудрились удержаться на министерских постах» .

(с. 31).

Тем не менее, Бубликову была дана огромная власть, в его руках оказался весь транспорт. Его масонская степень неизвестна, но другой, менее заметный человек – Д.Н. Вердеревский, адмирал и морской министр, в сентябре-октябре 1917 г. был масон 33°, второй «Охранитель Входов», депутат в Конвент (позже, в Париже – Досточтимый Мастер Ареопагов и член Верховного Совета Народов России). Военный Министр Верховский без ложной скромности писал:

«За месяц до Октябрьской революции только два человека понимали, что происходит – Вердеревский и я сам».

(А. Верховский. «На трудном перевале», с. 363).

Адмирал Вердеревский и министр Верховский (1886–1938), несмотря на то, что последний не был масоном, были в близких отношениях и одинаково критически относились к Временному правительству. «Ничего кругом, кроме оппозиционной болтовни в кругах октябристов», – писал Верховский уже весной 1917 г.

К двум заговорам, в которых ведущую роль играли масоны, необходимо прибавить еще один, к которому они тоже были причастны, хотя и в меньшей степени. В центре этого заговора оказался вел. кн. Николай Николаевич, которого летом 1915 г. царь услав на Кавказ, заняв, на радость царице, его место Верховного Главнокомандующего.

Царица усердно писала царю, что «Николашу» надо убрать, что он знается с членами Гос. Думы, завидует царю и хочет сесть на его место. Вся же остальная Россия, начиная с ультраправого депутата Пуришкевича, понимала, что этот царский шаг еще больше приблизит его к гибели, а Россию – к катастрофе.

Участники этого заговора решили осенью 1916 г. выждать удобную минуту и убрать царя, после чего посадить на престол конституционного монарха, вел. кн. Николая Николаевича. Этот последний, живший в это время в Тифлисе, видимо, не делал никаких шагов, чтобы поощрить заговорщиков, но не говорил им и категорического «нет».

Николай Николаевич был когда-то мартинистом. Известно, что он поддерживал дружеские отношения с русскими масонами; в частности, одним из его ближайших друзей был Александр Иванович Хатисов, городской голова Тифлиса, член к.-д. партии, председатель Кавказского Земгора и масон 33 степени. Хатисов был членом Гос. Думы, армянин, женатый на русской. Они с женой бывали на официальных приемах у великого князя, теперь – Главнокомандующего Кавказской армией, иначе говоря – южного фронта. А кроме того, Хатисов имел «свободный вход» к Николаю Николаевичу во всякое время, что очень ценил.

История этого заговора погребена в наполовину истлевшем номере русской эмигрантской газеты «Последние новости» (22 апреля 1928 г.), выходившей в Париже в 1920–1940 гг. Теперь ее можно получить в некоторых книгохранилищах США на микрофильме, но к сожалению, к моменту, когда ее решили переснять, текст был сильно испорчен временем. Автор этой мемуарной статьи, С.А. Смирнов, был масоном 30°, и называлась она «История одного заговора». Тот факт, что историк П.Н. Милюков, редактор «Последних новостей», напечатал эту статью, будучи сам, хотя и в очень слабой степени, причастен к заговору, придает рассказу максимум достоверности.

Как заговор Гучкова 1915 г., и как заговор кн. Львова – Терещенко – Крымова 1916 г., этот заговор не осуществился. Привожу, несколько сокращая, рассказ Смирнова:

«В начале зимы 1916 г.23 в Петербурге, в среде окружавшей кн. Г. Евг. Львова, будущего главу Временного правительства, возник проект дворцового переворота. Предполагалось убрать Николая II и посадить на трон вел. кн. Николая Николаевича, сына Николая Николаевича-старшего и внука Николая I. Как известно, Ник. Ник. в конце лета 1915 г. был смещен со своего поста Верховного Главнокомандующего и назначен Наместником Кавказа и Главнокомандующим Кавказским фронтом. Все, без исключения, заговорщики хотели «покончить с монархом и сохранить монархию».

Кн. Львов был в это время председателем Земгора. Проект заместить царя его родственником возник в кругах Земгора, во время (возможно – несколько ранее) съезда Московского Земгора. Сначала князь Павел Дмитриевич Долгоруков предоставил было съезду помещение в своем особняке, но полиция запретила подозрительные собрания.

Съезд Земгора был разогнан в день его открытия, и в начале декабря, часов в 10 вечера, кн. Львов срочно пригласил к себе в особняк, в котором он сам жил, Долгорукова, Челнокова, Федорова и Хатисова. Все четверо принадлежали к одному Уставу и были близкие друзья, братья высоких степеней. Львов познакомил их со своим проектом дворцового переворота: после того, как царю предложено будет отказаться от престола, и вел. кн. Ник. Ник. будет объявлен царем, правительство Николая II будет немедленно разогнано, и на его место назначено ответственное министерство.

Львов добавил к этому, что 1) у него имеется 29 подписей председателей губернских земских управ и городских голов, поддерживающих его план, 2) вел. кн. Ник. Ник. знает об этом проекте, и 3) сам Львов будет назначен председателем совета министров в будущем министерстве.

А.И. Хатисову было предложено выехать в Тифлис с миссией: переговорить с великим князем, с которым он состоял в дружеских отношениях. Если Хатисов получит от Николая Николаевича согласие на немедленные действия, он сейчас же вышлет из Тифлиса телеграмму: «Госпиталь открыт приезжайте». Получив такую телеграмму, Львов должен будет срочно вызвать А.И. Гучкова с фронта и пригласить его участвовать в заговоре (о котором Гучков уже был, разумеется, осведомлен).

Прежде чем Хатисов выехал в Тифлис, он поехал из Москвы в Петроград, чтобы повидать Милюкова и Чхеидзе. От них он никакой поддержки не получил. Милюков считал, что очень скоро будет революция, а Чхеидзе ответил, что никакой революции не будет, и что царский режим не может быть изменен.

30 декабря 1916 г. Хатисов приехал в Тифлис. В тот же день он получил аудиенцию у великого князя. Хатисов спросил его, может ли он конфиденциально переговорить с ним. Николай Николаевич попросил его высказаться. Выслушав его, великий князь задал ему два вопроса: 1) не будет ли русский народ оскорблен в своих монархических чувствах? и 2) как отнесется к отречению царя армия?

Он попросил отложить свое решение на два дня. Хатисов, конечно, дал ему на это согласие. Он также сказал ему, что ген. Маниковский готов всячески помочь в этом деле с армией. В тот же самый день рано утром приехал в Тифлис вел. кн. Николай Михайлович (историк и масон), чтобы сообщить Николаю Николаевичу важную новость: 16 великих князей договорились о том, чтобы свести Николая II с его трона. Они обещали полную поддержку, считая (как и сам Николай Михайлович), что Николай II должен быть убран. Важно заметить, что разговор Ник. Мих. с Ник. Ник. был до разговора этого последнего с Хатисовым.

3 января 1917 г. Хатисов явился за ответом. Ник. Ник. сказал ему, что он решил уклониться от участия в заговоре. По мнению Хатисова, он совещался в эти дни с ген. Янушкевичем и со своей женой.

За три дня до революции, в феврале 1917 года, Хатисов, будучи в Тифлисе, узнал, что о его переговорах с великим князем стало известно при дворе. Говорили, что Николаю II

доложил о них Климович, в это время директор Департамента полиции. Хатисов также узнал, что царь решил сместить наместника Кавказа и дать ему новый пост на Дальнем Востоке. (Этому помешала Февральская революция).

27 февраля Хатисов был вызван к Николаю Николаевичу, и великий князь сообщил ему новости из столицы, полученные им утром по прямому проводу. Командующий Кавказским фронтом попросил Хатисова объехать тифлиссские казармы, вместе с ген. Болховитиным, и сообщить солдатам и офицерам, что он сам, Ник. Ник., сочувствует революции, а также пригласить к нему во дворец, в этот же вечер, лидеров грузинских социал-демократов и членов армянской партии Дашнакцутюн²³²⁴.

На приеме лидеров, которых привел Хатисов, вел. кн. повторил, что он всецело за революцию, и спросил грузинского лидера Жорданию, верит ли он ему? Жордания ответил ему: «Да, мы Вам верим».

Через несколько недель Николаю Николаевичу пришлось с большими предосторожностями выехать из Тифлиса. Его поезд отошел в 4 часа утра, с потушенными огнями. С этим же поездом выехали генералы Янушкевич и Вольский – обоих ненавидели в Тифлисе».

Будучи лично (через моего отца), знакома с Хатисовым, я спросила его в 1929 г., в Париже, где он жил, верно ли то, что написал о нем Смирнов. Он подтвердил мне, что все написанное верно.

* * *

От министров Временного правительства – его коллег – до простых людей, читающих газеты, шел вопрос: откуда он? кто он? И некоторое время на это не было ответа. Дилетант в политике, Михаил Иванович Терещенко не оставил после себя воспоминаний. Были интервью, одно или два. В рассыпавшихся в пыль старых газетах они не уцелели. С молодости, – Киев, Петербург, за граница, – он был окружен дымкой странных дружб: английский посол, Александр Блок, А.М. Ремизов, вел. кн. Николай Михайлович. В Петербурге он писал о балете и начал свое издательство «Сирии», где издавал Ремизова, стихи Блока, «Петербург» Андрея Белого. После 1917 г. он жил до конца своих дней в Лондоне, был человеком состоятельным и, видимо, не общался ни с кем из прежних «сослуживцев» и русских современников. Была ли у него в Лондоне семья, появлялся ли он в английских масонских ложах? Как будто бы нет. Во всяком случае, нет следов каких-либо его контактов с собственным прошлым.

Между тем, он прожил долгую жизнь, он умер 70-ти лет. Его бумаги неизвестно где. Но были ли они? Он уехал из России в чем был. И он, кажется, не любил писать – письма, дневник, или мемуары.

Но о нем есть несколько интересных свидетельств, не как о государственном деятеле, но как о человеке. Царский министр земледелия А. Наумов, либерал и масон, описал в своей книге «Из уцелевших воспоминаний», как однажды в Киеве киевский губернатор показал

²³ «Начало зимы», судя по тексту, надо понимать как начало декабря.

²⁴ Армянская Национальная партия Дашнакцутюн была социал-демократической (меньшевистской). Ее шумный процесс в Петербурге, в особом присутствии Сената в январе-марте 1912 г., происходил при закрытых дверях, публика допускалась только по специальным приглашениям. Судилось 150 человек, членов партии. Было вызвано около тысячи свидетелей. Судебное следствие велось по 30-ти самостоятельным группам. Перед судьями лежало 135 томов предварительного следствия. Судебным следователем по особо важным делам был Александров. Беспорядок был полный – главным образом из-за количества бумаг, людей и неорганизованности всего дела, а также из-за шумного поведения публики. Документы исчезали без следа, документы подделывались, переписывались и терялись. От имени защиты говорили Зарудный, Керенский и около 10-ти адвокатов. Подсудимые были высланы в Финляндию и подпали под амнистию в 1914 г. (См. Вестник Европы, 1912, март).

ему Терещенко, «скромно державшего себя молодого человека с бритым, довольно выразительным лицом американского типа, из выдающихся деятелей последнего времени».

Вел. кн. Ник. Мих. (Романов) в письме к своему парижскому другу Фредерику Массону называет его «мой сосед»: «Вижу его ежедневно... Мой друг... Знал его еще в Канн, мальчиком, видел, как он впервые вошел в казино Монте-Карло... В 9 часов утра мы с ним обсуждаем прошедший день»²⁵. Фредерик Массон, в номере от 23 июня 1917 г. (правой) французской газеты «Ле Голуа», помещает статью, инспирированную вел. князем, о Терещенко (и Керенском). Статья не в меру лестная.

Вот запись в дневнике А. Блока от 7 ноября 1912 г.:

«Михаил Иванович Терещенко говорил о том, что он закрывает некоторые дверцы с тем, чтобы никогда не открывать, если отпереть – только одно остается: спиваться. Средство не отпирать (закрывать глаза) – много дела, не оставлять свободных минут в жизни, занять ее всю своими и чужими делами».

(Собр. соч., М.-Л., 1963, т. 7, с. 175).

Свидетельство В.Д. Набокова: «Французские и английские дипломаты относятся лучше к Терещенко, чем к Милюкову. Почему?» (Архив русской революции, кн. 1).

Свидетельство французского посла Нуланса: «Терещенко каждое утро собирал у себя послов Франции, Англии и Италии».

Военный министр Колчака А. Будберг – мемуарист, достойный доверия, отзывается о нем менее доброжелательно: «Терещенко рассылал нашим послам (за границей) самые успокоительные телеграммы, когда все трещало» (Архив русской революции, кн. 12, с. 252).

И.Г. Церетели говорит о нем в связи с заговорами против царя:

«(Вместе с Гучковым) он попал (в заговор) только благодаря своим личным связям с популярными членами Гос. Думы». (Интервью в «Новой жизни» от 20 июня 1917 г., в связи со Стокгольмской конференцией).

Церетели предпочитал ему Некрасова, может быть потому, что «после июля Терещенко стал саботировать дело демократии».

(Церетели. «Воспоминания», т. 1, с. 65 и сл.).

По словам Милюкова, «Терещенко и Некрасов попали в министры в силу своей близости к конспиративным кружкам» («Воспоминания», цит. выше).

После самоубийства ген. Крымова Терещенко дал об этом сообщение в газеты. Судя по некоторым кратким свидетельствам, он очень тяжело пережил эту смерть. В сентябре 1917 г. он дал интервью по этому поводу в «Русских ведомостях», где упомянул о заговорах 1916-1917 гг., в которых участвовал Крымов.

Наконец, 26 сентября / 9 октября французский, английский и итальянский послы были у Терещенко официально, и требовали восстановить боеспособность русской армии. Терещенко это им обещал, хотя был «удивлен, возмущен и обижен». (Розен. «40 лет...»)²⁶.

Об этом писал и Ф. Дан:

«Временное правительство, на мой взгляд, слепо шло на поводу у дипломатов Антанты и вело и армию и революцию к катастрофе».

(Летопись революции, кн. 1, с. 169).

²⁵ Вел. кн. жил в своем дворце на Миллионной ул., а Терещенко сидел в министерстве иностранных дел на площади Зимнего дворца.

²⁶ Розен говорит в связи с этим случаем, что «Временное правительство (Керенский и Терещенко) было мягким воском в руках Антанты, чему доказательством уже было июньское наступление».

Брюс Локкарт, английский агент в России в 1918 г., в своей книге «Две революции» писал:

«(Терещенко) бежал из России через Архангельск²⁷. Он встретился там с Фрэнсисом (американским послом в России). Под именем Титова, дипломатического курьера, он пробрался северным путем в Сибирь, для воссоединения с Колчаком. Фрэнсису он сказал, что 1 августа 1917г. он получил очень выгодное предложение сепаратного мира от Германии. Он никому об этом не сообщил, кроме Керенского. Терещенко очень гордился своим поступком». («Two Revolutions». 1957, с. 294). В следующем издании этой книги (1967) Локкарт добавил: «Терещенко сделал в Лондоне весьма успешную карьеру, как финансист»

(с. 87).

В заключение уместно будет дать цитату из книги американского посла Дэвида Фрэнсиса, дополняющую сообщение Локкарта:

«Вскоре после того как его назначили министром иностранных дел, я устроил себе встречи с ним ежедневно, в определенный час. В результате мы скоро подружились. Терещенко сохранял верность Керенскому, которого он ставил высоко до последних двух-трех недель перед большевистской революцией. Я не знал, что он потерял доверие к Керенскому, пока он сам мне об этом не сказал, придя ко мне инкогнито уже во второй половине октября 1918 г., в Архангельске.

Когда после падения Временного правительства, уже во время большевистского режима, немцы подошли к Петрограду на расстояние 25 миль, – что стало причиной отъезда всех союзных миссий из Петрограда, – Терещенко и другие бывшие министры были выпущены из Петропавловской крепости. Уйдя в подполье на несколько недель, Терещенко удалось пройти через линию фронта (гражданской войны) в Швецию. Он сказал мне, что до середины лета прожил в Норвегии, на ферме, принадлежавшей одному из его подчиненных. Он сказал также, что намерен пройти к Колчаку (как курьер русского посланника в Швеции, Гулькевича), а если не удастся, хотел бы поехать в Америку. Я обещал дать ему паспорт в Америку, но он все еще был в Архангельске, когда мы ушли оттуда 6 ноября 1918 г.

Позже, в Лондоне, я слышал, что он находится в Стокгольме».

В книге Фрэнсиса перепечатано официальное заявление, которое Терещенко сделал союзникам после своего вступления в должность министра иностранных дел, где была изложена программа российского правительства (и его самого): всеобщий мир, без аннексий и контрибуций, прочные связи с союзными державами, отрицание возможности сепаратного мира («ни одна партия не ищет его»), опубликование тайных соглашений царского правительства с союзниками («народ должен все знать при демократии»), расширение и укрепление доверия между Россией и союзниками, взаимная помощь, война оборонительная, не наступательная, и освобождение немцами занятых ими стран.

«Тройка» или «Триумвират»: Керенский, Терещенко, Некрасов, – или, как его иногда расшифровывают – Терещенко, Некрасов, Коновалов (вокруг Керенского), показывает с несомненностью, что членов тайного общества объединяло нечто более сильное и прочное, чем профессия, политическая партия или родство. Что, действительно, было общего между

²⁷ 6 января 1918 г., «в свой последний день перед отъездом из России выпущенный из крепости Терещенко пошел проститься с вел. кн. Николаем Михайловичем. Тот поцеловал его крепко в обе щеки и в лоб». На следующий день Терещенко выехал в Торнео. (Бьюкенен, с. 247).

Керенским, профессиональным юристом и политиком, членом трудовой партии, и баловнем судьбы Терещенко, балетоманом, молодым купеческим сыном, который сегодня – издатель модных авторов, завтра – балетный критик, послезавтра – министр иностранных дел великой державы? Или между инженером-путейцем, автором акта отречения вел. кн. Михаила Александровича от трона Некрасовым (окончательная редакция В.Д. Набокова), «попавшим», по выражению Церетели, «в сети демократии, ищущего связи с ней, хоть он и не социалист» и – председателем Военно-промышленного комитета, миллионером-текстильщиком Коноваловым, который на Московской бирже, в банках, на своих фабриках (где, как говорили тогда, он выстроил для своих рабочих больницу), чувствует себя как дома, а вот в министерском кресле, после нескольких месяцев, – все еще в гостях? И где найти таких других четырех людей, которых объединяло бы что-то, о чем они не могли сказать даже близким, и что держало их крепче, чем полковая служба, спортивная команда, родство по крови?

У Николая Виссарионовича Некрасова одна блестящая идея сменялась другой: он хотел сделать ген. Маниковского военным диктатором, он хотел организовать дворцовый переворот и дать волю «социальной общественности», он хотел создать Союз Союзов и центром его сделать квартиру Коновалова. В 1915-1916 гг. он, играя в заговорщики, называл себя «дирижерской палочкой заговора»²⁸. Когда Керенский вышел в премьеры, он был назначен вице-премьером, – это значило, что если Керенский на фронте, то Некрасов делается председателем Совета министров. Бьюкенен думал о нем, как о сильном и способном человеке, который мечтает стать главой правительства. Милюков называл его предателем. В 1917 г. Некрасов больше всего на свете хотел сблизиться с Контактной комиссией, осуществлявшей связь между Петроградским Советом и Временным правительством²⁹. Он был повсюду: около Маклакова, около Астрова, даже около Шульгина: он звал его в ложу, но Шульгин (как и Мельгунов) отказался от чести. Еще в марте 1916 г. он мечтал единолично создать «высший орган», который будет «штабом общественных сил России». Он советовал «обращаться вниз, а не вверх» – это Милюков с отвращением называл «поиграть в революцию». Керенский с фронта (в июле) пытался телеграфно требовать его ухода, но он в это время, во второй коалиции, чувствовал себя прочно, как тов. председателя Совета министров (т.е. Керенского) и никуда не ушел. Борьба с Керенским, зависть к нему, – все это умещалось в нем. Затем пришел Октябрь.

Как мы теперь знаем, Некрасов работал как инженер на постройке Беломорско-Балтийского канала (1929-1932). В конце 1930-х гг. он исчез. Впрочем, небольшой след остался: он положил в архивы одну бумагу, где изложил кое-что о самом себе, о 1917 годе, о масонстве. К сожалению, эту бумагу прочел и обработал не историк, а советский «беллетрист», который «художественно» подал материал. Историки опасно цитируют здесь и там его строки, а советская критика тяжеловесно и сердито обругала его. (Яковлев. «1

²⁸ Проследить от начала до конца всю цепь отношений Гучкова с Некрасовым – трудная задача. Гучков в октябре 1916 г. как будто опять ищет помощи у Некрасова и верит в него. В свой внутренний круг он включает (или собирается включить) Терещенко и Крымова. Проектировал ли он новый заговор или пытался восстановить свой прежний – неизвестно. Гучков и Некрасов поровну поделили черты Петра Степановича Верховенского из «Бесов».

²⁹ Как известно, с самого начала марта образовались две правительственные группы: Петроградский Совет и Временное правительство. Прозорливые люди (ничтожное меньшинство) сразу увидели, что здесь начнется раскол, здесь возникнут неразрешимые противоречия и, хотим мы этого или нет, Совет победит. (К этому меньшинству принадлежал и сэр Джордж Бьюкенен).

Контактная комиссия была звеном, соединяющим Петроградский Совет и Временное правительство. От Советов делегатами в разное время были Чхеидзе, Церетели, Соколов, Скобелев и др. От Временного правительства с первого дня – Керенский, затем Некрасов и др.

Если говорить о контакте между прогрессистами-масонами и большевиками, то мне известен только один случай: на одном из собраний присутствовал Скворцов-Степанов. (Кускова, переписка).

августа 1914»).

К истории получения партией большевиков так называемых «немецких денег» – сначала в Швейцарии, а затем в России – история масонства не имеет прямого отношения: открытие государственных архивов Германии и опубликование самого факта в подробностях ответило на все эти вопросы: немцы, как говорится, «делали ставку» на русскую революцию, рассчитывая, что пораженческие настроения в ней достаточно сильны, и что революционная Россия заключит с ними сепаратный мир (а с союзниками Германия справится и одна). Вывод из этого был сделан: они подкупали, стараясь это делать не слишком заметно, пораженческую левую печать, без труда переводили деньги в Женеву, и нашли канал, после приезда Ленина в Россию, в апреле, переводить их в Петербург. Но член Временного правительства, Досточтимый Мастер Павел Николаевич Переверзев, с помощью Г.А. Алексинского, в прошлом – большевика, а теперь яркого антиленинца, решил разоблачить этот подкуп. Они в газете Бурцева «Общее дело» напечатали все, что знали, несмотря на то, что Керенский и другие министры требовали от них (временного) молчания. Газета Бурцева была на время закрыта по приказу Временного правительства, а Переверзев отставлен от своего места министра юстиции и прокурора Петроградской судебной палаты. Переверзев считал, что выводя большевиков «на чистую воду», он может предотвратить их выступление – оно началось на следующий день, 3 июля.

Некрасов и Терещенко были с Керенским полностью согласны. О поступке Переверзева позже писали многие: Милуков, французский посол Нуланс, Половцев, Никитин и др. Но лучше всех определил поступок Переверзева И.В. Гессен: «Когда Переверзев доставил газетам данные, уличавшие Ленина в государственной измене, Некрасов поспешил дезавуировать Переверзева, который и вышел в отставку». (Архив русской революции, кн. 22, с. 370).

Переверзев в эмиграции был окружен какой-то особой холодностью своих коллег по партии, но не по ложе: будучи масоном 33°, он был верен тайному обществу с его самых первых лет – его имя можно найти уже в списках 1908 года. А в Парижском архиве хранятся приглашения, рассылавшиеся братьям за подписью шести Мастеров, среди них на первом месте его имя. Он всегда был страстным сторонником сближения обоих Послушаний, если не их слияния.

В конце сентября 1917 г., за месяц до Октябрьского переворота, член к.-д. партии, юрист и дипломат Борис Эммануилович Нольде, на одном из очередных заседаний ЦК кадетской партии, которого он был членом, произнес краткую, но сильную речь. Он старался убедить аудиторию, что быть за мир, стараться добиться мира, – не значит искать сепаратного мира. Этот парадокс не мог убедить большинства его товарищей по партии, но присутствовавшие в этот вечер Аджемов, Винавер, Добровольский и В.Д. Набоков поддержали его³⁰. Они считали, как и он, что «пора свернуть с путей классического империализма», – к этому их привело семимесячное скольжение Временного правительства вниз. Формула Нольде в последний трагический месяц России была: «или разумный мир, или торжество Ленина». Но дороги к разумному миру не было, и не было сделано ни шага в этом направлении.

Нольде принадлежал к удивительной породе русских людей, говорю «русских», потому что в мое время в России (и потом в эмиграции) главным фактором, которым определялась национальность человека, был язык. Не религия, как в Индии, не происхождение, как в США, а язык, и ни европейски образованные балтийские бароны, ни евреи, праздновавшие свои праздники, ни армяне, ходившие в свою церковь (Невский пр., против Гостиного двора – там теперь склад мебели), ни другие «меньшинства», как их называют в Западном мире, родившиеся в России, не сомневались, что они прежде всего русские, – в этом вовсе не было

³⁰ 21-25 сентября кадеты, составившие к этому времени группу, ищущую «разумного мира» – Нольде, Аджемов, Винавер, Набоков, – собрались у Г. Трубецкого. В этот вечер к ним, видимо, примкнул и Коновалов. 1 октября они составили и послали письмо Терещенко, за подписью Трубецкого.

ложного или ненужного патриотизма, – скорее это относилось к языку и к паспорту, который давался русским подданным.

Удивительной в Нольде была какая-то особенно прочная связь культуры и цивилизации (тогда эти два понятия значили разные вещи), – знание шести языков, юридическое образование (Петербургский университет), дипломатическая карьера, интерес к музыке, литературе, живописи, и его ощущение, в любой гостинице, в любом городе, свободы и собственного достоинства.

В эти последние недели перед Октябрем Нольде бывал на собраниях и у Г.Н. Трубецкого, и у бывшего тов. министра Нератова, и у Родзянко – Москва и Петроград как-то сблизилась в хаосе происходящего, поезда летали туда и сюда, в вагоне-ресторане засиживались до полуночи, просыпались в Клину. В Петербурге встречались все те же, – Набоков, Терещенко, ген. Алексеев, вернувшийся в к.-д. партию и не имевший в эти месяцы должности в правительстве Керенского, и Коновалов, живший теперь в Петербурге, и даже Маклаков перед тем как уехать на свою новую должность в Париж.

До войны Нольде был выучеником Сазонова, – это была серьезная школа; в марте 1917 г. он заменил Половцева (делавшего военную карьеру), как тов. министра иностранных дел. Позже, в эмиграции, Нольде написал свои воспоминания и книги о франко-русских отношениях, и в одной из них он, несмотря на свою принадлежность к тайному обществу и 33°, писал:

«Уход Милюкова из состава Временного правительства 30 апреля 1917 г. обнаружил глубокий кризис: этот уход был вызван совместными усилиями Керенского и Альбера Тома»

(«Далекое и близкое», с. 139-155).

Был ли Нольде радиирован, или сам ушел из масонства, узнать из документов Парижского архива мне не удалось.

Петр Александрович Половцев из дипломатов попал весной 1917г. на должность комиссара Петроградского военного округа, при командующем ген. Корнилове, которого он очень скоро заменил на этом высоком посту, когда сам был произведен в генерал-майоры. Он был масоном 33°, членом Верховного Совета Народов России, Досточтимым Мастером в «Северном Сиянии». Он начал свою карьеру в дипломатии благодаря родственным связям. В 1905 г. он вступил в должность помощника военного атташе при русском посольстве в Лондоне (послом был тогда А.К. Бенкендорф).

Попав в ложу, Половцев немедленно начал называть братьев-масонов «младотурками», тем самым не нарушая клятвы, но играя на пороге ее нарушения. Он оказался в окружении масонов «Северного Сияния» и Военной ложи: Якубовича, Туманова, Энгельгардта, Пальчинского и других, примкнувших в марте 1917 г. к Керенскому. До этого, пишет Половцев в своих воспоминаниях, он «не знал разницу между с.-р. и с.-д.» Младотурки все были «за Алексева» и «против Брусилова». Верховский тоже считал себя младотурком – никто против этого не возражал. Все они делали быструю карьеру, с мая они образовали вокруг Керенского кольцо, которое постепенно начало распадаться в августе.

После июльских дней Половцев отдыхал в своем имении, а затем вернулся в Петроград. Хотя он и был доволен тем фактом, что «младотурки воцарились повсюду», но что-то в настроении столицы не понравилось ему. Он критиковал Керенского за слабость в подавлении июльского восстания, хотя сам отпустил на волю арестованного Каменева и других большевиков, боясь что Петроградский Совет с ним, Половцевым, «расправится». Со своего высокого поста он был смещен, положение на фронте ему тоже не нравилось; 16 сентября он уехал на Кавказ и после многих недель скитаний, гражданской и партизанской войны, стал начальником штаба Дикой дивизии, – так называлась теперь Кавказская туземная конная дивизия, объединившая кабардинцев, дагестанцев, чеченцев, ингушей и татар.

В 1918 г. он начал искать выход для себя. Выход был один – бежать за границу. Это оказалось сложнее, чем он предполагал, но в конце концов, спустя много месяцев, он оказался в Афинах. В Париже у него были крепкие родственные, масонские и дипломатические связи. Он приехал в Париж 1 декабря 1920 г. и напечатал в популярной тогда газете «Эко де Пари» статью, где рассказал сенсационные, но совершенно неверные вещи о Керенском, младотурках и самом себе, и спутал Керенского с Черновым. А затем уехал на постоянное жительство в Монакское княжество. Ему в это время было 46 лет.

Блестящая военная карьера была и у Петра Акимовича Пальчинского, но, в отличие от Половцева, у него не было высокой масонской степени: в Военной ложе он не успел до нее дойти. Глядя на кривую восхождений этих молодых полковников, а потом – генералов, невольно думаешь о судьбе этой группы людей, молодых, энергичных, честолюбивых, у которых не оказалось в конце концов ни карьеры – длившейся всего несколько месяцев, – ни каких-либо реальных достижений. Они оказались вне русской реальности, взлетели, как метеоры и погасли, не успев покрасоваться перед публикой и краткий срок, со всеми своими чинами, повышениями и отличиями.

По образованию Пальчинский был горный инженер, в марте его выбрали в Исполком Петроградского Совета.

Затем он был назначен помощником генерал-губернатора Петрограда, кадета Кишкина, до того – министра торговли и промышленности во второй коалиции. После того, как Пальчинский был начальником связи между Исполкомом и ген. Корниловым, приказом Временного правительства он был назначен председателем Специального Сопровождения Совета Обороны. После дела Корнилова, в сентябре, Керенский назначил его военным губернатором Петрограда.

Как член Специального Сопровождения, он был со всеми вместе арестован в Зимнем дворце в ночь на 26 октября и просидел в крепости несколько дней. Судя по книге Солженицына «Архипелаг Гулаг» (т. 1, с. 308), он был расстрелян в лагере в 1929 г.

Пальчинский был внешне похож на Керенского, как впрочем, и Верховский. Этот последний в своей книге воспоминаний пишет об одном вечере в ресторане Кюба, где Гучков требовал себе для заговора «твердых людей». Пальчинского в этой сцене Верховский называет «Сухотиным». Он прошептал на ухо Верховскому: «Во главе с Крымовым, Гучковым и Терещенко!». Этот факт остается загадочным, но этого недостаточно, чтобы причислить Верховского к масонству и включить его имя в список масонов 1917 г. Тем не менее, об этом человеке необходимо сказать несколько слов.

Верховский в самом прямом смысле слова «бежал из правительства». Половцев причисляет его к «младотуркам», Верховский сам говорил в интимном кругу о масонстве (когда он объяснял нежелание ген. Алексева ехать в Англию и Францию тем, что Алексей «боится тамошних масонов»). Все говорит за то, что он состоял в ложах, но в архивах Франции и США нет следа этого. Возможно, что он был радиирован именно за бегство из правительства, как некоторые из тех, которые в начале октября 1917 г. искали возможности сепаратного мира.

В сентябре – октябре он был назначен военным министром. До этого он командовал Московским военным округом. Он, как и ген. Маниковский, был лишен всякой инициативы. В июле 1917 г., во время первого выступления большевиков, он, будучи комиссаром Балтфлота, отказался послать четыре миноносца в Петроград, по распоряжению Временного правительства. Он как будто бы одно время сочувствовал Гучкову, а затем – Корнилову. 28 августа он был выставлен Петроградским Советом кандидатом на пост военного министра.

Подробности его выхода из Временного правительства, его драматическое выступление на последнем заседании (после которого он был отправлен в отпуск «по болезни»), глубоко поняты и прекрасно освещены в интересной книге Рекса Уэйда. Уэйд напоминает, что в конце сентября – начале октября не только Нольде и другие кадеты уже сомневались в необходимости и возможности продолжения войны, но даже Терещенко, видимо, переживал глубокий кризис в этом вопросе, и пришел к заключению,

противоречащему его прежним просоюзническим настроениям. Верховский уехал в отпуск, и газета Бурцева «Общее дело», где об этом было напечатано, была на время закрыта. (Wade. «The Russian Search...», с. 121-141).

Офицер Генерального Штаба, учившийся до этого в Пажеском корпусе, Верховский в начале 1917 г. был в Крыму и был близок с Колчаком. «Фразер, любящий крикливые эффекты», – писал позже о нем Н. Кришевский (Архив русской революции, кн. 13). Мельгунов считал его «подозрительным авантюристом, который пробирается в Наполеоны» («Воспоминания и дневники», с. 226). 24 октября по Петрограду разнесся слух, что Верховский провозгласил себя диктатором, а Троцкий – военным министром (там же, с. 228). После Петропавловской крепости Верховский постепенно стал делать карьеру, оставшись в Советской России. В 1919 г. он поступил в Красную армию, стал профессором Военной академии, а впоследствии написал ряд книг, мемуарных и по военному делу.

Среди этих военных, занятых больше своей карьерой, чем будущим страны, выделяется человек их поколения и их положения, который не позволял называть себя «младотурком», хотя и был масоном. В начале своей карьеры Владимир Бенедиктович Станкевич был членом народно-социалистической партии (которая позже называлась народно-трудовой), к которой принадлежал и сам Керенский, и подавляющее большинство членов «Северной Звезды» (Устава Великого Востока). Как и Пальчинский, он оказался с первых дней Февральской революции в Исполкоме Петроградского Совета, до последнего дня, т.е. до 25 октября, состоял в нем и был верен Керенскому. Он был литовцем и полонизировал свое имя, а выехав из России, стал Владко Станка. Он никогда не был пораженцем, в отличие от большинства членов Исполкома, но уже 22 марта 1917 г. он на заседании Исполкома говорил о необходимости искать пути к миру. 28 марта он там же поддерживал идею обороноспособности русской армии. Его отношение к Временному правительству было иногда двусмысленно, но всегда ответственно.

Как весь Петроградский Совет (за ничтожными исключениями), он требовал коалиционного министерства. Образованный, владеющий языками, он в начале революции был в чине поручика и был повышен, когда Керенский назначил его в мае комиссаром ставки Главковерха. Скоро он шагнул еще выше, став комиссаром Северного фронта.

Бывший член III Гос. Думы и секретарь ее трудовой фракции, он до 1917 г. редактировал, вместе с Н. Сухановым, «Современник». В своих «Воспоминаниях» он писал:

«Какого-нибудь участия в заговорщицких кругах того времени я не принимал. Лишь в конце января 1917 г. мне пришлось в очень интимном кружке встретиться с А.Ф. Керенским» (с. 64). Летом он был две недели начполитотдела в кабинете военмора.

Он, несомненно, был в Петроградском Совете правой рукой (ухом и глазом) Керенского. Он сопровождал Главковерха на фронт в июне, Войтинский и Филоненко были его помощниками. Он называет четырех лиц, «игравших главную роль» во время дела Корнилова – Керенский, Савинков, Некрасов и Филоненко, – все четверо были масонами одной и той же ложи.

В тех же воспоминаниях, написанных умно и талантливо, описывает Станкевич тяжелое впечатление, которое на него произвел уход из правительства Верховского: он «ушел по болезни, – пишет Станкевич, – 19-21 октября 1917 г.», а «Терещенко остался на своем месте», и тогда он, Станкевич, «окончательно понял, что России нужен мир».

Отъезд Керенского в Гатчину накануне Октябрьского переворота имел под собой основание:³¹ он предполагал соединиться с войсками, идущими в помощь Временному

³¹ В Гатчине в это время находились: Станкевич, Гоц, Войтинский, Барановский и Данилевич. Эсер Кузьмин, помощник Полковникова, приехал вместе с Керенским.

правительству в Петроград. Командовал этой частью ген. Владимир Андреевич Черемисов, который в последние часы 25 октября сговорился в Гатчине с большевиками. Он уже летом проявлял свои симпатии к ним, когда менял распоряжения Керенского Корнилову. Тем не менее, и вероятно потому, что Петроградский Совет в своем большинстве поддерживал его, он не был смещен – факт отчасти загадочный, и несомненно роковой. Так он и оставался главкомом Северного фронта. Его роль в Октябрьском перевороте темна и нуждается в расследовании. Кто и когда ввел его в Военную ложу, не установлено. С одной стороны, он говорил, что немцы отходят, и что «наша армия жаждет наступления», с другой – не повиновался Керенскому и тем самым помогал Ленину.

Прошлое его было не совсем обычно: в 1915 г. ген. Черемисов был ген. квартирмейстер Пятой армии (Двинск), и за «неприятности» был отстранен от должности. Видимо, его репутация от этого не пострадала: ген. Алексеев, когда уходил, рекомендовал ген. Черемисова (а также Духонина и ген. Головина) Керенскому, вместо себя. Это рассказывал многим В.В. Вырубов, который хорошо знал Черемисова и одно время служил под его началом. «Он всегда был левым генералом», писал о Черемисове Станкевич («Воспоминания», с. 224). Он был также кандидатом на пост главнокомандующего в корниловские дни (август 1917), и только Бурцев открыто обвинял его в левизне, в то время как Коновалов старался провести его на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего (т.е. Керенского). Об этом также пишут и Мельгунов, и Маргулиес. Этот последний, который вообще точен в своих мемуарах, сообщает:

«Гатчина была взята обратно у Юденича (через два года, в 1919 г., во время гражданской войны) большевиками. Операциями против нас руководил ген. Черемисов». (Том 3, с. 73). И далее: «На гатчинском направлении маневрирование большевиков под командованием ген. Черемисова было очень удачно»

*(там же, с. 104)*³².

Можно предположить, что в 1919 г. его вернули в Красную армию, когда Юденич угрожал Петрограду, а до этого некоторое время он был не у дел: – вскоре после Октябрьского переворота, как сообщает советская история, Н.В. Крыленко сместил его. (Архив русской революции, т. 14, с. 146-147).

Князь Григорий Николаевич Трубецкой, младший брат Сергея и Евгения и дядя известного пражского лингвиста Николая Сергеевича, был московским масоном еще задолго до первой войны. Его брат, ректор Московского университета, был другом Ковалевского³³. В начале своей карьеры Григорий Трубецкой был «мирнообновленцем», т.е. членом партии, к которой принадлежал Ковалевский. В 1917 г. Трубецкой стал директором канцелярии при ставке Верховного главнокомандующего при министре иностранных дел, т.е. связывал две различные сферы российского правительства. Таким образом он оказался близким сотрудником и Керенского, и Терещенко, иначе говоря – представителем этого последнего при Керенском. Он, видимо, был большим идеалистом, в традиции Трубецких, и считал, что возможен союз между Керенским и Корниловым. Позже он стал эмигрантом во Франции,

³² Это именно тот случай, о котором было упомянуто в конце Предисловия: три косвенных, доказательства масонства ген. Черемисова и несколько намеков на этот факт. Первое косвенное доказательство: строчки о генералах Верховного командования и других в 1915-1917 гг. в «Воспоминаниях» вел. кн. Александра Михайловича: «все были генералы-изменники». Второе: запись в Дневнике Альбера Тома от 28 апреля 1917 г.: «Вел. кн. Ник. Мих. считает, что русские генералы многому научились во французских ложах». И третье: Алексеев, уезжая по болезни в отпуск, настойчиво советовал Керенскому назначить ген. Черемисова на его, Алексеева, место, т.е. на место Верховного Главнокомандующего, того Черемисова, который позже, 25-26 октября 1917 г., полностью предал Керенского.

³³ Предок Григория Трубецкого, Н.Н. Трубецкой, состоял в ложе «Гармония» (18 век).

жил в Кламаре, под Парижем, окруженный «гнездом Трубецких», и выстроил небольшую православную церковь на своем участке. Его имя – в Парижском архиве.

Один из министров третьей коалиции Временного правительства, Сергей Николаевич Третьяков, сын владельца картинной галереи в Москве, был членом Совета газеты Рябушинского «Утро России» и занимал место председателя Московской биржи, а также был товарищем председателя Военно-промышленного комитета. При Временном правительстве он оказался председателем Экономического совещания, а позже – министром торговли у Колчака. Он был расстрелян немцами в Париже во время Второй мировой войны, как советский агент. Было доказано, что он в конце 1930-х гг. помог ген. Скоблину, похитившему ген. Миллера, председателя Общевоинского Союза (белой армии), в его преступлении. Его квартира находилась на ул. Колизэ над квартирой, принадлежавшей Общевоинскому Союзу, и у него был микрофон, по которому он слушал, что происходило внизу, в канцелярии Союза. В вечер, когда генералы белой армии допрашивали Скоблина, Третьяков у себя в квартире слышал, как постепенно допрашивающим становилось ясно, что Скоблин играл ведущую роль в этом деле. Третьяков понял, что Скоблин сейчас бросится из квартиры вон. И в момент, когда Скоблин выбежал из дверей Союза и вбежал на площадку Третьякова, тот уже стоял у открытых дверей, спасая его от неминуемого ареста. Генералы сбежали вниз, – полагая, что беглец выбежал на улицу, и не подозревая, что у него есть укрытие в том же доме. На улице его не оказалось. Он был немедленно переправлен в сов. Россию, где был либо расстрелян, либо сослан – дальнейшая судьба его осталась неизвестной. («Новый журнал», № 144, с. 31, см. также «Последние новости», 1938-1939 гг.: «Процесс Н.В. Плевицкой»).

Никому не было легко принять изгнание, остаться без родины, которой они готовились служить, но особенно тем, предки которых служили России около 300 лет. Русское слово «служить» несет на себе сложную и прочную ауру. Кн. Павел Дмитриевич Долгоруков в изгнании одно время думал обратиться прямо к Ленину и спросить его, нельзя ли ему, Долгорукову, как-нибудь «служить» новому государству. Изгнание для него оказалось совершенно не по силам. Другой шаг он сделал за много лет до этого, и он тоже был ему не легок: он был посвящен в тайное общество, он решил стать масоном.

В начале этого века среди кадетов (не говоря уже об октябристах) было немало людей, которым этот шаг казался трудным, может быть, даже рискованным для их внутреннего спокойствия и совести. Принимая во внимание их титул, их класс, роль их предков в русской истории, а иногда и их религию, мы не знаем, и вряд ли узнаем, как пришли к такому решению Трубецкие, Долгоруковы, Шаховские, и сколько длились их колебания: дать клятву, которая превосходит по значению все остальные клятвы, включая и ту, которую дает человек государству, которому служит, которую дает человек религиозный, положив руку на Евангелие, в верности своей родине и вере. Принять ритуал, поклониться эмблемам без скептических усмешек, согласиться с тем, что иногда политические полувраги или люди, которых не уважаешь, будут подавать им тайные знаки, обращаться к ним на «ты», и встречать их в ложе поцелуями, должно было порой казаться не таким уж легким. Среди предков Долгорукова были не только московские владетельные князья, но и вольнодумцы, и даже – православные святые. У князя Долгорукова был прапрадед, которого императрица Анна Иоанновна казнила в 1739 г. в Новгороде топором на площади.

Я знала и Бярятинского, и Волконского, которые не задумываясь и с удовольствием стали Учениками, Подмастерьями и Мастерами. Но, видимо, Долгорукову все это было не так легко, и теперь Россия, которая была его собственной страной, а не случайностью, была у него отнята, – он прекрасно понимал, что ему грозит смерть, если он вернется.

Масонство он принял не сразу. Мы не знаем, как долго его уговаривали, и кто именно. Но он постарался сначала пойти на небольшой компромисс: это было конспиративное общество, в которое тоже «посвящали», оно называлось «Общество мира». Павел Дмитриевич основал его в 1909 г. в Москве. В Петербурге было открыто отделение – Ковалевским, конечно. Основатель к.-д. партии, член ее ЦК, председатель кадетской

фракции во второй Гос. Думе, а в 1915 г. – председатель к.-д. партии, среди ближайших друзей Долгоруков насчитывал Маклакова, проф. Кизеветтера, Тесленко, – все они были масонами. В 1911 году «Общество мира» насчитывало уже 324 человека. Долгорукова любили, общества его искали, он был либерал, но при этом оставался человеком прошлого века: его долгая связь с Александрой Васильевной Гольстейн была его тайной (он называл ее «наша партийная приятельница»). Тайна соблюдалась так строго, что когда он в 1927 г. во второй раз пошел в сов. Россию, переодетый мужиком, и невдалеке от польской границы его опознали, арестовали и расстреляли, то в книге, посвященной его памяти, Ал. Вас. написала о нем глубоко трогательный очерк, но подписала его мужским псевдонимом, чтобы никто не догадался об их отношениях...

Когда именно его посвятили, остается неизвестным, но в 1915 г. он был уже Мастером. В 1916 г. «пленарные заседания ЦК кадетской партии происходили в его доме, в Москве». Здесь обсуждались кандидатуры будущего Временного правительства «после царя». Кн. Львов был первым кандидатом на пост Председателя Совета министров, причем хозяин дома был не согласен с этой кандидатурой, но говорил, что «никого другого назвать не может». Долгоруков, как Дурново, как барон Розен и некоторые другие, говорил, что Германия победит Россию в этой войне. Ему отвечали на это сдержанным молчанием.

Долгоруков был двоюродным братом Орлова-Давыдова и иногда обедал у него вместе с вел. кн. Николаем Михайловичем на Сергиевской, в Петербурге. Позже он говорил о Ник. Мих.: «строптивный характер, доблестно умер».

До 1917 г. он устраивал «неофициальные собрания» московских кадетов у себя в имении, в Рузском уезде. В то время он был связан с Союзом городов, ездил на фронт, видел «страшный недостаток снарядов». Он был частый посетитель кадетского клуба в Брюсовском переулке, и выступал там с речами и докладами. Он считал, что общая трагедия русской интеллигенции – «отсутствие государственного инстинкта».

В своих воспоминаниях он пишет, что Некрасов – «мелкопробный демагог» и «ведет себя некорректно и отвратительно».

Выбранный в учредительное собрание, он поехал в Петроград 26 ноября 1917 г., вместе с Астровым, Шингаревым, Кокошкиным и гр. Паниной, 28-го – он был арестован ЧК, как и другие.

Небольшая деталь: в 1918 г Долгоруков нелегально жил в Москве, и никто не предложил ему убежища: он пишет, что только гр. Д.А. Олсуфьев приютил его летом 1918 г., он жил у него, и таким образом спасся. Он был в это время членом тайной антибольшевистской группы «Национальный центр» (с Шиповым, Щепкиным и др.); они время от времени выносили резолюции о верности союзникам, но, как пишет Долгоруков, «весной 1918 г. группе грозил раскол». В безнадежном состоянии «начался крен на немцев». Правые уже давно имели этот крен: они «умоляли Мирбаха прислать им в Москву корпус».

Позже, на юге России, Долгоруков стал тов. председателя воскресшего «Национального центра», при председателе М.М. Федорове. Теперь масоны шли влево и шли вправо, теперь уже все было равно, и Долгоруков, в Крыму у Врангеля, состоял в его «Русском Совете».

Он два раза ходил в Россию из Польши. Второй раз оказался последним. Когда-то он купил альбом рисунков Рубенса, Карпаччо и других художников Ренессанса. Теперь этот альбом хранится в бывшем Румянцевском музее, в Москве.

Глава вторая МАСОНЫ В ЭМИГРАЦИИ

Советник русского посольства в Париже Леонтий Дмитриевич Кандауров (30°) уже с осени 1914 г. налаживал связи со своими дипломатическими коллегами из русских посольств и братьями своей Великой Ложы в Европе. Но с февраля 1917 г., когда в России произошла революция, а на западном фронте у союзников начались трудности, ему не всегда удавалось

устанавливать контакты и их поддерживать. Три последних года, еще при после А.П. Извольском, он находил старых друзей и завязывал отношения с новыми. Он был энтузиаст масонства и был весьма доволен, когда узнал, что В.А. Маклаков едет в Париж на место старого русского посла. Извольский не был немедленно уволен, около четырех месяцев он продолжал сидеть на месте. Маклаков приехал в Париж 25 октября / 7 ноября 1917 г.

Уже в 1916 г. Кандауров тайно приступил к созданию «Общества», предвидя возможный скорый конец войны, для будущей парижской русской ложи. Из «Общества» скоро вырос «Комитет»³⁴. В разных странах нашлись русские дипломаты, с которыми он вел переписку, братья-масоны, которых он брал на учет. Это были люди, застрявшие по долгу службы или по собственной инициативе на Балканах, в Швейцарии, в скандинавских странах, в Мадриде и Лондоне. Комитет связался с французскими ложами. Кандауров методически собирал имена и адреса братьев – в первую очередь, конечно, дипломатов, лично ему знакомых, чтобы поддерживать с ними хотя бы эфемерный контакт, особенно в свете того, что делалось в России. Он угадал верно: «Временный Комитет Российского Масонства» с приездом первых эмигрантов оказался для многих приезжих организационным центром. Приехавшие в 1918-1919 гг. в Париж Аитов, Слиозберг, Мамонов, Половцев и другие оказались в обществе друзей, уже найденных Кандауровым в Париже (Панченко, Рапп, художник Широков, адвокат Грюбер, – будущее светило парижского «барро»³⁵.

В эти годы Версальской конференции³⁶ и союзной интервенции на юге России уже известные нам французские ложи «Космос» и «Монт Синай», а также «Права человека» и франко-русская ложа «Трех Глобусов» охотно принимали русских братьев. Кандауров закреплял отношения не только с отдельными русскими братьями за границей, но и с ложами, существовавшими в эти годы в Англии, Дании и Швеции. В 1920 г. с его помощью Керенский в Лондоне, в английской ложе, читал доклад о положении в России. Известно, что под Копенгагеном возобновилась ложа «Зорабабель» (Досточтимый Мастер Веретенников). Она теперь называлась «Фридрих – коронованная надежда». В Белграде открылась ложа под названием «Максим Ковалевский» (Досточтимый Мастер проф. Чубинский), в 1920 г. в ней насчитывалось уже 12 братьев. В Италии ложа «ферианского» Послушания открыла свои двери для русских братьев. В самом Париже предполагалось открыть франко-русскую ложу «Дидро-Горький», но этот проект не был осуществлен.

Русские масоны, съезжавшиеся в Париж между 1918 и 1921 гг., старались так или иначе что-то спасти, – съездами, совещаниями, объединениями³⁷. Благодаря Маклакову и Кандаурову русское посольство для них теперь было центром притяжения в разоренной, измученной Европе. Несмотря на горькие уроки, полученные за эти три года, они сейчас же

³⁴ Позже была создана финансовая комиссия, под председательством А.А. Орлова-Давыдова.

³⁵ Парижская Коллегия адвокатов

³⁶ На парижскую мирную конференцию русских делегатов, выбранных в эмиграции в 1919 г., не допустили. Выбраны были кн. Львов, Маклаков, Сазонов и Чайковский.

³⁷ В 1918 г. в Париже было создано «Русское политическое совещание» (кн. Львов, Маклаков, Гирс, Извольский, Сазонов, Бахметев, Стахович, Гулькевич, Маргулиес, Чайковский, Савинков, Титов, Долгополов и Третьяков, а также – народоволец, шлиссельбуржец С.А. Иванов. Из них 16 были масонами и 5 (Гирс, Сазонов, Извольский, Струве и Иванов) ими не были.

В 1919 г. в Одессе было устроено совещание: Брайкевич, Руднев, Рубинштейн, Елпатьевский, Вырубов, Полнер, Макеев и др. Там же в это время заседал Национальный Центр: Юренев, Волков, Родичев, Григорович-Барский, Бернацкий, Тесленко, Штерн, П. Тикстон, Пешехонов, Бернштам, Трубецкой, Челноков. Из 12-ти человек – 10 были масонами, о Пешехонове и Бернштаме сведений нет.

В Государственном Объединении России, в 1919 г. (юго-запад России) состояли 8 масонов и 7 не-масонов.

принялись организовываться, чувствуя под ногами почву более прочную, чем утлое существование под Деникиным, Колчаком, Юденичем и Врангелем³⁸.

Кандауров принадлежал к Послушанию Великой Ложи, но был исключительно терпим к инакомыслящим; неглупый человек, с чувством юмора, он был знаток исторического масонства и мечтал о слиянии двух Уставов. По его инициативе в 1922 г. была возобновлена «Астрея», одна из самых обширных и престижных дореволюционных российских лож Послушания Великой Ложи.

14 января 1922 года «Астрея» возобновила свою долгожданную деятельность. Инсталлирована она была в 1924 г. «Инсталляция» требовала, по крайней мере, дюжины рекомендаций Великих и Премудрых Мастеров и, конечно, сильной поддержки французов.

В 1924 г. Франция признала Советскую Россию, Маклаков выехал из посольства на улице Гренелль, и Красин, первый посол за шесть с половиной лет, с небывалой помпой въехал в Париж. В этот день на улицах вокруг русского посольства было остановлено движение, и толпа, насчитывающая около ста тысяч человек, стояла на всем протяжении от Северного вокзала до левого берега Сены. Маклаков, с помощью служащих посольства, целую неделю вывозил и сжигал дореволюционные архивы – Извольский, уезжая, ничего не увез и не сжег. На улице Иветт, где собирались русские масоны Послушания Великой Ложи, Кандауров перевез всю свою посольскую мебель, пожертвовав ее «Астрее»³⁹. Дом номер 79 на улице Гренелль перешел к новым хозяевам, и началась новая эра во франко-русских отношениях.

В это же самое время, в 1924-1925 г. Великий Восток на улице Кадэ открыл русским масонам свои двери: «Северная Звезда» и «Свободная Россия» открылись одна за другой. (По одним сведениям, «Северная Звезда» открылась 16 ноября 1924 г., а по другим – в январе 1925 г.). Постепенно ложи обоих Уставов размножились; были учреждены «Северное Сияние», ложа «Трех Глобусов», а также смешанная ложа «Аврора», где первенствующую роль играли женщины: Нагородская, Сыртланова, Бриль, Татьяна Гревс⁴⁰. «Аврора» оказалась одной из наиболее «прочных» лож: средний возраст «сестер» там всегда был несколько ниже лож «мужских»: в 1920-х гг., вероятно, около 45 лет, когда «братьям», в среднем, уже было около 55-ти.

Согласно правилу никогда публично не спорить о политике, русским было внушено, что преувеличивать ужасы, происходящие на их родине, просто нетактично. Когда в 1934 г., по инициативе Кандаурова и Переверзева, было написано воззвание к французским братьям о голоде в России в связи с коллективизацией, с просьбой о помощи, оно было разослано в оба Устава. Великий Восток, где Переверзев имел степень Досточтимого Мастера, был подвергнут за этот шаг строжайшим санкциям и временно закрыт. Больше русские масоны не пытались осведомлять своих французских братьев о действиях Кремля, и в результате, в конце 1930-х гг., московские процессы остались масонами для масонов неосвященными. Надо сказать, что в Великой Ложе престарелые Н.В. Чайковский, В.Д. Кузьмин-Караваев,

³⁸ «Русский Комитет в Париже» состоял из кн. Львова, Коновалова, Маклакова, Ефремова, Стаховича, КД. Набокова, с одной стороны, и Сазонова и Извольского – с другой. Все эти ранние эмигрантские организации доказывают с несомненностью, что масоны играли в эти годы значительную роль, были сплочены, обладали исключительной энергией, и такой же живучестью.

³⁹ «Астрея» не только впоследствии выделила из себя несколько лож, но в это время уже имела Ареопак (Капитул), он был открыт еще до того, как было официально закреплено существование самой «Астреи». Это доказывает, насколько сильна была необходимость Досточтимых Мастеров встречаться друг с другом, без так называемых «нижних чинов».

⁴⁰ «Аврора» и «Права человека», а также «Космос» и «Монт Синай» – во всяком случае, до 1908 г., принимали членов без анкеты и рекомендаций.

Макшеев и др. знали, как вести себя, и подчинялись дисциплине, тем самым избегая инцидентов.

Что касается Советской России, то бесплановое уничтожение заподозренных в масонстве людей во время гражданской войны и военного коммунизма очень скоро перешло в плановую их ликвидацию.

Все началось на II Конгрессе Коммунистического Интернационала, отчасти в связи с тем, что итальянские социалисты еще в 1914 г. вынуждены были отказаться от своей принадлежности к масонству, как тайной организации, не признающей классовой борьбы. На IV Конгрессе Коминтерна, в 1922 г., было во всеуслышание объявлено, что большинство французской радикал-социалистической партии принадлежит к ложам Великого Востока. Этот факт был обсужден после длинного доклада Троцкого, с многочисленными ударами кулаком по столу, где он несколько раз упомянул, что масонство необходимо вымести железной метлой – в России, во Франции и во всех других странах. Он говорил, что масонство – мост, соединяющий в мирном сожительстве классовых врагов, что недопустимо, когда есть классовое сознание.

«Масонство, – говорил Троцкий, – орудие обхода революции, буржуазное орудие, усыпляющее сознание пролетариата, и рычаг буржуазного механизма» (См. немецкий, французский и английский отчеты IV Конгресса Коминтерна).

В резолюции, принятой по его докладу, Конгресс единогласно вынес решение исключить масонов из Коммунистического Интернационала⁴¹.

IV Конгресс Коминтерна происходил в ноябре – декабре 1922 г., но уже в июне в Москве был подготовлен декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, подписанный Калинин и Енукидзе, о «регистрации всех обществ, союзов и объединений, которые каким-либо образом могут объединить рабочий класс с его врагами». В нем говорилось: «Поручить Народному комиссариату внутренних дел произвести в двухнедельный срок со дня опубликования настоящего постановления регистрацию всех обществ, союзов и объединений (научных, религиозных, академических и прочих), за исключением профессиональных союзов ... и не допускать открытий новых обществ и союзов без соответствующей регистрации в Народном комиссариате внутренних дел, по утверждению устава соответствующим органом. Общества, союзы и объединения, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, подлежат немедленной ликвидации».

Затем, 3 и 12 августа того же года появились декреты 622, 623 и 624 (за теми же подписями председателя и секретаря ВЦИКа) о запрещении всех обществ, не имеющих санкции правительства⁴².

Если судить по «Ленинградской правде» от 5 января и «Красной газете» от 15 июня 1928 г., то к этому времени масонство было почти полностью ликвидировано. Индивидуальные аресты и расстрелы, высылка интеллигенции (и добровольный выезд ее) за границу в 1922 г., приговоры по делу Таганцева (когда был расстрелян Гумилев) и по делу Комитета помощи голодающим, разгром «Тактического центра», процесс Промпартии и др. более мелкие процессы вычистили Советский Союз от всех тайных обществ. Последней была ликвидирована ложа «Астрея», члены которой были сосланы на Соловки.

⁴¹ В это время французский социалист, Марсель Кашен, бывший в 1917 г. вместе с Альбером Тома в России, перешел во французскую коммунистическую партию, где через несколько лет стал одним из лидеров. В январе 1923 г. ему, как и всем, было предложено выбрать между компартией и ложей Великого Востока Он выбрал компартию.

⁴² М.И. Юмашев, З.К. Боярская, Г.И. Любов. Ленинские декреты 1917-1922гг. Библиография. М., Изд. «Известия», 1974. Этими сведениями, как и выправкой Моей Библиографии, я обязана С.А. Шуйскому (Библиотека Конгресса, Вашингтон), за что приношу ему свою благодарность.

Два дома в Париже стали местом встреч русских масонов Великой Ложи: один на улице Пюто, другой на улице Иветт. В первом из них располагалась и одна из французских лож Послушания Великой Ложи (мне не удалось узнать, каковы были денежные условия пользования этим помещением), но особняк на улице Иветт всецело принадлежал русским.

Его передал «Астрее» один из состоятельных братьев, хранивший часть капиталов до революции в заграничном банке. Он оставался владельцем дома и бесплатно предоставлял его «Астрее», оплачивая прислугу, отопление и освещение. Разумеется, его не могли не возвести за это в степень Досточтимого Мастера.

Этот «Русский дом» называли «храмом», он был внутри оборудован по всем законам масонского устройства. Он был закрыт владельцем в сентябре 1939 г.

Третье помещение не было храмом и было случайным: это была контора бр. Каплан на Елисейских полях, в которой в первые годы встречались русские масоны в экстренных случаях и в которой, между прочим, происходило первое заседание по поводу учреждения новой ложи «Лотос». Здесь не могло быть ни церемониала, ни агап. И то и другое имело место в «Русском доме».

Сборы денег происходили на каждой сессии. По рядам проносился «мешок», в который клались монеты и бумажки. То, что собиралось, отсылалось в Верховный Совет, после того, как минимальная сумма отчислялась на текущие расходы. Денежные взносы были не высоки, обязательный месячный взнос был 15 франков, но и эти деньги трудно было собрать, и тогда те, кому было жить легче других, платили за соседа. Но бывали случаи исключения из ложи «за невзнос мзды», это случалось обычно после третьего напоминания. Исключение, т.е. вычеркивание имени из списков, называлось масонским термином «радиация».

Как уже было сказано, радиация могла быть временной, в этом случае никаких последствий она не имела. Радиация окончательная и бесповоротная была гораздо серьезнее, так как она иногда распространялась не только на будущее, но и на прошлое: полная радиация требовала, чтобы того, что было, как бы не было. Она уничтожала факт принадлежности человека к масонству.

Именно такой была радиация за нарушение клятвы. Болтливые и строптивые, подозреваемые в равнодушии к тайнам масонства, бывали радированы в окончательной форме. Клятва давалась в Г, в ходе торжественной церемонии. После нее Первый Привратник произносил следующую речь:

«Помыслите о страшных клятвах, принесенных вами в этой пещере, не забывайте и наших клятв, и будьте уверены, что мы строго соблюдаем их, и вонзим наши шпаги в ваши сердца, если бы они оказались изменническими и клятвопреступными, и вы когда-либо нарушили свой долг»⁴³.

Конечно, никто не вонзал шпаги в сердца, но однажды в Булонском лесу в спину одного масона был вонзен четырехгранный стилет, и он был им заколот насмерть. Кто был убийца, и почему он был убит, никто никогда не узнал. (См. «Архивные материалы», Навашин).

* * *

Инсталляция русской ложи в Уставе Великого Востока произошла в Париже зимой 1924-25 гг. В этот день в здании на ул. Кадэ № 16 собрались все братья, которые в 1909 г.

⁴³ Великий Восток после войны 1914–1918 гг. добавил к общей формуле несколько строк. В ПА находится образчик этой «новой» формулы:

Обещаю сообразоваться с установлениями Вел. □ Вост. □ Франции в том виде, в коем они существуют ныне и в том, который может быть принят впоследствии.

Обязательство, принимаемое во время посвящения в Первый градус.

За бр.

Эта копия обязательства подписана бр. □ Кролем. 1925 г.

были членами «Северной Звезды»⁴⁴. Теперь она восстанавливалась, благодаря энергии как новых, так и прежних членов: Маклакова, Алданова, Авксентьева, Маргулиеса, Осоргина, Нессельроде⁴⁵, Миркина-Гецевича, Переверзева и Альперина. Кандауров в письме поздравляет Переверзева с возрождением «Великого Востока народов России». И он, и Аитов стремились как можно теснее сблизиться с ложей «левого» Послушания, но не во всех братьях «Астреи» они находили этому сочувствие.

На торжество инсталляции «Северной Звезды» были приглашены Досточтимые братья из «Астреи» и французы, помогшие русским братьям в восстановлении старой их ложи – все Досточтимые Мастера Великого Востока. Эти гости-французы были: Савуа, Лебей, Ван Раальто, Конселло, Милль, Аризэ и Сеншоль, некоторые из них – друзья еще по России.

Первый состав в «Северной Звезде» был избран единогласно; это были:

Оратор – Маклаков,
Первый Привратник – Маргулиес,
Второй Привратник – Миркин-Гецевич,
Секретарь – Бухало,
Дародатель – Иванов,
Казначей – Вургафт,

Привратники – Пораделов, Виль, Юдицкий и Поволоцкий. Братья – Алданов, Бобринский, Волковысский, Грубер и Рейнборге поделили все остальные должности.

Почти немедленно произошло открытие и второй ложи Великого Востока: Маргулиес и Осоргин решили в Париже учредить «Свободную Россию». Осоргин внес в ложу дух гостеприимства и дружеской непринужденности. Это ценилось более молодыми «кандидатами», которым чопорность и торжественный тон, принятый в ложах, казался каким-то пережитком прошлого. В «Свободную Россию» вступали (с 1925 г.) не только москвичи и петербуржцы, но и братья из Одессы, Киева, Нижнего Новгорода, оказавшиеся теперь в Париже. Кроль, Переверзев, Авксентьев, Маклаков, которых не пугали близкие отношения с левым крылом Великой Ложи, собирались вместе с Кандауровым, П.А. Бобринским, Слиозбергом, Аитовым, и так как все они были масонами выше 15°, то это был Ареопаг, или, по-старинному, – Капитул, где решались уже не просто вопросы, а мировые

⁴⁴ В «Северную Звезду» в 1925 г. вошли все, кто жил в Париже и его предместьях, из ее основателей в 1908 г., а также основателей Думской ложи и некоторых других русских лож Устава Великого Востока.

⁴⁵ Я не позволяю себе поправок к «Записке» Леонтия Дмитриевича Кандаурова, но в этом случае должна сделать исключение и поправить его. Нище никаких следов «брата Нессельроде», упоминающегося в ней, я не нашла, и мне даже неизвестно, был ли такой дипломат в России в 20 веке. Я предполагаю, что этим именем «закодирован» Борис Эммануилович Нольде, дипломат и масон, член к.-д. партии, юрист, занимавший посты в министерстве иностранных дел, как при царском режиме, так и при Временном правительстве. В годы своей карьеры он частью жил в России, частью за границей. Будучи масоном, он, конечно, прекрасно знал масонов в дипломатическом корпусе и был в дружеских отношениях с Кандауровым. Его фамилия, насколько я могла заметить, не появляется в документах Парижского архива. Фамилия «Нессельроде» появляется два или три раза – среди других. Была ли это описка? Вряд ли. Объяснение этому лежит, видимо, в том, что Нольде был радиирован. Причин к этому могло быть две: первая – по его желанию, он вышел из масонства. Вторая – быть может, более серьезная – во время последней коалиции, в сентябре 1917 г., Нольде перешел в лагерь людей, понявших, что единственное спасение России – в немедленном мире с Германией (к этим людям в это время принадлежали несколько человек его же партии, в том числе М.М. Винавер и В.Д. Набоков). И он, преступив клятву верности союзникам, был впоследствии радиирован Кандауровым и Ареопагом Досточтимых – против чего, возможно, и не протестовал. Чтобы сделать такое утверждение, я пересмотрела все списки русского дипломатического корпуса от 1909 до 1913 гг., нашла в них имя Нольде, Нессельроде не нашла. Замечу, что полная радиация происходила не так уж редко, и на память сейчас же приходят две: А.И. Гучков и С.А. Соколов-Кречетов.

проблемы⁴⁶.

Здание Великого Востока в некоторых отношениях было даже удобнее особняков на улицах Иветт и Пюто. Ресторан был просторнее, столовая тоже, в подвале находилась великолепно оборудованная турецкая баня (так называемый «хаммам»), которую масоны называли «бальнеум». Это способствовало интимности. Собирались по четвергам.

Время от времени между двумя Уставами вспыхивали разногласия в связи с вопросом о Великом Архитекторе Вселенной, затихавшие в периоды, когда русскому масонству грозила опасность извне: в середине 1920-х гг., когда ни Великий Восток, ни Великая Ложа еще не чувствовали реальной почвы под ногами, они почти не замечались. В начале 1930-х гг., в связи с наплывом в оба Послушания, разногласия обострились.

Компромисс, который как принцип входит в кодекс масонского поведения, в 1934 г. спас оба Устава от полного разрыва отношений. Великая Ложа рассуждала так: все, что существует, не могло быть сотворено «само собой». Значит, был кто-то. И наши предки, тамплиеры и розенкрейцеры, бросаясь в бой, сражались с именем этого Основателя на устах. Мы не можем его игнорировать. На что Великий Восток отвечал холодно: делайте, как хотите, но нас к этому не принуждайте. У нас всем – легко и спокойно, мы рады всем, а у вас есть тенденция к насилию, которую масонство не может принять.

Глядя назад на этот период – от «инсталляций» обоих Послушаний в середине 1920-х гг. до начала Второй мировой войны, – мы видим, как разрастались ложи, как все больше становилось членов, жаждущих тайного общества себе подобных. Причины были и психологические, и экономические, и они были у всех. Из «Астреи», перешедшей предписанную норму членов, начали постепенно выделяться новые ложи.

Были основаны франко-русские ложи «Se connaitre» и «La Rose du Parfait Silence», но о них известно очень мало. Большим успехом пользовалась ложа Кроля «Les Travailleurs» в Леваллуа, под Парижем, он же играл ведущую роль в создании «Loge de Bonne Foi», в Сен-Жермене. Может быть, от присутствия в русском Великом Востоке людей, которые считались в эмиграции «молодыми душой», а может быть, и от общего духа и индивидуальных характеров братьев, от архивов Великого Востока остается гораздо более живое и даже яркое впечатление, чем от архивов Шотландского Устава.

Возможно, это происходило оттого, что русский Великий Восток стоял гораздо ближе к Великому Востоку Франции, чем русская Великая Ложа к Великой Ложе Франции. Французы, как это часто бывало и раньше, как никто другой умели поднимать дух, а русским братьям это было необходимо. Русские Досточтимые Мастера теперь входили во французские Ареопаги: «Лютеция», «Amici Philosophae» и «Ordo ab Chao» («Порядок из хаоса»). Пожалуй, можно сказать, что самыми счастливыми в масонстве были люди, которые состояли в нескольких ложах: русских, французских и франко-русских, и конечно, те, которые имели доступ в оба Послушания, как «дорогие и уважаемые гости» – это были «десять премудрых избранных». «Десять» – число символическое: в действительности их было около тридцати.

* * *

Внутренняя структура этой всемирной организации была Подробно описана после

⁴⁶ В переписке Кандаурова с Переверзевым, из уважения к прошлому, оба продолжают пользоваться термином «Великий Восток народов России» (напоминание о «Верховном Совете Народов России»), не только для настоящего времени, но и в предвидении будущего: они имеют в виду возобновленное масонство в России. Так, в 1930 г. мы читаем о планах открытия лож (видимо, после падения советского режима) и о будущих выборах в России, и кандидатах в Верховный Масонский Совет. Туда, по их мнению, должны будут войти все те, кто сейчас состоит в Консисториях (высших Ареопагах и Капитулах). Кандидаты Кандаурова: он сам, Слиозберг, Половцев, Давыдов, Бобринский, Аитов, Вяземский, Мамонтов, Нагродский, Лобанов-Ростовский, и разумеется, – Переверзев.

Второй мировой войны, но до 1950-х гг. тайна играла в масонстве важнейшую роль. Русское масонство начала века не успело завоевать себе место в мировом масонстве, а после 1920-х гг., в изгнании, почти никакой роли у него и не было. Тем не менее, оно старалось выжить, коллектив повторял ту же тактику, которой пользовались единицы: выжить в мировом хаосе во что бы то ни стало. В его зависимости от французского масонства был шанс уцелеть, хотя, несомненно, «русская гордость» страдала от того, что последнее слово во всяком важном решении принадлежало не русским, а французам.

Иерархия чинов и степеней соблюдалась очень строго. Ложа – первичная ячейка – представляла собой две «лестницы восхождения»: одна система повышений относилась к обязанностям братьев – Председатель, Секретарь, Казначей, Привратник и т.д. Другая была собственно масонской: Ученик, Подмастерье, Мастер, Тайный Мастер и т.д. – до Досточтимого и Премудрого. Эта масонская иерархия в Великом Востоке имела 33 степени, в Великой Ложе – 18.

Масонские степени давались за рвение в масонской деятельности, за благотворительность по отношению к масонам, за число и качество докладов, прочитанных на сессиях и во время агап, за аккуратность в уплате взносов, за частоту посещений, за немасонскую деятельность на благо масонства. Меньшую роль играли доклады: не все умели писать их, не все знали, о чем писать. Мы видим по протоколам, что больше половины братьев сделали за 10 лет по одному докладу, но тем не менее были повышены в чине.

У русских эмигрантов-масонов во Франции было место, где они могли встретить себе подобных. И больше того: людей, когда-то игравших заметную роль в России, и которые считались там значительными. Сидя за рулем парижского такси, служа сторожем в гараже или «по маленькой» играя на бирже, они знали, что в определенный день будут сидеть за столом с чистой скатертью и слушать, как люди кругом говорят о будущем России, решают ее судьбу и переоценивают прошлое. Они видят вокруг себя дружеские лица, и житейские правила даются такие хорошие. Пример брат с французом: сначала – три министра-масона в правительстве, потом – пять, потом – кандидат в президенты, потом – большинство в палате. Еще немного, и будет у них президент-масон! Кто-то подаст тебе

знак, как в старое время дипломат подавал знак дипломату, купец Морозов – купцу Рябушинскому и депутат Маклаков – депутату Родичеву.

Какие же правила давались здесь? Не скрижаль Синая, но наспех составленный список из 12-ти пунктов на небольшом листке пожелтевшей бумаги нашелся в Парижском архиве. В них изложена вся философия тайного общества св. Тибальда, но в несколько модернизированном виде. Вот она:

- Будем вместе.
- Будем любить друг друга.
- Будем говорить о благе свободы.
- Будем уважать друг друга.
- Будем устраивать памятные собрания после смерти друг друга.
- Будем стараться не спорить друг с другом.
- Будем собираться часто.
- Платить взносы.
- Будем не огорчать друг друга.
- Будем читать доклады на всякие темы.
- Будем соблюдать ритуалы.
- Будем хранить тайны.

Может быть, кому-нибудь эти правила напомнят правила мормонов или других сектантов, особенно скандинавских сект? Или правила, которые в некоторых школах Запада внушают детям учителя-фундаменталисты? Писавший эти «заповеди» М.А. Осоргин до

«Свободной России» и «Вех», был членом итальянской ложи (потомки карбонариев, к которым принадлежал когда-то Байрон). Он был гостеприимным человеком и принимал у себя на дому будущих «кандидатов» своей ложи, «молодых», угощал их чаем, был к ним ласков. Возможно, что он обсуждал с ними свои правила. В пушкинские дни в 1937 году 300 человек пришло в храм слушать его речь о Пушкине, – были представлены все русские ложи. Это был большой день в жизни русского эмигрантского масонства.

Вся система французской 3-ей республики была насквозь пронизана членами тайного общества, его Ареопагами, Капитулами, Консисториями, секретными связями и дисциплиной, не говоря уже о Тайне и Клятве. Масоны жили с сознанием того, что все они, во главе с «Величайшим Избранником Таинственного и Священного Подземелья» и «Мудрейшим Рыцарем Солнца», составляют одно целое: французскую радикал-социалистическую партию, основанную в 1901 году.

Но если ячейка, по уставу вмещавшая не более тридцати членов, в мировом «концерте» не играла значительной роли, то этого никак нельзя сказать об Ареопагах. О них «нижним чинам» было известно немного. В наше время полную информацию о них можно найти как в энциклопедиях, так и в специальных исследованиях, авторы которых, как правило, занимают по отношению к масонству нейтральную позицию, достойную серьезных историков, не снижая и не преувеличивая его роли. Братья – все Досточтимые и Премудрые (их было в каждом Ареопаге не более 12-ти), судя по всему, оказывали влияние на внутреннюю и внешнюю политику европейских держав. Какие же были результаты? Если вспомнить, что именно на это время пришлось две страшных войны и несколько небольших, грандиозная забастовка, чуть не разорившая величайшее королевство восточного полушария, и экономический кризис, повлекший разорение миллионов людей, зловещий террор в России, продолжавшийся более четверти века, и гитлеровские лагеря, где погибли миллионы, мало было сделано, чтобы это предотвратить! Как и Синайские скрижали, 12 заповедей брата Осоргина оказались в этом веке ни к чему, и все загадочные планы, и секретные договоры и заговоры мировых Досточтимых и Премудрых – в парламентах, на биржах, в профсоюзах, в Генеральных штабах и на тронах (какие еще оставались), и даже самый миф мирового могущества мирового масонства – испарились, как дым.

Во главе мирового масонства стоял Всемирный Масонский Верховный Совет, состоявший из Досточтимых и Премудрых («Венераблей»); в этом Совете русским не было разрешено иметь свою делегацию, – они входили в него, как часть делегации французской. Керенский, который вместе с Терещенко и Некрасовым в 1913 г. был Секретарем Масонского Верховного Совета Народов России, не мог вынести такого оскорбления, и это была далеко не последняя причина, почему он не

вернулся в масонство в эмиграции. Будучи частью французской делегации, русские масоны в вопросах выборов в высшую инстанцию, повышений, перемещений и утверждений в высшие степени, должны были координировать свои действия с французами, несмотря на то, что русские Досточтимые и Премудрые продолжали себя считать представителями Верховного Совета Народов России, который был создан в 1913 г.

Всемирный Масонский Верховный Совет один раз в год созывал Конвент, т.е. Генеральную Ассамблею, для ревизии действий Верховного Совета, для назначения на высокие места новых Мастеров, для сложного традиционного церемониала.

Всемирный Верховный Совет влиял – в разные годы с различной силой – на ход мировой политики, сильнее в странах республиканских, менее сильно – в странах, где правили монархи, конституционные и «самодержавные». Если до 1914–1915 гг. в России, опираясь на поддержку верного «арьергарда», можно было кое-что сделать, то уже при Штюрмере и Протопопове сделать было ничего нельзя. В эмиграции можно было влиять только друг на друга – влиять на Ленина, а потом на Сталина, никому не приходило в голову. 50% масонов Ленин ликвидировал в первые же годы после революции, часть он выпустил на запад, а остальные были прикончены Сталиным в процессах, начиная с 1920-х гг. Задача масонства – влиять на внешнюю и внутреннюю политическую жизнь мира – русскими

никогда не могла быть осуществлена.

А тем временем в таинственных Ареопагах узким кругом заседали мудрейшие избранники, вышеназванные Рыцари Солнца, а также рыцари Шпаги, крестоносцы Востока и Запада, рыцари Розы и Креста. Это были масоны 15° и выше; ниже стояли Мастера, принадлежавшие к «ложам совершенства» – от 4 до 14°, а Ученики, Подмастерья и Мастера 3° сидели в «символических мастерских», называвшихся «голубыми» ложами.

В Капитулах масоны от 15 до 18° («красные ложи») имели Достаточно звонкие титулы, но в Ареопагах (19-30°) титулы звучали просто величественно: Рыцарь Медного Змия, Принц Ливанский, Великий Командир Храма – каждый градус звучал оглушительно. В Ареопагах вершились судьбы мира – или

так казалось их участникам, когда падала или поднималась биржа в Гонконге, выбирался французский президент, Венесуэла то объявляла, то не объявляла войну Колумбии, и в Англии готовили всеобщую забастовку, или наоборот, старались ее избежать. И международные банки лопались, как мыльные пузыри.

В Трибуналах и Консistorиях были братья еще более высоких степеней – 31 и 32-ой: Главный Командир-Инспектор-Инквизитор и Великий Принц Королевской Тайны, в то время, как надо всем этим парил Суверенный Великий Ревизор, сидящий во Всемирном Верховном Масонском Совете.

* * *

Одним из основных символов масонства, освященных тысячелетней традицией, является треугольник, и не только треугольник с глазом посередине, но вообще треугольник, как фигура: слово «брат» на письме обозначается треугольником из трех точек (во множественном числе – , и масонское приветствие от брата к брату (салют) также основано на треугольнике: правая рука поднимается к левому плечу и опускается, слегка коснувшись правого плеча⁴⁷. Стены храма увешаны треугольниками. Прежде чем посвятить кандидата в 1°, Мастер задает ему вопросы о символах и их значениях, на которые он должен ответить. Их можно найти в масонских книгах и энциклопедиях, которые в наше время продаются открыто.

Но в первой половине нашего столетия их не было, они печатались в специальных типографиях и в продажу не поступали. Одна из них вышла еще в 1894 г. и была переиздана в 1923. На книге нет имени автора, известен лишь владелец экземпляра, который я держала в руках: некто Волковский, который расписался на ней. Написана она по-французски и называется «Constitution et Reglements Generaux». Rue Puteaux. GLDF. Четыре последние буквы означают, как мы уже знаем, Великую Ложу Франции. В книге мы находим некоторые подробности об отношениях братьев между собой: они пользуются прикосновениями, они употребляют священные слова и пароли при встречах (некоторым – тысяча лет), они подают друг другу знаки, непонятные профану, они скрыто носят на себе регалии.

Регалии состоят из звезд, тесьмы, треугольников, лент, цепей, шнуров и крестов (в том числе мальтийских). Они носят на груди. Нашивки бывают на рукавах и воротниках. Смысл их должен быть известен – научиться ему полагалось между 1 и 2 градусами.

Передо мной другая книга, напечатанная во французской типографии в Париже, в двух изданиях. Они идентичны, но одно напечатано в 1887, другое в 1907. В продажу книга никогда не поступала. Первое издание в переплете, второе – без. На книге печать Великого

⁴⁷ Оригинал скульптуры Микельанджело «Давид» находится во Флоренции, в Академии. Но две ее копии, с поднятой к плечу рукой, одну – белого (теперь серого) мрамора, на пьесте Синьории, в центре города, и вторую – на площади Микельанджело, около церкви Сан-Миньято, может увидеть каждый. Мне указал на этот жест П.П. Муратов. Великий скульптор и архитектор был членом одного из тайных обществ своего времени. Этот же жест сделал Н.И. Бухарин, приветствуя свою аудиторию (русских эмигрантов) в Праге, в 1935 г. (См. Архивные материалы: Маклаков).

Востока Франции. Год 5772. Второе издание имеет в конце «удостоверение в подлинности» (constatation d'authenticite). Это – руководство Верховного Совета для Франции и ее заморских владений. На титульном листе напечатано: «Инсталляция Мастерских. Торжественное открытие Храма. Банкеты. Похоронный ритуал». Здесь же – глаз в треугольнике, основной масонский символ. Имя автора отсутствует. Теперь, когда вышли в свет десятки книг о масонстве и о масонских ритуалах – посвящении, исключении (радиации), повышении в высшую степень, обряде похорон или мемориальных церемониях, после того, как тайн не осталось, эта книга кажется анахронизмом, но мы должны помнить, что русские масоны 20 века имели под рукой только такие руководства, которые в открытую продажу не поступали.

Перевод сделан мной, без стараний сделать текст более «литературным», чем он есть, и без изменения несколько хаотичного плана глав.

IA. ПОСВЯЩЕНИЕ В ПЕРВЫЙ ГРАДУС. ЦЕРЕМОНИЯ

1. До посвящения.
2. Украшение храма.
3. Первый градус, его смысл.
4. Как проводить ритуал для 1°.
5. Предварительное обучение кандидата.

Требования к кандидату:

1. Безупречная нравственность.
2. Средства к существованию.
3. Возраст кандидата – 21 год.
4. Образование: достаточное, чтобы понимать масонское учение.
6. 6 месяцев проживания в месте, где находится ложа.

Угроза исключения, если:

1. Брат обесчестил себя – нарушил обещания, которые дал во время посвящения.
2. Не делал взносов. Его учат:

Как делать знак правой рукой. Рукопожатие.

Ходьбе, – с левой ноги.

Троекратному восклицанию: Хуззай!

Ему вручают: Передник.

Ему сообщают: Пароль, смысл молотка, знаки отличия, ритуал, символику внутреннего убранства храма, а также распределение мест.

IB

Собрания состоят из: чтения протокола последней сессии, введения гостей, обсуждения очередных дел и полученной корреспонденции (письма без подписи не читаются, они тут же сжигаются). Обсуждение очередного кандидата. Утверждение приема новичка (голосованием шарами).

Профан подвергается испытаниям. Весь допрос он вызубрил наизусть. Производится допрос 1, 2 и 3°. Если кандидат принят, считается, что возраст его при вступлении в масонство – три года. Клятва. Соблюдение тайны, подчинение Ордену, верность Ордену. «Если не сдержу – то понесу заслуженное наказание за мой возмутительный проступок и приму чувство омерзения ко мне моих братьев».

Обязанности:

- Соблюдать тайну.
- Работать во славу масонства.
- Любить братьев.
- Помогать бедным.
- Следовать справедливости.
- Любить родину и семью.
- Иметь уважение к самому себе.
- Подчиняться Уставу. Быть верным Великому Востоку.
- Понести наказание за нарушение клятвы и заранее согласиться на то, чтобы его имя было навсегда вычеркнуто из памяти братьев.

II

Всеобщие выборы: правила выборов Досточтимого Мастера и должностных лиц ложи.

III

Церемония: Сообщение паролей на ближайший семестр. Список их нацепляется на шпагу. Три удара молотком. Все поворачиваются лицом к Востоку.

IV

Прекращение работ: закрытие сессии. Из рук в руки переходит мешок для предложений. Если они не подписаны, Досточтимый сжигает их. Если они подписаны – их обсуждают.

Сбор денег в мешок.

В чем состоит обучение? Эта глава объясняет, как ученика подготавливают ко 2-му °, (Два года)⁴⁸.

V**ПОСВЯЩЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ГРАДУС. ЦЕРЕМОНИЯ**

Повторение церемонии посвящения в первый градус. Затем – экзамен.

О пяти чувствах.

Об искусстве и его социальной пользе.

Науки (математика, физика, естественные науки, нравственность, общественные науки).

Благодетели человечества: художники, изобретатели, люди искусства, ученые, моралисты, политические деятели.

Прославление труда.

Разъяснение эмблем. Полярная (или Северная) звезда – звезда свободной мысли, отсутствия суеверий и предрассудков.

⁴⁸ Сроки для повышения были следующие: От 3° до 9° – два года, от 9° до 14° – 9 месяцев, от 14° до 16° – 2 мес. и от 16° до 18° – 4 месяца. На этом иерархия Великой Ложи кончалась. Иерархия Великого Востока после 18°, в зависимости от заслуг братьев, шла до 33°.

VI ПЕРЕХОД В ТРЕТИЙ ГРАДУС. ЦЕРЕМОНИЯ

Переход в 3°. Повышение в градусах называется «повышением жалованья». Усложнение символики, устной и в движениях. Возглас: «Мы – дети Хирама, сына вдовы!»⁴⁹.

VII

Устройство Мастерской. Ритуал ее открытия.

Открытие храма. Ритуал.

Агапа (банкет). Стол – подковой. В середине – Восток, место Мастера. Направо от него – 1-й Наблюдатель (Эксперт). Налево – 2-й Наблюдатель и Дародатель.

Секретарь, Оратор, Казначей, Мастер банкета, Церемониймейстер. У каждого – в руках шпага. Сложный ритуал при посадке каждого. Все встают каждый раз и опять садятся.

Специальный брат вносит предложения, за чье здоровье пить. После этого официальная часть заканчивается.

VIII

Похоронная церемония. Минимум один раз в три года проводится заседание памяти умерших. Брат Оратор берет себе в помощники других братьев. На черных занавесах, покрывающих стены храма – надписи:

В каждой колыбели – зерно могилы.

Сегодня – живые, завтра – мертвые.

Жизнь – работа, смерть – отдых.

Катафалк, в виде пирамиды, впереди, в центре. Все – в черном. Четверо стоят у (символического) гроба. Гроб называется «символическая цель».

Гости из других лож сидят тут же. Ритуальные жесты: «Цепь единения». Речи Оратора и его помощников⁵⁰.

При посвящении кандидата в ученики, ему задают следующие вопросы: Что такое Свобода? Равенство? Братство?

⁴⁹ Хирам – один из строителей храма Соломона.

⁵⁰ Хотелось бы обратить внимание читателей этой книги на некрологи, которые в течение пятидесяти лет писались – сначала в России, а потом в эмиграции – о масонах. Их писали масоны. Начну со случая, теснейшим образом связанного с этим наблюдением: в одном из своих писем Б.И. Николаевскому, в конце 1940-х гг., Маклаков сообщал ему из Парижа в США о погибших в немецких лагерях или убитых во Франции русских. Он дает ему список: Мать Мария, Пьянков, Бунаков, Апостол, Трахтерев, Вольфсон, Левин. Здесь, кроме матери Марии, все названные – масоны. Читатель в недоумении остановится перед таким перечнем: а где же все остальные? О них нет ни слова. Раиса Блох, Михаил Горлин, Вика Оболенская, Ариадна Скрябина, Вильде-Дикой, Клепинин, Рафалович, О.Б. Марголина-Ходасевич, Левицкий, Л.С. Гавронская... Все забыты! Маклаков не пишет, что он дает только имена «друзей» или близко знакомых. Он не дает объяснения этому странному поступку. Но когда мы обратимся к некрологам, то перед нами возникнет картина еще более разительная: Тыркова пишет некрологи о Шаховском, Маклакове; Карпович – о Кусковой, Авксентьеве; Вакар – о Демидове; Керенский – о Карповиче; Гурвич – об Осоргине; Газданов о Тер-Погосяне; Мабо – о Федорове; В. Оболенский – о Юрeneuve; историк Н. Андреев – об Элькине... И это информация – из одного или двух эмигрантских периодических изданий. Можно легко найти десятки примеров. Газета «Возрождение» следовала этой традиции, только в «Последних новостях», где часто сам редактор, Милюков, писал некрологи, можно найти некрологи о масонах, написанные «профанами».

При переходе из 1-го во 2-ой градус задаются вопросы несколько сложнее:

Вопрос: Как следует приветствовать братьев?

Ответ: Ковшом, полным до краев раскаленных углей. (Ковш – стакан; раскаленные угли – вино).

При переходе ученика в подмастерье его спрашивают: «Откуда он пришел? Куда он идет? Каким способом он туда дойдет?»

Для того, чтобы стать Учеником, требовалось свидетельство Префектуры о несудимости; голосование производилось, как когда-то в России, шарами. После экзамена ученику вручали лист, где перечислялись некоторые особые масонские события: раз в год – торжественная агапа в день солнцестояния. Непосредственно за этим в книге идет любопытная глава о масонском воспитании детей. Среди прочих масону разрешенных действий мы находим также и «одновременное состояние брата в двух Уставах». От него требуется при этом «соблюдать дружбу в строгих правилах этикета». Этот пункт относится к уже упомянутому «прикосновениям»: в нем говорится о границе, которую необходимо провести не только в прикосновениях мужчины к женщине, но и мужчины к мужчине.

«Гостями», которые приглашались на сессии и агапы, назывались не просто знакомые профаны, а друзья из других лож и Уставов. Такие визиты поощрялись – никаких ограничений в этом я не нашла.

«Трудами» называлось то, что делалось на сессиях: сперва читался отчет последнего собрания, затем обносили мешок, затем обсуждали кандидатов, голосовали, выбирали делегатов в Совет и Конвент. Иногда читали доклады, принимали новичка или говорили надгробные речи об умершем брате; тогда стены затягивались черной материей и вешались траурные эмблемы в память брата, уснувшего на Востоке Вечном.

Все было основано на строгом регламенте: посвящение, исключение, повышение в степени, выборы Мастера. Церемония посвящения была сложной, церемония повышения – тоже. Диалог, который велся между Мастером и братом, должен был быть выучен этим последним наизусть. Первый Эксперт (или Секретарь) помогал Мастеру вести церемонию, а Первому Секретарю помогал Мастер Церемоний (или Церемониймейстер). Все действующие лица имели в храме свои постоянные места: Досточтимый сидел на Востоке, два Великих Эксперта (Секретаря) сидели по двум сторонам его. Они же иногда назывались Надзирателями: они смотрели за порядком и производили подсчет при выборах.

Все эти высокие должности часто в русском переводе называются по-разному: масонский словарь – вещь совершенно неустановленная. В разных документах можно встретить различные названия применительно к одним и тем же должностям. Возможно, что здесь играет роль конспирация, но возможно, что это просто небрежность, безразличное отношение к слову. Не исключено, что разницей происходил и от того, какой из двух традиций – славянской или западной – следовал автор, переводя должность брата, сочиняющего меню ближайшей агапы, либо как «дародатель», либо как «церемониймейстер».

В списке, который дается ниже, читатель увидит последствия обеих традиций.

- Досточтимый Мастер – сидел на председательском месте за столом. (Три года должны пройти между назначением Мастером и Д.М.).

- Два Великих Эксперта (Секретаря, Надзирателя) сидели слева и справа от него.

- Хранитель печати.

- Блюститель порядка.

- Мастер церемоний (Обрядоначальник и Носитель Священного Огня). Среди других его обязанностей было обходить ряды с мешком, куда клались предложения – как например, собраться на полчаса позже, или закрыть окно, или давать больше света в храме.

- Оратор (Вития). Говоривший речи.

- Казначей – сборщик денег, обносивший мешок.

- Привратник (Страж дверей), впускающий и выпускающий братьев – церемония сложная, с ритуальными стуками в дверь с обеих сторон.

- Архитектор – заведующий помещением.

Кроме того, у каждого ряда стоял Ассистент и наблюдал за поведением братьев. Таким образом, должностных лиц оказывалось – если рядов было 6 – 8, – около 20-ти. Бутафория состояла из уже упоминавшихся передников, перчаток, молотков (или молоточков), а также орденов. В некоторых ложах было два-три Привратника. Дародателя не надо путать с Казначеем, который ничего не дарит, а только берет. Дародателя проверяют раз в год⁵¹.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ МАСОНСКИХ ТЕРМИНОВ

- Алтарь – место, где восседает Досточтимый Мастер.
- Ареопаг – мастерская, где собираются братья из разных лож, но все имеют степень не ниже 15-й.
- Архивист – библиотекарь.
- Архитектор – заведующий храмом.
- Белое масонство – куда принимают женщин и приглашаются профаны.
- Великая Коллегия Ритуалов – следит за исполнением ритуалов.
- Великий Эксперт – заменяет Привратника или Секретаря, а иногда даже Великого Мастера. Он считает голоса при выборах нового кандидата, пишет отказы забаллотированным и т.д.
- Вульгарное общество – устарелое наименование, в XX веке отброшенное, замененное словом «профан», т.е. не-масон.
- Высшие Мастерские – собрания масонов от 4 до 33°.
- Дародатель – заведующий благотворительными суммами (иногда также исполняющий обязанности устроителя банкетов).
- Делегат – выбранный для масонской судебной сессии.
- Депутат – выбранный в масонский Конвент.
- Долина – город, в котором заседает Капитул.
- Инициация – посвящение.
- И.С. – истинный свет.
- Конвент – Генеральная Ассамблея Масонской Федерации.
- Кирка – вилка.
- Лопатка – ножик.
- Носитель Знамени – иногда он же Носитель Шпаги, Носитель Священного Огня, иногда помогающий Мастеру церемоний или банкетов.
- Передник – кожаный, квадратный, обязателен во всякое время на сессиях, начиная с 3°.
- Перчатки – носятся на сессиях. Их кладет в гроб умершему его жена или близкий друг.
- Подмастерье – масон 2°.
- Прибавка жалованья – повышение в следующий градус (напр., из Мастера 3° в Тайного Мастера 4°).
- Прикосновения – масонские знаки для узнавания братьев.
- Работа – занятия братьев на сессиях, а также на агапах.
- Радиация – исключение из тайного общества, на время или навсегда.
- Роза и Крест – символы масонов 18°.

⁵¹ В одном документе я нашла следующие чины (звания), которые, видимо, были взяты из масонского обихода 18 века, и не были объяснены: Великий Гроссмейстер, Наместный Мастер, Помощник Надзирателя и Помощник Секретаря, Исполнитель, Брат Часовой, Брат Гармонии, Обрядоначальник, Брат Доверия, Брат Зодчий и Брат Устрашитель.

- Рыцарь Розы и Креста – брат 18°.
- Страж дверей – он же привратник, стоит у дверей, внутри или снаружи, открывает их только по приказанию 2-го Секретаря или Наблюдателя.
- Сессия – собрание масонов.
- Тайный Мастер – первая степень Мастера.
- Украшения – звезды, знаки, ленты, шнуры, кисти и т.д. (носимые на себе).
- Уснуть – выйти на время из ложи.
- Уснуть на Востоке Вечном – умереть.
- Усыновление – аффиляция, принятие в ложу масона, бывшего до этого в другой ложе либо того же, либо другого Послушания.
- Усыпить – отстранить брата на короткое время.
- Ученик – масон 1°.
- Философский Совет – Мастерская братьев от 30° до 33°.
- Флаг – салфетка.
- Черепица – тарелка.

* * *

Историю русских эмигрантских лож с 1920 г. до июня 1940 г., когда Гитлер взял Париж, можно, пожалуй, назвать счастливой: гонений ни от кого, конечно, не было – французские братья постепенно проходили на верхи власти, трений с ними было немного. Бывали трудности в связи с их симпатиями к тому, что делалось в Советской России, которая многим начинала нравиться все больше, чего непримиримые русские никак не могли принять. К этим трудностям постепенно привыкли, они стали менее болезненны для русской стороны; французам они мешали мало: они в эти годы заполняли как свою Палату депутатов, так и министерства, – это тоже помогало мирному сожительству: все были довольны.

Старые уходили, молодых, часто без всякого успеха, старались втянуть в «сессии», но масонские церемонии казались им потерей времени, иерархия – неоправданным и старомодным пережитком, а соблюдение тайны в стране, где на 90% правили масоны, совершенно непонятным. И хотя основной контингент братьев обоих русских Уставов по-прежнему состоял из тех, кто были масонами до революции, тем не менее, время от конца 20-х гг. до падения Парижа является апогеем русского масонства в эмиграции. В эти годы количество братьев росло, оно стало спадать лишь к концу этого периода, когда средний возраст братьев стал повышаться гораздо быстрее, чем прежде. Кое-кто смотрел теперь на «сессии», как на клубные встречи, и храм воспринимал, как клуб. Мне вспоминается, как однажды В.Ф. Ходасевич сказал о масонах: «Эмигрантское масонство – это смесь парламента и сиротского приюта для стариков». Сближение «левой» части Великой Ложи с «правой» частью Великого Востока постепенно начало терять свою остроту. Повторяю, что эти прилагательные большого смысла не имеют: в ложах никто не навязывал своих убеждений. В конце Концов разница сводилась к тому, что Великий Восток оказался на 100% республиканским, а Великая Ложа старалась держаться «непредрешенчества», предполагая в будущем, которое было одной из главных тем разговоров, предоставить «самому русскому народу решить, какого правительства он хочет». При этом считалось, что если народ захочет монарха, то он должен быть «как в Англии», а если республику – то «как во Франции».

В 1920-х гг. переполненная «Астрея» начала разветвляться в новые ложи («Гермес», «Лотос», «Гамаюн», «Юпитер»). «Гермес» Великой Ложи был основан еще в декабре 1924 г., как ответвление «Астреи», «с особой целью привлечь русских во Франции – ученых, представителей науки, индустрии, служилого класса, – которые смогут изложением своих взглядов на будущее устройство России возбудить серьезный интерес в тех же классах иностранной общественности и у правительств важнейших государств». Но уже через год

ложу перестала собираться, и выборов произведено не было. Французская ложа обратила на это внимание, и тогда «с большим трудом удалось собрать братьев для спешных выборов и спасти положение» (Кандауров). В 1926-28 гг. Досточтимым Мастером стал Нагородский, в 1929-1931 – Тесленко.

Затем ответвилось «Золотое Руно»: русские предложили кавказцам устроиться отдельно. Но грузины, армяне, горцы и азербайджанцы к этому интереса не проявили, а армяне открыто заявили, что никуда не уйдут. «Никто не знал, чего хотеть». Досточтимыми Мастерами «Золотого Руна» были: 1927 – Лианозов, 1928-1930 – Давыдов, 1931 – Вердеревский.

Затем ответвился «Прометей» (1926-1928). Досточтимым Мастером был выбран Зильберштейн – никто из братьев не имел трехлетнего стажа, чтобы получить 3°. Так что никто, кроме него, и не мог им быть.

Русские сами усыпили «Золотое Руно». Французы усыпили «Прометей». Кандауров заканчивал свою «Записку» оптимистической нотой: «В среде населяющих Кавказ национальностей, несомненно, имеются элементы, которые могут подойти для восприятия франк-масонских идей». Но «Руно» не воскресло, и кавказцы испарились из храма.

«Любомудры» с трудом встали на ноги, хотя Великими Мастерами там были Петр Бобринский (1925-1928), Веретенников (1929), и Голиевский (1931). Это, возможно, была не ложа, а Ареопаг – судя по тождественности названия с французским Ареопагом «Amici Philosophae», где русские всегда были желанными гостями.

«Астрю» в эти годы перевели в статус «лож-матерей» (Loge-meres), тем самым сократив число ее членов с 50-ти до законных 30-ти. «Лож-мать» была включена в Совет Великой Ложы и состояла теперь исключительно из Досточтимых Мастеров. Ни учеников, ни подмастерьев там не было.

В одном из своих писем в конце 1930-х гг. Осоргин перечисляет русские ложы в Париже: шесть – Послушания Великой Ложы – «Астрю», «Гермес», «Юпитер», «Гамаюн», «Северное Сияние» и «Лотос», две – Великого Поста: «Северная Звезда» и «Свободная Россия», из чего надо заключить, что открытая по его инициативе ложа «Вехи» не была утверждена. К этому времени все франко-русские ложки, какие еще были, закрылись, и кое-кто из старых русских масонов ушел во французские ложы.

Вот список Досточтимых Мастеров «Астреи» в первое десятилетие ее существования:

Л.Д. Кандауров – 1921-1924 (первые три года, неофициально, – Привратник), Н.В. Чайковский – 1925, Э.К. Беннигсен – 1926, П.А. Половцев – 1927, Вл. Нагородский – 1928 – 1929 (ушел в «Гермес»), П.А. Бобринский – 1930-1931.

Секретарем до 1927 г. был Скрыбин. Макшеев и Мамонтов считались почетными членами-учредителями. Известны также имена других членов ложы:

Соколов (Кречетов) – Оратор до 1924 (выбыл в Берлин, позже радиирован); Наумов – Казначей; Аитов – Дародатель, Эксперт; Маринович – выбыл в 1924; Бурштейн – выбыл в 1925; Навашин – выбыл из «Астреи», остался в Англо-Саксонской ложе; Кугушев – выбыл в 1928; Путилов – перешел в «Юпитер»; Артамонов – ум. в 1927; Слиозберг – ум. в 1937.

Чтобы закончить историю Великой Ложы до войны, я приведу здесь документальный рассказ выделения «Лотоса» из «Астреи», который довольно подробно дает картину одного из важных и несомненно положительных событий эмигрантской жизни в ее масонском разрезе.

Как уже было сказано, в ложу по закону не могли входить более 30-ти братьев. Когда это случалось, она выделяла из себя новую ложу. Первая ложа делалась таким образом «ложей-матерью», дававшей рождение молодой ложе, а иногда и нескольким. Такой «ложей-матерью» стала «Астрю», когда из нее выделился «Лотос». Русская «Астрю» Послушания Великой Ложы была основана еще в 1908 г., и возобновленная в Париже в 1922 г. (официально – в 1924 г.), она процветала 9 лет, когда решено было дать ей детище. «Лотос» выделился в 1932 (1933) г., в 1939 г. ему пришлось уйти в подполье, в 1946 г. он возник опять. В начале 1930-х гг. из «Астреи» выделились «Юпитер», в который вошли братья

усыпленного «Золотого Руна», а затем «Гамаюн», следы которого теряются, и можно предположить, что он закрылся.

В Послушании Великого Востока из «Свободной России» выделились «Вехи», но они тоже, видимо, захирели, хотя их инициатор М.А. Осоргин (33°) с энтузиазмом участвовал в их создании, мечтая омолодить «Свободную Россию».

«Разветвления» и «почкования» лож были торжеством, обставленным с большой помпой. Приглашались «гости», т.е. братья других Уставов, а те, которые не чувствовали потребности в слишком близком братском общении и стойко держались своей «правизны-левизны», были свободны поступать по своему усмотрению. Здесь надо отметить одну особенность взаимной посещаемости лож двух русских Уставов: братья Великой Ложы были менее заметны в храме Великого Востока, в то время, как братья Великого Востока почти всегда присутствовали на сессиях Великой Ложы. Особенно часто бывали на улицах Иветт и Пюто проф. Агафонов, Маргулиес, Переверзев, Тираспольский, место которых было на улице Кадэ, т.к. все эти названные Досточтимые Мастера были масонами «Северной Звезды».

Отчет «Лотоса» написан анонимным автором. Его название: «История образования и деятельности ложи «Лотос» (Шотландского Устава)». В нем 81 стр., и написан он в Париже в 1950 г.

Все документы, приложенные к Отчету, относятся к началу 1930-х гг.; в конце отчета даются некоторые сведения о послевоенном времени: о деятельности ложи, о прочитанных там докладах, а также о последних годах русского масонства.

Двадцати двум братьям были предварительно разосланы повестки, приглашающие 18 ноября 1932 г. (Год Света 5932-ой) в 9 час. в контору бр. Каплан (55, av. des Champs Elysees) для первого обсуждения выделения «Лотоса» из ложи «Астрея». «Лотос» неофициально собирался с 1931 г., но теперь пришло время его законным образом «инсталлировать».

Явились следующие лица:

- Из «Астреи» (№ 500): Аитов, Бернштейн, Веретенников, Вяземский, Де Витт, Гордовский, Каплан, Кривошеин, Рабинович, Свободин, Слиозберг, Смирнов.
- Из «Северного Сияния» (№ 823): Жданов, Протасьев.
- Из «Гермеса» (№ 535): Кац, Ломейер, Мендельсон, Нидермиллер, Шапиро.
- Из «Юпитера» (№ 536): Сафонов.

Все названные – Мастера. Два Ученика были из «Астреи» – Каган и Расин. Все остальные состояли в Ареопагах.

Эти 22 брата обсуждали план ходатайства об инсталляции новой ложи перед Советом Великой Ложы Франции, и тем самым стали учредителями этой новой ложи.

Председательствовал бр. В.Д. Аитов.

Присутствовавшие братья единогласно заявили, что явились для создания новой «Символической Мастерской». Причиной стремления учредить новую ложу было «желание братьев посвятить себя изучению вопросов нравственности, личной и коллективной, а также строгого проведения в жизнь результатов изучения этих принципов». Это предложение было единогласно принято. Решено, было, что этот план ни в коем случае не будет мешать в будущем продолжению усердной работы братьев в своих основных ложах.

Присутствовавшие на собрании затем перешли к временным выборам должностных лиц новой ложи. Единогласно были избраны: Председатель – Досточтимый Мастер Аитов, Оратор – Вяземский, 1-й Страж – Веретенников, 2-й Страж – Шапиро, Казначей – Ломейер, Секретарь – Сафонов, Мастер Церемоний – Каплан.

«Эта временно созданная ложа будет проводить свои работы на русском и французском языке, и избирает для своих постоянных работ храм Русского масонства по адресу 29 ул. Иветт, На Восток от Парижа» (выражение это – чисто символическое; ул. Иветт находится на западе, около метро Жасмен, а Пюто — в центре, около площади Клиши).

Имя «Лотос» было предложено бр. Смирновым. Этот цветок в египетском мифе

символически означает чистый дух, в противоположность материи. Своим девизом ложа берет эпитафию «Справедливость в красоте».

Все братья-учредители принадлежали к Великой Ложе, кроме бр. Веретенникова, который был посвящен еще в России, в ложе «Зорабабель».

Решено было пригласить на открытие новой ложи французских и русских братьев из Устава Великого Востока, как руководителей общей работы и представителей всех семи мастерских русских Вольных Каменщиков. Во главе приглашенных французов стоял Великий Мастер Марешаль, а за ним шли Бро, Моннервилль, Зимерманн, Петри, Шнееберг, Альбабари и Премудрый Мастер Созвездия Стрельца, Мерме. Решение было единогласным.

После проверки всех чинов и степеней присутствовавших, а также убедившись в соответствии своих действий с параграфом 4-м общего регламента, собрание окончательно принимает план основателей новой ложи и поручает бр. бр. Аитову и Смирнову представить Федеральному Совету Великой Ложи Франции прошение утвердить «Лотос» в подобающей форме.

Временная ложа обсудила несколько текущих вопросов, касающихся новой Мастерской, и работы закончилась в 10 час. вечера, после удара молотком бр. Аитова.

(За этим идут 22 подписи).

Затем следует второе собрание 3 марта 1793 г. Были разосланы повестки с просьбой «явиться на торжественную инсталляцию вновь учрежденной русской ложи «Лотос» Великим Маршалом, бр. Маршалем, и членами В. Л. Франции, в храме на ул. Иветт, к 6 час. 30 мин. вечера для открытия работ». «Лотосу» был присвоен номер 638.

Эта повестка на двух языках была разослана не только «тем французским братьям, которые в течение 10 лет принимали живое участие в работах русских лож», но также «представителям всех семи Мастерских Великого Востока». Повестка кончалась следующим примечанием:

«Присутствующих в храме просят быть по возможности в смокингах (во всяком случае – темный костюм), черных галстуках и белых перчатках, Мастеров – в лентах и запонах (передниках).

После собрания, бр. Трапеза исключительно по именным приглашениям, распределенным Досточтимыми Мастерами Ложи «Лотос». Ввиду ограниченного числа мест, особая запись не принимается.

По поручению Досточтимых Мастеров и бр. бр.

Учредителей с бр. Приветом

Исп. об. Секретаря Л. бр. В. Сафонов».

Помимо именных приглашений, в русском масонском доме было вывешено нижеследующее объявление:

«Внимание дор. бр бр \ragХрам может вместить максимум 80 – 85 человек. Таким образом на Собрании Инсталляции л. «Лотос», кроме приглашенных, входящих в состав делегаций и членов-учредителей (всего 65 человек, имеющих зеленые триангли) можно впустить всего 20-25 бр. бр., которые придут заблаговременно.

Вход без передника и ленты не допускается по Уставу. Никаких запасных передников и лент у Привратника не имеется, и отлучиться со своего поста для их разыскивания он не имеет права.

Поэтому благоволят стучаться в Храм только имеющие на себе передники или ленты.

По поручению Д. М.

И. О. Секретаря бр. В. Сафонов».

Далее анонимный автор отчета пишет:

«По приглашению учредителей единодушно откликнулись весьма многочисленные братья обоих масонских Послушаний Франции. Храм был переполнен и приглашенными специально, и другими братьями, считавшими нужным личным присутствием подчеркнуть значение создания новой русской ложи. В столовую могли проникнуть только приглашенные – зеленые триангли – число которых было определено тем, что могла вместить столовая русского дома – «то было весьма тесно».

Меню трапезы было нижеследующее:

- Водка и закуска.
- Селянка московская с осетриной.
- Расстегаи с визигой.
- Индейка в желе.
- Салат «Лотос».
- Фрукты. Кофе.

«Толкование инициатического (!) смысла эмблемы (Лотоса) нашло место в целом ряде приветственных речей. Воздано было громогласное восхваление верным, премудрым и дорогим братьям ложи Великого Востока: Альперину, Агафонову, Переверзеву, Маргулиесу, Тираспольскому – любимым друзьям нашим из «Северной Звезды» и «Свободной России», которые почтили нас присутствием». Но и речь Сафонова получила восторженную оценку анонимного автора. Он пишет, что «она не была шаблонной, какими обычно бывают застольные речи», но «исключительно удачной», и что в ней Сафонов отдал дань уважения и любви «нашему Досточтимому и всем Дорогому создателю русского масонства Кандаурову» (он, видимо, хотел сказать «воссоздателю»).

В члены «Лотоса» были тут же кооптированы Досточтимые «Северной Звезды» Переверзев и Агафонов, Досточтимые «Свободной России» Маргулиес и Тираспольский, один из основателей «Лотоса», представитель «ложи-матери» «Астреи», Досточтимый Кривошеин, а за ним и другие из «братских» лож: Шереметев, Д.М. «Северной Звезды»; Фидлер, Д.М. «Гермеса»; Вердеревский, Д.М. «Юпитера»; Бобринский, Д.М. «Гамаюна». Далее названы гости, среди которых были Маклаков и Давыдов.

Банкеты, своего рода события, происходили по ритуалу один раз в два месяца (агапы происходили раз в неделю, в Великой Ложе по вторникам, в Великом Востоке по четвергам). Банкет также бывал в день св. Иоанна-Крестителя, 6 июля. Тогда собирались все вместе, кроме «крайне правых» и «крайне левых», которые старались не смешиваться с инакомыслящими, и это был настоящий праздник для тех, которые жаждали сближения; среди них самыми энергичными были Аитов, Вяземский (из В.Л.) и Переверзев, Тираспольский, Агафонов (из В. В.). Главную роль на этих агапах играл Мастер Церемоний: он знал, что кому когда поднести и что кому когда пожелать.

Дальнейшая судьба «Лотоса» была счастливее других – после бездействия во время войны, он вернулся к жизни в 1946 г.

В первые шесть лет, до начала войны, в ложу было принято шесть новых членов: в 1933 г. – Раскин, в 1934 – Георгий Лампен и Гольдрин, в 1935 – Виктор Лампен и Лейтес, в 1937 – Лебедев. В этот же период были «афилированы» (из других лож): Петри, Бурышкин, Гласберг, Рабинович, Лианозов, Булатович, Грюнберг, Фидлер, Келлер и Эттингер. Аитов, Смирнов и Лианозов «держали первый молоток», первый – 2 года, второй – 4, третий – один год. Перешли из «Северной Звезды» и других лож В. В., не только русских, но и французских, также около десяти братьев. Кроме того, пятеро были кооптированы из Великого Востока – Альперин, Переверзев, Агафонов, Шереметев, Бобринский и Вердеревский («наши досточтимые и дорогие друзья и братья»). Кооптация коснулась и

некоторых братьев из «Астреи», например, Кривошеина, который оказался и в «Лотосе», и в «Астрее» – высшим членам Ареопагов это было дозволено. «Старейший, почтеннейший и дражайший Кандауров» попал в их число.

Затем начались уходы на Восток Вечный. До начала войны ушли Веретенников, Слиозберг, Кац, Сафонов. Потом Гордовский, Раскин, Фидлер, Келлер. Кое-кто выбыл по радиации. 29 братьев в «Лотосе» были переведены в степень Мастера. После войны в ложу вернулись Кривошеин, Аитов, Протасьев, Рабинович. Некоторые вовсе ушли из масонства – Нидермиллер, Бернштейн, Грюнберг. В 1945-1949 гг. мы встречаем имена старые и новые, подробности не даются: Гилелович, Шклявер, Раис, Карганов и, конечно, Маклаков. Названы пять фамилий, о которых можно понять, что они оказались одновременно в обоих Послушаниях (В. Л. и В. В.): Джакели, Джаншиев, Кадиш, Кангиссер и Аронсберг. Из французских лож, около 1950 г., как будто посвящены были Шамин и Жданов (сын).

За последние пять лет, судя по документам, появились новые: Старынкевич, Луи, Захарьин, Шимунок, Горбачевский. Неясно, когда именно ушли на Восток Вечный Лианозов, Аронсберг, Свободин, Тираспольский, Кангиссер, Карганов, – этот последний состоял одновременно и во французской ложе.

* * *

В Парижском архиве нет никаких сведений о масонских ложах вне Франции. Известны лишь города, где до войны можно было найти русских масонов: Берлин, Копенгаген, Льеж, Брюссель, Варшава, Прага, Белград, Люблина, Кишинев, Амстердам, Данциг, Порт-Саид, Каир, Тегеран, Шанхай, Иокогама, Барселона, Капштадт, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Мехико.

Мы знаем, что братья, рассеянные войной по всему свету, пытались возобновить в Нью-Йорке хотя бы не «инсталлированную» по всем правилам русскую ложу Послушания Великого Востока. Был выпущен «Бюллетень» – мне известен только № 1. К американскому масонству эта ложа имела очень мало отношения. Братья принадлежали к обоим Уставам, и все были из Франции. Американская печать так писала об этом: «В 1942 г. небольшая группа приехала в США и основала здесь масонский клуб. Члены ее принадлежали ранее Великой Ложе Франции и ее Великому Востоку». Ни в европейских архивах, ни в американских об этом периоде нет серьезной документации.

* * *

Мы подходим к концу парижского периода русского масонства. 2 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война, и особняк на ул. Пюто был закрыт – это был дом Великой Ложи, где собирались и французские, и русские ложи. Что касается помещения на ул. Иветт, то оно, как уже было сказано выше, было предоставлено русскому масонству (Устава Великой Ложи) оставшимся неизвестным Досточтимым Мастером, имевшим большие средства. Не могу скрыть моих подозрений, – думаю, что кроме Лианозова, никто не мог этого сделать. Как бы там ни было, но русский дом на Иветт закрылся, видимо из-за начавшихся у хозяина дома денежных трудностей. Русская Великая Ложа перешла в помещение Великого Востока, т.е. оказалась на ул. Кадэ, и немедленно начала, в наступившей беде, сливаться с ним. От 17 сентября до конца декабря 1939 г. у Великой Ложи на ул. Кадэ было 10 сессий. С января начались регулярные еженедельные встречи – по вторникам, а Великий Восток продолжал собираться по четвергам. С марта 1940 г. до 1944 г. все прекратилось. Перед приходом немцев, 10 июня 1940 г. масонская картотека и часть архива были уничтожены самими масонами, другая часть была срочно вывезена. В русских ложах Великого Востока и Великой Ложи был в первые же дни оккупации произведен обыск.

22 июня 1941 г. рано утром, когда на востоке немецкая армия перешла советскую

границу, началась война Германии с Россией. В 8 час. 30 мин. утра по парижскому времени около 120 русских масонов, живших в Париже на своих квартирах, были схвачены и увезены в лагерь Компьень, на восток от Парижа, где некоторые пробыли 4 месяца, а некоторые около года. Среди русских арестованных мне приходят на память следующие имена: Зеелер, Фондаминский, Бобринский, Нидермиллер, Альперин, – этот последний был выбран на следующий день старшиной группы. В архивах я нашла еще инициалы: И.А.К.– Игорь Александрович Кривошеин, после войны вернувшийся с семьей в СССР и еще через несколько лет, после лагеря, возвратившийся в Париж. А также – еще три: Н.Л.Г., В.А.Д и Д.Л.Ж., которые я не смогла расшифровать.

Арестовали масонов, как бывших русских, как эмигрантов, как потенциальных «российских граждан», которые могут вредить Германии и помогать Советскому Союзу: теперь, когда между двумя странами шла война, немцы, видимо, ожидали от них эксцессов. С большой долей вероятности можно предположить, что германскому командованию (или гестапо?) список масонских имен был передан русскими национал-социалистами (эмигрантами), которые работали на немцев вплоть до лета 1944 г. Часть русских, взятых 22 июня, были освобождены, в том числе и Фондаминский. Он погиб в Аушвице (Освенциме) значительно позже.

Из писем и других разнообразных документов Переверзева и Маргулиеса следует, что до начала Второй мировой войны две антимасонские фракции политического сектора Франции занимались антимасонской пропагандой, злостной и лживой, с одинаковой страстностью: одна была крайне правой, клерикальной партией, издававшей газету «Аксион Франсез» («Action Francaise») ⁵² и специальный журнал «Revue Antimaconique». Вторая была крайне левой социалистической партией Жюля Гэда (Jules Guesde, 1845-1922), направлявшей свои стрелы против масонских лож, «где социалисты работают вместе с буржуазными элементами, отрицая такой коалицией классовую борьбу, одну из основ социализма».

В одном из номеров не поступавшего в продажу масонского органа «Акация» (ветка акации – один из символов масонской символической системы) Маргулиес еще в 1922 г. писал о принципах масонства:

«Это – оптимизм, вера в прогресс человечества, отказ от выбора между крайностями, принятие противоречий как некую реальность и неизменность. Все относительно, и прогресс перманентен и необратим. Это необходимо было твердо помнить. К этому прибавлялась солидарность (конкретная, житейская), где все зависят от каждого, и каждый – от всех. Терпимость (левая рука на плече брата). Примирять антагонизмы и мирить противоречия. Из этого исходит принцип: не отрекаться от главы своего правительства и установленного им режима. Не быть в оппозиции, но быть в гуще событий. Закон молчания и идеал совершенствования».

Такие законы и идеалы были чужды Гэду и его группе, – интересно вспомнить, что об этом еще в 1912 г. писал И.А. Белоусов в «Вестнике Европы». Он был корреспондентом журнала в Париже. «Среди французских социалистов очень сильны антимасонские настроения, т.к. социалисты считают масонство вредным по причине его полного непонимания классовой борьбы». Вот, оказывается, как сходились противоположности!

Арест русских масонов был далеко не единственным угрожающим событием для братьев. Спустя три месяца во французской правительственной газете Journal Officiel, выходившей с 1848 года, началось печатание списков, выкраденных с улицы Кадэ, после чего немцы произвели полный разгром помещения. Списки имен (часто информация пополнялась профессией и адресом) шли столбец за столбцом. По декрету маршала Петэна

⁵² В газете «Аксион Франсез» с начала 20 века редакторами были Шарль Моррас и Леон Додэ.

от 12 августа 1941 г. тайные общества были объявлены вне закона, и появление имени в печати означало первый шаг к ликвидации людей, которые оказались в пределах досягаемости нацистов. Больше двух месяцев продолжалась публикация имен (по профессии от сапожников до министров). Тайные общества включали в себя также Теософское общество Франции. В помощь гестапо, с которым рука об руку работали «штатские» национал-социалисты, приглашены были и сотрудники «Аксион Франсез».

Видные члены крайне правых партий Франции работали не за страх, а за совесть: сначала они устроили антимасонскую выставку в Пти-Пале, в центре Парижа (вход был даровой), а затем, с октября 1941 г., стали выпускать специальный журнал (последний номер вышел 15 июня 1944 г.). Возглавил все это движение почтенный директор Национальной Библиотеки в Париже Бернар Фаи. На «спектаклях», устраиваемых этой группой, он участвовал в пародиях, которые ставили сотрудники газеты «Аксион Франсез», и бывал то на конференциях, то главным актером в скетчах, где помогали его единомышленники: Робер Валери-Радо, Маркэ-Ривьер, Жак де Буастель и другие. На улице Кадэ происходили «собеседования», на которых выступали де Бриньон, Бодрийяр, ген. Дельвилль и сам г. Фаи, теперь назначенный Петэном редактором всех изданий найденных масонских документов, хранившихся в тайниках здания. Их было, по словам Фаи, 120 тонн.⁵³ Под конец вечера директор Национальной Библиотеки изображал на эстраде масонские ритуалы, «смешивая публику, которая искренне хохотала», особенно когда он танцевал качучу к удовольствию всех приглашенных.

В годы германской оккупации в доме № 72 на авеню Буа-Де-Булонь находилась антимасонская секция гестапо. Число погибших братьев дает Доминик Россиньоль в своей книге 1946 г.⁵⁴

⁵³ Парижский издатель Сорло, из всех кандидатов, получил исключительное право в спешном порядке заняться изданием масонских документов, от выбравшего его по причине личной дружбы г. Фаи. Через год дела Сорло пошли так хорошо, что он расширил свое дело, и в 1943 году летом решил приступить к изданию серии переводов из русских эмигрантских прозаиков с известными на Западе именами. Первой он обратился к Тэффи, которая, получив небольшой аванс, дала ему для издания книгу коротких рассказов. Была ли она переведена и издана – мне неизвестно. Вторым его кандидатом был Б.К. Зайцев, который запродавал ему один из томов своих сочинений, который был переведен, но, как кажется, не вышел. Если читатель не поленится и возьмет в руки «Новый журнал» № 143, то он там прочтет переписку Зайцева с Буниным по поводу издания Бунина у Сорло. Бунин в декабре 1943 г. согласился на то, чтобы дать Сорло книгу рассказов. Тщетно Зайцев писал ему, что Сорло требует роман, Бунин стоял на своем. Деньги, как мы знаем, были ему нужны до зарезу: он был стар, болен, озлоблен, и даже на поездку к доктору из Грасса в Ниццу ему было трудно наскрести денег. Сорло отказался от Бунина по многим причинам: во-первых – ему не нужны рассказы, во-вторых – рассказы ему не понравились, он нашел их скучными и старомодными, в-третьих – их перевела на французский какая-то знакомая Бунина, и перевод не годился никуда. Скрежеща зубами, ругая Сорло так называемыми «последними» словами, Бунин смирился со своей участью. Это приключение с издателем, которого потом судили за «коллораацию с оккупантами», вероятно и было причиной, почему Бунин после войны так поторопился пойти в гости к советскому послу Богомолу, вышел из Союза эмигрантских писателей и обругал своего старого друга, Б.К. Зайцева, в письме к редактору нью-йоркского «Нового русского слова», напечатанном в 1978 г. в № 133 «Нового журнала».

⁵⁴ Dominique Rossingnol. Vichy et les Franc-Maçons. В этой же работе дается хронология репрессий против масонов во Франции в годы германской оккупации:

1940

30 мая. Д-р Воронов, 33°, вице-председатель Совета Ордена, вместе с председателем Совета Ордена А. Грусье и вторым вице-председателем, Ф. Куром, подписали последний циркуляр Великого Востока, обещая полную поддержку правительству.

7 августа. Письмо Грусье – Петэну: «Мы заявляем, что Великий Восток Франции прекращает свою деятельность. Все ложи обязаны немедленно приостановить всякую работу, если они этого еще не сделали».

13 августа. Закон о запрещении тайных обществ. Приказ государственным служащим давать подписку, что они в тайных обществах не состоят.

19 августа. Декрет о закрытии всех тайных обществ (в частности, Великого Востока и Великой Ложы) на территории Франции, Алжира, в колониях, в странах Протектората и на территориях, находящихся «под мандатом». (Журнал Оффисиель, 20 августа 1940).

Бернар Фаи был судим и приговорен к бессрочной каторге. За все его пародии, выставки и лекции он провел в тюрьме 9 лет. 23 декабря 1953 г. французский президент Коти⁵⁵ простил его, и 8 января 1954 г. он вышел на свободу. В это время в здании на ул.

4, 17, 18 октября. Опубликование германскими властями списка запрещенных книг, среди которых: Гитлер. Моя борьба и Г. Мартэн. История франкмасонства, изд. Сорло.

Октябрь – ноябрь. Выставка в Пти-Пале «Разоблаченное франкмасонство». Вход бесплатный.

31 октября. Немцы объявляют: «Люди, взятые из среды масонства (высших степеней), послужат заложниками, в случае если будет произведено покушение на строителя выставки, барона де Ледэна.

28 ноября. Альфред Розенберг произнес в Париже речь и дал исторический очерк масонства, его роли в революции 1789 г. и преступлений, которые были совершены в результате его действий, в частности – войны 1914-1918 гг.

1941

Май. Бернар Фаи назначен директором Национальной Библиотеки. Под его руководством в Виши открылся Отдел тайных обществ и в свободной зоне – Отдел Информации. В нем пять подразделов: 1. Полиция. 2. Провинция. 3. Архивы. 4. Государственные чиновники. 5. Информация. Место службы Фаи: 16, ул. Кадэ. Центр масонской информации: 8, ул. Пюто.

11 августа. Закон о тайных обществах: решено опубликовать имена всех масонов в Журналь Оффисиель. Приравнять их к евреям, т.е. запретить им занимать казенные места службы.

14 августа. Декрет Петэна № P3395, запрещающий занимать бывшим масонам высокие должности. «Ж.О.» публикует первый список имен масонов (ложки распушены).

24 августа. Заметка в «Ж.О.» о том, что списки сделаны на основании первых данных записей 1920-1940 гг. с адресами, профессиями, чинами и т.д. масонов. (Слух идет о том, что за 300 франков можно сделать так, что имя и др. данные будут пропущены).

15 октября. «Масонские документы», ежемесячник, № 1. Директор – Фаи (из «Аксион Франсез»), редакторы Робер Валери-Радо и Жан-Маркэ-Ривьер, ген. секретарь Жак де Буастель. (Последний номер этого издания выйдет 15 июня 1944).

15 октября. Печатаются списки в «Ж.О.». Всего было опубликовано около 9.000 имен.

29 октября. Выходит № 1 еженедельного «Бюллетеня антимасонской информации». Издатель – Центр документации. Адрес: 8, ул. Пюто. Ответственный редактор Анри Костон.

1942

18 апреля. Пьер Лаваль назначен главой правительства Виши. Костон в 1967 г. писал, что «нельзя забыть, что, благодаря Лавалю, бывш. члены масонских лож были освобождены от зависимости от министерства юстиции».

11 ноября. Немецкая армия занимает «свободную зону».

1943

26 февраля. Петэн благодарит адмирала Платона за его помощь в деле ликвидации тайных обществ. Письмо напечатано в «Масонских документах», март 1943.

29 февраля. В Марселе открывается выставка «Евреи и масоны».

9 марта. Первый просмотр кинофильма «Оккультные силы» в кинотеатре на Елисейских полях, под лозунгом «Связь масонов с английскими империалистами и социалистическим Интернационалом доказана».

1944

6 июня союзники высаживаются в Нормандии.

19 августа. Фаи арестован в своем кабинете (16, ул. Кадэ).

22 августа. Л. Вияр писал: «Когда я вошел в дом на ул. Кадэ, Фаи уже не было. Перед отъездом он сжег большую часть своих бумаг».

18 октября. Великий Восток и Великая Ложка сообщают посылать де Голлю письмо, где заверяют его, что французское масонство будет верным временному правительству Франции.

5 декабря. Фаи приговорен к бессрочной каторге, к конфискации имущества и «всемирному презрению». (Президент Франции Рене Коти простил его в 1953 г.).

Официально цифры жертв германской оккупации обоих Уставов:

Великий Восток:

5210 допрошено

219 депортировано

117 расстреляно

Великая Ложка:

1250 допрошено

520 депортировано

180 расстреляно

Было заведено около 60000 личных масонских дел.

⁵⁵ Рене Коти – президент Франции в 1954-1959.

Кадэ давно кончился ремонт, который длился несколько лет.

Русские братья не выжидали конца войны, они начали собираться вскоре после освобождения Парижа. Помещения у них не было. Судя по их переписке, они собирались, главным образом, у М.М. Тер-Погосяна и В.А. Маклакова, а иногда и в каком-нибудь малолюдном кафе. 12 февраля 1945 г. они вместе нанесли визит советскому послу Богомолу, поздравили его с победой Красной армии и пили за здоровье Сталина. Они хотели «амнистии эмигрантам», «возвращения домой», «диалога» с советским государством и, конечно, прочно стояли на позиции насильственного водворения пленных русских на родину, как и других, вывезенных немцами из России, и также тех, кто ушел с родины вместе с отступающей немецкой армией. Реакция на поход в сов. посольство была сильна не только в Париже, но и в США, где люди считали, что группа Маклакова не имела никакого права говорить за всю эмиграцию. (См. Архивные материалы, В.А. Маклаков).

На частных квартирах и в кафе у братьев не было ни регалий, ни ритуальных предметов, все было осквернено и затоптано сапогами в их «храме». «Астрея», «Юпитер», «Северная Звезда» – трудно было разобрать, кто вернулся куда, кто с кем сидел рядом, и как часто они встречались. Старшим было по 80 лет, младшим – под 60. Вновь появились Кругликов, Фельдзер, Левинсон, Адамович, Покровский, Маковский, Бантыш, Максимович. Адамович в это время был членом «Юпитера», в «Гермесе» были Штранг и Мазе, в «Гамаюне» – Репнин, в «Лотосе» – Стерко. В 1946 г. на ротаторе выпустили тонкий, на дешевой бумаге, первый номер «Вольного Каменщика»; второй не вышел.

Когда был закончен ремонт, на ул. Кадэ появились оба Устава, но выяснилось, что отношения между братьями были далеко не дружественные, что возраст и ужас пережитого разрушили последнюю внутреннюю нравственную крепость людей. На сессии обсуждались вопросы «В» и «С» (вопрос «А», видимо, был отложен, и в чем он состоял – неизвестно).

Вопрос В касался «Свободы и Справедливости» – но некому было прочитать доклад на эту тему. Вопрос С был об «Улучшении работы в ложах», «Как влиять на профанов». На эти вопросы никто не мог ответить⁵⁶, а между тем считалось, что вопрос это очень важный, и он держался в большом секрете. Он сводился к тому, чтобы решить, «как изменить некоторые основные принципы масонства, так как появились причины, которые заставят нас это сделать, чтобы легче было влиять на непосвященных».

Среди немногочисленных бумаг, оставшихся от последнего периода русского масонства Послушания Великой Ложи⁵⁷, находится список тех, кто в годы перед войной (1935-1939) был принят в «Лотос», с разрешением сохранить свое прежнее членство в старых ложах: Р.Ф. Булатович, Д.Л. Вельяшев, Н.Б. Глазберг, К.С. Лейтес, С.К. де Витт, В.Ф. Сафонов, Г.Л. Смирнов⁵⁸, М.С. Мендельсон, Г.Л. Тираспольский (делал доклад о Дон

⁵⁶ В Парижском архиве хранится написанное после войны письмо Гайто Газданова, эмигрантского прозаика и ночного шофера, печатавшего свои романы в Современных записках и отдельными книгами. В письме, адресованном Мастеру его ложи, он жалуется, что ни он сам, ни братья-масоны его ложи (и его поколения) просто не могут писать доклады, потому что «совершенно не знают, как их писать и о чем». К этому времени от старшего поколения (рожд. около 1850-1860 гг.), разумеется, не осталось никого. Второе поколение, родившееся в 1870 гг., подходило к своему концу, а третье поколение русских не имело мотивации, которая могла бы привести их в тайное общество. И, может быть, самое главное: среди них не было ни Цицерона, ни Каталины, и значит, не могло быть «брата Оратора», который был основой каждой ложи еще со времен если не св. Тибальда, то Ковалевского.

⁵⁷ «Астрея» и «Гермес», видимо, не были возвращены к жизни после 1945 г., данных о них нет. Вернулись к активной «работе» только «Гамаюн» и «Лотос», из шести лож списка Осоргина. У «Гамаюна», еще во времена Кандаурова, бывали трудности; он писал о нем: «После двух или трех докладов, по содержанию весьма выдающихся, но имевших атмосферу смертельной скуки, ложа перестала посещаться».

⁵⁸ Не путать Г.Л. Смирнова, о котором почти ничего не известно, с автором воспоминаний, С.А. Смирновым

Кихоте), М.Г. Корнфельд, С.Ф. Гольдрин, К.П. Каплан, В.П. Свободин, Г.Н. Товстолес, Б.К. Краевич, Г.Е. Лампен, П.Я. Рысс (в прошлом из ложи «Гамаюн»), С.Б. Гилелович, Г.Г. Шклявер, В.А. Маклаков, Г.Г. Карганов, П.А. Бурьшкин, Е.С. Рабинович из «Лэбор» (Берлин), С.Г. Лианозов из «Астреи» и «Юпитера», В. Грюнберг из «Астреи», Эттингер из «Гермеса».

Разрозненные листки, вероятно, относящиеся к 1945-1946 гг., судя по почерку, спешно стараются сообщить следующее:

Выбыли по радиации: Гордовский, Каган, Петри, Раскин, Фидлер, Келлер.

Ушедшие на Восток Вечный: Веретенников, Слиозберг (? умер в 1937 г.), Кац, Сафонов.

Перед нами – список фамилий присутствовавших на траурном собрании в январе 1948 г. Неразборчивым почерком на клочке бумаги столбиком идут фамилии братьев Великого Востока:⁵⁹ Тер-Погосьян, Позняк, А. Маршак, Газданов, Новоселов, К. Лерхе, Н. Катков, С. Тикстон, П. Иванов, Левинсон, Пораделов, Горбунов, Гвозданович, Альперин, Марков, Левин, Люблинский, Л. Берберов, Кровопусков, Шеншин, В. Маршак, Вадим Андреев, Лазовский (и пять фамилий неразборчивы).

28 февраля 1952 г. был написан (анонимный) отчет о деятельности (работах) братьев Послушания Великой Ложи. В нем 15 страниц, и он приоткрывает три этапа эмигрантского масонства, – к этому времени во Франции уже вышло не менее шести книг о французском масонстве обоих Уставов.

Русский аноним говорит о первом этапе – «годы надежд вернуться на родину», и о втором – «когда некоторые вернулись, а другие за это отвернулись от них». И о третьем этапе, когда «в братстве возобновилась жизнь, работа, покой и единодушие. И это сделали Досточтимые Мастера русских лож». Видимо, благодаря Лианозову, Магидову и Вырубову (теперь выбранному «Председателем Комитета Лож»), «появилась цель продолжать существование, главное препятствие этому – трудность набора новых \u04411».

«Было 300, теперь – 140...⁶⁰ И средний возраст все растет. Молодых нет, среди новых, принятых за последний год (16 человек), все – Г, и только пятерым из них меньше 50-ти лет. Есть «вторая волна» (эмиграции), но она еще нам чужда».

«У нас 6 лож, 3 мастерских (для тех, кто еще не смог повыситься во вторую степень). У нас нет кадров. Новые пропускают собрания...»

«Выдвигается Борис Ермолов, Председатель Комиссии Ритуалов. За 1949-1952 гг. состоялось 325 собраний вместо 2062: каждую неделю должно быть 9 собраний при 6-ти ложах и шести мастерских. Из них 8 собраний было посвящено докладам Бурьшкина «История масонства». Административной и финансовой частью заведует бр. Тикстон». Выражается благодарность французским братьям: Великому Мастеру Мишелю Дюмениль де Грамону (известный переводчик русских авторов, в частности, Мережковского), а также Великому Секретарю Морису Арману и Андре Адельюсу.

К этому времени, как было сказано выше, некоторые русские масоны вовсе ушли из масонства: Бернштейн, Нидермиллер, Лебедев, Ломейер, Жданов, Грюнберг. Другие перешли во французские ложи, которые к этому времени понемногу начали оживать, но

⁵⁹ В 1955 г. «Вехи», которые не смогли восстановиться после войны, прекратили свое существование, и небольшое количество их членов вошли (по всей вероятности, автоматически), во все еще действовавшую «Северную Звезду».

⁶⁰ Эта цифра мне кажется сильно преувеличенной. К 1954 г. по спискам стало известно, что за девять лет, прошедших со времени войны, посвящено было четыре человека:

Д.С. Старынкевич,
Виктор Луи,
С.А. Захарьин,
В.А. Горбачевский.

будущее их было чрезвычайно сомнительным.

Тот же анонимный автор скромно отмечает на полях: «Нашлись новые силы». Можно предположить, что это были братья из лож «Вехи» и «Свободной России», которых принял к себе «Лотос», но они почему-то все еще числились в Послушании Великого Востока: Джакели, Джаншиев, Кадиш, Кангиссер, Аронсберг, Шамин (из французской ложи), Г.Г. Карганов (из смешанной ложи «France-Armenie»).

В 1959 году настал роковой момент: Великая Ложа разорвала отношения с Великим Востоком. Она официально ввела Великого Геометра в свой статут. Великий Восток этому воспротивился. Компромиссного решения, какое когда-то существовало, ни те, ни другие вынести не могли.

Последним документом в масонском архиве является последний список присутствовавших на сессии ложи «Северная Звезда», 25 февраля 1965 г. Это не значит, что сессия эта была последней. Они продолжались еще лет пять или шесть. Характерно, что масоны, в свое время уехавшие из США и вернувшиеся во Францию после второй мировой войны, видимо, никогда не вернулись больше на ул. Кадэ. В этом последнем списке – все фамилии принадлежат «третьему поколению» русского масонства, средний их возраст был 60–65 лет. Вот этот список: М...Р..., В. Гроссер, А. Маршак, С. Грюнберг, С. Дер...ский, Горбунов, А. Орлов, В. Маршак, А. Юлиус, А. Барлант, А. Шимунек (неразб.– возможно, это Шишунок), И. Фиддер, Т.С..., А, Позняк, Г. Газданов, Петровский, С. Луцкий.

Двое помечены, как братья «Астреи», и один – как брат «Лотоса».

После разрыва двух Уставов в 1959 г., как понять присутствие братьев из Великой Ложи на сессии Великого Востока? Может быть, кто хотел, тот и приходил, и никого уже не спрашивали, откуда он, и имеет ли он право присутствовать в храме? Если это действительно так, то не только способность к компромиссу была утеряна, но и чувство масонской дисциплины. Уже в 1956 г. Алданов из Ниццы, где он поселился после войны, писал Маклакову, за год до его смерти:

«Я предпочитаю встречаться с нашими друзьями где-нибудь в кафе, или у Вас, чтобы можно было поговорить...»

17 человек присутствовало на сессии в 1965 году, если верить выше помещенному последнему списку. Его надо принимать с осторожностью, он составлен небрежно и не внушает большого доверия. Но другого у нас нет. С.П. Тикстон сказал мне в Париже, в 1960 г.: «Кое-кто парализован и смущен сознанием приближающегося конца, с которым мы бессильны бороться»...⁶¹

Из этих 17-ти человек к 1970 году осталась половина. И тут случилось то, что должно было случиться: на одну из сессий пришло пять человек. Кто они были – неизвестно. Был ли среди них хоть один Мастер, – Премудрый, Досточтимый, или хотя бы только Тайный? Но буква закона со времен св. Тибальда требовала, чтобы их было в храме семь.

И Французский Великий Восток отнял у русских братьев их помещение, следуя букве закона.⁶²

⁶¹ Он же сообщил мне, что некоторые бумаги и книги были возвращены в русский масонский архив.

⁶² Здесь необходимо добавить два факта о французском масонстве в 1980-х гг., известных мне по личному опыту. Первый – похороны Великого Мастера Великой Ложи Франции (GLDF) Ришара Дюпюи, 22 мая 1985 г., в 10 час. утра, на которых я присутствовала. Он умер 70-ти лет (р. 1914). С 1947 года он состоял членом Парижской коллегии адвокатов. В 1961 г. он был защитником полк. Бастьен-Тири, приговоренного к смертной казни за покушение на ген. Де Голля. Уже в 1956 году Великий Мастер был возведен в наивысшую масонскую степень (33°). Он был автором книги «Вера франкмасонства» и был верующим католиком. Похоронили его по обряду католической церкви.

И на этом кончилось русское масонство в изгнании.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Список русских масонов XX века включает несколько французских братьев, которые были за их заслуги перед русским масонством кооптированы особым церемониалом в русские ложи, как Досточтимые Мастера (термин, иногда сокращаемый Д.М.)– Эта традиция началась около 1908 г. и продолжалась в эмиграции. В словарь также включены те братья, которые «уснули», т.е. временно (или навсегда) вышли сами из масонства, были «усыплены» – удалены за мелкие проступки, или «радиированы», т.е. вычеркнуты из списков за несоблюдение Устава, за невнесение взносов, за многократное отсутствие на сессиях и – редко – за преступления против масонской нравственности.

Некоторые братья вышли из лож до 1917 и даже до 1914 г. Это отмечается, если была найдена соответствующая информация.

В конце каждой заметки имеется ключ – источник сведений, данных в заметке. Таблица, разъясняющая эти символы, печатается ниже.

Из 660 статей словаря 15 в конце помечены звездочкой (*). Это означает, что к этой статье в конце словаря дается комментарий. Эти 15 примечаний напечатаны по алфавиту.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АВТ – А В. Тыркова, переписка.

АДБ – Архив Д. Бебугова.

Аид – М.А. Алданов, переписка.

АЛТ – АЛ. Толстая, переписка.

АНБ – Архив Н. Берберовой.

АФК – АФ. Керенский, переписка.

БАБ – Архив Б.А Бахметева.

БИБ – См. библиографию в конце книги.

БИН – Коллекция Б.И. Николаевского.

Бюл – Масонский «Бюллетень» в Нью-Йорке, 1945.

Второй факт не менее интересен. В масонском храме в Париже, 25 мая 1985 г. в 3 часа дня, была назначена лекция о тайнах масонства, его истории и символике, от 18 века до наших дней. Собралось одиннадцать человек, людей очень старых – четверо мужчин и семь женщин. Нам вынесли три стула, кое-кто из мужчин сел на пол. Лекторша говорила о том, что давно известно по энциклопедиям (в том числе и по БСЭ). Через четверть часа всех перевели в другой зал, куда потащили и стулья. Воспользовавшись перерывом, я подошла к лекторше и спросила ее, не будет ли особой лекции о 20 веке, о 1914 годе, сороковых годах и нынешнем времени. Она быстро дала мне масонский знак молчания (правой рукой к левой стороне подбородка) и ответила, что таковой не будет, после чего я вышла из здания на улицу, решив, что возвращаться в будущем не имеет смысла, так как все книги, которые, запертые, стоят под стеклом в этом «храме», и о которых говорилось как о священных и таинственных, можно найти в США не только в Библиотеке Конгресса, но и в больших американских университетах, таких как Гарвард, Принстон и Йель.

ВАМ – Архив ВА. Маклакова.

ВВ – Великий Восток.

Вестник – «Вестник объединенных масонских лож». Париж. Гектограф. изд.

ВЛ – Великая Ложа.

ВФХ – В.Ф. Ходасевич.

Гувер – Переписка масонов в Гуверовском Архиве.

ГЯА – Г.Я. Аронсон, переписка.

ЕДК – Ек. Дм. Кускова, переписка.

ЗК – «Записка» Л.Д. Кандаурова.

КАК – К.А. Кривошеин.

Л (л) – Ложа.

Лич – Личные встречи и интервью автора.

Лок Сэр – Роберт Брюс Локкарт, «Дневники 1915-1968».

ЛРБ – Л.Р. Берберов.

Лук – Кап. 2-го ранга А. Лукин.

МГ – Максим Горький.

Мил – П.Н. Милюков.

МТП – М.М. Тер-Погосьян, переписка.

НВМ – Н.В. Макеев.

НВВ – Н.В. Вольский-Валентинов, архив.

ННП – Полк, Н.Н. Пораделов.

ОЛ – Отчет «Лотоса» о деятельности ложи в 1931-1939 гг.

Оф – Списки масонов в «Journal Officiel», август-октябрь 1941.

ПА – Парижский архив русского масонства 1922-1971.

РИБ – Р.И. Берберов.

СПТ – С.П. Тикстон.

ЦГАОР – Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции.

ЦГИА – Центральный Государственный Исторический Архив.

ТЕХАС – Архив Техасского университета.

ЧС – Информация получена от члена семьи.

ЮА – Информация получена из Югославии от А.Б. Арсеньева.

А

АБРАМОВИЧ, Л. Эмигрант в Париже: 22, rue Beranger. Секретарь ложи «Добрая воля» с 1938 г. Оф, ПА,

АВКСЕНТЬЕВ, Николай Дмитриевич (1878-1943). Правый эсер, член ЦК партии с.-р. До 1917 член группы «Призыв» (за границей). С 1914 стоял на позициях оборончества, как и большинство социалистов Антанты. В 1917 член редакции Воли народа, поддерживаемой французским правительством. После февраля и до лета 1917 – председатель ВЦИК Крестьянских депутатов. После июльских дней – министр внутренних дел Врем. прав. Председатель Демократического совещания, председатель Совета Республики, председатель Предпарламента. В 1918 глава Уфимской Директории. Член Союза Возрождения России (1919, Одесса). В эмиграции, в Париже, член Земгора, член редколлегии журнала Современные записки Вступил в 1913; ложа «Агни»: Подмастерье, с 1919 – Мастер, после 1924 – «Северная Звезда» и «Свободная Россия». Досточтимый Мастер, член Ареопагов. 33°. ПА, Гувер, Бюл.

АВРАМОВ. ПА.

АГАДЖАНЬЯН (1865-?). Невропатолог, хирург. Петербург Париж, «Северная Звезда». ПА.

АГАПЬЕВ, Федор. Великая Ложа. ПА.

АГАФОНОВ, Валерий Константинович (ум. 1955). Профессор; автор книги о царской охране (М., 1918); эмигрант в Париже: 9, rue Jobbe-Duval. «Свободная Россия» и «Северная Звезда», 1928-1938. ПА.

АГРОВ. Сотрудник Вестника (см. № 8, 1951). ПА, Вестник.

АДАМОВ, М.А. Московский адвокат, ум. в эмиграции. ПА.

АДАМОВ, Михаил Константинович (1855-1937). Известный адвокат, один из основателей ложи «Свободная Россия». ПА.

АДАМОВИЧ, Георгий Викторович (1894-1971). Критик, поэт; эмигрант в Париже. Член л. «Объединенное братство» в 1930-х гг. После войны – «Юпитер». 2 апреля 1956 выступил в ложе с докладом о Достоевском, напечатанном в Вестнике (июнь 1961). Вестник, ПА

АДЖЕМОВ, Моисей Сергеевич (1878-1950). Член ЦК к.-д. партии. Член Гос. Думы. В сентябре 1917 стал сторонником немедленного мира с Германией, вместе с Б.Э. Нольде, М.М. Винавером, В.Д. Набоковым. СПТ, РИБ, Лич.

АИТОВ, Владимир Давидович (18??-1963). (Был ложный слух о его депортации). Сын царского консула в Париже. Врач, практиковал в Петербурге и Париже. 27, rue Vital. Был женат на бывшей жене Маргулиеса. В 1922 – один из учредителей л. «Астрейя»; позже – «Лотоса». С 1933 – Депутат, с 1935 – Досточтимый Мастер. Член Верховного Совета Народов России с 1938. 33°. Вернулся в «Лотос» после войны. ПД, ЗК, ОЛ, БИБ.

АИТОВ, Давид Александрович. Ум. в 1920-х гг. восьмидесяти с лишком лет. Отец предыдущего. Бывш. русский консул в Париже. Великий Восток. ПА, Лич.

АЛАДЬИН, Алексей Федорович (1873-?). Член I Гос. Думы. Лидер трудовиков. В 1917

оборонец. Был замешан в деле Корнилова. Позже жил в Англии, возможно, – тайный агент на службе Интеллидженс Сервис. (См. Игнатъев. Русско-английские отношения, С. 301; Керенский, *Russia and History's Turning Point*). ВАМ, БИБ.

АЛДАНОВ, Марк Александрович (1886-1957). Писатель, автор исторических романов. Член народно-социалистической партии (трудолик) — Киев-Петербург-Париж-Нью-Йорк. В Париже – 186, av. de Versailles. Один из основателей парижских лож «Свободная Россия» и «Северная Звезда». В 1940 уехал в США, в 1954 вернулся во Францию и прочитал в ложе доклад о первых шагах эмигрантского масонства в США (о филиале «Северной Звезды»). ПА, АФК, Алд, ВАМ, Лич.

АЛЕКСАНДРОВИЧ. В 1930-х гг. Кандидат с правом голоса в одной из парижских лож. ПА.

АЛЕКСЕЕВ, Михаил Васильевич (1857-1918). Генерал, последний начальник штаба Верховного Главнокомандующего (при царе). После отставки вел. кн. Николая Николаевича «числился членом к.-д. партии и состоял в кадетском списке по выборам в Учредительное Собрание» (Нольде. Архив русской революции, кн. 7, ст. 10). Один из организаторов Добровольческой армии на юге России. Был введен АИ. Гучковым в Военную ложу. Масон до 1917. Гувер, БИБ (Тома. Дневник, 28 апреля 1917).

АЛЬБРЕХТ, Александр Петрович. «Астрея» с 1923. ПА.

АЛЬПЕРИН, Абрам Моисеевич. Ум. в 1968 в Париже. ПА.

АЛЬПЕРИН, Абрам Самойлович (1881-195?). Эмигрант в Париже: 7, rue Sebastien Mercier. Был во время войны арестован немцами. 12 февр. 1945 с группой, которую возглавлял В.А. Маклаков, ходил в советское посольство в Париже поздравлять сов. посла с победой, 24 марта того же года читал в ложе доклад об Учредительном собрании. Основатель «Объединения русской эмиграции для сближения с советской Россией». (Некролог Г. Газданова в Русских. Новостях). Ложи «Северная Звезда» и «Северное Сияние». ПА, ВАМ.

АЛЬПЕРИН, Ю. ПА.

АМИЛАХВАРИ, Л. «Золотое Руно» с 1924. ПА.

АМФИТЕАТРОВ, Александр Валентинович (1862-1938). Известный писатель и журналист, автор фельетона «Господа Обмановы» (о царской семье). В 1902 был выслан в Минусинск, в 1905 эмигрировал в Париж. В 1908 вместе с двумя французскими масонами (Сеншоль и Буле) – организатор первых масонских лож в России. В 1916 – редактор газеты Русская воля. После революции выехал в Италию. АДБ.

АНДРЕЕВ, Вадим Леонидович (1903-1976). Писатель, сын Л. Андреева. Жил во Франции: 3, av. Reuge-Dortail, Плесси-Робинсон (под Парижем). После войны – в ООН, вернулся в СССР после сотрудничества в Советском патриоте (русская газета в Париже, 1944-1949, выходила под различными названиями). Член общества «Советский патриот». Секретарь «Северной Звезды» с 1936. ПА.

АНДРЕЕВ, Валентин Леонидович. Младший брат предыдущего. ПА.

АНДРЕЕВ, Николай Ефремович (1908-1982). Профессор истории. Эмигрант. Прага-Лондон. Гувер.

АНИЧКОВ, Евгении Васильевич (1866-1937). Профессор, литературовед, критик сравнительно-исторического метода. Друг Вяч. Иванова и др. символистов. До 1915 – Л. «Космос». После 1920 в Белграде; с 1930 в Париже.

АНТОНОВ. ПА.

АНТОНОВСКИЙ, Юлий (1857-?). Бывший мировой судья. МГ.

АПОСТОЛ, Павел Николаевич (ум. 1942). Служил в Российской торговой палате при царском посольстве в Париже. В июле 1942 вместе с женой был арестован немцами в Париже и депортирован в Аушвиц (Освенцим), где они оба погибли. РИБ.

АРГУНОВ, А.А. (1867-1939). Эсер, близкий к народным социалистам (трудоликам). В 1917 редактор Революционной России. Член Уфимской директории. Эмигрант в Праге. Автор воспоминаний. (В тот самый день, когда директор департамента полиции А.А.

Лопухин выдал Бурцеву Азефа, московский генерал-губернатор Джунковский выдал Азефа – Аргунову). НВМ.

АРИЭС. Член французской ложи, участвовал в русских ложах. ПА.

АРОНСБЕРГ, А.О. Ушел из «Лотоса», после войны вернулся. «Ушел на Восток Вечный» ок. 1955. ОЛ.

АРОНСОН, Григорий Яковлевич (ум. 1968). Меншевик, масон до 1914 г. В 1913 впервые в Витебске был на закрытом собрании Витебской ложи, куца его привел Марк Шагал, и где он слушал речь Керенского. В молодости писал стихи. Автор ценных мемуаров о 1917, один из первых авторов, писавших о русских масонах. (Сам он, будучи меньшевиком, очень скоро вышел из тайного общества). Автор двухтомной Книги о русском еврействе. Сотрудник Социалистического вестника, Нового журнала и др. (См. Архивные материалы). Лич, БИБ.

АРОНЯН, П. Ложа «Гарибальди». 1937. РИБ.

АРТАМОНОВ (ум. 1927). Участник «Общества», затем «Комитета» Кандаурова. Один из основателей «Астреи» в Париже в 1922. ЗК.

АСКЕНАЗИ. «Аврора». ПА.

АСТРОВ, Николай Иванович (1868-1934). Московский городской голова. Один из основателей Всероссийского союза городов, член ЦК к.-д. партии. Отказался вступить в члены Уфимской директории. Член Особого совещания при ген. Деникине во время гражданской войны. Гражданский муж графини Софии Влад. Паниной. Автор воспоминаний. АЛТ, БИБ (Русск. истор. архив).

Б

БАБОВИЧ, Л. (ум. 1981). Владелец гастрономического магазина в Париже, на rue Nicolo. Ложа «Гамаюн»: Архивариус с 1936. ЧС.

БАЖЕНОВ, Николай Николаевич (1857-1923). Москвич. Профессор, психиатр. В начале 20 в. председатель московского Литературно-художественного кружка. Был посвящен во французскую ложу «Les Amis Reunis» в 1884, Один из первых организаторов русского масонства. Принят в «Астрею» в 1906 по рекомендации М.М. Ковалевского. Братья считали, что он «слишком много болтает». Умер в Бельгии. ЗК.

БАК, Юлиан. Издатель Речи (официоз партии к.-д.). Расстрелян в 1921 по делу Таганцева, вместе с проф. Лазаревским, Гумилевым, Ухтомским, Тихвинским (всего 78 человек, среди них 16 женщин и один застреленный при попытке к бегству). МГ, БИБ (Г. Струве).

БАКУНИН, Алексей Ильич (1874-1945). Доктор медицины. Отец ТА. Бакуниной-Осоргиной, автора книги (на франц. яз.) о русском масонстве 18 и 19 вв. ПА, БИБ.

БАЛАВИНСКИЙ, Сергей Александрович. Адвокат. В 1917 – помощник начальника департамента полиции в Петрограде, во время дела Корнилова. Великая Ложа (Париж). ПА.

БАЛАХОВСКИЙ, Д.Г. Брат С.Г. Пети, урожд. Балаховской. Инженер-сахарозаводчик в Киеве. До 1917 – французский консульский агент в Киеве, затем эмигрант. Французы пишут его фамилию: Палашевский. О семье Балаховских см. Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. Париж, 1983, где опубликована его переписка с братьями и сестрами Балаховскими. АФК, Гувер.

БАНТЫШ Полковник. В 1911 был губернатором Иркутска и делал ревизию на Ленских приисках. После этого требовал у царского правительства немедленных улучшений условий рабочих на приисках. «Юпитер». ПА.

БАРАНОВСКИЙ, Владимир Львович. Подполковник, затем – генерал. Шурин А. Керенского и начальник его штаба. Ездил с ним на фронт в мае 1917. По словам В.В. Вырубова, Б. «имел на Керенского очень скверное влияние». НВМ, ННП.

БАРК, Петр Львович (1869-1937). Последний министр финансов царского правительства, заменивший В.Н. Коковцева. Член Гос. Совета. После 1918 жил в Лондоне,

директор одного из лондонских банков. В «Воспоминаниях» (журн. Возрождение, №№ 41, 48, 54, 90, 157-170, 172-184) Барк пишет, что уже с 1915 г. «царские министры принуждены были собираться иногда тайно» для обсуждения событий, и предчувствовали близкую катастрофу. Среди них были те, кто еще старался спасти безнадежное положение: Кривошеин, Сазонов, Харитонов, Рухлов, Поливанов, Щербатов и Павел Игнатъев. Царица писала об этих людях в ставку царю: «Все они еще хуже Думы». Масон в 1915-1916. АДБ, БИБ.

БАРЛАН (Барлант) А. ПА.

БАРТ, Григорий. С 1909 – «Северная Звезда». В Париже, с 1925 – «Малая Медведица» и «Свободная Россия». ПА, ЗК.

БАРЫШНИКОВ, А.А. В 1917 «комиссар портовой связи». Сов. историк Игнатъев называет его «лидер радикалов». (Русско-английские отношения, с. 266). Гувер, Лук, БИБ.

БАРЯТИНСКИЙ, Владимир Владимирович, князь. Драматург, журналист. Муж актрисы Яворской. В Париже в 1930-х гг. – Кандидат (ложи) с правом голоса. ПА, Лич.

БАСАКОВ. Член Гос. Думы. В Петербурге до 1917 член «Английской ложи». ПА, ЗК.

БАУМАН. Профессор Горного института, член «Технического общества». МГ

БАХМЕТЕВ, Борис Александрович (1880-1951). Профессор механики, инженер. В 1916 председатель комиссии, посланной правительством в Вашингтон для военных закупок. Временное правительство назначило его послом России в США. Член к.-д. партии, в ранней молодости – меньшевик. Это обусловило его восторженное отношение к революции. Позже он был против «белого движения». Сохранял свой статус русского посла до 1922 г. До признания Советов США участвовал в Совете Послов, пытаясь отстаивать русские интересы на Версальской конференции. Был в дружеских отношениях с Маклаковым и Сазоновым. ПА, КАК, ВАМ.

БАХРУШИН, Д.П. Москвич, друг М.М. Ковалевского и др. либералов. В 1916 предлагал «раскрыть глаза правительствам союзных стран на то, что делается в России». А.И. Коновалов это и сделал, когда французский военный министр Альбер Тома приезжал в Россию в 1916 г. ВАМ.

БАНКИРОВ, В. Купец-миллионер, тов. министра во Врем. прав. МГ.

БЕБУТОВ, Давид Осипович, князь (1859-1916?). Один из учредителей первых масонских лож в России, друг М.М. Ковалевского. В 1907 предоставил свой особняк (по другим сведениям – квартиру) Кадетскому клубу, а затем и масонской ложе. Был как у себя дома и в Петербурге, и в Москве. Оставил 600 с лишним страниц воспоминаний, где рассказывает, как он дал Азефу 12000 рублей для убийства Николая II, а затем – 3000 Бурцеву, чтобы разоблачить Азефа. О нем упоминает Курлов в своих воспоминаниях, с. 197. (См. Архивные материалы). Гувер, АДБ, БИБ.

БЕКЛЕМИШЕВ, П.П. Упомянут в Воспоминаниях вел. кн. Александра Михайловича, как его помощник в тайном обществе «филалетов», к которому принадлежал и сам Ал. Мих. (см. Романов). ПА, ЗК, БИБ.

БЕЛОЦВЕТОВ, Николай (1896-1950). Москвич, поэт, эмигрант в Прибалтике. Позже – антропософ, редактор журнала Перезвоны. СПТ.

БЕЛОЦВЕТОВ, С.А. Эмигрант, женатый на сестре П.А Тикстона. СПТ.

БЕННИГСЕН, Адам Павлович. Внук Н.Ф. фон Мекк. Эмигрант в Париже: 21, rue du Chemin Vert. Один из основателей «Астреи» в 1922. «Брат-Счетовод» (или Казначей). 32°. ПА, Лич.

БЕННИГСЕН, Эммануил Павлович (1875-?). Старший брат предыдущего. Делегат Русского Красного креста за границей. Член III и IV Гос. Думы. Эмигрант, жил под Парижем: 16, rue du Souvenir (Курбевау). «Северное Сияние», Оратор с 1924. ЗК, ПА.

БЕРБЕРОВ, Леон Рубенович (1903-1972). Род. в Париже. Масон с конца 1930-х гг. Лич.

БЕРБЕРОВ, Минас Иванович (1870-1919). Член армянской партии Дашнакцутюн. В январе-марте 1913 был судим вместе с другими членами партии (меньшевиками-националистами) в Петербурге и выслан в Финляндию на несколько лет. А. Керенский был

одним из защитников в этом деле. Член Армянского правительства в 1917-1918 гг. в Армении. ЧС.

БЕРБЕРОВ, Рубен Иванович (1872-1942). Директор Учетно-ссудного банка, Ростовского-на-Дону отделения. (Отец первого и брат второго). Ложа «Les Compagnons Ardents». Вступил в 1902 в Париже. В 1928 – член л. «Северная Звезда»; в тот же год произведен в Мастера 18°; в 1930 – «Мастер Церемоний». Адрес в Париже: 8, rue Heuzet. Умер на юге Франции. Оф, ПА, Лич.

БЕРЕСНЕВИЧ, ПА.

БЕРКЕНГЕЙМ, А.М. Эсер. НВМ.

БЕРНАЦКИЙ, Михаил Владимирович (1876-194?). Министр финансов Врем, прав., позже – в правительстве Деникина. 25 апреля 1917 под его председательством было созвано совещание при отделе труда министерства торговли и промышленности, где рабочие и хозяева предприятий обсуждали законопроект о забастовках и стачках. Умер во время войны, см. некролог в Новом журнале, № 17. МГ, БИБ.

БЕРНШТЕЙН, Осип. Известный шахматист, сотрудник американских газет, выходец из России, жил 26 лет в США. Переводчик на англ, язык Толстого, Чехова и др. В 1922 – один из основателей «Астреи». Маргулиес в своих воспоминаниях упоминает о любопытном деле (осень 1916 – весна 1917): Б. обнаружил в Военно-закупочной комиссии растрату в миллион долларов. Он напечатал (?) свои разоблачения. Комиссия предложила четверть миллиона рублей за опровержение. Ей было в этом отказано. В 1917 Б. узнал, что несмотря на это, против членов комиссии не было возбуждено преследования: Бахметев и Терещенко (в то время министр финансов Врем, прав.) замяли дело «для спасения престижа России». ПА, ОЛ, БИБ.

БИЛИБИН, Иван Яковлевич (1876-1942). Художник. Эмигрант в Париже. Вступил в 1928. В 1936 вернулся в СССР. ПА, Лич.

БЛАН, Рубен. Брат-Казначей с 1928. 18°. ПА.

БЛАНК, Р.М. (1866-?). Вступил в Петербурге в 1913 во французскую ложу «Humanite», Мастер с 1914. ПА.

БЛЮМЕНТАЛЬ, А.Ф. умер во время войны. «Юпитер». ПА.

БО, Эрнест-Анри (1881-?). Вступил в 1929. ПА.

БОБРИНСКИЙ, Алексей, граф. «Астрея» (вступил в 1922) и Ареопак «Лютеция». Вышел из лож 13 декабря 1934. 10, av. Emile Zola. Париж. ПА, ВАМ.

БОБРИНСКИЙ, Алексей, граф. Литератор. Ложа «Les Compagnons Ardents». Оратор с 1933. 21, rue Cambon, Париж. ПА.

БОБРИНСКИЙ, В.А., граф. (1868-?). Член II, III и IV Гос. Думы. Тов. председателя IV Думы. Председатель Богородицкой уездной земской управы Тульской губ. (Не смешивать с гр. А.А. Бобринским – крайне правым). ПА.

БОБРИНСКИЙ, Петр Андреевич (ум. 1962). Эмигрант в Париже, сотрудник газ. Возрождение, автор книги о Сковороде и др. Вступил в «Астрею» в 1922. Во время войны был арестован немцами. Писал в Вестнике, №№ 1, 2, 3 (1959). Член Массонского Верховного Совета. Ложи: «Астрея», «Логос», Ареопак «Лютеция», «Orbo ab Chao», «Любомудры». 33°. Вестник, ОЛ.

БОБРОВСКИЙ, Михаил (ум. 1926). В 1924, в эмиграции, один из 14-ти основателей возобновленной «Северной Звезды». ПА.

БОГДАНОВ, Николай Иванович (1875 –1930). ПА.

БОГДАНОВ, Б.О. В 1917 – секретарь Рабочей группы при Военно-Промышленном комитете, при председателе Гвоздеве. Гувер.

БОГОЛЕПОВ, А.А. Профессор, эмигрант. МГ.

БОГУЧАРСКИЙ, Василий Яковлевич (1861-1915). Бывший секретарь Вольно-Экономического общества (см. Воспоминания М.М. Ковалевского). БИБ.

БОРОЗДИН, А. Профессор. МГ.

БОТКИН, С.Д. потомок писателя Василия Петровича Боткина (1811/нов. стиль 1812-

1869) и Сергея Петр. Боткина (1832 – 1889), лейб-медика, известного врача. Глава «Русской эмигрантской делегации в Берлине», 1920-1936. «Русская делегация в Берлине» была официально признана германским правительством, как центр эмиграции в Германии – аналогично центру Маклакова в Париже, где в 1920-х гг. существовал «Совет послов». (См. Williams. Culture in Exile). ВАМ, БИБ.

БРАЙКЕВИЧ, Михаил Васильевич. Москвич. Инженер, кадет. Тов. министра торговли Врем. прав. Представитель Комитета Врем. прав, в Одессе перед эвакуацией. Эмигрант в Лондоне. Друг художника Сомова (см. Берберова. Курсив мой, с. 338)⁶³. НВМ, Лич, БИБ.

БРАМСОН, Л.М. (1869-1942). Коллега Керенского во фракции трудовиков в Гос. Думе. Летом 1917 пытался примирить в Исполкоме Петроградского Совета оборонца Церетели с пораженческим большинством (см. Старцев, Революция и власть, с. 204-207, 254). ПА, БИБ.

БРАСЛАВСКИЙ, Александр Яковлевич. В напечатанном немцами масонском списке (Journal Officiel, 1941), отмечен как «служащий». Поэт, был женат на дочери Александра Николаевича Бенуа, а его сестра была замужем за сыном известного кадета М.М. Вина-вера. 106, rue Cambronne, Париж. Член двух французских лож: «Loge de Paris» и «Le Parvic Philosophique». «Юридический Делегат». ПА, Лич, БИБ.

БРАУДО, Александр Исаевич. Вице-директор С. Петербургской Публичной библиотеки. Автор очерков и воспоминаний. Алд, БИБ.

БРИЛЛЬ. «Аврора». ПА.

БРУН, Давид Яковлевич (1893 – 1937). ПА.

БУБЛИКОВ, А.А. (1875-?). Инженер, член IV Гос. Думы. Был назначен Временным Думским комитетом директором железных дорог, его помощником был лейтенант Греков. Комиссар транспорта (март 1917). Выступал на Московском совещании в августе 1917. Автор книги Воспоминания. ЦГИА, ф. 669; БИБ.

БУЛАТОВИЧ, Ростислав Ф. (ум. во время войны). Эмигрант в Париже. 11, rue Jobbe-Duval. Ложа «Северное Сияние»: Брат-Секретарь, 1937-1938. ПА.

БУРШТЕЙН, А. Великая Ложа. Париж, 1920-е гг. До этого – «Общество» и «Комитет» Кандаурова. ПА, ЗК.

БУРЫГИН, Д.М. Нижний Новгород. ПА.

БУРЫШКИН, П.А. (ум. в 1959). Промышленник, до революции – член совета газеты П.П. Рябушинского Утро России. Товарищ московского городского головы. После 1917 эмигрант в Париже: 2, av. de la Republique. Автор воспоминаний Москва купеческая; соавтор Т. Бакуниной в ее книге о масонстве. Ложи: «Юпитер», «Лотос». Делал доклад в Великой Ложе в 1950-х гг. ПА, ОЛ, БИБ.

БУХАЛО, В.Н. (1896-?). Эмигрант, жил под Парижем: 51, rue Branca, Севр. 1922 – «Астрей»: один из основателей «Северной Звезды» в Париже, позже перешел в «Свободную Россию». ПА.

В

ВАЙНШТЕЙН, Лев Ефимович (1893-?). Вступил в 1932. ПА.

ВАКАР, Николай Платонович (1893-?). Эмигрант в Париже, затем в США. Один из инициаторов возобновления масонских лож в эмиграции (с 1919 г.). Сотрудник парижской газеты Последние новости. В 30-х гг. репортер по делу похищения ген. Миллера и др. судебных процессов. После 1940 преподавал в Бостоне. Автор книги о Белоруссии. Гувер.

ВЕЙНШТЕЙН, Григорий Эммануилович (1860 – 1929). Эмигрант в Париже. ПА.

ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ. Эмигрант в Париже. Великий Восток. ПА.

ВЕЛЬЯШЕВ, Дмитрий Леонидович. Ложа «Гермес». ПА.

⁶³ Здесь и далее Н. Берберова ссылается на свои книги, опубликованные издательством «Руссика» (прим. изд.).

ВЕРДЕРЕВСКИЙ, Д.Н. Адмирал; эмигрант в Париже: 2, rue de Calais. Морской министр Врем. прав. В Париже – член Массонского Верховного Совета. Ложь: «Астрея», «Юпитер» (1931 – Досточтимый Мастер). Ареопаги: «Лютеция» и «Ordo ab Chao». «Депутат» и «Второй Охранитель Входов», – второе лицо после Досточтимого Мастера или «Принципала». О нем военный министр предпоследнего состава Врем. прав. А. Верховский в своих воспоминаниях писал:

«Только два человека (в сентябре – октябре 1917) понимали, что происходит, он и я» (На трудном перевале, с. 363). В 1945 Вердеревский был в группе Маклакова, посетившей сов. посла в Париже и пившей за здоровье Сталина. ПА, ОЛ, БИБ.

ВЕРЕТЕННИКОВ, Александр П. До 1914 г. «Зорабавель», в Копенгагене. В Париже Досточтимый Мастер в «Астрее», «Юпитере», «Лотосе» и «Любомудрах». Депутат Массонских Конвентов в 1929, 1931 и 1933 гг. 8, rue Nelaton, Париж.

ПА, ЗК, ОЛ.

ВЕРНАДСКИЙ, Владимир Иванович, Профессор, ученый. Отец историка. Член партии к.-д. МГ.

ВЕРШИНИН, Василий Михайлович (1879 –1944). Эсер. В 1920-х гг. – сотрудник газеты А. Керенского Дни в Париже. Вступил в 1922. ПА.

ВИЛЬК, Александр Захарович (1875-1945). Коммерсант. Вступил в 1923. ПА.

ВИЛЬКЕН. (Ум. 1930, в Александрии). Присяжный поверенный. ЧС.

ВИНАВЕР, Максим Моисеевич (1863-1926). Член ЦК к.-д. партии и один из ее основателей. Член Гос. Думы. Член Врем. прав. Во время гражданской войны – министр иностранных дел Крымского правительства. Автор воспоминаний. В эмиграции редактор литературного приложения к Последним новостям, Звено (1920-1928).

СПТ, КАК, БИБ.

ВИТТ, Сергей де. Эмигрант. 2, rue Nungesser et Coli, Париж. Ложь «Amici Philosophae». Позже перешел в «Лотос». ПА.

ВИШНИЦЕР, Марк Львович (1882-1955). Видный еврейский общественный деятель, историк и педагог. В Петербурге (1907-1914) сотрудник Еврейской энциклопедии, Записок Академии наук, Русской мысли, Минувших годов и др. изданий. С 1938 г. в Париже, затем в США. С 1951 г. председатель «Союза русских евреев в Нью-Йорке». Сотрудник Нового журнала. Умер в Тель-Авиве. Гувер.

ВОЛКОВ, Николай Константинович (1875-?). Член III и IV Гос. Думы. Член Национального центра (Москва, 1918). Эмигрант, директор-администратор парижской газеты Последние новости. С 1912 – л. «Малая Медведица». После войны – «советский патриот». ПА.

ВОЛКОВЫССКИЙ, Александр Максимович (ум. 1957). Скульптор. Эмигрант. 7, rue Nuysmans, Париж. Брат Николая Максимовича, известного журналиста, редактора эмигрантской газеты в Вильно (Вильнюсе), в 1920 г. члена правления Дома литераторов в Петрограде, на Бассейной ул. (Некрасова). Вступил в 1922; член-основатель «Северной Звезды». ПА.

ВОЛЬФСОН, Марк Карлович (1883 –1942). Эмигрант в Париже. Банковский служащий. Вступил в 1927. Был женат на племяннице С.Г. Балаховской-Пети. Оба погибли в Аушвице (Освенциме). ПА.

ВОРОНОВ, Георгий. Доктор медицины. Производил опыты с обезьянами для омоложения, разрабатывал сыворотки из гормонов, сначала в Петрограде, затем в Париже и Швейцарии, где и умер. Член многих французских лож. Был торжественно принят «Северной Звездой» в члены 4 декабря 1930. Член Совета Капитула (массонского ордена). Основатель л. «L'Art et la Science», Привратник (Стерегающий Входы) в 1925-1926. В л. «Action»: Оратор, 1921-1926, 30°; «Досточтимый», 1927 – 1929 – 31°; 1932-1936 – 33°. ПА.

ВОРОНОВИЧ, Николай Владимирович. Камер-паж при Марии Федоровне, вдове Александра III. Командующий гарнизоном г. Луга во время дела Корнилова. Орудовал на Северном Кавказе с «зелеными» во время гражданской войны. Автор Записок камер-пажа и

«Воспоминаний» («Меж двух огней», в Архиве русской революции). Гувер, БИБ.

ВОРОПАЕВ, М.А. Крупный промышленник. Киевлянин, друг М. Терещенко. ЧС.

ВРАЦЬЯН, Семен Лазаревич (1882-?). Эмигрант во Франции. Вступил в 1927. «Северная Звезда», 18°. Жил под Парижем: 14, rue des Platanes, Плесси-Робэнсон. ПА.

ВУРГАФТ, Леон Моисеевич (1876 –1935). Крупней банкир в Петербурге, затем эмигрант. Вступил в 1923. ПА.

ВЫРУБОВ, Василий Васильевич. Жил в Париже задолго до 1917. Затем в Петрограде, при Керенском. Одно время был председателем Комитета Всероссийского Земского союза западного фронта (Минск). Позже вернулся в Петроград. 31 августа 1917, когда ген. М.В. Алексеев (нач. штаба Керенского), после выступления Корнилова, ехал арестовать этого последнего, то его сопровождали Вырубов и Филоненко. В октябре 1917 г. В. стал помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего (т.е. Керенского), при начальнике штаба ген. Духонине. В 1919 – управляющий делами Русского политического совещания в Париже. Ближайший друг Керенского (был с ним на «ты»). Председатель Объединенных русских лож (Шотландского устава). 33°. ЗК, ПА, Лич.

ВЯЗЕМСКИЙ, Владимир Леонидович, князь. До революции – директор коннозаводства; в эмиграции работал в парижской газете Последние новости, заведовал отделом скачек и бегов. Один из основателей русской Великой Ложи, в 1922-1924. В «Северном Сиянии» – Секретарь (1924). Затем – Мастер («Венерабль») в «Астрее». После 1935 – председатель Совета Объединенных лож. Ареопаг «Лютеция». После 1938 – член Массонского Верховного Совета. 33°. 12-bis, rue Raynouard, Париж. Стремился к объединению Великого Востока и Великой Ложи. От первого брака дочь, замужем за сыном писателя Франсуа Мориака. ПА, Лич, ОЛ.

ВЯЗЕМСКИЙ, ДЛ., князь. Дядя предыдущего. Сын члена Государственного совета. Камер-юнкер, уполномоченный Красного креста. Был участником заговора Гучкова – Терещенко – Крымова.

Погиб от случайной пули 2 марта 1917 г. (Гучков. «Воспоминания», в газ. Последние новости, 1936, 9 авг. — 30 сент.) КАК.

Г

ГАВРОНСКИЙ, Борис Осипович. В 1930-х гг. «Кандидат с правом голоса». (Не путать с братом, проф. Д.О. Гавронским). Близкий друг А. Керенского, жил в Лондоне. У него останавливался Керенский, когда бывал в Лондоне. Брат Амалии Осиповны, жены И.И. Бунакова-Фондаминского, члена партии с.-р., одного из редакторов Современных записок. ПА.

ГАГАРИН, князь. Вступил в «Астрею» в 1922. ПА.

ГАЗДАНОВ, Гайто (Георгий) Иванович (1903 –1971). Писатель. Эмигрант в Париже. Вступил в 1932. В 1961 стал Мастером л. «Северная Звезда». ПА.

ГАЛЬМ (Хальм, Альм), Иван Иванович (1884 –?). Вступил в 1930. ПА.

ГАЛЬПЕРИН, Илья Маркович (1881-?). Вступил в 1925. ПА.

ГАЛЬПЕРИН, Самуил Захарович (1864-1937). С 1923 – Великая Ложа, в 1925 перешел в «Свободную Россию». 30°. Автор книги *Le Bolchevisme et la Franc-Maçonnerie*. ПА, БИБ.

ГАЛЬПЕРН, Александр Яковлевич. Род. в Харькове. Член «масонской миссии», учрежденной после открытия первых лож в 1906 – 1908 гг. для поездок за границу. Управляющий делами Врем. прав, последней коалиции в сентябре – октябре 1917. Член партии с.-д. После 1917 жил и умер в Лондоне. Муж Саломеи Андрониковой. ПА, Гувер.

ГАМБАРОВ. В 1906 – член группы Бебутова и Баженова. АДБ.

ГАРДЕР, Н.В. «Астрея». ПА.

ГВОЗДАНОВИЧ. ПА.

ГВОЗДЕВ, Кузьма А. (1883-?). До 1917 член Совета Военно-промышленного Комитета, председатель «рабочей группы». Позже (сент.-окт. 1917) министр труда Врем. прав. Рабочий,

друг Авксентьева. Оборонец, один из первых организаторов Советов Рабочих и Солдатских депутатов. (Шляпников считал его ренегатом, продавшимся буржуазии: Воспоминания, 17-й год. Том 3). Он был арестован царским министром Протопоповым 12 февраля 1917 за интервью французскому корреспонденту Пти Паризьен, Жоржу Анэ. Его освободила революция – утром 27 февраля. В 3 часа дня Керенский, Чхеидзе, Скобелев и др. социалисты провозгласили себя Временным Исполкомом Совета Р. и С. депутатов. В 7 час. веч. на первое собрание явилось 1250 человек. Выступал Гвоздев. ЕДК, БИБ.

ГЕГЕЧКОРИ, Евгений Петрович (1881-1954). Член III Гос. Думы, меньшевик. Премьер-министр Грузии в 1918-1921 гг., затем эмигрант. СПТ, БИН.

ГЕРШУН, БЛ. (ум. 1954). «Свободная Россия». Автор «Воспоминаний адвоката» (Новый журнал, № 43). ПА, БИБ.

ГЕССЕН, Владимир Матвеевич (ум. 1920). Член II и III Гос. Думы. Член ЦК к.-д. партии. Кузен Иосифа Влад. Гессена (не масона). Профессор Петербургского университета и Женских курсов. «Брат-Оратор». (См. Маргулиес, Воспоминания, т. 3, с. 166). Гувер, БИБ.

ГЕФТЕР, А. Литератор, моряк, эмигрант в Париже. Сотрудник газ. Возрождение. Член Морской ложи. Лук.

ГИДОНИ. Бывш. профессор университета в Баку. Ложа «Thebah», 1937 – «Адьюнкт-Оратор». ПА.

ГИЛЕЛОВИЧ. ПА.

ГЛАСБЕРГ (Глазберг), Валентин Наумович. Банкир, тов. министра финансов Врем. прав. ПА.

ГЛИКБЕРГ (Глюкберг), Александр Михайлович (1880-1932). Поэт-юморист, псевдоним: Саша Черный. 1932 – вступил в л. «Свободная Россия». Умер на юге Франции. ПА.

ГОДНЕВ, И.В. Член Гос. Думы и «Думской группы» Союза 17 октября. Царская полиция следила за ним с середины января 1916. Государственный контролер в марте-июле 1917. ВАМ.

ГОЙЕР, Лев фон (1877-1939). «Юпитер». ПА.

ГОЛЕЕВСКИЙ, Н. Генерал; эмигрант: 3, rue de Billancourt, под Парижем. Ложи «Астрея» – с 1922 г., «Любомудры» и «Золотое Руно» – основатель, «Гамаюн» – Первый Привратник (Страж). Ареопаги «Лютеция» и «Ordo ab Chao». ПА, ЗК.

ГОЛОБОРОДЬКО. Эмигрант в Париже. Был женат на сестре В.О. и М.О. Фабрикант. НВМ.

ГОЛОВИН, Николай Николаевич. Профессор военного дела. Либерал. Бывший академик Ген. Штаба в Петербурге. Историк, автор книг, военный делегат Предпарламента. В 1917 г. ген. М.В. Алексеев рекомендовал А. Керенскому его вместо себя. Эвакуировался с армией Врангеля в Галлиполи. В эмиграции, в Париже, лектор, член Русской Академической группы. Гувер.

ГОЛОВИН, Ф.А. Кадет, председатель II Гос. Думы. Член Московской губернской земской управы. Автор воспоминаний. БИБ.

ГОЛЬДЕНШТЕЙН, Николай Александрович. Вступил в 1927. ПА.

ГОЛЬДОВСКИЙ, Анисим (1865-?). Адвокат. ОЛ.

ГОЛЬДРИН, С.Ф. ОЛ.

ГОЛЬДШТЕЙН, Моисей Леонтьевич. Адвокат. Приват-доцент Московского университета. В Ростове-на-Дону издатель Приазовского края. В Киеве состоял во главе Всеукраинского комитета помощи пострадавшим от погромов. Эмигрант в Париже, первый издатель газеты Последние новости. ЛРБ.

ГОЛЬСТЕЙН, Александра Васильевна (1849-1937). Большую часть своей жизни прожила в Париже. В последнее десятилетие 19 века у нее был «салон», где бывали ведущие французские писатели и поэты ее времени, а также и русские, жившие в Париже. Состояла членом французских лож, куда допускались женщины. Ложа «Аврора». АДБ, Лич.

ГОРБАЧЕВСКИЙ. Принят в «Лотос» после войны. ОЛ.

ГОРБУНОВ, ПА.

ГОРДОВСКИЙ, Владислав. ОЛ.

ГОРДОН, Эзекиель Ноевич. ПА.

ГРЕВС, Татьяна. «Аврора». ПА.

ГРИГОРОВИЧ-БАРСКИЙ, Глеб Дмитриевич (1901-?). Вступил в 1929, вышел из ложи в 1931. ПА.

ГРИГОРОВИЧ-БАРСКИЙ, Дмитрий Николаевич. Отец предыдущего. Киевский адвокат. Председатель Киевской Судебной палаты и Киевского областного комитета к.-д. партии. Глава русской секции переводчиков в ООН, 1947-1960. ПА.

ГРИММ, Д.Д. Профессор, юрист. Член «Академической группы» к.-д. партии. Друг А.В. Тырковой. После войны – в Австралии. «Предвидел революцию и гибель интеллигенции» (Дякин). АВТ, ВАМ, БИБ.

ГРИНБЕРГ, Леон Адольфович. Совладелец и администратор известного в Париже магазина «A la vieille Russie» (художественные ценности старой России). Был женат на младшей дочери М.М. Винавера, Софии, женщине-адвокату парижского «барро». ПА.

ГРОДНИЦКИЙ, Веньямин Леонтьевич. Доктор медицины. ПА.

ГРОМАН, В.Г. Экономист. Был судим и осужден по делу «Промпартии» в Москве. ЕДК.

ГРОНСКИЙ, Павел Павлович (1883-1937). Профессор. Кадет. Член IV Гос. Думы. Тверской земец. Сотрудник Последних новостей. Член «Академической группы» в Париже, из которой позже вырос Франко-русский институт (председ. Гастон Жэз, 33°). Отец поэта Николая Тройского, погибшего от несчастного случая в парижском метро. Гувер, БИБ.

ГРОССЕР, В. ПА.

ГРУБЕР. Парижский адвокат, «Мэтр Грюбер». Член «Общества» Кандаурова. Один из основателей «Северной Звезды» в Париже. ЗК.

ГРУЗЕНБЕРГ, Оскар Осипович (1866 –1942). Известный адвокат, защищал Бейлиса (вместе с В.А. Маклаковым и др.). Сенатор при Врем. прав. После 1920 – в Риге. ВАМ.

ГРЭГ, В. Сотрудник «Вестника объединенного масонства». ПА, Вестник.

ГРЮНБЕРГ, Всеволод. Инженер. Ареопаг «Ordo ab Chao» и ложа «Астрея». 31°. 5, rue Davioud, Париж. ПА.

ГРЮНБЕРГ, С. «Лотос». Во время войны в США. Позже не вернулся. ПА.

ГРЮНВАЛЬД, Константин. Сотрудник газ. Возрождение. «Астрея»: 31°. Ареопаги «Лютеция», «Ordo ab Chao». В Париже в 1930-х гг. 3, rue La Perouse. О нем см. письмо В.Ф. Ходасевича Н. Берберовой 1938 г. в АНБ, и Возрождение № 4168, 1938, о скрытой политической работе К. Г. и Дена. ПА, АНБ.

ГУЛЬ, Роман Борисович (1896 –1986). Литератор. В молодости участник «белого движения». В Берлине до 1927 корреспондент советских газет. Затем – в Париже. Вступил в 1936. В 1946 – 47 сотрудник сборников Мельгунова, после войны организатор группы «Народная правда». Уехал в США в 1950. Секретарь Нового журнала, затем – член его редколлегии, и позже – его редактор. О принятии его в ложу и о выходе из масонства см. Новый журнал №№ 152, 159. ПА.

ГУЛЬКЕВИЧ, К.Н. Царский консул (позже – посланник) в Стокгольме. Советник Нансеновского комитета Лиги Наций по делам беженцев между двумя войнами. См. некролог В. Руднева в Современных записках № 59. ПА.

ГУРВИЧ, Георгий Давидович (1894-?). Профессор политической экономии, «Северная Звезда». Вступил в 1932, вышел из Ложи В 1937. 11, Square Port-Royal, Париж. ПА.

ГУРОВИЧ, Яков Самойлович (1869-1936). Адвокат. «Северная Звезда». Вступил в 1927, вышел в 1933. 100-bis, Saint-Mande, Париж. ПА.

ГУРКО, Василий Иосифович (1864-1937). Генерал, член Гос. Совета. Участвовал в составлении программы «прогрессивного блока», член беспартийной группы, член «Военной ложи», тверской земец. Из последних сил повел зимой 1916-17 наступление, когда ген. Алексеев физически не мог продолжать службу и был послан докторами в Крым. Вышел из

масонства в 1917. В 1920 фон-дер-Гольц приглашал его командовать формирующейся армией из бывших русских пленных против большевиков. Он отказался, оставшись верным союзником. (См. Маргулиес, ген. Сухомлинов). БИБ.

ГУЧКОВ, Александр Иванович (1862-1936). Октябрист, член Гос. Думы и Гос. Совета. Военный и морской министр Врем. прав. (март – апрель 1917). Ген. Сухомлинов называл его «масоном первого призыва». В 1920 Гучков искал у немцев поддержки против большевиков, вместе с ген. Красновым, Скоропадским и Бискупским (позже – сторонником Гитлера). Вошел в первые русские ложи до 1914. После 1920 был «радиирован» – вычеркнут из масонских списков навсегда. (См. Архивные материалы). БИН, НВВ.

ГУЧКОВ, Николай Иванович. Брат предыдущего. Московский городской голова с 1905. Умер в эмиграции. ЧС.

Д

ДАВЫДОВ (Давидов). До 1917 служащий Земгора, один из многочисленных осведомителей французского социалиста, военного министра Альбера Тома, в Петербурге. «Северное Сияние». ЦГИА.

ДАВЫДОВ, Александр Васильевич (1881-1955). Потомок двух декабристов: С.П. Трубецкого и А.В. Давыдова. До войны администратор парижской газеты Возрождение. 23, rue Murat. Ложи: «Гамаюн» и «Астрейя», «Юпитер»: Досточтимый Мастер, 1928 –1930. Ареопаги: «Лютеция», «Ordo ab Chao»; член Масонского Верховного совета, 33°.

ДАНИЛОВ. В 1930-х гг. «Кандидат с правом голоса». ПА.

ДЕЛЕВСКИЙ, Яков Лазаревич (1868 –1957). Сотрудник парижских Последних новостей (научный отдел). Вступил в 1926. ПА.

ДЕМИДОВ, Е.П. Русский посланник в Греции. ПА.

ДЕМИДОВ, Игорь Платонович (1873-1946). Член Гос. Думы, кадет. Внук Владимира Даля. (См. Новый журнал № 16). В эмиграции – помощник редактора газеты Последние новости (при редакторе Милюкове). Ложи «Малая Медведица», «Северная Звезда» с 1909 г. ЗК, Лич.

ДЕН, Василий Егорович. Сотрудник парижской газ. Возрождение. В 19 30-е гг. он и Грюнвальд были вовлечены в политические авантюры и радиированы. ПА.

ДЖАКЕЛИ, К.И. Дипломат. ОЛ.

ДЖАМАЛЬЯН, Аршак Исакович (1884 –?). ПА.

ДЖАНШИЕВ. ПА, ЗК.

ДЖИВИЛЕГОВ, АК. В. 1916-1917 гг. у него в Москве, в доме, собирался «тайный клуб» во главе с английским послом Джорджем Бьюкененом. Гувер.

ДЖУНКОВСКИЙ, К. Генерал, московский губернатор. Товарищ мин. внутренних дел. Шеф жандармов. Выдал провокатора Малиновского Родзянке, как в свое время Лопухин выдал Бурцеву Азефа, и – как стало известно в эмиграции – он же, Д., выдал Азефа Аргунову. (О принадлежности к масонству А.А. Лопухина неопровержимых данных не имеется). БИН, НВМ, МГ.

ДОБРЫЙ, А.Ю. Друг Терещенко и Воропаева по Киеву. Сахарозаводчик. Эмигрант в Париже. ПА.

ДОБУЖИНСКИЙ, Мстислав Валерьянович (1875-1957). Художник группы «Мир Искусств». «Астрейя», вступил в 1923. ПА, Лич.

ДОВКОНТ, Ф.Ю. Капитан, член масонского «Балтийского кружка». Лук.

ДОЛГОПОЛОВ, Николай Саввич. Доктор. Народный социалист, близкий к партии с.-р. В правительстве Деникина министр здравоохранения. Эмигрант в Париже, служащий в Земгоре. НВМ.

ДОЛГОРУКОВ, Павел Дмитриевич, князь (1866-1927). Член ЦК кадетской партии, лидер и основатель партии «Народной свободы». Организовал в 1909 в Москве «Общество мира», петербургское отделение этого общества возглавлял М.М. Ковалевский. Постепенно

оно стало масонской ложей и в 1911 насчитывало 324 «брата». Председатель к.-л. партии в 1915. Член II Гос. Думы, вместе с московскими делегатами, кадетами, Маклаковым, Кизеветтером, Тесленко. В мае 1916 предсказывал, что Германия победит Россию. Близкий друг А.В. Гольштейн (см.) В 20-х гг. два раза ходил в Россию из Польши. Во второй раз был арестован, опознан, судим и расстрелян. Автор книги Великая разруха. Гувер, БИБ.

ДОЛГОРУКОВ, Петр Дмитриевич, князь (1866-1945). Брат-близнец предыдущего. Считался до революции «более левым, чем брат». Эмигрант в Праге. Был арестован сов. властями при взятии Праги и погиб. Вступил в 1932. ПА.

ДУБИНОВ, Владимир Владимирович (1902-?). Вступил в 1932. ПА.

ДЬЯКОНОВ, Павел. «Юпитер»: 1936 – «Брат-Казначей», 1937 – «Брат Первый Привратник». ПА.

Е

ЕВРЕИНОВ, Николай Николаевич (1887-1972). Известный режиссер, драматург, актер, историк театра. 7, rue Voileau, Париж. Л. «Amici Philosophae», ПА, Лич.

ЕГИЗАРОВ, Е.М. ПА.

ЕМЕЛЬЯНОВ, Виктор Николаевич. Вступил в 1935. ПА.

ЕРМОЛОВ, Борис. «Loge de Paris», «Amici Philosophae». 5, rue Pierre Corneille, Париж. ПА.

ЕРМОЛОВ, Дмитрий Николаевич. Коммерсант. Писал в Вестнике (1959, № 1). Некролог Г. Адамовича в Вестнике, 1963, № 11. ПА, Вестник.

ЕРУХМАНОВ, Абрам Исакович. Вступил в 1930. ПА.

ЕФРЕМОВ, Иван Николаевич (1866-?). В Петербурге председатель фракции прогрессистов. Член IV Гос. Думы (1912). «Левее кадетов». Министр юстиции Церетели в 1917 считал его «демократическим элементом среди кадетов». Позже, вместе с Некрасовым, Е. старался расколоть партию кадетов. (Керенский. Катастрофа; Церетели. Воспоминания, т. 2, с. 263). Принадлежал к масонству с 1912. Досточтимый Мастер «Думской ложи». Один из основателей «Малой Медведицы». 33°. ЗК, БИБ.

Ж

ЖАБОТИНСКИЙ, Владимир Евгеньевич (1880-1941). Известный сионист, герой Свободной Палестины, писатель, поэт, переводчик, журналист. Вступил в Париже в 1932. Вышел через несколько месяцев, официально вычеркнут в 1936. ПА.

ЖДАНОВ, Вадим (ум. в 1947). «Северное Сияние». ПА, ОЛ.

ЖДАНОВ, сын предыдущего. «Аврора». ОЛ.

ЖДАНОВА, Маргарита Генриховна. «Аврора», 1937. ПА. ЖИТКОВ, К. Г. Моряк, редактор Морского сборника. Лук, БИБ.

ЖИХАРЕВ (1861-?). МГ.

З

ЗАБЕЖИНСКИЙ, Г.Б. Журналист, эмигрант. Одно время жил в Австралии. Принят в л. «Свободная Россия» в 1936. ПА.

ЗАБЕЛЛО, Георгий Парменович. Царский консул в Риме. ПА, ЗК.

ЗАВАДСКИЙ, Леонид (1889-?). Доктор медицины. Вступил в 1933. ПА.

ЗАВРИЕВ, Иван Христофорович. (Из Закавказья). ПА, ЧС.

ЗАЙДМАН. Кандидат в 1930-х гг. ПА.

ЗАРУДНЫЙ, Александр Сергеевич. Адвокат. Трудовик – народный социалист. В 1913 защищал Бейлиса. Тов. министра юстиции (Керенского) весной 1917. Вторым был Тесленко. АФК, БИБ.

ЗАХАРОВ, Всеволод. Л. «Лютеция». 30°. ЧС.

ЗАХАРЬИН, С.А. Один из братьев, принятых в «Лотос» после 1945 г. ОЛ.

ЗБИЗА, Андрей Петрович (1895-?). Вступил в 1930. ПА.

ЗЕЕЛЕР, Владимир Феофилович. Одно время (1917) Ростовский-на-Дону городской голова. При Деникине министр внутренних дел. Секретарь Парижского союза русских писателей и журналистов. Член Земгора. Был арестован немцами и сидел в лагере под Парижем несколько месяцев. Один из редакторов парижской газеты Русская мысль (1948). НВМ, Лич.

ЗЕЛИНСКИЙ, доктор медицины. ПА.

ЗЕНЗИНОВ, Владимир Михайлович (1881-1953). Член ЦК партии с.-р. В 1917 ред. Дела народа, член Исполкома Петроградского Совета. В эмиграции правая рука Керенского в его газете Дни в Париже. Автор нескольких книг. Умер в Нью-Йорке. 1909 – «Северная Звезда». В 1925 вернулся в ложу. ЗК.

ЗИЛЬБЕРШГЕЙН, А. «Юпитер» – Подмастерье; позже – «Прометей». ЗК.

ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ, Евгений Александрович. До революции секретарь журнала Аполлон. Шахматист. В эмиграции сотрудник Последних новостей, редактор шахматного отдела. ПА.

ЗУРОВ, Леонид Федорович (1902-1971). Писатель, жил в доме Буниных. Рекомендован в ложу Осоргиным и В. Андреевым. В 40-х гг. сотрудник Советского патриота. Умер в больнице для умалишенных в Париже. ПА.

И

ИВАНОВ, Б. Лондон. ЗК.

ИВАНОВ, В.Ив. ЗК.

ИВАНОВ, Петр Семенович (1889 –?). Бухгалтер. Вступил в 1927. «Северная Звезда», 18е. В Париже: 4, Boulevard de la Somme. ПА.

ИВАНОВ, Сергей Андреевич (1860 – 1927). Вступил в 1925. ЧС.

ИГНАТЬЕВ, Александр А Служащий. «Северное Сияние», 1939 – Казначей. ПА.

ИЗАХАКИАН, Джамалиан. Вступил в 1928. ПА.

ИМШАНЕЦКИЙ, М.Я. Редактор газеты Россия. Умер во время войны. «Астрея», «Юпитер», «Ordo ab Chao». 32°. См. масонский Бюллетень, Нью-Йорк, 1945, № 3. Гувер, Бюл, БИБ.

ИОРДАНСКИЙ, Михаил Юрьевич (1881-?). Журналист, эмигрант. Вступил в 1932. ПА.

ИСЛАВИН, Л.В. Царский посланник в Черногории ПА.

ИЗВОЛЬСКИЙ, Григорий Александрович. Сын А.П. Извольского, царского посла в Париже, смещенного Врем. прав. ПА.

ИЧАС, М.М. Член Гос. Думы от Литвы. Кадет. Член «Литовского национального совета». Личный друг А. Керенского. Автор «Воспоминаний о 27 и 28 февраля 1917 г.», см. Последние новости, 12 марта 1927. НВМ.

К

КАГАН, Александр. «Лотос» Подмастерье. ОЛ.

КАДИШ, Михаил (ум. 1962). До войны «Лотос», после войны был и в Великой Ложе, и в Великом Востоке. ПА, ОЛ.

КАЗАРИНОВ, М. Эмигрант в Париже. ПА,

КАЛЬМАНОВИЧ, СЕ. Адвокат. Как и А.И. Браудо, помогал организовать встречи Джунковского с Аргуновым и Лопухина с Бурцевым в ходе разоблачения Азефа.

КАМЕНСКИЙ, П.В. Октябрист. Гувер.

КАМИНКА, Борис Абрамович. Кадет, председатель правления Азовско-Донского банка. Эмигрант после 1917 г. РИБ.

КАМИНКА, А.И. Кадет. Редактор «Речи» и «Права». РИБ.

КАНГИССЕР, Я.И. «Лотос». ОЛ.

КАНДАУРОВ, Леонтий Дмитриевич (ум. 1936). Царский дипломат в русском посольстве в Париже, одно время работал в консульстве, при Д. Аитове. В начале 20-х гг. устроил сначала «Общество», а затем «Временный комитет», с целью оживить эмигрантское масонство. Это и было осуществлено ложей «Астрея» в 1922-24 гг. После 1924 – помощник директора в Русском офисе (комитете) до самой своей смерти. Адрес комитета: 7, rue Guenegaud, Париж; домашний его адрес: 14, rue Annonciation. Оставил после себя «Меморандум» о русском масонстве за границей (Шотландского устава). ПА, ЗК.

КАНТОР, Михаил Львович. Пом. прис. поверенного (Винавера). В эмиграции, после смерти Винавера, редактор еженедельника Звено в Париже. Соредактор, вместе с Адамовичем, сборника Якорь. СПТ, Лич.

КАПЛАН, П. «Лотос». ПА, ОЛ.

КАПЛАНСКИЙ, Б. «Астрея». ПА.

КАПНИСТ, граф. Морской генеральный штаб. Лук.

КАРАУЛОВ, М.А. Думец от казаков. В речи 3 ноября 1916 предсказал с думской трибуны революцию. Был прогрессистом, стал независимым. В феврале 1917 в центре событий. Заседал в созванном Родзянко «частном совещании» 27 февраля. Член временного Комитета Гос. Думы, выбранного в этот же день. Присутствовал при отречении вел. кн. Михаила Александровича, отдавал распоряжения об арестах крупных чиновников царского режима. Ведал охраной Петрограда. ВАМ, БИБ (Старцев).

КАРИНСКИЙ. Юрист, прокурор петроградской судебной палаты. Муж известной театральной художницы по костюмам. Друг Керенского. ЧС.

КАРГАНОВ, Г.Г. «Лотос», 1945-1949. ОЛ.

КАРПОВИЧ, Михаил Михайлович (1888 –1959). Историк. Член закупочной комиссии, посланной в 1916 в США (глава – Б.А. Бахметев). К. остался в США, был профессором Гарвардского университета и редактором Нового журнала. БАБ, АНБ, Гувер, Лич.

КАСТЕЛЯНСКИЙ, Семен Львович (1887-?). Вступил в 1932. ПА.

КАТКОВ, Н. Великая Ложа. Писал в Вестнике, 1959, № 3. ПА, Вестник.

КАФФИ, Андрей Иванович (1893-1955). Вступил в 1933. ПА.

КАФЬЯН, Христофор Гаврилович (1900-1971). Музыкант. Вступил в 1935. В 1957 в «Северной Звезде» делал доклад о Гурджиеве, известном шарлатане-лекаре, и его учении, т.к. знал его лично. К. также написал статью о «конце русского масонства», которую прочел в ложе С. Луцкий 21 марта 1971 г., накануне его смерти и закрытия последней ложи. В ней он говорил: «Все сказано! Мы устали! Сказать нам больше нечего! Мы все умрем!» ПА.

КАЦ, Леон И. (ум. в 193?). «Лотос». ПА.

КВИЛЛ, Исидор Николаевич (1874-?). Вступил в 1925. ПА.

КЕДРИН, Евгений Иванович. Адвокат, член Гос. Думы. Друг Мельгунова и Маргулиеса. Один из основателей русского масонства. Великая Ложа, «Космос». ЗК.

КЕДРОВ, М.А. Адмирал, морской министр первой коалиции Врем. прав, (май 1917). В 1945 вместе с другими масонами ходил в Париже на поклон к сов. послу Богомолу. СПТ.

КЕЛЛЕР, А.А. Член к.-д. партии. Эмигрант в Париже. «Лотос». ПА, ОЛ.

КЕЛЬБЕРИН, Израиль Павлович. Адвокат. Отец пианиста и поэта (Лазаря), из группы Д. Кнута и Б. Поплавского. ПА.

КЕРЕНСКИЙ, Александр Федорович (1881 –1970). Адвокат, член Гос. Думы, министр юстиции, военный министр, председатель совета министров, Верховный главнокомандующий. Автор книг. Масон до Первой мировой войны, друг французских масонов (1914 – 1917). Вступил в «Малую Медведицу» около 1912. В эмиграции один раз выступал в ложе Великого Востока, в 1930 г., в объединенном собрании двух лож. В последней своей книге *Russia and History's Turning Point* К. признался в своей принадлежности к масонству. (См. Архивные материалы). ПА, ВДК, МТП, АНБ, Лок, Гувер, Техас, БИБ.

КИВЕЛЕВИЧ, Михаил. Вступил в 1936. Одно время в Великой Ложе («Иерусалим-Шотландия»). Позже в Великом Востоке. «Гермес» в 1948. ПА.

КИЗЕВЕТТЕР, А.А. (1866-1933). Историк, кадет. Член II Гос. Думы. После 1918 жил и умер в Праге. ВАМ.

КИЛЬВЕЙН, Георгий Робертович (1864 –1909). Председатель Нижегородской земской управы. Досточтимый Мастер первой Нижегородской ложи, посвящен приехавшими из Франции братьями Сеншолем и Буле (Великий Восток). ПА, МГ.

КИСЕЛЕВ, Н.П. ПА.

КИСТЯКОВСКИЙ, Игорь Александрович (1868-1920). Кадет, публицист, юрист. Брат (?) Б.А, одного из авторов сборника Вехи, 1908– 1909 гг. Эмигрант в Париже: 31, avenue Suffren. «Юпитер». Депутат Массонского Конвента в 1931. ПА.

КИШКИН, Николай Михайлович (1864-1930). Кадет, министр Врем. прав., работал в Комитете помощи голодающим и др. В октябре 1917 петроградский генерал-губернатор. Член «тактического центра». Репрессирован. ЕДК, БИБ (Дякин).

КЛЮЧЕВСКИЙ, Василий Осипович (1842-1911). Историк, проф. Московского университета. Был посвящен Сеншолем и Буле. ЗК.

КЛЯГИН, Александр Павлович. «Северное Сияние»: Казначей в 1924. ПА.

КОБЕКО. Ложа «Гермес». ПА.

КОБЕЦКИЙ, Яков Яковлевич (1883 –1946). Журналист, редактор биржевого отдела Последних новостей в Париже. Вступил в 1935. ПА, Лич.

КОБЯКОВ, Дмитрий. Журналист в Париже, Великая Ложа. ПА.

КОВАЛЕВ, Павел. Профессор. Л. «Amici Philosophae». 92, Boulevard Garibaldi, Париж. ПА.

КОВАЛЕВСКИЙ, Евграф Максимович. Брат М.М. Ковалевского. Член Гос. Думы, октябрист. ВАМ.

КОВАЛЕВСКИЙ, Максим Максимович (1857-1916). Академик, правый кадет (умеренно-либеральная партия демократических реформ, «мирнообновленец»). Член Гос. Думы, позже член Гос. совета (по выборам от академической курии). Редактор-издатель Вестника Европы. Основатель (1901) Парижской русской школы для взрослых. Дальний родственник Софьи Ковалевской. В 1906 приехал из Парижа, с директивой от французских масонов, открыть первые ложи в России. В 1908 г. им были открыты несколько лож между Варшавой и Иркутском, с помощью прибывших в Москву и Петербург «братьев» Сеншоля и Буле. Автор «Воспоминаний». АДБ, ЗК, БИБ.

КОГАН, Яков Михайлович (Максимович?). Вступил в «Пифагор» в 1922. Перешел в «Северную Звезду» в 1925. Ушел в 1931. ПА.

КОГБЕТЛИАНЦ, Ерванг Георгиевич (1886 –197?). Эмигрант, Париж — Нью-Йорк. Профессор математики в Колумбийском университете. Изобретатель трехмерной шахматной доски. Двоюродный брат Мариетты Шагинян. РИБ, Лич.

КОЖИН, Н.Н. Умер во время войны. «Юпитер». ПА.

КОЗЛОВСКИЙ, Мечислав Юльевич (1876-1927). Польский социал-демократ. Присяжный поверенный, друг Н.Д. Соколова. В 1915 – 1916 гг. ездил из России в Копенгаген и обратно. В июле 1917 – член Исполкома Петроградского Совета. Был арестован, как немецкий шпион и освобожден в октябре 1917. Шляпников считает его «подозрительным» (см. Шляпников. Канун 17 года, т. 1, с. 90). АФК, БИБ.

КОЗЬМИН, А.И., капитан. В мае 1917 назначен пом. главнокомандующего Петроградским военным округом; в сентябре-октябре временно исполнял обязанности командующего войсками. См. Красный архив, 1933, № 60. АФК, БИБ.

КОКОШКИН, Федор Федорович (1871-1918). Левый кадет, член I Гос. Думы. В июне 1917 – государственный контролер. Член Особого совещания для выработки закона для выборов в Учредительное собрание. Министр Врем. прав, во второй коалиции. В 1916 был против революционных методов для прогрессивного блока, но летом 1917 стал «левее Милюкова». Убит вместе с Шингаревым (см.) в начале января 1918 матросами в Мариинской

больнице, в Петрограде, накануне открытия Учредительного собрания. Его доклад в заседании Московского комитета к.-д. о деле Корнилова 31 августа 1917 Б.И. Николаевский цитирует в своем предисловии к Воспоминаниям Церетели. ВАМ, мг, БИБ.

КОЛОДКИН, Геннадий (1905?-1982). Эмигрант в Париже. ЧС, Лич.

КОЛОКОЛЬЦЕВ, Василий Григорьевич (1867–1934). ПА.

КОЛЮБАКИН, Александр Михайлович (1868-1915). Член III Гос. Думы. Левый кадет, тверской земец. Был «за блок с трудовиками и соц. демократами» (Дякин). «Умер от несчастного случая на фронте в 1915 г.» (Аронсон. Россия накануне революции, с. 118). «Малая Медведица». ПА, ЗК, БИБ.

КОНДРАТЕНКО. «Аврора». ПА.

КОНОВАЛОВ, Александр Иванович (1875–1948). До революции тов. Председателя Военно-промышленного комитета. Член IV Гос. Думы. «Прогрессист» (левее кадетов). Министр торговли и промышленности Врем. прав, (март-апрель 1917). Искал коалиции с Петроградским Советом через Контактную комиссию еще в апреле. В последнем министерстве Врем. прав, заменял Керенского, как премьер-министр. Во время большевистского переворота отсиживался с другими министрами в Зимнем дворце (в отсутствие Керенского), Эмигрант в Париже. Председатель правления газеты Милюкова Последние новости. Председатель Земгора. После 1920 к масонству отношения не имел. Сын его, Сергей, после окончания университета в Кембридже, был там профессором. (См. Берберова. Курсив мой, с. 360–363 и 667; также – Архивные материалы). Лич, БИБ.

КОРНФЕЛЬД, Михаил Германович. До 1917 – один из редакторов Сатирикона, затем – эмигрант. Автор «Memoirs sur la Franc-Maçonnerie Russe». (Издание на ротаторе, в Гуверовском архиве – экземпляр № 56. Он скреплен подписями Кандаурова и Слюзберга, и ими помечен 29 апреля 1929. Касается, главным образом, Великой Ложы Шотландского устава). Сотрудничал в Вестнике (1959, № 3). ПА, Вестник, БИБ.

КОРОСТОВЕЦ, И.Я. Дипломат, посланный в Мексику. Не смог туда доехать весной 1917 г.

КОРОТКОВ, полковник. Был послан Керенским против Корнилова. БИБ.

КОРСАК-ЗАВАДСКИЙ, Венямин Валерьянович (1884-1943). Сохранилась заполненная им масонская анкета для вступления в ложу (Великий Восток). ПА.

КОТЛЯРЕВСКИЙ, С.А. Профессор Московского университета. Водил В. А. Маклакова на свидание со Столыпиным (первое и тайное) накануне закрытия Гос. Думы (см. Адамович. В.А. Маклаков, с. 156). В марте 1917, по приказу министра юстиции (Керенского), вывез из департамента полиции те бумаги, «которые считал нужным», и передал их Академии наук. (Старцев. Внешняя политика Временного Правительства). ВАМ, БИБ.

КОЧУБЕЙ. Вступил в 1922. ПА.

КРАЕВИЧ, Борис. Химик. Эмигрант в Париже; 23-bis, bd. Arago. «Amici Philosophae». ПА.

КРЕМЕР, Самуил Абрамович (1893-?). Доктор медицины, был женат на старшей дочери Винавера. Вступил в 1929; вышел в 1935. ПА.

КРИВОШЕИН, Игорь Александрович (1899-). Инженер-электрик, сын царского министра земледелия Александра Васильевича. Эмигрант в Париже: 22, rue Jean Goujon. Вступил в 1922. «Астрея», «Лотос», Ареопаг «Ordo ab chao». Как «советский патриот», выехал с семьей в СССР, в 1948. После лагеря и ссылки, благодаря сыну, рожденному в Париже (французскому подданному), смог вернуться во Францию. 32°. Старший брат Кирилла А. Кривошеина, автора книги об отце. КАК, ОЛ.

КРИВУЦ. «Юпитер»: Подмастерье. ПА

КРОВОПУСКОВ, Константин Романович (1881-1957). Юрист, эсер, до революции работал в Одесской городской управе. Эмигрант в Париже: 6, rue David. Служил у Маклакова в Эмигрантском комитете. Вступил в 1926. «Северная Звезда». 18°. ПА, ВАМ.

КРОЛЬ, Лев Афанасьевич (1871-1931). Вступил в «Малую Медведицу» в Петербурге, в 1910; Мастер – в 1914, делегат Масонского Конвента в 1916. Член Уфимского

государственного совещания 1918. В ПА в папке Кроля находятся бумаги Пермского правительства, в котором он принимал участие. В 1919 выехал с семьей в Иркутск. Автор воспоминаний. Издатель Свободной России. В Париже член «Северной Звезды» и французской ложи «Права Человека». Некролог в Последних, новостях, № 3576 и в Заре, № 18. ПА, ЗК, БИБ.

КРОЛЬ, Моисей Ааронович (1862-1942, Ницца). Адвокат, в Париже – сотрудник Современных записок и др. эмигрантских изданий. Вступил в 1926. «Северная Звезда». Также отмечен во французских ложах «Les Droits Humains», «Loge de Bonne Foi» (Великий Восток), до 1924. 18°. ПА.

КРУГЛИКОВ. ПА.

КРЫМ, Соломон Самойлович (1868-1938). Кадет, член Гос. Думы и Гос. Совета, председатель Крымской губернской земской управы, глава Крымского правительства. Вступил в 1928. ПА, БИБ (Маргулиес, т. II).

КРЫМОВ, А.М. (1871-1917). Генерал, покончил с собой в августе 1917 после неудачного выступления Корнилова. Участник заговоров 1915-1917. ЕДК, БИН.

КСЮНИН, Алексей Иванович (1880 –1938). Сотрудник Нового Времени; пост, 1918 в эмиграции, в Белграде. Радирован одновременно с А.И. Гучковым (См. Архивные материалы, «АИ. Гучков»). ЮА.

КУВАЕВ, И.М. Текстильный фабрикант в Иваново. До 1917 в его доме собиралась масонская ложа. НВМ.

КУГУШЕВ, Петр. Царский дипломат. Один из основателей «Астреи» в 1922. В 1924 – Второй Страж в л. «Северное Сияние». ПА.

КУДАШЕВ, Н.А. Русский представитель в Китае. ПА.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ, Владимир Дмитриевич (1859 –1927). Генерал, профессор Военной Академии, Петербургского университета. Женских курсов Раева. Военный писатель. Правый кадет, земец Тверской губернии. Враг Плеве. Член редакции Вестника Европы и друг М.М. Ковалевского. Его речи и статьи собраны в 2 томах (1904; 1908). Автор воспоминаний о Владимире Соловьеве. Член I и II Гос. Думы. Член партии «демократических реформ» (мирнообновленцы), насчитывавшей всего четырех членов (Ковалевский, Стахович, Гейден и К-К.). Член Северо-западного правительства в 1919. Эмигрант в Париже: 18, rue Arc-de-Triumphe. Ложа «Астрея»: Депутат в 1924 и 1926. В ПА находится меню обеда с его подписью (январь 1926). Его сын, Дм. Влад., позже кардинал в Ватикане, был женат на Е.Ю. Пиленко (позже – матери Марии). ПА. КАК.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ, Константин Константинович. Родственник предыдущего. Любимик Л.Д. Блок и отец ее сына, умершего в младенчестве, в 1912. (Лит. нас. 92, т. 3). Был контужен в голову в 1915 на западном фронте. КАК, БИБ.

КУЛИКОВ, Петр. Эмигрант в Париже: 29, rue de l'Yvette. (Очевидно, он жил при масонском храме). «Amici Philosophae» и «Loge de Paris». ПА.

КУЛИШЕР, Александр Михайлович (1890 –1943). Журналист, сын профессора и брат адвоката (Евгения), сотрудник Последних новостей, писал под псевдонимом Юниус. Лектор Академической группы в Париже. Вступил в 1930. Был убит красными испанцами в немецкой тюрьме. ПА.

КУРИЛОВ, Виктор Антонович (1895-?). Вступил в 1929. ПА.

КУСКОВА, Екатерина Дмитриевна (1869-1958). Журналистка, правая социалистка, жена экономиста С.Н. Прокоповича, в молодости – друг Ек. Павл. Пешковой. Член «Союза Освобождения». У нее в Москве (как и у Коновалова и др.) собирались масоны в 1916 на тайные собрания. Член женской ложи в России, гость «Авроры» в Париже. Эмигрировала в Прагу. В 1950-х гг. требовала от А Керенского полного признания причин провала Врем. прав, в 1917 г. Умерла в Женеве. Автор воспоминаний. См. Архивные материалы. ЕДК, АФК, Гувер, Техас, ВАМ, АНБ, БИБ.

КУГЛЕР, Николай Николаевич (1859 –1924). При царе тов. министра финансов, член II Думы, кадет. После 1918 г. работал с большевиками. Как генералы Брусилов, Поливанов,

Ломоносов, а также министр Врем. прав. Мануйлов, избежал репрессий, служил на сов. службе. КАК.

Л

ЛАБИНСКИЙ. Музыкант, пианист, аккомпаниатор. Зять режиссера Н.Н. Евреина. «Гермес». ПА.

ЛАДИНСКИЙ, Антонин Петрович (1896-1961). Белый офицер, поэт, писатель. Эмигрант в Париже, 24, me Fosses-St. Jacques. Служащий в конторе Последних новостей. Вступил в «Северную Звезду» в 1931. После 1944 – «советский патриот»; в конце 1940-х гг. был выслан из Франции в СССР. ПА, Лич.

ЛАВРЕНТЬЕВ, Александр Дмитриевич. «Астрея» (1928-1931) и «Северное Сияние». ПА.

ЛАЗАРЕВСКИЙ, Николай Иванович. Профессор международного права, член партии к.-д. Расстрелян по делу Таганцева в августе 1921 г. ПА.

ЛАЗОВСКИЙ (Лозовский?), Яков Борисович (1888 –?). Вступил в 1938. ПА.

ЛАМПЕН, Виктор Е. ПА, ОЛ.

ЛАМПЕН, Георгий Е. Брат предыдущего. ПА, ОЛ.

ЛАХОВСКИЙ, Арнольд Борисович (1885-1937). Художник, график, скульптор, Вступил в 1927. ПА.

ЛЕБЕДЕВ, Владимир Иванович. Эсер. Заменял А. Керенского в июне 1917, как премьер-министр. Член комиссии «для восстановления порядка» (июль), вместе с М.И. Скобелевым. Одно время морской министр. Член Уфимского совещания. В эмиграции – в Праге, член редколлегии журнала Воля России (1921-1932). Умер в США НВМ, БИБ (Половцев).

ЛЕБЕДЕВ, Игорь. После войны вышел из французской ложи и перешел в «Лотос». ПА ОЛ.

ЛЕВИН, Семен Яковлевич. ПА.

ЛЕВИНСОН, Ал. ПА.

ЛЕВИТАН, Иосиф Давыдович (1894-?). Вступил в 1938. Сохранилось его масонское «дело»: расследование его моральных качеств для вступления в ложу. ПА.

ЛЕВИТАН, Анатолий Сергеевич (1901-1941). Переведен из лож «Права человека» и «Аврора» в Великий Восток в 1929. В 1936 – Кандидат с правом голоса. ПА.

ЛЕВИТСКИЙ (Левицкий?). Украинская ложа. ЗК.

ЛЕЙТЕС, Виктор (1881-?). Переведен из Великой Ложи в Великий Восток в 1936. ПА, ОЛ.

ЛЕРХЕ, К. ПА.

ЛИАНОЗОВ, Степан Григорьевич. Род. в Баку. Глава Северо-западного правительства во время гражданской войны. После 1925 – кинопродюсер во Франции. «Астрея», вступил в 1922. Позже – «Юпитер». Сотрудник Вестника. См. № 2, 1959. «Ушел на Восток Вечный» ок. 1950. ПА, Вестник.

ЛИБЕРМАН. С.И. (Ум. во время войны). «Гермес». ПА.

ЛИВЕРОВСКИЙ, А.В. Министр путей сообщений в сент.-окт. 1917. ВАМ, АФК.

ЛИВШИЦ, Великий Восток. ПА.

ЛИНЦБАХ, Яков Иванович (1874-?). «Гермес». ПА.

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ. «Астрея», вступил в 1922. Позже жил в Лондоне. ПА.

ЛОМЕЙЕР, Арнольд Я. Вернулся в «Лотос» в 1945. ОЛ.

ЛОМОНОСОВ, Юрий Владимирович (1876-?). Генерал-майор, инженер-путеец. В 1912 – помощник начальника управления русских дорог. Царский министр Рухлов ему покровительствовал. В 1917 – правая рука министра путей сообщения Бубликова. В 1918-1919 гг. в США, затем вернулся и работал у большевиков: член президиума ВСНХ и др. Помощник Красина в налаживании транспорта. В 1920-х гг. полемика с Троцким. Затем –

уполномоченный Совнаркома по ж.-д. заказам за границей. Автор воспоминаний (1921). БИБ.

ЛОПУХИН, С.А. Кандидат либералов в царское министерство на должность министра юстиции (другим кандидатом был А.Ф. Кони). ОПТ, БИБ.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ, Иосиф Григорьевич (1860-1950). Царский дипломат в Сиаме, Швеции и Норвегии. Был введен в одну из первых русских лож Сеншолем и Буле. Великая Ложа. Умер под Парижем в Русском доме в Сент-Женевьев-дю-Буа. См. Берберова Курсив мой. с. 520-21, 662, Лич, БИБ.

ЛУИ, В.В. Вступил в «Лотос» в 1945. ОЛ.

ЛУКАШ, Иван Созонтович. Литератор, сотрудник газ. Возрождение. «Астрея». ПА, Лич.

ЛУКИН, А.П. Капитан II-го ранга, моряк. Эмигрант, сотрудник парижских Последних новостей. Писал о морских боях в первую мировую войну и о масонах-моряках. Масон Морской ложи, 18°. Лич.

ЛУНЦ, Григорий. Коллекционер редких книг, друг М.А. Алданова. РИБ.

ЛУРЬЕ, Соломон Владимирович. Член русско-британской торговой палаты. После Февраля – тов. председателя Экономического совещания при Врем. прав. ВАМ.

ЛУРЬЕ, Аркадий Владимирович. Вступил в 1955, «Юпитер». ПА.

ЛУТУГИН, Леонид Иванович (1864-1915). Геолог, проф. Горного института. Член Совета Союза Освобождения. МГ.

ЛУЦКИЙ, Семен Абрамович (1891-?). Вступил в 1933. ПА.

ЛЫЩИНСКИЙ. «Астрея» в 20-х гг.; «Северная Звезда» после войны. ПА.

ЛЬВОВ, Владимир Николаевич (1872-?). Член фракции центра в Гос. Думе. В марте 1917 обер-прокурор Синода. В марте-апреле быстро полевел и завел связи с Контактной комиссией. Переносил из одного места в другое сплетни, иногда злостные. Не гнушался интригами. Английский посол Бьюкенен писал про него: «Кто он? Лакей или дурак?» (Воспоминания, т. 2, с. 185). Бывший царский министр А. Наумов считал его неуравновешенным. Был заменен А.В. Карташевым на должности обер-прокурора Синода. Сыграл зловещую роль в деле ген. Корнилова. ВАМ, БИН, БИБ.

ЛЬВОВ, Георгий Евгеньевич, князь (1861-1925). Глава Временного правительства. По убеждениям – толстовец. После разгона I Гос. Думы (1906) был против воззвания (протеста) и его не подписал, отговорившись болезнью. Председатель Союза земств и городов. Связан с первыми ложами в Москве и Петербурге, и с «заговорами» 1915 и 1916 гг. В 1920 г. был в США ВАМ, АДБ, БИБ (Полнер).

ЛЬВОВ, Лоллий. Эмигрант в Париже. Сотрудник газ. Возрождение. Оф.

ЛЬВОВ, Николай Николаевич (1867-1944). Брат Владимира. Член Гос. Думы. «Мирнообновленец». Председатель Саратовской губернской земской управы. О его отношениях со Столыпиным см. Маклаков, II-я Дума. В Париже считал П.Б. Струве своим единомышленником, потом старался заместить его в газ. А. Гукасова Возрождение. «Малая Медведица» до 1914. ВАМ, БИБ (Половцев).

ЛЮБИМОВ, Лев Дмитриевич (1902-?). Сын Виленского губернатора, эмигрант в Париже. До 1940 – репортер газ. Возрождение. В 1945 – член Союза «советских патриотов» и сотрудник сов. газеты в Париже. В 1948 выслан в СССР французскими властями. Лич.

ЛЮБЛИНСКИЙ. ПА.

М

МАБО, Михаил Моисеевич ПА.

МАГАТ, Израиль Симхович (1883-1937). Эмигрант во Франкфурте, затем в Париже. Вступил в 1935. «Северная Звезда». Мастер русской ложи «Звезда Любви». 3°. ПА.

МАГИДОВИЧ, Борис Петрович. Париж. (В одном списке: Магидов). ПА.

МАДЕРНЫЙ, Николай Алексеевич. Париж, Великая Ложа. ПА.

МАЗЕ. Париж, Великая Ложа. После 1946 – «Гермес». ПА.

МАЙДЕЛЛ, Герман, барон (1877-?). Присутствовал на масонских собраниях в доме Олсуфьева в 1912. ВАМ, АДБ.

МАКАРОВ, Павел (1872-?). Архитектор. ПА.

МАКЕЕВ, Николай Васильевич (1889, Иваново – 1975, Иер, Франция). Журналист, художник, правый эсер; народный социалист. Один из младших депутатов в Учредительное собрание от г. Иваново-Вознесенска. В 1919-21 гг. секретарь кн. Г. Евг. Львова. Ездил с ним в США в 1920. Автор английской книги о России: O'Hara and N. Makeev. Russia. Scribner, 1925. Член правления Земгора в эмиграции. Вступил в 1927; вышел в середине 1930-х гг. (Второй муж Н.Б.). ПА, АНБ,

МАКЛАКОВ, Василий Алексеевич (1869-1957). Москвич, кадет, член II, III и IV Гос. Думы. Адвокат, участвовал в защите Бейлиса. Оратор. Член ЦК кадетской партии. Дважды встречался со Столыпиным (см. Адамович. В.А Маклаков, с. 156). Автор воспоминаний о Л. Толстом и политических мемуаров. В 1917 был назначен Врем. правительством русским послом в Париже. Приехал туда в октябре и не успел вручить верительные грамоты. Не будучи аккредитован, продолжал жить в посольстве (рю де Гренелль) до 1924 г., когда Франция признала Советскую Россию, и на его место приехал Красин. Председатель Русского комитета (русского офиса) при Лиге Наций, ведавшего «нансеновскими паспортами» для «апатридов» и статусом русских эмигрантов, не имеющих возможности вернуться на родину. Ложа «Свободная Россия». Во время германской оккупации был арестован и несколько месяцев просидел в тюрьме, как масон. В тюрьме же написал свою «Записку» для объяснения сути русского масонства в эмиграции (неопубликованную), находящуюся в его архиве. 12 февраля 1945 г. повел группу русских эмигрантов в гости к советскому послу А. Богомолу, завтракал у него и пил, со всеми, за здоровье Сталина, после того, как произнес речь о сближении эмиграции с Сов. Союзом. После 1945 года возобновил собрания у себя на дому с уцелевшими «братьями» (около 8-10-ти). В конце 1940-х гг. выступил в возобновленной ложе с чтением своих воспоминаний братьям обоих Уставов. Был за немедленную отправку сов. граждан на родину из германских лагерей. 33°. (См. Архивные материалы). ПА, БИН, НВВ, ЕДК, Лич, АФК, ВАМ, БИБ.

МАКОВСКИЙ, Сергей Константинович (1877-1962). Сын художника, поэт, литератор, мемуарист, редактор Аполлона, в эмиграции – сотрудник газ. Возрождение. В 1945 ходил с Маклаковской группой с визитом к сов. послу Богомолу. Был женат на известной красавице Марине Рындиной. Два сына, одна дочь. 30, rue de la Source, Париж. ПА, ВАМ, НВВ, Гувер.

МАКСИМОВИЧ. ПА.

МАКШЕЕВ, Ф. В 1922 – один из основателей «Астреи»; выбыл в 1929. ПА.

МАЛАМУД. ПА.

МАЛЯНТОВИЧ, Владимир Николаевич. Эмигрант в Париже. Сотрудник Последних новостей. ПА.

МАЛЯНТОВИЧ, Павел Николаевич (1870-?). Брат предыдущего. Адвокат, с. –д. Министр юстиции в последнем составе Врем. прав. После 1917 – член Московской коллегии защитников. В своих воспоминаниях дает список членов Врем. прав., которые в ночь с 25 на 26 окт. 1917 были арестованы в Зимнем дворце большевиками: Председатель – Коновалов (заменивший Керенского); Терещенко, мин. иностр. дел; Никитин, мин. внутр. дел; Маниковский, зам. военного мин. Верховского; Вердеревский, морской министр; Салазкин, мин. народн. просвещения; Гвоздев, мин. труда; Бернацкий, мин. финансов; Кишкин, мин. призрения; Карташев, мин. вероисповеданий (не масон); Третьяков, председ. Экономич. Совета; Смирнов, гос. контролер; Маслов, мин. земледелия; Охраной дворца заведовал Пальчинский. «Вечером неизвестно откуда и как появился Рутенберг». Гувер, ПА, ВАМ.

МАМОНТОВ, А.И. Вступил в 1922; один из основателей «Астреи», позже – почетный член, 33°. Член Масонского Совета Народов России. ПА, ЗК.

МАНДЕЛЬШТАМ, Андрей Николаевич. До 1917 – дипломат (Швейцария). Сотрудник

Современных записок. ПА, Лич.

МАНДЕЛЬШТАМ, Михаил Львович. Московский адвокат, левый кадет. Ложа «Акация». ПА.

МАНИКОВСКИЙ, Ал. Ал. (1865-1920). Генерал от артиллерии. Уже в 1916 видел, что «обозначилось неизбежное падение производства, грозящее катастрофой». (Игнатъев. Внешняя политика Временного правительства, с. 33). Наумов называет его «умным и энергичным». Упомянут у Лемке. В 1915-1917 гг. стоял во главе артиллерийского ведомства. Был близок к ген. Алексееву. Заменял ген. Духонина, убитого в 1917. В последние дни перед Октябрьским переворотом, когда Верховский ушел «по болезни» (21 окт.), Керенский назначил М. управляющим военным министерством вместо себя. После Октября – служил в Красной армии. Автор книги Боевое снабжение русской армии в мировую войну. (См. также: Ливчак. О политической роли масонов...). БИБ.

МАНУЙЛОВ, Александр Аполлонович (1861-1929). Ректор Московского университета. Весной 1917 – министр народного просвещения. Редактор Русских ведомостей. Работал с большевиками после революции. КАК.

МАНУХИН, Иван Иванович. Доктор медицины. В начале XX века член фракции большевиков. Популярный врач в Петербурге, лечил литераторов, от Мережковского до Горького. У него на квартире скрывался Ленин в июле 1917. МГ, БИБ (Гиппиус).

МАРГУЛИЕС, Мануил Сергеевич (1868/9-1939). Адвокат, член к.-д. партии. Тов. председателя Военно-промышленного комитета. Личный друг М.М. Ковалевского. Член французской ложи «Великий Восток» и друг Сеншоля и Буле, покровительствовавших русским ложам в 1908 и контролировавших их. Великий Восток возвел М. еще в 1908 г. в 18°. Он стал «братом в степени рыцаря Розы и Креста». Один из основателей «Свободной России». Член Ареопагов. Во время гражданской войны министр Северо-западного правительства. Автор воспоминаний-дневника «Годы интервенции» (3 тома), а также секретного доклада «Русское масонство за 25 лет», во французском масонском журнале Акация, февраль 1925 (№ 16). Эмигрант в Париже; 3, rue Verdi. ПА, ВАМ, Оф, БИБ.

МАРИНОВИЧ. 1922: «Астрея».

МАРКОВ, Александр Порфирьевич. Сотрудник Последних новостей. Вступил в 1926. Подвергся радиации в 1931. После войны уехал в Сов. Союз. ПА.

МАРКОТУН, Сергей Николаевич. Украинский деятель. До масонства был мартинистом. Л. «Дружба Народов». 32°. 16, Square Alboni. Париж. ЗК.

МАРТИНОВИЧ. ЗК.

МАРУШЕВСКИЙ, Владимир. Белград, ложа «Максим Ковалевский». ЮА.

МАРШАК, Аким Осипович (1885 – 1938). Хирург. Вступил в 1928. ПА.

МАРШАК, Александр Осипович (1892-?). Брат предыдущего. Вступил в 1925. Л. «Северная Звезда», 18°. 6, rue Oswald, Париж. ПА.

МАРШАК, Виктор Акимович (1908-?). Сын первого. Вступил в 1932. Был делегатом Конвента от «Северной Звезды». («По нездоровью не мог присутствовать на Конвенте», – частное интервью). ПА.

МАРШАК, Исаак Осипович (1879 – ?). Брат первого. Вступил в 1929. ПА,

МАСЛОВ, Семен Леонтьевич. Эсер; министр земледелия Врем. прав, в октябре 1917. НВМ.

МАТВЕЕВ, Александр Петрович. «Юпитер», частый гость «Северной Звезды». ПА.

МАХИН. В 1917 – эсер. Представитель Земгора в Чехословакии. Радиирован в 1930-х гг. Гувер.

МЕКК, Максимилиан Карлович, фон (1869-?). Сын Н.Ф. фон Мекк. Первый секретарь царского посольства в Стокгольме. ЧС.

МЕКК, Николай Карлович, фон (1863-1929). Сын Н.Ф. фон Мекк. Расстрелян по делу промпартии. ЧС.

МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ, В.В., барон. Председатель Петроградской Губернской земской управы, член Гос. Совета, председатель «прогрессивного блока» в Гос. Думе. В 1918

– Председатель Совета Государственного объединения России в Киеве, в 1919 – в Одессе. КАК, БИБ (Маргулиес).

МЕЛЬНИКОВ, Николай Михайлович (1882-?). Вступил в 1929. ПА.

МЕНДЕЛЬСОН, М.С. Великая Ложа. Во время войны в США. Вернулся в «Лотос». ПА, ОЛ.

МЕРКЕЛ, Илья (1902–1928). Вступил в 1925. ПА.

МЕТАЛЬНИКОВ, Сергей Иванович (1871-1946). Профессор. Работал в Пастеровском институте, в Гарше, под Парижем. Брат Н.И. Метальникова, кадета, члена Гос. Думы. Великая ложа. Капитул «Les Neges de l'Humanite». С 1929 – русская ложа в Париже. ПА.

МЕЩЕРСКИЙ. С 1922 – «Астрея». ПА.

МИНОРСКИЙ, В.Ф. Русский поверенный в делах в Персии. ПА.

МИРКИН-ГЕЦЕВИЧ, Борис Сергеевич (1892-?). (Псевдоним Мирский). Профессор международного права. Лектор Франко-русского института в Париже. Вступил в 1922 (франц. ложа «Пифагор»). 1925 – Великий Восток, 1933 – «Северная Звезда», «Свободная Россия» – 30°, 14-bis, rue Raynouard, Париж. ПА

МИХАЙЛОВ, Николай Михайлович (1873-?). Вступил в 1918. ПА.

МИХЕЛЬСОН, Александр Михайлович. Член Русской (до 1917) торговой палаты в Париже. Лектор Франко-русского института. Сотрудник Последних новостей. ВАМ.

МОЛЛАС, Н.П. Директор Мариинского института в Москве. ЧС.

МОРДВИНОВ. С 1922 – «Астрея». ПА.

МОСОЛОВ, А.А. (Ум. 1919?). Генерал. Горький называл его масоном. В 1915 был близок к вел. кн. Николаю Михайловичу. В 1916 начальник канцелярии министра двора. Автор «Воспоминаний» (см. Берберова. Железная женщина, с. 110; ген. Спиридович. Великая война, с. 162). МГ, БИБ.

МОЧУЛЬСКИЙ, Константин Васильевич (1892-1948). Критик, литературовед, автор книг о символистах. Читал лекции при Сорбонне. Масон до 1932. Позже – православный монах. КАК.

МСТИСЛАВСКИЙ (Масловский). Полковник, библиотекарь Военной Академии, в 1907-1909 масон «Военной Ложи». ПА, БИБ.

МУРАВЬЕВ, Николай Константинович. Московский адвокат, друг В.А. Маклакова. Председатель комиссии по расследованию Дел царских министров (1917). Был репрессирован. ЕДК, БИН, НВВ.

МУРОМЦЕВ, Сергей Андреевич (1850-1910). Председатель I Гос. Думы. Вместе с Кокошкиным, Н.Н. Щепкиным и Н.Н. Львовым в 1905 разработал проект конституции. Масон до 1909. Близкий друг М.М. Ковалевского. ВАМ, БИБ.

МУХИН, Евгений Васильевич (1885 –?). Эмигрант в Париже. «Аврора» и франц. ложа «Права Человека». Вступил в 1924, выбыл в 1936. ПА.

Н

НАБОКОВ, Константин Дмитриевич. Дядя писателя и брат члена Гос. Думы. Дипломат. Первый секретарь царского посольства в Лондоне, после смерти посла, гр. Бенкендорфа, заменивший его. В 1920 приехавший в Лондон бывший царский министр иностранных дел Д.С. Сазонов убрал его с поста. Автор воспоминаний Испытания дипломата. ВАМ, БИБ.

НАВАСАРДЬЯН, Степан Тигранович (1894-?). Вступил в 1932 (1933). ПА.

НАВАШИН, Дмитрий Сергеевич (1889-1937). В молодости, в Москве, поэт из круга символистов. После революции крупный советский служащий в Париже. В 1922 один из основателей «Астреи». В 1937 г. был убит неизвестным рано утром в Булонском лесу. (См. Архивные материалы). ПА, ЗК, БИБ.

НАГАЧЕВСКИЙ. Великая Ложа. ПА.

НАГРОДСКАЯ, Евдокия Аполлоновна (1866-1930). Дочь Авдотьи Панаевой,

писательница, автор популярного романа «Гнев Диониса». Одно время друг поэта М.А. Кузмина. Мастер ложи «Аврора». ПА, Лич.

НАГРОДСКИЙ, Владимир. Муж предыдущей. Один из основателей «Астреи». «Гермес». Член Массонского Верховного Совета с 1932. 33°. ПА, ЗК.

НАУМОВ, Александр Николаевич (1868-1950). Царский мин. земледелия. После отставки Кривошеина, одна из надежд либеральной части Гос. Думы на изменение курса политики Николая II. «Астрея». Автор книги Из уцелевших воспоминаний. ПА ЧС, БИБ.

НЕКЛЮДОВ, А.В. Русский дипломат в Швеции. ПА

НЕКРАСОВ, Николай Виссарионович (1879-1940). Инженер-путеец, левый кадет, член «прогрессивного блока» в Гос. Думе в 1915-1917. Член III и IV Думы. Министр путей сообщения в 1917. Член «триумvirата» в июле-августе 1917, вместе с Керенским и Терещенко. Составил черновик акта отречения вел. кн. Михаила Александровича (последняя редакция В.Д. Набокова). В январе 1917 Терещенко, Гучков и он были членами заговора против Николая II. После революции остался в России, с 1921 в Центросоюзе; в 1928–30 работал на Беломорско-Балтийском канале. ВАМ, АФК, БИБ (Яковлев, Милюков).

НЕМАНОВ, Л. Журналист, эмигрант в Париже, сотрудник Последних новостей. ГЯА.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО, Василий Иванович (1844-1936). Писатель, эмигрант в Праге. Великая Ложа. Посвящен французскими масонами Сеншолем и Буле в 1908. АДБ, Лич.

НЕМЧИНОВ, Андрей Леонидович (1897-?). Вступил в 1930. ПА, ЗК.

НИДЕРМИЛЛЕР, Николай Георгиевич (ум. 1953). Петербургский адвокат. Эмигрант в Париже. Зять В.Ф. Ходасевича. Великая Ложа. Был арестован немцами в 1941 и провел несколько месяцев в лагере Компьень, недалеко от Парижа. ЧС, Лич.

НИКИТИН, Алексей Максимович (1876-?). Московский присяжный поверенный. Был на Ленских приисках вместе с А Керенским. Министр Врем. прав. Расстрелян большевиками после Октябрьского переворота. Муж Е.Ф. Никитиной – писательницы, литературоведа, библиографа, хозяйки «Никитинских субботников» (в 1914–1931 – литературное общество и издательство). В 1919 в Ростове-на-Дону на ее собраниях бывал весь «цвет» белой эмиграции времен Деникина. В 1957 архив «Никитинских субботников» был передан сов. государству.

Гувер, БИБ (КЛЭ).

НИЛУС, Петр Александрович (1869-?). Художник, писатель группы Бунина – Куприна. Эмигрант в Париже. 1, rue Jacques Offenbach. Вступил в 1927. «Северная Звезда» – Хранитель печати. Мастер с 1930. ПА.

НОБЕЛЬ, Э.Л. Русский, шведского происхождения из семьи учредителя Нобелевской премии, бакинский нефтяник. После 1918 – в Швеции. ЧС.

НОВОСЕЛОВ, Кирилл Петрович. «Северное Сияние» и «Гамаюн». В 1938 перешел в «Северную Звезду». В 1942 начал создание новой подпольной организации в Париже, при немецкой оккупации, после опубликования имен масонов в Journal Officiel, и видимо, погиб. ПА.

НОВОСИЛЬЦЕВ (1900?-?). Великий Восток. Депортирован, умер в немецком лагере. * ПА, ЧС.

НОЛЬДЕ, Борис Эммануилович, барон (1878-1948). Юрист, дипломат царского времени, кадет. Сотрудник эмигрантской печати. Автор воспоминаний «Далекое и близкое», книг о русско-французских отношениях. В Записке Кандаурова назван (по ошибке?) Нессельроде. ВАМ, БИБ.

О

ОБНИНСКИЙ, Виктор Петрович (1867-1916). Член I Думы. Левый кадет. Автор книг о масонстве. В 1909 он писал: «Почти столетие мирно спавшее в гробу русское масонство показалось воскресшим к новой жизни. Оставив там, в гробу этом, внешние доказательства, в виде орудий ритуала и мистических книг, оно выступило в эмансипированном виде

политической организации, под девизом которой, «свобода, равенство, братство», могли соединиться чуть ли не все политические группы и партии, соединиться для того, чтобы свергнуть существующий строй». (Новый строй, с. 359). БИБ. *

ОБОЛЕНСКИЙ, Владимир Андреевич, князь (1869-1938). Член ЦК к.-д. партии. С 1909 – «Северная Звезда». В Париже с 1925 – «Свободная Россия». Некролог С.С. Крыма в Последних новостях. ПА, АВТ, ВАМ, БИБ (Смит).

ОБОЛЕНСКИЙ, Л.А., князь (брат В.А.?). Кадет. Автор неопубликованных воспоминаний: «Первый день революции в воспоминаниях очевидца». ЦГАОР, ф. 6881.

ОДИНЕЦ, Дмитрий Михайлович (1882-195?). Киевлянин, народный социалист, профессор истории. Министр по Великорусским национальным делам при Украинской Раде, в 1918. Вступил в «Астрею» в 1917. Перешел в 1928 в «Северную Звезду». В Париже – сотрудник Последних новостей. После войны редактор Советского патриота и просоветских Русских новостей. Ходил к Богомолу с группой Маклакова в 1945 г. (См. Берберова «Конец Тургеневской библиотеки». Новый журнал, кн. 63). По слухам, умер в Казани. НВМ, Лич.

ОКУНЕВ, Н. Мировой судья. МГ.

ОЛСУФЬЕВ, Дмитрий Адамович, граф (1862-193?). Член Гос. Совета. Прогрессист, один из инициаторов «прогрессивного блока». Ездил в Англию в 1916 вместе с Милюковым, Протопоповым и др, Предводитель дворянства Комышанского уезда, Саратовской губ. У него в особняке происходили собрания масонской ложи. (См. Долгоруков. Великая разруха, с. 101, 104, 105). ЧС, Лич, БИБ.

ОЛЬДЕНБУРГ, Сергей Федорович (1863-1934). Председатель Российской Академии Наук. Кадет, министр Врем. прав, (июль-август). МГ.

ОНУ, К.М. Посланник России в Швейцарии. Шурин Н.Н. Таганцева. ПА.

ОРЛОВ, АА Дипломатический представитель в Монголии. Переведен из Багдада. ПА.

ОРЛОВ-ДАВЫДОВ, Алексей Ал., граф (1872-?). Член IV Гос. Думы, прогрессист. Посвящен в 1909 Сеншолем и Буле; в его дворце в Петербурге собиралась до самой Февральской революции «Военная Ложа». «Вся организация в 1908-1909 жила на его счет» (Кандауров). С 1925 в Париже: «Северная Звезда» и «Свободная Россия». 33°. ПА, ЗК, БИБ (Архив русской революции, т. 22, с. 366).

ОСОКИН, Александр Васильевич. Вступил в 1932. «Свободная Россия».

ОСОРГИН, Михаил Андреевич (1878-1942). Писатель, журналист, москвич, сотрудник Русских ведомостей. Член итальянской ложи до 1914. В 1924 в Париже вступил в «Северную Звезду», позже организовал ложу «Веги». В 1937 делал доклад о Пушкине в масонском собрании Объединенных лож в присутствии 300 человек. ПА.

ОЦУП, Николай Авдеевич (1894-1958). Петербург-Париж. Поэт, член «Цеха поэтов». Редактор журнала Числа (1930-1934). ПА.

ОЧАН, Илья Иосифович (1883-1944). Доктор медицины, эмигрант в Париже. Вступил в 1930. ПА.

II

ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ, Николай Павлович (1869-1908). Профессор в Петербурге, кадет, историк. МГ.

НАЛЬЧИКСКИЙ, Петр Акимович (1875-1928?). Горный инженер. После Февральской революции член Исполкома Петроградского Совета, затем тов. министра торговли и промышленности. Начальник связи между Исполкомом и ген. Корниловым. Приказом Врем. прав, назначен председателем Специального Совета обороны. Помощник генерал-губернатора Петрограда (т.е. Кишкина) в сентябре 1917, после дела Корнилова. В октябре военный губернатор Петрограда. Был арестован большевиками и сидел в Петропавловской крепости после Октября, как начальник обороны Зимнего дворца. БИБ (Половцев; Верховский).

ПАНИНА, София Владимировна, графиня (1871-1957). Член к.-л. партии. Тов. министра общественного призрения в августе 1917. 29 ноября 1917 по приказу Ленина была арестована и вместе с М.М. Винавером, Н.Н. Кутлером, А.И. Шингаревым, Павлом Долгоруковым и Ф.Ф. Кокошкиным посажена в крепость. В эмиграции в ложах не состояла. Первый муж – Половцев. Гражданский муж – Н.И. Астров. АЛТ, ЕДК, АФК, ВАМ, МГ, Лич, БИБ.

ПАНЧЕНКО. На дипломатической службе в русском посольстве в Париже. ПА, ЗК.

ПАПАДЖАНОВ (1870?-?). Член Гос. Думы от Закавказья. В Париже в 1925 – кандидат в ложу. ПА.

ПАПАЗЬЯН, Ваган (1878-?). Армянский деятель. Вступил в 1932. ПА.

ПАРИС, В. Русского происхождения, служил в парижской префектуре по делам русских эмигрантов. «Юпитер»: Подмастерье. ПА.

ПАРОНИАН, Александр Арутюнович (1885-1947). Владелец кинотеатра в Париже. Вступил в 1933. РИБ, Лич.

ПАСМАНИК, Даниил Семенович. Журналист из группы Мельгунова. Великая Ложа с 1922. ПА.

ПЕЛЕХИН, Б.П. Царский дипломат в Сербии, переведен из Китая. ПА.

ПЕРЕВЕРЗЕВ, Павел Николаевич (1871-1944). Юрист; трудовик. Мин. юстиции Врем. прав. Прокурор Петроградской судебной палаты весной 1917. В июле 1917 преждевременно (по мнению Керенского, Терещенко и Некрасова) опубликовал в газете документы о связи Ленина с германским генеральным штабом. Вышел в отставку 5 июля. Вступил в 1908 в Петербурге. Мастер в «Северной Звезде» (1909). В Париже в «Северной Звезде» и «Свободной России». Адрес в 1930-х гг.: 69, rue Lefebvre. ПА, Оф, Лич, БИБ (Миллюков; И.В. Гессен; Половцев).

ПЕТЛЮРА. Украинский вождь во время гражданской войны. ПА, ЗК.

ПЕТРАЖИЦКИЙ, Л.И. (1844-1928). Профессор. Кадет. Председатель «Союза Освобождения». В октябре 1905 был приглашен, вместе с И.В. Гессеном, для составления новых «Основных законов». ВАМ, БИБ (Старцев).

ПЕТРИ, Евклид. «Усыновлен» «Лотосом» в 1933-1934. ЗК.

ПЕТРОВСКИЙ, Николай Валерьянович (1891-?). Адвокат. Вступил в 1928. «Северная Звезда». Привратник («Страж Дверей») с 1931, 31, rue Mouton-Duvernoy. Париж. ПА.

ПЕТРУНКЕВИЧ, Иван Ильич (1844-1928). Левый кадет. Тверской земец. Член 1 Гос. Думы. Один из редакторов Речи. ВАМ.

ПЕШКОВ, Зиновий Алексеевич (1884-1966). Генерал, брат большевика Я. Свердлова, усыновлен М. Горьким. Приезжал в Петроград в ноябре 1917. из Франции, как французский «обозреватель». Требовал продолжать войну. (См. Берберова. Железная женщина, с. 160 и др.). МГ, БИБ (Noulens).

ПЕШКОВА, Екатерина Павловна (1878-1965). Первая жена М. Горького. Друг Е.Д. Кусковой. В «женской» ложе до 1917. Продолжала связь с прежними друзьями («братьями» и «сестрами») до 1935. Горький в шутку называл ее «масонкой». МГ, ЦДК, АВТ, БИБ (Архив Горького, т. IX).

ПОВОЛОЦКИЙ, Яков (1881-1928). С 1915 – русский издатель и книготорговец в Париже, на rue Vonarparte. Умер после банкротства. Один из основателей «Северной Звезды» в Париже. ПА, Лич.

ПОДОБЕДОВ, Александр Андреевич (1872-1934). Народный социалист. Вступил в 1928. ПА.

ПОЗНЕР, Соломон Владимирович (1879-1947). Вступил в 1927. ПА.

ПОЗНЯК, Александр Акимович (1889-?). В 1935 перевелся в Великий Восток из ложи «Иерусалим» (Шотландского устава). ПА

ПОКЛЕВСКИЙ-КОЗЕЛЛ, Станислав Альфонсович (ум. во время 2-й мир. войны). Царский посланник в Румынии. В 1915, когда союзники и Россия ждали, что Румыния выступит на их стороне, он сделал все, чтобы она оставалась нейтральной. За это он едва не

был обвинен царским правительством в государственной измене. Пораженец с 1914: «Ребячество думать, что мы можем победить». (Интервью Н.Б. с И.Г. Лорис-Меликовым, Париж, 1947). Гувер, ВАМ, Лич.

ПОКРОВСКИЙ, ПА.

ПОЛИВАНОВ, Алексей Андреевич (1855-1920). Генерал, член Государственного Совета, военный министр в 1915 – 1916 (март). Враг Сухомлинова. Заменен Шуваевым. Кандидат-общественник» думских прогрессистов. «Завоевал симпатии Думы, сошелся с Гучковым, прогрессивный блок его уважал... Был вовлечен Гучковым в революционную работу... Говорил, что надо действовать в духе времени». (Наумов, т. 2, с. 360). П. (как Кривошеин, Покровский, Игнатъев) был «приемлем» для к.-д. и прогрессистов IV Думы, как возможный министр «ответственного министерства». Позже служил в Красной армии и был экспертом, когда заключали мир между сов. Россией и Польшей (1920), как член Особого совещания при Главнокомандующем. Товарищ ген. Рузского по полку и службе в Генеральном Штабе Киевского округа. Автор книги Из воспоминаний и дневников. ВАМ, КАК, БИБ.

ПОЛИСЕНСКИЙ, Я.В. Прага. ПА.

ПОЛКОВНИКОВ, Георгий Петрович (1883-1918). Полковник, в 1917 командующий Петроградским военным округом. Смирнов писал о нем: «Керенский всегда окружал себя посредственностями в военном деле». М.М. Винавер считал, что «П. сносится с большевиками». И верно: он имел контакт с Троцким. Повешен большевиками. ЧС, БИБ.

ПОЛОВЦЕВ, Петр Александрович (1874-193?). Родственник Александра Александровича П., государственного секретаря (1833-1909). В 1905 помощник военного атташе в Лондоне. В мае 1917 генерал-майор. Заменял Корнилова, как командующий Петроградским военным округом. Одно время – тов. министра иностранных дел Врем. прав., после него на это место был назначен Б.Э. Нольде, директор II департамента мин. иностр. дел, на место которого был назначен П.Б. Струве. Автор воспоминаний Дни затмения. В статье, напечатанной в парижской газете Эко де Пари 1 декабря 1920, спутал Чернова с Керенским. Мастер в ложе «Северное Сияние», один из основателей «Астреи» в 1922. Член Верховного Совета Народов России. 33°. Жил в эмиграции в Монако. ЗК, БИБ.

ПОЛЬ, Владимир Иванович. Композитор, одно время директор русской Консерватории в Париже, музыкальный критик газ. Возрождение. Муж певицы Ян-Рубан. «Астрея». ПА.

ПОЛЯКОВ, Соломон. ПА.

ПОЛЯКОВ-ЛИТОВЦЕВ, Соломон Львович (1875-1945). Журналист, в России – сотрудник Речи и Русского слова, в Париже – сотрудник Последних новостей. Вступил в 1925. Умер в США. ПА.

ПОПОВ, Александр Сергеевич (1891-?). Антиквар, имел известный в Париже антикварный магазин русской старины, знаток русского фарфора. Вступил в 1948. ПА.

ПОРАДЕЛОВ, Николай Николаевич (1887-1948). Полковник Генерального Штаба. Друг и «телохранитель» А. Керенского, как в 1917, так и в Париже. Вступил в Великую Ложу в 1922, вышел в 1929, и был принят в «Северную Звезду». 18°. Был женат на француженке, умер после войны, недалеко от Шартра. (Н.Б. и Н.В. Макеев в это время жили недалеко от них, Н.Б. присутствовала на его похоронах и видела, как жена П. положила в гроб его масонскую перчатку). ПА, Лич.

ПОТЕМКИН, Петр Петрович (1886-1926). Поэт-юморист. Эмигрант в Париже. Вдова его держала долгие годы в Парже ресторан в латинском квартале. ПА.

ПРЕЙСМАН, Василий Аиисимович (1900-1941). Вступил в 1934.

ПРОКОПЕНКО, Александр Петрович. Глазной врач. Эмигрант Париже. ПА.

ПРОКОПОВИЧ, Сергей Николаевич (1871-1955). Экономист, автор книг, трудовик, член «Союза Освобождения», министр Врем. прав. Москва-Прага-Женева. Одно время в России председатель Вольно-Экономического общества. Масон в Бельгии с 1898 и в России с 1908. Муж Е.Д. Кусковой. ЕДК, АФК, ВАМ.

ПРОТАСЬЕВ, Н.Н. Доктор медицины, эмигранте Париже. Ложи: «Лотос», «Аврора» и

«Возрождение». ОЛ.

ПУСТА. В 1920 эстонский посланник в Париже. ЧС.

ПУТИЛОВ, Алексей Иванович. Владелец заводов в Петербурге. Директор Русско-азиатского банка. Один из основателей «Астреи» в 1922. ПА.

ПЬЯНОВ. Был связан с Земгором. «Астрея». ПА.

Р

РАБИНОВИЧ, Эммануил. «Юпитер»: Подмастерье. Во время войны в США Вернулся в 1945 и вступил в «Лотос». ПА, ОЛ.

РАЙГОРОДСКИЙ, Александр Ефимович (1881-1933). Великая Ложа. ПА.

РАЙГОРОДСКИЙ, Леонид Николаевич. Вступил в 1928 г. Великий Восток. ПА.

РАИС ОЛ.

РАПП, Е.И. Адвокат, имел отношение к Обществу и Комитету Кандаурова (1919). ПА.

РАППОПОРТ, Ю. Адвокат, соц.-демократ. Одно время после 1917 в Риге. В Париже – сотрудник Последних новостей. Великий Восток. ПА.

РАСИН. «Астрея». Во время войны в США. Позже – «Лотос», Подмастерье. ОЛ.

РАТНЕР. «Астрея». Вступил в 1922. ПА.

РАТОВ, Григорий. Киноактер, кинорежиссер. Жил в Голливуде, умер в Нью-Йорке. ЧС.

РАФАЛОВИЧ, Иосиф Исаевич (1877-1974?). Эмигрант в Париже. Вступил в 1925. Ложи «Северная Звезда», «Les Negos de L'Humanite». ПА.

РЕЙНБОРГЕ, Михаил Иосифович (1880-?). Доктор медицины. Один из основателей ложи «Гарибальди» (франко-итальянской). Вступил в Великую Ложу в 1922. Мастер в 1924. ПА.

РЕЙНГАРДГЕН, И.П. До 1917 – член «тайного офицерского кружка». После революции руководитель «Балтийского кружка». ПА.

РЕПНИН. ПА.

РЖЕВСКИЙ, В А Член Гос. Думы, тов. председателя Думы. Прогрессист, «мирнообновленец». Входил в группу Шидловского, Ефремова, Шульгина – большинство ее членов были связаны с масонством. ПА, БИБ (Вопросы истории, 1945, № 3 – 4).

РОБЕРТИ, Евгений Валентинович, де (1845-1915). Один из основателей масонства в России (с Маклаковым, Ковалевским, Баженовым, Бебутовым). Гласный тверского земства. Вел переговоры с Витте в 1905 о «либеральном» министерстве. АДБ, ВАМ, БИБ (Ковалевский; De Gmeline, Noblesse Puse, с. 495).

РОГОВСКИЙ, Евгений Францевич (1888-?). Присяжный поверенный, эсер. В Иркутске, в ссылке, стал в марте 1917 начальником иркутской милиции. Вернулся в Петроград (вместе с Церетели и др.) и был назначен петроградским градоначальником. «Городской комиссар», арестовавший Пуришкевича. Осенью 1918 тов. председателя Уфимского Государственного совещания (при председателе Авксентьеве). Вступил в 1925. В 1945 был директором Русского дома для стариков в Жуан-ле-Пэн (на Ривьере). Мельгунов считал его «ненадежным». ПА, Лич.

РОЖАНКОВСКИЙ. Париж – Нью-Йорк. Художник, фотограф. Великая Ложа. ПА.

РОДИЧЕВ, Федор Измаилович (1856-1933). Лидер к.-д. партии, член ЦК. Член Гос. Думы. Оратор. В марте член Врем. прав, «по делам Финляндии». Тверской земец. Гувер, ВАМ.

РОЗЕНБЕРГ, Владимир Александрович. Один из редакторов Русских ведомостей (Москва). Автор книги об известном масоне Н.И. Новикове (1744-1818).

РОМАНОВ, вел. князь Александр Михайлович. Был женат на Ксении, сестре Николая II. Он был «мистическим масоном», спиритуалистом, называл себя розенкрейцером и филалетом (а иногда филателистом). Занимался спиритизмом. После революции жил в Англии и США. Автор трехтомных Воспоминаний. ПА, ЗК, БИБ.

РОМАНОВ, вел. князь Николай Михайлович (1859-1919). Старший брат предыдущего. Историк, директор Русского музея (Александра III) в Петербурге. Член тайного французского общества «Биксио». Расстрелян большевиками во дворе Петропавловской крепости, (См. Архивные материалы). АНБ, МГ, БИБ.

РУБИНШТЕЙН, Яков Львович (?-1963). Адвокат, социал-демократ. Юрисконсульт союза металлистов. Одно время был меньшевиком-интернационалистом в Харькове и председателем харьковской городской Думы. Эмигрант в Париже. Вместе с Нольде, Гулькевичем и др. был вызван в Нансеновский комитет Лиги Наций, как эксперт по вопросу о беженцах. ВДК, ВАМ, АФК.

РУЗСКИЙ, Николай Владимирович (1854-1918). Генерал. Играл одну из главных ролей в отречении царя. В декабре-январе 1916 – 17 его, как и ген. Алексеева, завербовали в очередной заговор против царя думские и общественные круги. «Военная Ложа». Его секретарь С. Вильчковский оставил воспоминания о нем (Русская летопись, кн. 2). МГ, ВАМ, БИБ.

РУТЕНБЕРГ, Петр Моисеевич. Эсер, убийца Гапона (по словам Горького и Фондаминского). После 1917 – в Палестине. Друг Фондаминского, Зензинова и др. В октябре 1917 помощник Кишкина и Пальчинского «по водворению порядка». Бурцев убийцей Гапона считал Деренталя, человека, увезшего Савинкова в 1924 в Советскую Россию. Бурцев писал, что Деренталь якобы собственноручно повесил Гапона в Озерках в 1906 (Былое. Новая серия, № 2, с. 54), Но несмотря на это, убийство Гапона Рутенбергом не может внушать сомнений: Н.Б. слышала об этом от Горького в 1925, от Фондаминского и Керенского – в 1930-х гг. МГ, АФК, Лич, БИБ.

РЫСС, Петр Яковлевич (1870?-1948?). Правый кадет, сотрудник газеты Приазовский край (Ростов-на-Дону). Великая Ложа. (См. Берберова, Курсив мой, с. 507). Лич, БИБ,

РЯБУШИНСКИЙ, Владимир Павлович. Московский промышленник. Брат Д.П. и П.П. Рябушинских. Судя по воспоминаниям Наумова, имел одно время в Лондоне банк, который довольно скоро обанкротился. ПА.

РЯБУШИНСКИЙ, Дмитрий Павлович. Вступил в Париже в 1930. ПА.

РЯБУШИНСКИЙ, Павел Павлович (1871-1924). Член Гос. совета. Председатель московского Военно-промышленного комитета. Редактор-издатель московской ежедневной газеты Утро России. Прогрессист, «мирнообновленец». Близкий друг английского посла Джорджа Бьюкенена. Эмигрант в Париже. ПА.

С

САБАШНИКОВ, Михаил Васильевич (1871-1943). Кадет. Москвич. Владелец издательства. КАК.

САВВИН, Н.Н. Профессор Петербургского Политехникума. Тов. министра торговли и промышленности Врем. прав. АЛТ.

САВИНКОВ, Борис Викторович (1879-1925). Эсер, террорист. Убийца вел. кн. Сергея Александровича. Работал с Азефом. Вступил в «Астрю» в 1922. В августе 1917 военный министр Врем. прав. Выехал в Варшаву, затем в Париж. В 1924 вернулся в Россию, был убит (или покончил с собой) в здании ГПУ. Автор романов и др. книг, в частности, Дела Корнилова (Париж, 1918). Милюков цитирует его в Истории..., вып. 2. О нем см. 3. Гиппиус. Дневники и переписка. ПА, ВАМ, БИБ,

САЛКАЗАНОВ, Михаил (1875-1941). Сибирский промышленник (Бодайбо). ЧС.

САЛАЗКИН, С.С. Министр народного просвещения в сентябре-октябре 1917. Гувер, БИБ (Верховский).

САЛТЫКОВ, Николай. Ум. в Белграде в 1951. Профессор, основатель белградской ложи. ЮА.

САМАРИН, полковник, друг ген. Крымова. ЧС.

САРАЧ, Борис Маркович. Сотрудник парижской газ. Последние новости. ПА.

САФИР. ПА.

САФОНОВ, Василий Федорович (1887-1939). «Астрей» – 1923. Позже «Юпитер». Основатель «Лотоса». Оратор. ПА, ОЛ.

САХАРОВ, Иван (1860-?). Адвокат и журналист, служил в Московском суде.

САТИКОВ, С.Г. Историк, коллекционер старых рукописей. Член правления Тургеневской библиотеки в Париже. Комиссар Врем. прав. за границей: Керенский назначил его расследовать действия Милюкова, как министра иностранных дел Врем. правительства. Рапорт С. был всецело положительным: «Он чистил свое министерство удовлетворительно, когда вступил в должность» (т.е. чистил царский дипломатический корпус в Европе). ПА, БИН.

СВЕЧИН, Алексей (1865-?). Член к.-д. партии. Бывший гусар. Земец. Председатель Черниговской губернской земской управы. АДБ.

СВИДЕРСКИЙ. «Аврора». ПА.

СВОБОДИН, Владимир. Великая Ложа. Один из основателей «Лотоса». ПА, ОЛ.

СЕЙДЕЛЕР, Б.Н. Великая Ложа. ПА.

СЕМЕКА, Александр Владимирович (1870-1941). Один из авторов книги Массонство в его прошлом и настоящем, под ред. Мельгунова и Сидорова. ЧС.

СЕМЕНОВ, Юлий Федорович. В 1917-1918 в Закавказье. После ухода П.Б. Струве, редактор парижской газ. Возрождение. С 1922 – «Астрей», затем, в 1924 «Золотое Руно». Позже – «Юпитер». Председатель русского Зарубежного съезда в 1925, в Париже. Был женат на дочери А.В. Гольштейн. ПА, ЗК.

СЕРЕДА, Семен Пафнугович (1871-1933). Член большевистской партии. Гувер.

СИДАМОН-ЭРИСТОВ, Г., князь. Прожил в США более двадцати лет. Умер в Принстоне, в 60-х гг. Великий Восток. ЧС.

СИНИЦЫН. «Юпитер»: Подмастерье. ПА.

СКОБЕЛЕВ, Михаил Иванович (1885-1939). Меньшевик-центрист. Член Гос. Думы. Член Совета Рабочих и Солдатских депутатов в Петрограде. Министр труда во Врем. прав, в июле 1917. Ходил вместе с Н.В. Чайковским 6 ноября 1917 к послу США Фрэнсису и послу Англии Бьюкенену просить помощи. В 1922 вернулся из эмиграции в Россию и вступил в большевистскую партию. Был ликвидирован; позже, по слухам, реабилитирован. Играл роль в составлении Приказа № 1 в 1917. (См. Злоказов. Петроградский Совет Р. и С. Депутатов, с. 58 – 62). НВМ, БИБ.

СКРЯБИН. Один из основателей «Астреи» в 1922. ПА, ЗК.

СЛИОЗБЕРГ, Генрих Борисович (1863-1937). Известный адвокат. Один из основателей русской Великой Ложы в Париже. Основатель «Лотоса». Член «Верховного Совета Народов России». Лектор Франко-русского института в Париже, 11 марта 1933 делал доклад в «Астрее» для объединенных лож. 33°. ПА, ЗК.

СЛОНИМ, Марк Львович (1894-1976). Журналист, литератор. Эсер. Один из младших членов Учредительного собрания. Член Уфимской директории. Эмигрант в Праге. Член редакционной коллегии журнала Воля России (1921-1932). Позже, в Париже, председатель литературного общества «Кочевье». После войны в США. Умер в Швейцарии. НВМ, Лич.

СМИРНОВ, Г.Я. «Лотос», «Северное Сияние». ПА, ОЛ.

СМИРНОВ, С.А. (1883-?). Крупный промышленник, кадет. Член совета газеты Рябушинского Утро России (в Москве). Член московского Военно-промышленного комитета. Государственный контролер Врем. прав, в сентябре-октябре 1917. ЗК, БИБ.

СОКОЛОВ, Николай Дмитриевич (1870-1928). (Не путать с Дмитр. Ник. Соколовым, автором книги Убийство царской семьи). Присяжный поверенный. Соц. демократ. Великий Восток. Секретарь Исполкома Петросовета в марте 1917. После ухода Керенского кандидат в министры юстиции Врем. прав. Редактор Приказа № 1 от 2 марта 1917. «Сенатор при Временном Правительстве» (Маргулиес, т. 3). См. также Аронсон. Россия накануне революции, с. 131. После Октября – юрисконсульт Сов. правительства. АФК, БИБ.

СОКОЛОВ (Кречетов), Сергей Алексеевич (1878-1936). Литератор, владелец

московского издательства «Гриф». «Астрея» в 1922. Одно время в молодости был мартинистом. Первая жена – Нина Петровская, вторая – киноактриса Лидия Рындина. Был «радиирован» в конце 1920-х гг. ПА, ЗК.

СОРОКИН, Питирим (1889-1968). Секретарь Керенского в 1917 Эмигрант в США. Профессор Гарвардского университета. Автор книг. (См. Станкевич. Воспоминания, с. 220). АФК, БИБ,

СОСИНСКИЙ, Бронислав (1893-?). Писатель, эмигрант. Член Союза советских патриотов в 1945. Вернулся в СССР с женой, дочерью лидера партии с.-р. Виктора Чернова. Парижский адрес: 132, rue Victor Hugo, Clamart. «Северная Звезда»: Мастер Церемоний в 1935. ПА.

СОФИЕВ, Юрий Николаевич. Белый офицер, поэт. Эмигрант в Париже. Был женат на поэтессе Ирине Кнорринг. «Советский патриот», уехал в СССР после войны. Великая Ложа. ПА.

СОЧИВКО. Дипломат. «Астрея» с 1920-х гг. ПА.

СТАВРОВ, Перикл Ставрович (1890-?). В 1930-х гг. – председатель Союза поэтов в Париже. «Северная Звезда». ПА.

СТАЛЬ, Александр Федорович, барон. Прокурор московской судебной палаты. Эмигрант в Париже. МГ.

СТАНКЕВИЧ, Владимир Бенедиктович (Владас Станка) (1884 –1969). Народный социалист, поручик царской армии. Секретарь трудовой фракции в III Гос. Думе. Перед революцией вместе с Н. Сухановым редактировал Современник. Член исполкома Петроградского Совета Р. и С. депутатов, затем – комиссар ставки Главковерха (Керенского), комиссар Северного фронта, начальник политотдела в кабинете военного и морского министра. Сопровождал Керенского на фронт в июне 1917. Войтинский и Филоненко были его помощниками. Автор воспоминаний. НВВ, БИН, АФК, БИБ.

СТАРЫНКЕВИЧ, Д. С. Принят в «Лотос» после войны. ОЛ.

СТАХОВИЧ, Михаил Александрович (1861-1923). Член Гос. Сове-та. Член I и II Гос. Думы. Член партии мирного обновления. Орловский предводитель дворянства. Русский посланник в Испании, оставался в Мадриде после революции. ВАМ, БИБ (Маргулиес, т. 3).

СТЕПАНОВ, Владимир Иванович (1892-?). Инженер. Вступил в 1933. ПА.

СТЕРКО. ПА.

СТРУВЕ, Михаил Александрович. Эмигрант в Париже, поэт, племянник П.Б. Струве. После 1945 – «советский патриот». Умер во франции. ПА, Лич.

СТУПНИЦКИЙ, Арсений Федорович. Сотрудник Последних новостей. После войны редактор советских газет в Париже. Ввел Маклакова и его друзей в сов. посольство для знакомства и дальнейших отношений с послом Богомоловым. Французский подданный. О нем см. Социалистический вестник, 1945, № 15 – 16, с. 178 – 179.

КАК, ВАМ, ЕДК.

СУМБАТОВ-ЮЖИН, Александр Иванович (1857-1927). Умер во Франции. Масон до 1917 г. Актер Малого театра в Москве и драматург. АДБ.

СУРАВАРДИ, Сахид (1890-?). Индус, род. в Калькутте. Учился в Оксфорде, приехал в Москву. Служил в театре Станиславского. Близкий друг Мар. Ник. Германовой и ее семьи. После революции – на Кавказе, потом в Париже. Его масонскую анкету писал А.И. Хатисов, 33°, он же рекомендовал его. Во время войны вернулся в Индию и позже был индийским посланником в Испании. ПА, Лич.

СЫРТЛАНОВА. «Аврора». ПА.

Т

ТАМАМШЕВ. Один из первых масонов (до 1914). Друг Гамбарова. ПА.

ТАТАРИНОВ, Владимир Евгеньевич. Журналист, эмигрант в Париже. Великая Ложа. Один из посетителей сов. посла Богомолова в 1945. ПА.

ТАУБЕР, Леонид (1872-1943). Ум. в Белграде. Доцент Харьковского университета, профессор политической экономии. Отец поэтессы Екатерины Таубер. Ложа «Максим Ковалевский». ЮА.

ТЕЛЕПНЕВ, Борис. Лондон. ЗК.

ТЕПЛОВ (1861-?). Полковник Семеновского полка, позже генерал-майор. Вступил в 1907 – «Северная Звезда». В 1917 – комиссар Финляндского полка. В 1925 вернулся в ложу в Париже. ПА, ЗК.

ТЕРАПИАНО, Юрий Константинович (1892-1980). Литератор. Одно время председатель Союза поэтов в Париже. Лич.

ТЕРЕЩЕНКО, Михаил Иванович (1888-1958). Киевский сахарозаводчик. Владелец издательства «Сирии». Друг АА Блока, АМ. Ремизова и мн. др. Тов. председателя Военно-промышленного комитета (при преде. П.П. Рябушинском), В марте-апреле 1917 министр финансов Врем. прав., в мае-октябре мин. иностранных дел. После 1918 жил и умер в Лондоне. ВАМ, Мил, БИБ.

ТЕР-ПОГОСЯН, Михаил Матвеевич (1890-1967). Эсер, один из младших депутатов в Учредительное собрание. Эмигрант в Париже. Вступил в 1925. Мастер в 1927. ПА, АФК, Техас.

ТЕСЛЕНКО, Николай Васильевич (1870-?). Московский адвокат, кадет. Член II Гос. Думы, забаллотированный левыми в секретари Думы за его заявление о том, что надо «идти рука об руку с правительством». Тов. министра юстиции весной 1917, вместе с Зарудным, при министре Керенском. Эмигрант в Париже. Мастер в «Гермесе» («Первый Молоток», 1929-1931). Позже – «Лотос». Умер во время 2-й мир. войны. ПА, ОЛ,

ТИКСТОН, Павел Андреевич (1870?-1939?). Потомок обрусевших датчан. В Петербурге директор банка. Промышленник. Эмигрант в Париже. Гражданский муж Н.А. Тэффи. ПА

ТИКСТОН, Сергей Павлович (1902-1981). Сын предыдущего. Великая Ложа. Оратор в «Астрее». Писал в Вестнике, 1959, № 2 (о статье Бердяева о масонах, в журнале Путь, 1926, № 4). ПА Гувер, Вестник, АНБ (Переписка. Каталог проф. Сильвестера).

ТИМАШЕВ, Николай Сергеевич. Сын царского министра. Профессор, сотрудник газ. Возрождение, лектор Франко-русского института в Париже. После войны в США, член редколлегии Нового журнала. Был мало активен в 1920-х гг. и рано вышел из Великой Ложи. Гувер.

ТИРАСПОЛЬСКИЙ, Григорий Львович (1871-1947). Вступил в 1909, в Петербурге. В 1927 – «Северная Звезда», Париж. В 1933 перешел в «Лотос» и вышел из Великого Востока. В ложе «Рыцари Красной Розы», собиравшейся на частной квартире (98, rue Kleber) был «Братом-Секретарем». ЗК, ОЛ.

ТИТОВ, Алексей Андреевич. Инженер-химик. Трудовик, народный социалист. Москвич. Тов. мин. продовольствия в августе 1917, зав. санитарной частью Всероссийского Союза городов, (Маргулиес, т. 3). В Париже, в эмиграции, был владельцем коммерческой лаборатории «Биотерапия» (в которой одно время работал тогда еще никому не известный писатель Луи-Фердинан Селин, будущий автор Путешествия на край ночи, по образованию врач). ПА

ТИХОМИРОВ. Великая Ложа. ПА.

ТОВСТОЛЕС, Григорий Николаевич. Мастер Церемоний («Трапезник»). ПА.

ТРАХТЕРЕВ, Осип Сергеевич. Петербургский адвокат, эмигрант в Париже. Погиб в Аушвице (Освенциме). Лич.

ТРАЧЕВСКИЙ, Александр Семенович. «Астрей». Вступил в 1908, был посвящен Сеншолем и Буле. ПА.

ТРЕГУБОВ, Абрам Матвеевич (1908-?). Вступил в 1933. ПА.

ТРЕТЬЯКОВ, Сергей Николаевич. Сын владельца картинной галереи. Член совета газеты Утро России П.П. Рябушинского в Москве, председатель московской биржи, тов. председателя Военно-промышленного комитета. Председатель экономического совещания

при Врем. прав. Министр Врем. прав, последней коалиции. Позже министр торговли у Колчака. Вступил в 1930 (Кандидат). Расстрелян немцами в Париже, как сов. агент. ПА.

ТРИГЕР, Исаак Леонтьевич (1875-1937). Доктор медицины. Эмигрант в Париже. В 1926 в ложах «Les Negos de L'Humanite» и «Северная Звезда». Мастер в 1927. ПА.

ТРОЕКУРОВ. Профессор. Член «Общества», а затем и «Комитета» Кандаурова. «Астрея», 1929-1931. ПА, ЗК.

ТРОЦКИЙ, Илья Михайлович. Журналист. Вступил в 1937: «Свободная Россия». ПА.

ТРУБЕЦКОЙ, Евгений Николаевич, князь. Член. Гос. Совета по выборам от Калужской губернии. ВАМ.

ТРУБЕЦКОЙ, Григорий Николаевич, князь (1873-1930?). Брат предыдущего и дядя пражского лингвиста, Николая Сергеевича, в России, в начале карьеры, «мирнообновленец». В 1917 – директор дипломатической канцелярии штаба Верховного главнокомандующего, при министре иностранных дел Терещенко. Верил, что возможен союз между Керенским и Корниловым. После февраля – одно время на дипломатической службе в Белграде. В эмиграции во Франции активной роли в ложах не играл. АФК.

ТУМАНОВ, князь. Полковник, из группы Половцева, Пальчинского, Маниковского и Якубовского. В мае 1917 был назначен тов. военного министра. В октябре 1917 был убит. БИБ (Половцев).

ТХОРЖЕВСКИЙ, Иван Иванович. Сотрудник газ. Возрождение. Переводчик, литератор. «Астрея» – 1922. ПА, ВАМ.

ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС, Ариадна Владимировна (1869-1962). Писательница, журналистка, член к.-д. партии, сотрудница Речи, автор воспоминаний. Петербург – Париж-Лондон-Нью-Йорк. Жена Гарольда Вильямса, корреспондента лондонской Тайме в Петербурге до 1918. В Париже изредка бывала в «Авроре». ВАМ, Лич.

У

УРУСОВ, Сергей Дмитриевич, князь (1867-?). Тов. министра внутренних дел при царском режиме и при Врем. прав, весной 1917. Это могло произойти потому (хотя и на очень краткий срок), что После 1905, как писал сов. историк Старцев, «в России был в первый раз поставлен вопрос об участии либералов, буржуазных деятелей, в царском правительстве», после того, как приглашены были к Витте, «со стороны общественных деятелей («общественников») Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, М.А. Стахович, Е.Н. Трубецкой (правый кадет, брат Григория) и С.Д. Урусов». Из проекта этого, конечно, ничего выйти не могло – царь наложил на него вето. Великий Восток. Был посвящен в 1908 Сеншолем и Буле. ЗК, АДБ, БИБ (Старцев. Русская буржуазия...).

Ф

ФАБРИКАНТ, Владимир Осипович. Промышленник, эсер. Помог А Керенскому выехать в 1918 из России через Архангельск в Англию. Великий Восток с 1920-х гг.

НВМ, Лич, БИБ (Локкарт).

ФЕДОРОВ, Михаил Михайлович (18557-1948?). Член Гос. Думы, кадет, прогрессист. Был связан с Азовско-донским банком. Редактор газеты Слово в 1907-1908, во главе ее стояли мирнообновленцы. До революции, в министерстве Витте, тов. министра торговли и промышленности. Масон до 1917. Друг М.М. Ковалевского. После 1918 председатель Национального центра на юге России. В эмиграции, в Париже, глава Общества Помощи студентам. Вместе с Ант. Влад. Карташевым создал «Национальный комитет», мечтая объединить монархистов и республиканцев в эмиграции. АДБ, ВАМ.

ФЕДОРОВ, Николай. Юрисконсульт. Париж, 5, square Mignot. Ареопаг «Лютеция». Капитул «Верные Шотландцы». 31°. ПА.

ФЕЛЬДЗЕР. ПА.

ФЕЛЬЗЕН, Юрий (18957-1943). Писатель; эмигрант в Париже. Настоящее имя: Николай Бернардович Фрейденштейн. Погиб при немцах. Лич.

ФИДЛЕР, Иван Иванович. Архитектор. Эмигрант в Париже: 20, rue Nungesser-et-Coli. «Гермес»: Досточтимый Мастер. Депутат масонского Конвента в 1933-1934. «Лотос».

ФИЛОНЕНКО, Максимилиан Максимилианович (ум. после войны). Адвокат. В августе 1917 давал показания о деле Корнилова следственной комиссии Врем. прав. Тогда же, вместе с Савинковым, помогал писать закон о смертной казни. Сопровождал, вместе с Вырубовым, 31 августа 1917, ген. Алексева, ехавшего арестовать ген. Корнилова. В Париже член парижского «барро». Защищал многих русских во французском суде, вел крупные дела (уголовные и гражданские), в том числе дело о похищении ген. Миллера (Н. Плевицкая, жена ген. Скоблина). После войны во Франции вступил в общество советских патриотов и затем исчез с эмигрантского горизонта. АФК, БИН, Лич, НВВ, БИБ.

ФИНИКОВ, Александр Павлович (1886-7). Доктор медицины. В молодые годы – студент М.М. Ковалевского и слушатель его лекций. Ложи «Les Heros de l'Humanite» и «Астрея» в 1925; «Северная Звезда» в 1926.

ФЛЕЙШЕР. ПА.

ФОНДАМИНСКИЙ, Илья Исидорович (псевдоним: Бунаков). Член партии с.-р. и ее боевой организации. Выступал за войну на первом Крестьянском съезде (1917). Комиссар Черноморского флота. В эмиграции один из редакторов журнала Современные записки. Подвергся добровольной «радиации» в парижских ложах. Бывал в них только как гость. Депортирован немцами. ВАМ, Лич.

ФРУМКИН, Я.Г. Петербургский адвокат. Народный социалист. Друг Я.Л. Рубинштейна и В.Б. Станкевича в 1920-х гг. Работал в Берлине в издательстве Улштейна до начала 1930-х гг. ТЕХАС, АФК.

Х

ХАГАНДОКОВ, Георгий Константинович. Сын генерала. Был близок к А. И. Гучкову, в марте 1917 был срочно вызван им (военным министром Врем. прав.) в Петроград. Эмигрант в Париже. «Астрея» и «Прометей» в 1938 – 1939 г. ПА, ЗК, БИБ (Половцев).

ХАРЛАМОВ, Л.Б. Вступил в 1927. В 1930 выбыл по болезни. ПА.

ХАТИСОВ, Александр Иванович (1874-1945). Армянин, был женат на русской. Городской голова Тифлиса, друг вел. кн. Николая Николаевича. Эмигрант в Париже. Председатель комитета армян-беженцев при Лиге Наций. Вступил в Великий Восток в 1926. 33°. (См. воспоминания Смирнова, также Мельгунов. На путях...). ГЯА, БИБ.

ХАЗИН. Ложа «Юпитер»: Подмастерье. ПА.

ХЕРАСКОВ, Иван Михайлович. Трудовик, одно время правый эсер. Эмигрант в Париже, Сотрудник газеты Керенского Дни (1920-е гг.) и др. эмигрантских изданий. НВМ.

ХИЖНЯКОВ, Василий Васильевич (1871-1949). Секретарь Вольно-Экономического общества до 1917. ПА.

ХРИПУНОВ, А.С. Земский деятель, эмигрант. В Париже имел банк, который (возможно – злостно) обанкротился. ЛРБ.

ХРУСТАЛЕВ-НОСАРЬ, Григорий Степанович (1877-1918). Присяжный поверенный. Первый (номинальный) председатель Петербургского Совета в 1905 – фактически им был Троцкий. Расстрелян на территории Украины во время гражданской войны. ГЯА.

Ц

ЦВИБАК, Яков Моисеевич (р. 1902). (Псевдоним: Андрей Седых). Вступил в 1927. 15 декабря 1928 был утвержден братом «Северной Звезды» за номером 115293. Документ подписан Маклаковым, Авксентьевым и Кролем. Репортер Последних новостей в Париже,

редактор Нового русского слова в Нью-Йорке. ПА.

ЦЕРЕТЕЛИ, Ираклий Георгиевич (1882-1959). Член II Гос. Думы. Меньшевик, оборонец. Вернулся из сибирской ссылки 19 марта 1917. Член Врем. прав, и Исполкома Р. и С. депутатов в Петрограде. Объединял оборонцев в Совете и поддерживал (слева) позиции Врем. прав. Член Контактной комиссии в Совете и в правительстве. В 1923 один из организаторов II Социалистического Интернационала. В ПА назван «кандидатом». Автор двухтомных воспоминаний. (См. Аронсон. Новый журнал, № 145). ПА, БИБ.

Ч

ЧАЙКОВСКИЙ, А. (родствен, композитора). Один из основателей «Астреи». ПА.

ЧАЙКОВСКИЙ, Николай Васильевич (1850-1926). Старый народоволец, эсер. В 1918 – Председатель Архангельского правительства. Член Уфимской директории. Великая Ложка. ЗК.

ЧЕБЫШЕВ, Николай Николаевич (1865-1937). До 1917 сенатор. Кандидат в тов. министра юстиции в апреле 1917. Редактор газет Великая Россия, в Крыму, у Врангеля и Зарницы, в Константинополе, после эвакуации, в 1920 – 1921 гг. Сотрудниками его были Н.Н. Львов и журналист А.И. Ксюнин. Был главой русского бюро Печати в 1920 – 1921 в Константинополе. В Париже – сотрудник газ. Возрождение, автор двухтомных воспоминаний Близкая даль. Великая Ложка. ВАМ, ВФХ, Гувер, БИБ.

ЧЕЛИЩЕВ, Виктор Николаевич (1870-1952). Член ложи «Побратим», Белград. ЮА

ЧЕЛНОКОВ, Михаил Васильевич. Кадет, московский городской голова. Главный уполномоченный Всероссийского союза городов в 1916. Член II Гос. Думы (секретарь), часто встречался со Столыпиным по долгу службы. 1 марта 1917 назначен «комиссаром Гос. Думы». (Игнатъев. Внешняя политика..., с. 85). ГЯА, Лок, БИБ.

ЧЕРЕМИСОВ, Владимир Андреевич. Генерал, в 1917 – главнокомандующий Северным фронтом. Менял распоряжения Керенского Корнилову и был резко против него. В последние часы, в октябре 1917, в Гатчине, видимо, столкнулся с большевиками. Уже с весны за ним стояли многие члены Петроградского Совета. Станкевич писал про него, что он «всегда был левым генералом». В 1919 воевал на стороне большевиков против ген. Юденича. БИБ (Архив русской революции, т. 14, с. 146-147; Вырубов; Станкевич; Мельгунов; Маргулиес).

ЧЕРКАССКИЙ, М.Б. Член «Балтийского кружка». «Морская Ложка». Лук.

ЧУБИНСКИЙ, А. М. Профессор. Мастер ложи в Белграде. (Вступил в 1924). ЗК, ЮА.

ЧУБИНСКИЙ, М.П. (1871-1943). Профессор. Один из основателей ложи «Максим Ковалевский» в Белграде, Досточтимый Мастер. ЗК, ЮА.

ЧХЕИДЗЕ, Н.С. (1864-1926). Меньшевик-оборонец. Член IV Гос. Думы. Член «рабочей группы» Военно-промышленного комитета. Первый председатель Петроградского Совета весной 1917. Стремился к объединению Врем. Прав, с Петроградским Советом. Умер в эмиграции в Париже (подозревалось самоубийство). РИБ, БИБ.

ЧХЕНКЕЛИ, Акакий Иванович (1874 –?). Меньшевик. Член III и IV Гос. Думы. Министр иностранных дел свободной Грузии (1918-1921). РИБ.

Ш

ШАГАЛ, Марк (1887-1985). Художник. В 1912 вступил, в 1930-х гг. вернулся на короткий срок и не пошел выше «Кандидата». ПА.

ШАМИН, Т.А. Перешел из французской ЛОЖЕ в «Лотос». ОЛ

ШАПИРО, Соломон Яковлевич (ум. во время 2-й мир. войны). «Лотос». ПА, ОЛ.

ШАПОШНИКОВ, М. Перешел из ложи «Les Heros de l'Humanite» в Великий Восток в 1926. Вычеркнут в 1930 за неплатеж взносов. ПА.

ШАХ, Владимир Михайлович (1880– ?) Адвокат. Масон в России в 1913 (Петербург). Вышел в 1936, не имея возможности вносить ежемесячные взносы (Париж). ПА.

ШАХ, Евгений Владимирович (1905-?). Сын предыдущего. Поэт. Эмигрант в Париже. ПА, Лич.

ШАХОВСКОЙ, Дмитрий Иванович, князь (1861-1939). Левый кадет. Член I Гос. Думы. В мае – июле 1917 министр соц. обеспечения. ВАМ, АВТ.

ШВАРЦМАН, Владимир Яковлевич. Вступил в 1950. ПА.

ШВАРЦМАН, Яков Иосифович (1890-?). Отец предыдущего. Вступил в 1933. ПА.

ШЕНШИН. В одном из списков 1948 г. ПА.

ШЕРЕМЕТЕВ, Дмитрий. 1922 – «Астрея». 37, rue du Ranelagh, Париж. «Аврора», «Лотос». Ареопаги: «Лютеция», «Ordo ab Chao». 33°. ПА, ОЛ.

ШЕРМАН, Григорий Савельевич (псевдоним: Савельев). Литературный критик, печатался после войны в Новом журнале и др. эмигрантских изданиях. ПА.

ШЕФТЕЛЬ, Яков Михайлович. Эмигрант в Париже. Вступил в 1927. ПА.

ШИДЛОВСКИЙ, Сергей Иллиодорович (1861-1922). Левый октябрист. Член III и IV Гос. Думы. Член прогрессивного блока. Дал убийственную характеристику Влад. Ник. Львова, ее цитирует Мельгунов (Мартовские дни... с. 60). Масон в 1915-1917 гг. В 1915 был кандидатом либералов в проектируемое «министерство доверия», как министр земледелия. Лидер земцев-октябристов. Автор Воспоминаний. ВАМ, БИБ (Дякин; Вопросы истории, 1945, кн. 3-4).

ШИК, Александр Адольфович. Москвич, эмигрант в Париже. Автор книг о Пушкине, Гоголе, Денисе Давыдове и др. Сотрудник газеты Русская мысль. Друг Ходасевича. Лич.

ШИМУНЕК, А.П. После войны вступил в «Лотос», как Ученик. ОЛ.

ШИНГАРЕВ, Андрей Иванович (1869-1918). Сельский врач, кадет. Член II, III, IV Гос. Думы. Министр земледелия Врем. прав, убит, вместе с Ф.Ф. Кокошкиным, накануне открытия Учредительного собрания, матросами, в Мариинской больнице, в Петрограде. Гувер.

ШКЛЯВЕР. ПА.

ШЛИППЕ, Владимир Федорович. Председатель Общества русских эмигрантов в Берлине в 1920 – 1924. ЧС.

ШОР, Давид Соломонович (1867-1942). Московский пианист, член «Московского трио» (Шор, Крейн и Эрлих), с 1927 жил в Палестине; ум. в Тель-Авиве. ПА.

ШОРИН, Виталий Александрович (1906-?). Ученик проф. Метальникова. Париж. ПА.

ШТЕНГЕЛЬ, Ф.Р., барон. Великая Ложа. До 1917 – Киев, потом Париж. ПА, ЗК.

ШТЕРН, Сергей Федорович. В Одессе – редактор Одесского листка. В Париже – председатель Одесского землячества. Лич, ГЯА.

ШТРАНГ. Ложа «Гермес», после 1945. ПА.

ШТРАНДТМАН. Представитель русских эмигрантов в Сербии (как Маклаков в Париже и Махин – в Праге). Член Монархического совета и др. крайне правых организаций. «Радиирован» в конце 1920-х гг., предварительно выбыл («уснул») сам еще в 1917. ВАМ, Гувер.

Щ

ЩЕГОЛЕВ, Павел Елисеевич (1877-1931). Историк. Редактор Былого. Вступил в «Северную Звезду» в 1907. Автор Дуэли и смерти Пушкина и др. БИБ (Элькин).

ЩЕПКИН, Д.М. (В мае 1917, когда министром был кн. Г. Евг. Львов), «фактически министерством внутренних дел управлял Щепкин». В.А. Гуревич. Летопись революции. АФК, БИБ.

ЩЕПКИН, Н. Н. Член «прогрессивного блока». «Боялся разрыва с короной». (Дякин). Председатель «тактического центра», расстрелян в 1919 году. КАК, БИБ.

ЩЕРБАТОВ, Сергей, князь. Историк искусства, литератор; жил в Риме. 33°. ПА.

ШЕРБАЦКИЙ, А. И. Глава русской миссии в Бразилии, Уругвае, Парагвае и Чили. Переведен из Японии. ПА.

Э

ЭЛЬКИН, Борис Исаакович (1887-1972). Лондон. Редактор последнего (посмертного) тома Воспоминаний Милюкова. Редактор книги Адамовича о Маклакове. Автор одной из первых статей в Западном мире о русском масонстве (Slavonic Review, июль 1966). Душеприказчик Милюкова, адвокат в судебном деле по вопросу о наследстве между сыном и вдовой Милюкова.

Гувер, ВАМ (Переписка с Элькиным).

ЭЛЬЯШЕВ, Лев Ефимович (1882-1946?). Кадет. ПА.

ЭЛЬЯШЕВИЧ, Василий Борисович. Юрист, профессор, член Франко-русского института в Париже. Лич, ГЯА.

ЭНГЕЛЬГАРДТ, Борис А. Полковник, комендант Таврического дворца (здание Гос. Думы). «Руководитель военного отдела» в 1917. Член IV Гос. Думы, член Временного комитета Думы (28 февр.– 1 марта), «Стоял во главе революционных войск петроградского гарнизона». (Старцев, Внешняя политика...). СПТ, БИБ.

ЭПШТЕЙН, Самуил Ефимович (1887-1942). Вступил в 1929. Перешел из ложи «Les Heros de L'Humanite» в русскую ложу. Перед войной состоял в «Северной Звезде». 18°. ПА.

ЭРИСТОВ, Г., князь: см. Сидамон-Эристов.

ЭТГИНГЕР. В одном из последних списков 1948 среди принятых в «Лотос» из «Гермеса». ПА.

Ю

ЮЛИУС, Анатолий Михайлович (1898-?). ПА.

ЮРЕНЕВ, П.П. (1874-1945?). Кадет. Министр путей сообщений в августе 1917. В 1919 председатель Одесской группы Национального Центра. Упоминается как «брат» в переписке масонов. Эмигрант в Париже. Гувер.

ЮСТИЦКИЙ, Петр Иванович (1871-?). Вступил в 1933 (или 1934). Париж. ПА

Я

ЯБЛОЧКОВ, Павел Николаевич (1847-1894). Известный изобретатель. Один из первых русских масонов, друг М.М. Ковалевского в Париже. Основатель одной из первых французских лож, принимавших русских («Космос»). ПА.

ЯКОБСОН, Виктор Исаакович (1870-1934). Вступил в 1931. Шотландский Устав. ПА.

ЯКУБОВИЧ, М.П. Полковник, тов. военного министра в 1917. Заменял в Петрограде министра (Керенского), когда тот выехал в мае – июне на фронт. БИБ (Половцев).

КОММЕНТАРИИ

Н.Д. АВКСЕНТЬЕВ

Авксентьев, выбранный в Исполком Петроградского Совета «от крестьянства», правый эсер, бывший эмигрант, в 1917 г. вернулся из Парижа и сразу занял высокие посты в Петроградском Совете и Совете республики, а также в редакции газеты «Воля народа». Его деятельность в это время состояла из ведения заседаний, его послужной список несколько напоминает Ковалевского, этого «генерала на купеческих свадьбах». В первой эмиграции (до 1917 г.) он председательствовал в группе «Призыв», теперь он председательствовал в крестьянской группе, официально называясь председателем Всероссийского Союза

крестьянских депутатов. После июльских дней он стал на время министром внутренних дел, затем – председателем Демократического совещания, Предпарламента, и наконец – Комиссии по иностранным делам, заседавшей вплоть до вечера 24 октября, не говоря уже о многочисленных комитетах и обществах, как например, «Комитет Временного совета Российской республики». Осенью 1918 г. он стал председателем Государственного совещания в Уфе, а затем – председателем Уфимского правительства (пятичленной Директории), иначе называемого «Объединением антибольшевистских сил восточной России». Тов. председателя и секретарем его оказался эсер Роговский. В этом правительстве, не нашедшем себе роли и просуществовавшем до весны 1919 г., в разное время состояло 13 человек (из них только два, видимо, не были масонами, – во всяком случае, не было найдено следов их принадлежности к масонству). Это были Авксентьев, Роговский, Кроль, ген. Болдырев (данных нет), Третьяков, Лебедев, Зензинов, Аргунов, Минор (данных нет), Слоним, Чайковский, Маслов, ген. Алексеев (один наезд, короткое время).

Мельгунов писал позже, что Роговский был ему «всегда подозрителен»; в письме Н.В. Вольскому от 6 марта 1947 г. он говорит: «Роговский играл сомнительную роль в Петербурге, в 1917 г., а потом пакости делал у Колчака. Ходил к Богомолу и продолжает ходить на Гренелль» (Гувер).

Г. Катков об Авксентьеве выразился так: «(он был) совершенно некомпетентный министр внутренних дел».

Г.В. АДАМОВИЧ

Ниже мы печатаем два документа (ПА). Первый: письмо Адамовича Мастеру ложи «Объединенное Братство» М.М. Тер-Погосяну от 6 марта 1957 г. В это время «Объединенное Братство» уже объединило все, что оставалось от парижских лож обоих Послушаний. Письмо послано из Манчестера, где в это время, в университете, А. получил место преподавателя русского языка, по рекомендации Б.И. Элькина, т. к. после ухода из просоветской парижской газеты, где А. сотрудничал с 1945 г., он оказался в крайне бедственном положении.

104 Ladybarn Road Manchester 14 6/III-57

Дорогой Михаил Матвеевич,

Согласен – 28-го. Если буду жив и здоров, явлюсь 28-го вечером – на собрание. Спасибо за предложение «оплатить расходы». Этого не нужно, т. к. приеду я в Париж во всяком случае, а днем раньше или позже – значения в финансовом смысле не имеет.

У меня к Вам есть просьба. Мне хотелось бы знать, какова программа собрания и кто будет выступать. Отчасти мне это нужно для того, чтобы иметь представление о характере собрания, но главным образом – чтобы знать, сколько времени будет мне отведено (думаю, что минут 30 – 40 было бы достаточно, но м. б. этого слишком много?)

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

Г. Адамович.

Второй документ, несколько сокращенный, доклад А. о Гоголе, прочитанный им «за агапой» (подзаголовок), и напечатанный (на машинке) в масонском «Вестнике Объединенных русских лож» в 1959 г., № 3, по случаю 150-летия со дня рождения Гоголя. Нам известны еще два доклада Адамовича этих лет (во время наездов его в Париж из Англии): один о Достоевском, прочитанный 12 апреля 1956 г., и другой – помещенный в «Бюллетене» № 7, в июле 1961 г., о смысле эмиграции: «Что мы такое? Что впереди? Зачем

мы в эмиграции?» На эту тему он несколько раз выступал как в 1920-х, так и в 1930-х гг. на литературных вечерах парижского Союза Поэтов и Общества «Зеленая лампа».

ДОКЛАД АДАМОВИЧА О ГОГОЛЕ

Было бы нелепо спорить против того, что Гоголь – один из величайших русских писателей. Это признано всеми, это не подлежит ни малейшему сомнению.

Лично я сказал бы даже больше: Гоголь – пожалуй, самый гениальный наш писатель, тот, у которого изобразительный и чисто словесный дар достигает наибольшей силы. Конст. Аксаков называл его «нашим Гомером», Мережковский высказал предположение, правда, более чем фантастическое, — что сам черт водил пером Гоголя, когда тот принимался писать. Если условиться, что в этом замечании дана только оценка гоголевского таланта, преувеличения в нем нет. Талант действительно необыкновенный, несравненный, и достаточно вспомнить хотя бы первые страницы «Мертвых душ», с удивительным в своем нарочитом, монументально величавом идиотизме, разговором о колесе, — которое до Москвы может быть и доедет, но до Казани, нет, до Казани не доедет! – и Маниловым, и Собакевичем, и Плюшкиным, чтобы это сразу почувствовать. А беседа двух дам, просто приятной и приятной во всех отношениях, а Хлестаков, а женихи, ожидающие выхода Агафьи Тихоновны... нет, о чем тут говорить: гений, гений, отрицать это можно только по слепоте или ради оригинальничания!

Но... Гоголь – писатель холодный, по-видимому никогда никого не любивший, и если от этого и страдавший, то оставшийся таким до конца, до «Переписки с друзьями», в которой он советует помещикам читать крестьянам Евангелие, но самое крепостное право находит нормальным и законным. Совершенно правильно заметил Достоевский в «Бедных людях», что даже над несчастным своим Акакием Акакиевичем Гоголь в сущности издевается, и не случайно он противопоставил ему Пушкина, который в «Станционном смотрителе» отнесся к такому же беспомощному старику много человечнее.

Есть писатели, о которых говоришь себе, что без них нельзя было бы жить. Кажется, что жизнь была бы беднее, темнее, «пустее», если бы не было бы «Войны и мира», «Онегина», «Карамазовых», стихов Тютчева или Лермонтова. Несомненно, у Гоголя было страстное стремление стать именно таким художником. Один раз ему даже удалось написать повесть, в которой любви к людям было больше, чем насмешки; каким-то чудом возникли под его пером чудесные «Старосветские помещики». Но и это было скорее догадкой великого мастера, что возможен и такой замысел, чем естественное, продиктованное сердцем его осуществление. На русском литературном небосклоне Гоголь остается огромной, холодной, призрачно мерцающей звездой. Искусство его поразительно, но того, что дорого у других наших великих писателей, — чего-то похожего на протянутую руку, на ответственность за все, что с людьми может случиться, — у него нет.

Не будем повторять тех прописных псевдоистин, к которым имели склонность составители былых учебников: основатель русского реализма, проповедник гуманности, апостол любви, и так далее. Колдун-Гоголь сумел создать такие иллюзии, но прошло больше ста лет с его смерти, и пора бы им рассеяться.

Б.А. БАХМЕТЕВ

Посол России в Вашингтоне Б.А. Бахметев сменил царского посла Ю.П. Бахметьева, сложившего свои полномочия в марте 1917 г. Новый Бахметев находился в США в те месяцы, когда Временное правительство в Петрограде назначало новых представителей в союзные и нейтральные столицы. Он стоял во главе «закупочной комиссии», которую царское правительство в 1916 г. послало в США для военных заказов.

Бахметев по образованию был инженер-гидравлик и одно время преподавал в Колумбийском университете. Он также был автором учебных пособий по гидравлике. В молодости он был меньшевиком, позже перешел в партию к.-д. Он сохранял свой

дипломатический статус в Вашингтоне до 1922 г.

Бахметев был против «белого движения», как и правительство США, но играл некоторую роль в 1918-1919 гг. в Русском Политическом Сопещании и Совете Послов: русские послы пытались отстаивать русские интересы перед Парижской мирной конференцией.

В 1921 г. он давал деньги на русскую газету в США, просуществовавшую недолго. Он сохранял дружеские отношения с бывшим царским министром Сазоновым и парижским послом Маклаковым. Позже он создал «Humanity Fund» – учреждение, оказывавшее помощь русским интеллигентам в изгнании в 1920-х – 1950-х гг. У него была спичечная фабрика под Нью-Йорком. Он был женат на американке, и в 1948-1952 гг. брал к себе на работу людей так называемой «второй эмиграции», которая приезжала в Америку из разбомбленной Европы и немецких лагерей. Он помогал им, пока они не устраивались на работу по специальности. Жена его во всем содействовала ему.

Здесь уместно назвать тех, кто приехал с ним (или был позже им принят) в закупочную комиссию: Б.Л. Бразоль, М.М. Карпович, Д.П. Перцов, ген. М.С. Ясюкович, ген. Н.М. Храбров, ген. Залюбовский, П.А. Морозов, А.Н. Сахновский, Р.М. Поляков, Ю.В. Ломоносов, Рооп, Орановский, В.И. Новицкий, Сукин, Путилов и Бородин. Его ближайшими помощниками в посольстве был поверенный в делах С.А. Угет и генеральный консул в Вашингтоне М.М. Устинов.

Часть этой группы состояла в масонских ложах Петербурга и Москвы, и фамилии их можно найти в Биографическом словаре.

П.А. БУРЫШКИН

Бурышкин был автором «Истории Досточтимой Ложи «Северная Звезда». Он прочитал ее в виде докладов на 8-ми сессиях ложи, уже после войны. «История» охватывает период 1907-1919 гг., когда ложа была «усыновлена» французской ложей «Дружба Народов». Что особенно поражает в архивах Бурышкина, это полное смешение им двух Уставов, и масонов, принадлежавших им: был ли он сам сторонником слияния двух Уставов, или это происходило от его небрежности в работе с архивными материалами и неумения (а может быть, и нежелания) разделить обе группы русских масонов, в основном – разномыслящих людей, остается неясным и уменьшает ценность его работы. Несомненно «правый» Н.Н. Чебышев оказывается у него в ложе «Свободная Россия», наиболее «левой» из всех русских лож. Между «Северной Звездой» и «Полярной Звездой» разницу он не объясняет.

Конспект его «Истории» не может даже служить как корректив для некоторых имен. Он может быть воспринят либо как курьез, либо как пример небрежного отношения к прошлому.

Н.П. ВАКАР

В Париже, в 1920-х гг., русские ложи, принадлежавшие Шотландскому Уставу (Великой Ложе), открылись несколько раньше лож Великого Востока. Одним из инициаторов открытия лож обоих Уставов был Н.П. Вакар, сотрудник ежедневной парижской русской газеты «Последние новости». В это время он только начинал свою, впоследствии очень успешную, карьеру журналиста. Он был масоном в России, и стал писать бывшим братьям письма, прося их воскресить русское масонство.

В самом начале русского масонства в эмиграции Вакар, как и восемь других братьев «Астреи», был приглашен французскими масонами на спектакль в здании Великой Ложи на улице Пюто. Спектакль имел место в ложе «L'Union des Peuples» 24 января 1924 г. Это было ревю «Слава Сатане» («Revue consacree a la Gloire de Satan»), с танцами, полуголыми

женщинами на сцене и, по его мнению, нецензурными (как тогда говорили – рискованными) куплетами.

Возмущенный, он написал о своем выходе из масонства. После долгих (больше года) уговоров Кандаурова и других, он вернулся, но без большого энтузиазма (см. письма бр.бр. Половцева, Новосильцева и Пораделова; Гувер). Сердитое письмо к кн. Вяземскому и его ответ также сохранились. Вяземский, в то время казначей «Астреи», пытался загладить конфликт. Сохранились письма, где он, между прочим, просит Вакара уплатить месячный взнос, и второе напоминание о том же (спустя 6 месяцев); два письма П.А. Бобринского, тоже с уговорами, а также с просьбой к Вакару написать доклад на тему «Первая Конституция Андерсена» (БИБ), и допросить кандидата Сочивко; письмо бр. Аитова по поводу доклада Н.В. Чайковского «Социализм и христианство», и наконец – расписка секретаря ложи в полученном от Вакара взносе.

Дело, видимо, было улажено. «Руководитель» Вакара был Дезобри (?), и вскоре Вакар прочел свой доклад «Как я понял то, что узнал в третьем градусе».

Кн. В.Л. ВЯЗЕМСКИЙ

9 декабря 1957 г., в Объединении русских лож Шотландского Устава (в помещении «Лотоса») состоялся доклад Вяземского «Четверть века существования русского масонства», напечатанный в «Вестнике», 1960, № 5. Большую часть своего доклада он посвятил масонству 18 и 19 веков и истории его запрета, а также мартинистам, розенкрейцерам и иллюминатам. По его словам, Александр II до своего восшествия на престол был английским масоном. Граф Панин и министр Лорис-Меликов также, по его сведениям, были тайными масонами. В царствование Александра III масоны были забыты. Затем он назвал Веретенникова, уже в XX веке (ложа «Зорабавель») и Пыпина (1833-1904).

По его словам, охранка забеспокоилась по поводу французского масонства в начале нашего столетия. Рачковский (царский агент) безрезультатно потратил огромную сумму денег на слежку. Создание Гаагского трибунала – инициатива масонов и их дело. Он, как это было предписано после 1933 г., отрицал всякую принадлежность Гучкова к масонству (см. «Архивные материалы»). Он рассказал в подробностях об открытии русских лож после 1906 г., о ранней ложе «Возрождение» и др., а также о Сеншолле, посвятившем Маргулиеса в «Крестах», — любимый масонский фольклор. Он жаловался, что такие Досточтимые Мастера, как Авксентьев, Переверзев, Кузьмин-Караваев, должны были в эмиграции начинать с I° – таковы были французские требования.

Минуя 1917 г., который, судя и по другим архивным материалам, масоны иногда пытались «радиировать», Вяземский в своем докладе переходит в конце к эмигрантскому периоду, когда приходилось собираться на частных квартирах (1922-1923), и только позже русские обосновались в «храмах», подобающих им. Он называет имена Панченко, Мариновича, Посохова (?) и других. Из его доклада видно, что он был страстным масоном, был большим мастером устраивать агапы, и безоговорочно выступал за объединение братьев Великой Ложы и Великого Востока.

Вяземский, который был мне лично хорошо знаком, и который был во всех смыслах исключительно приятным, культурным и дружески настроенным ко всем человеком, оставил документ большого интереса. Но к его докладу необходимо относиться сдержанно, так как, будучи исключительно предан тайному обществу, он кое-что важное искажает, и даже иногда утаивает.

А.В. ГОЛЬСТЕЙН

В 1927 г., когда В.Ф. Ходасевич начал работать в ежедневной газете «Возрождение» (в

Париже), я зашла за ним в редакцию и познакомилась с редактором газеты, Ю.Ф. Семеновым. Спустя полгода или больше, В.Ф. сказал мне, что мы приглашены к теще Семенова, Александре Васильевне Гольстейн, в доме которой живет Семенов после смерти своей жены. А.В. хочет познакомиться со мной. Она читала мои рассказы и стихи.

Ей тогда было около 80 лет. Я узнала, что в конце прошлого века у нее в Париже был «салон», где бывали все французские знаменитости: Анри де Ренье, Альфонс Доде, Реми де Гурмон и многие другие поэты и писатели, а также русские, которые в те годы жили в Париже: Максимилиан Волошин, посвятивший ей цикл стихов «Алтари в пустыне» (1900-1910), Д.С. Мережковский, Зинаида Гиппиус, М.М. Ковалевский, проф. С.А. Венгеров, И.Е. Репин, Н. Минский, П. Кропоткин. До 1917 г. она была «сестрой» французской женской ложи, где встречалась с подругой Реми де Гурмона, Натали Клиффорд-Барней (1877-1972), которая называла себя «Амазонкой». Одна из видных ролей в этом сообществе принадлежала Анне Митрофановне Аничковой, жене проф. Евг. Вас. Аничкова (33°), писавшей под псевдонимом Иван Странник и печатавшей свои произведения по-русски и по-французски. Она была членом Ареопага «амазонок».

Дом в Нейи, куда мы поехали, был средней руки особняк, в котором А.В. жила с 1880-х гг. Дочь ее, бывшая жена Семенова, умерла, и они теперь жили вдвоем в этом старом, полном старины, доме. Люстра, канделябры, концертный рояль и серебро на чайном столе говорили о прошлой жизни и людях, которые здесь бывали, об их славе, успехах, сложной личной жизни. Уже в зрелом возрасте Гольстейн (она произносила свою фамилию Хольстайн) сошлась с известным кадетом, членом Гос. Думы, князем Павлом Долгоруковым (33°), но эта связь ею и ее близкими друзьями так скрывалась, что о ней знали очень немногие. Она принадлежала к тому поколению людей «конца века» которые ломали законы и многое делали не по правилам, но поступали так осторожно, и так все личное скрывали, что все интимное оказывалось засекреченным. Когда Долгоруков ушел в Россию и был там убит, она написала о нем две статьи: одна подписана «А. Баулер», другая – «Икс». Тайное общество, в котором она состояла, было только звеном в цепи ее тайн. Ее некролог Долгорукова был напечатан в «Возрождении» 9 июня 1928 г.

По первому мужу она была Вебер. «Теща Семенова», как ее называл В.Ф., была, несомненно, удивительной женщиной, для меня – загадочной, умной, спокойной, приветливой и далекой. Сам Семенов был мало интересен, о нем говорили, что он «слегка тучен и очень скучен». Она была удивительной, потому что сочетала в себе какой-то, не показной, но глубокий и внутренне теплый ум с чувством юмора и чуткой памятью. Я никогда не могла забыть ее.

Р.Б. ГУЛЬ

В ПА имеется письмо (по старому правописанию) по поводу повышения степени в масонской ложе братьям Гулю и Забежинскому. Привожу его полностью. Письмо обращено к Досточтимому Мастеру «Северной Звезды» АС. Альперину, адресовано оно в ложу «Северная Звезда», от исполняющего обязанности секретаря ложи «Свободная Россия». Обе ложи – Устава Великого Востока.

Восток гор. Парижа. 3 нояб. 1936 г.

ПЕЧАТЬ

Свободная Россия 1931.

Дост Маст и Дор Бр \parАбрам Самойлович,

По поручению Дост Маст сообщаю и прошу довести до сведения Дор Бр Бр.-. возглавляемой Вами Д Л что ближайшее торжественное Собрание Д Л «Свободная Россия» состоится в четверг 12 сего ноября в 20 ч. 30 мин. в доме № 29 рю де л'Иветт.

Предмет работ:

Повышение зар. пл. Бр Бр Р.Б. Гулю и Г.Б. Забежинскому;

Выборы Оф Л на предстоящий год;
Сообщение Бр Гершуна на тему «Пути русского каменщика» (по поводу доклада Бр М.А. Осоргина).

Мы очень просим Вас, Дост Маст почтить своим присутствием это собрание.
С глубоким уважением и бр приветом
Исполняющий обязанности Секретаря
(Подпись неразборчива).

А.В. ДАВЫДОВ

А.В. Давыдов оставил после себя очень интересную переписку с М.А. Алдановым, которая была напечатана в книге его воспоминаний его дочерью, Ольгой Давыдовой-Дакс, в 1982 г. (БИБ). До войны Давыдов был администратором газеты «Возрождение». Он был членом Совета Народов России, т.е. парижского Капитула (Ареопага), а также состоял в большинстве русских лож, имея 33 степень. Во время войны он заменил Авксентьева, после его смерти, как глава Нью-йоркской масонской ложи. Его имя фигурировало в списках масонов, публиковавшихся в Париже во время оккупации.

Кавалер Георгиевского креста, полученного еще в бою под Ляо-Ляном, он служил в пехотном Чембарском полку (ген. Экка, 1914– 17). В Крыму он был связан с Красным Крестом (1918), а также с Крымским правительством: министром Винавером, бывш. членом Гос. Думы В.Д. Набоковым и С.С. Крымом, членом Гос. Совета. До революции он вращался в кругах Эрмитажа, где было немало масонов.

В 1951 г. он обратился к Алданову с «Запиской», в которой спрашивал о роли еврейских денег в русской революции. Так как масона Давыдова никак нельзя было заподозрить в антисемитизме, и так как Алданов близко его знал и уважал, он ответил с исчерпывающей полнотой. Вопрос Давыдова касался, главным образом, богатых евреев: насколько они поддерживали своими деньгами революцию в России.

Алданов отвечал:

«Никак не могли поддерживать революционное движение в России Ротшильды. Они никогда ни о каких революциях слышать не хотели и всегда были консерваторами. Джемс был орлеанист, Альфонс (дядя Мориса) из орлеанистов понемногу превратился в сторонника Наполеона III, который у него гостил в Феррьерере; а Третью Республику все они, кроме Анри, «бойкотировали», как монархисты. Кроме того Ротшильды еще со времен Николая I были так связаны деловыми отношениями с царским правительством, что денег на революцию тем более давать не могли бы. Морис ведь еще жив и Вы могли бы навести у него справку (хотя он неприятный и малокультурный человек). Кстати, он с Вами в далеком свойстве через Грамонов, — один из герцогов де Грамон (кажется, дед княжего) был женат на Ротшильд.

Русские богатые евреи, как впрочем и некоторые православные миллионеры, действительно давали деньги революционерам. Михаил Гоц и сам был очень богат. Как курьез (и малоизвестный), сообщу Вам, что еврейские миллионеры давали деньги, лет 70 тому назад, и контрреволюционной «Священной Дружине». Она получила немало денег от барона Г. Гинцбурга, от Полякова и от киевского сахарозаводчика (моего деда по матери) Зайцева, который давал деньги на это Витте, — как Вы знаете, молодой Витте принимал участие в «Священной Дружине», это, вероятно, единственная глупость, сделанная им в жизни. (Предприятие ведь было не серьезное). Кажется, финансировал «Священную Дружину» и еще один еврей: Малькиель, но я в этом не вполне уверен. Разумеется, главная часть средств шла не от евреев, — скорее всего от Воронцова-Дашкова. Впрочем, я вполне допускаю, что в двадцатом столетии, жертвовал деньги на русское революционное движение и Шиф. Однако едва ли речь шла о больших суммах».

Давыдов удовлетворился этим ответом и написал Алданову длинное письмо, в котором, между прочим, говорил:

«Меня вовсе не удивляет отрицательное отношение богатых русских евреев к революции. Если барон Г. Гинцбург был даже другом Александра 3-го, то в мое время большие еврейские банкиры очень лояльно поддерживали монархию в России. Священной Дружины больше не было – ее заменили разные черносотенные союзы, но на них деньги не давали не только евреи, но и уважающие себя русские аристократы».

В конце книги Давыдова мы находим его рассуждение о трехчленной формуле масонства: свободе, равенстве и братстве:

«Нельзя с точностью установить, кому принадлежит авторство формулы «Свобода, Равенство и Братство». Взяли ли эту формулу деятели Французской Революции у французского масонства, к которому многие из них принадлежали, или это масонство переняло ее от Революции. Можно допустить, что скорее верно второе предположение, т. к. формула эта вошла только в ритуал первых трех его градусов как Шотландского Устава, так и Великого Востока. Ни в одном масонстве других стран она не применяется, равно как и во французских высших градусах Шотландского Устава. Собственно говоря, это не так важно, т. к. так или иначе, в истинном своем понятии, она носит определенный масонский характер. Не говоря уже о том, что, будучи трехчленной, она вполне соответствует играющей столь значительную роль в масонстве, цифре три. Затем, из трех составляющих ее элементов легко составить треугольник, положив в основание его два, как теперь выяснилось, противоречащие друг другу понятия: свободу и равенство – и в вершину третье – братство. Самый факт возможности построения такого треугольника многозначителен. Из него вытекает, что ответ на тревожащий человечество вопрос об устранении противоречия между первыми двумя членами формулы надо искать не вне ее и не в поглощении одного из этих понятий другим, а в ней самой – в третьем ее члене – братстве, который должен быть синтезом первых двух».

Л.Д. КАНДАУРОВ

Кандауров годами хлопотал о сближении русских лож обоих Уставов – Великой Ложи и Великого Востока. В первом он состоял сам, во втором ту же роль «примирителя» играл П.Н. Переверзев. В одном из (секретных) писем к Переверзеву, 1 апреля 1930 г., Кандауров объясняет ему «консистирию», т.е. организацию, объединяющую все русские ложи В.Л., и частично оправдывается в скандале, который произошел в связи с устроенным Кандауровым и Переверзевым сбором денег на голодающих в России. Воззвание о помощи, которое было разослано французским братьям, было осуждено, как «возмутительный политический акт», — французское масонство протестовало против такого самовольного и нетактичного поведения русских, которое таило в себе риск раскрытия масонской тайны.

Последствием этого протеста было наложение санкций на «Астрю» и угроза ее усыпления. Кандауров объясняет Переверзеву, из кого состоит «консистирия», и в чем заключается ее деятельность. «Консистирия» в это время состояла из следующих братьев: Кандауров – председатель Слиозберг – первый тов. председ. Половцев – второй тов. председ. Давыдов – оратор П. Бобринский – секретарь Аитов – казначей Мамонтов – дародатель Вяземский – привратник.

Он называет также Нагородского, Лобанова-Ростовского и Голеевского, пишет, что Н.В. Тесленко пока что нельзя повысить в чине (из 15°), и о том, что обсуждаются кандидатуры Б.И. Золотницкого, Третьякова, Остроумова и Вырубова.

В 1917-1925 гг. сослуживцем Кандаурова в русском посольстве в Париже был русский консул Д. Аитов (отец В.Д. Аитова). Когда В. Ходасевич и я приехали в Париж в 1925 г. из Сорренто, на постоянное жительство, и пошли «регистрироваться», старый Аитов уговаривал меня выйти замуж за В.Х., а его – жениться на мне, говоря нам отечески, что стыдно таким симпатичным людям жить незаконно.

Во время первой войны по инициативе Кандаурова было создано «Общество» –

зародыш будущего русского масонства в Париже, из Общества вышел «Комитет», или «Временный комитет», из которого в 1922-1924 гг. выросла «Астрея».

После признания Францией Советского Союза и приезда советского посла Красина в Париж, Кандауров перешел в «русский эмигрантский офис» на ул. Генего, где работал до своей смерти (ум. в 1936).

8 июня 1936 г. на ул. Иветт было устроено торжественное собрание его памяти. Оба Послушания были соединены. В Парижском архиве хранится его переписка с братьями, а также его меморандумы и «Записка» – эта последняя очень ценна, но к сожалению, напечатанная, видимо, им самим на посольской машинке прошлого столетия, почти без абзацев и без полей, она во многих местах совершенно неразборчива.

М.М. КАРПОВИЧ

Историк М.М. Карпович, друг Б.А. Бахметева и потомок (не прямой) революционера-террориста, члена Народной Воли Карповича, выехал в США из России перед Февральской революцией и никогда больше на родину не возвращался. «Закупочная комиссия», в которой он работал, вышла в свое время из Военно-промышленного Комитета, и он был туда назначен секретарем. В одной из своих статей по русской истории он писал: «Русская революция 1917 г. означает период, слегка превышающий два года: от июня 1915 г. до начала ноября 1917 г.»

Теперь, когда мы знаем о заговорах 1915-1916 гг., эта его мысль не кажется больше парадоксальной, какой она могла казаться 30 лет назад. Сюда входят не только заговоры, но и убийство Распутина, и другие события, которые дополняют картину, обычно нам даваемую большинством историков 1917 года.

Ниже я впервые перевожу на русский язык интересный абзац из его статьи, погребенной в одном из номеров американского журнала «Journal of Modern History» за 1930 г.

«Я выбираю лето 1915 г. как начальный момент русской революции. Именно в это время, под впечатлением сокрушительного военного поражения, общее недовольство правительством, постепенно возраставшее в течение первого года войны, снова нашло себе выражение. Слишком быстро испарившийся дух медового месяца – совместной работы в патриотическом подъеме – уступил место борьбе между правительством и оппозицией. С этого момента политический кризис в России стал обостряться и усиливаться, как в своих размерах, так и в своем напоре, вплоть до дня, когда пал старый режим, уступив место Временному правительству. Поэтому, в этой моей статье, названной мной «Русская революция 1917 года», я понимаю слово «революция» как период русской истории, продолжавшийся чуть больше двух лет: от июня-июля 1915 г. до начала ноября 1917-го».

После признания США Советской России М.М. стал профессором Гарвардского университета. Между двумя войнами он жил одно время в Праге и в Париже. В Америке есть несколько его учеников, серьезных ученых и знатоков советской истории и политики. Во время Второй мировой войны, с помощью М.О. Цетлина, М.М. стал редактором «Нового журнала» и отдавал все свое время этому единственному эмигрантскому толстому журналу, все еще сохранявшему высокий культурный уровень. За год до своей смерти М.М. вышел в отставку (1958). Его смерть была огромной потерей, как для журнала и его сотрудников, так и для всех, его знавших.

Он был другом Ходасевича по Москве и молодости. В тяжелые (и даже голодные) 1945-1949 гг. я получала от него в Париже посылки из США – не от «комитетов» и «фондов», но от него лично.

М.С. МАРГУЛИЕС

Мануил Сергеевич Маргулиес, которого, как однажды выразилась при мне А.В. Тыркова, «крестили в Крестах», был исключительно энергичным человеком: при его огромной толщине удивительно было, как легко он, порхая, двигался и жестикулировал. Он был в разводе. Его бывшая жена стала женой В.Д. Аитова, масона Великой Ложи. Сам он организовал «Свободную Россию», принадлежавшую к Уставу Великого Востока.

Сын его был ученым-синологом и долгое время работал в ООН. Сам Маргулиес был близким другом Ковалевского, сотрудником Гучкова в Военно-промышленном Комитете, затем – министром торговли у Юденича и наконец – эмигрантом в Париже. Когда Григ. Трубецкой в 1915 г. предлагал писать царю «челобитную», считая, что кроме этого уже ничего не осталось, М. сказал ему, что «время челобитных прошло». Он очень скоро достиг высоких масонских степеней, в обоих Послушаниях чувствовал себя как дома, был не только Досточтимым, но и Премудрым, и пользовался большой популярностью как на ул. Кадэ, так и на ул. Иветт. В одной из французских лож (он состоял в нескольких) его произвели в «Рыцари Розы и Креста».

25 февраля 1925 г. он сделал доклад по-французски на торжественной сессии объединенных лож, о возникновении масонства в России. Он говорил о первых шагах «Северной Звезды», о возникновении «Военной Ложи» (вернее – «Военных лож»), так что выходило, что их было несколько, о чем в ПА документации не имеется). А кстати и о том, что в эмиграции у масонов нет конкретных политических планов действия, и что братьев объединяет их вера в прогресс и их республиканство.

Французские масоны знали Маргулиеса давно: в 1908 г. он был в Париже, как член Конвента Великого Востока. Но французы же наложили на него лично, и на русские ложи Устава Великого Востока, наказание, угрожая «усыплением», когда в первый год коллективизации русские ложи начали собирать деньги на голодающих.

Маргулиес говорил: «Нас обвиняют в распространении ложных слухов, нам нанесли рану, которая не скоро заживет. Мы старались всеми силами вести антисоветскую пропаганду, основанную на фактах, в масонской среде... В последнее время мы направили наши интересы на изучение масонских традиций, на историю масонства, на его символику. Брат Осоргин вдохновляет нас на эту работу...» В 1925 г. доклад М. был напечатан в масонском (не поступавшем в продажу) издании «Акация» под названием «25 лет русского масонства». Но он до конца жизни жаждал политического дела, и «изучение символики» не удовлетворяло его.

В порядке общего замечания можно добавить следующее: некоторые иностранные историки критикуют русское масонство за то, что оно не было достаточно стройно, серьезно и последовательно на политическом уровне. Один из американских масоноведов, Леопольд Хеймсон, отвечает на это справедливо, что масонство никогда не было политической партией, оно связывало друг с другом людей, у которых был «общий этос» (БИБ).

К.Д. НАБОКОВ

Константин Дмитриевич Набоков был младшим братом члена Гос. Думы В. Д. Набокова и дядей известного писателя. Его книга «Испытания дипломата» содержит в себе интересные подробности внешней политики последних лет царствования Николая II. Он, как первый секретарь русского посольства в Лондоне, принимал как первую, так и вторую делегацию, приезжавшие из Петербурга в Лондон в 1916 г. Сперва, ранней весной, приехали Вас. Ив. Немирович-Данченко, Алексей Толстой, К. Чуковский, В.Д. Набоков и др. Все они говорили по-английски. Их сопровождал петербургский корреспондент лондонской «Тайме», Гарольд Вильяме, муж русской журналистки и члена к.-д. партии, Тырковой.

Вторая делегация, в мае, состояла из членов Гос. Думы и Гос. Совета. После Англии она посетила Францию и Италию. В нее входили Милюков, Вас. Гурко, Шингарев, барон

Розен, Протопопов (который на обратном пути, в Швеции, начал подавать первые признаки начинавшегося безумия) и др.

Русский посол в Лондоне, гр. А Бенкендорф, умер в ночь на новый 1917 год, и царское правительство назначило послом в Англию С.Д. Сазонова. Пока Сазонов знакомился с делами, Набоков заменял посла. Когда рухнули надежды русских дипломатов, сначала на Уфимскую Директорию, затем на Колчака, а затем на Деникина, Сазонов, бывший царский министр иностранных дел и посол в Лондоне, отстранил Набокова от должности, а когда Сазонов умер, то русским «представителем» стал Е.В. Саблин, который уже не имел ни официальных полномочий, ни дипломатических прерогатив. Он стал играть в Лондоне роль, которую играл Маклаков в Париже – т.е. был главой эмигрантского офиса при Лиге Наций.

Набоков вскоре после отставки выехал в Норвегию. Там находился его друг (и брат по ложе) Гулькевич. Набоков никогда не был женат, как не были женаты и два других Набокова: второй сын Владимира Дмитриевича и один из его племянников.

В.П. ОБНИНСКИЙ

Член I Гос. Думы, левый кадет, Виктор Петрович Обнинский, насколько нам сейчас может быть известно, был единственный из всех масонов, который хоть что-то сказал о тайном обществе в печати. Из всех его книг наибольший интерес представляет «Новый строй» (1909). В ней не только говорится о масонстве и масонах, но в ней есть иллюстрации, и она приоткрывает, хотя и очень осторожно, завесу, до которой другие боялись дотронуться.

Другая его книга, «Последний самодержец», уже содержит намеки на тайные мысли, а может быть, и желания автора. В русской масонской литературе ничтожно мало книг, написанных для печати, в расчете на широкого читателя, а не только для посвященных, и не малограмотными авторами, а людьми осведомленными и добросовестными. Его книги, несмотря на то, что он никогда не преступал своей масонской клятвы, выделяются на фоне клеветнических измышлений и сенсационных недоговорок.

Я не хочу сказать, что он действительно старался развеять туманы. Но он, пожалуй, единственный в те далекие годы, пытался дать знать своим соотечественникам, что масоны несут оздоровление, братство, свободу и мир человечеству, уставшему от распри, злобы, пороков и тиранов. Это было в те годы, когда, с согласия (молчаливого или нет – этого мы не знаем) правительства, наемные убийцы приканчивали честных царских слуг, когда помазаннику Божьему являлись во сне святые, запрещавшие ему открывать Гос. Думу, когда российское бездорожье и неумение царских чиновников совладать с проблемами снабжения не только населения, но и армии, приводило к потерям на западном фронте иногда до четверти миллиона людей за несколько суток.

В 1909 г. он писал, что старый строй скоро сойдет в могилу, «унося с собой последние гнилушки», «уйдет разврат молодежи и взрослых, а с ними и порнография, и духовная расслабленность». Не надо думать, что это он писал о «падении нравов» в викторианском смысле, — он писал о привилегированных училищах Петербурга, военных и других, о крупных чиновниках, льстецах и ворах, о церкви, тонущей в коррупции и благословляющей Распутина.

Конечно, его вера в прогресс и братскую любовь слегка напоминает разговор Карамазовых о том, что все люди на земле в конце концов «обнимут друг друга и заплачут». Но в те времена он иначе не мог сказать то, что хотел сказать.

В книге «Новый строй» есть групповая фотография. На ней изображены более 60-ти бородатых, толстых братьев, и даже около десяти особ женского пола в шляпках и жакетах. Узнать кого бы то ни было трудно. Кое-кто упомянут в подписи под фотографией. Муромцев, Кокошкин и еще человек восемь – их как будто бы можно узнать. Это – депутаты I-й Гос. Думы. Но, как известно, не им было положено установить «новый строй без порнографии и гнилушек». Ни сам Обнинский, ни мы, его потомки, не увидели, как люди обнялись и заплакали. И впереди пока никаких объятий и слез не видно.

И.Г. ЦЕРЕТЕЛИ

Меньшевик-оборонец, член ЦК Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов, Церетели вернулся 19 марта 1917 г. из Сибири, где он отбывал ссылку, прямо в Таврический Дворец, где заседал Совдеп. Его группа немедленно заняла командные должности в ЦК и захватила в свои руки «Известия». Ленин еще ждал своего поезда в Швейцарии. Скобелев, Чхеидзе и др. позже оказались в Совете с ним вместе у кормила. Он был членом II Гос. Думы и в начале мая стал министром почт и телеграфа во Временном правительстве, в первой коалиции, когда ушли кадеты. «Защищать свободу, но не идти на захват» – было его кредо. Он немедленно стал членом Контактной комиссии между Советом и Правительством князя Львова. Но Ленин, приехавший 3 апреля, не дал ему возможности провести в жизнь свою программу.

В 1923 г., в эмиграции, он стал одним из организаторов II Интернационала. Нигде в дореволюционных масонских списках его имя не значится, и только после 1920 г. он стал «кандидатом» (ПА). Два факта позволяют прийти к заключению, что он считался «братом» в Великом Востоке.

О первом пишет Аронсон в книге «Революционная юность»:

«Его масонство подтверждается сценой рукопожатия с Бубликовым. (Был) найден общий язык цензовых элементов и революционной демократии. Символическое пожатие рук, как единение всех живых сил страны». (Т.е. после Московского Совещания и перед выступлением Корнилова).

Второй факт кажется мне очень важным: он говорит не только о связи Церетели с масонами Великого Востока, но и о цельности его характера, о его твердости и уме.

В Париже, 12 февраля 1945 г., как известно, несколько русских эмигрантов пошли с визитом к советскому послу Богомолу, пить за здоровье Сталина. Теперь мы знаем, что инициаторами послевоенного визита были два человека, члены масонской ложи Великого Востока, полностью стоявшие на советской платформе еще в 1930-х гг., в период восхождения Гитлера. Назначен был день. Церетели, несмотря на долгие уговоры, пойти отказался. Как последнее средство, к нему на дом был послан Адамович (!), но он тоже не смог его убедить. Его братские уговоры не подействовали. Меньшевик Церетели остался при своем. Не прошло и месяца, как меньшевистский «Социалистический вестник», выходивший в те годы в США, занял резко отрицательную позицию по отношению к так называемой группе Маклакова, навестившей Богомолу и Гузовского, в которой, к их великой радости, не оказалось ни одного социал-демократа. (Новый журнал, № 145, стр. 32-33).

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Кн. Д.О. БЕБУТОВ (1859-1916?)

В коллекции Б.И. Николаевского находятся неопубликованные мемуары Д. Бебутова, одного из первых русских масонов нашего века. Они занимают более 640 страниц и написаны пером на бумаге размером 13x8/2 дюймов, почерком ровным и разборчивым.

В той же коллекции можно найти переписку Николаевского с историком С.Г. Сватиковым, эмигрантом и масоном, конца 1920-х и начала 1930-х гг. Из нее мы узнаём, с каким усердием Николаевский искал эти воспоминания, как настаивал, когда узнал, что они находятся у Сватикова, чтобы тот их ему продал. Сватиков, видимо, их купил или получил у кого-то, кто остался неназванным. Можно предположить, что Бебутов, который в 1914 г. застрел в Германии, оставил их там, когда ему удалось уехать в 1916 г. в Россию, где он вскоре умер. Наконец Николаевский получил рукопись, но так ее и не напечатал. Во-первых,

она ему, вероятно, показалась не очень интересной и даже не очень нужной, а главное – в те годы Николаевский не хотел публиковать масонские секреты: перед войной в ложах было слишком много близких ему людей, и он не мог раскрывать прошлое тайного общества, а после войны этому, видимо, помешали причины практического порядка.

В начале 1950-х гг. М.М. Карпович, редактор «Нового журнала», старался найти деньги для эмигрантского исторического журнала. Появились (в США) объявления о том, что скоро начнет выходить журнал, где будут печататься исторические документы. Среди них – мемуары Бебутова под редакцией Николаевского. Но, видимо, Карповичу не удалось осуществить свой замысел: были найдены деньги на один-единственный номер «Русского литературного архива», который вышел под редакцией Карповича и Чижевского. Имени Николаевского на нем нет, исторических документов он не содержит, и весь посвящен литературе.

Кто-то, несомненно, правил рукопись Бебутова. Не факты и не имена, а скорее стиль и язык, которые требовали правки. Но это был не Николаевский и не его помощница АМ. Бургина. Их почерки были проверены.

Ниже отрывок из воспоминаний Бебутова печатается почти без сокращений. Текст соответствует страницам 486-498 оригинала. В дальнейшем Бебутов к масонам уже не возвращался, он, видимо, охладил к братьям, которые в течение многих лет выбирали его всюду, куда его можно было выбрать, но все-таки куда-то не выбрали. Между интригами и завистью, между «дегенератами» и «нахалами» (его выражением) он, как увидит читатель, почувствовал в конце концов, что его недостаточно оценили⁶⁴.

Никаких грамматических и стилистических поправок не было сделано, и сомнительные даты (годы) оригинала оставлены без исправлений.

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

Осенью 1906 г. я решил заняться специально организацией масонов в России. Я находил, что это – единственная организация, которая, если сумеет твердо основаться, в состоянии будет достичь нужных результатов для России. Но я боялся, что масонство не особенно вяжется с натурой русского человека. Мало сделаться масоном, надо им быть. Необходимо проникнуться необходимостью соблюдения тех ритуалов, тех обрядностей, того порядка заседаний, и наконец той дисциплины, без которых работа масонов немыслима. Не только работа в смысле заседаний, а в смысле достижения той цели, которая намечается. Лишь при строгом соблюдении всех условий достигается та сила, которой пользуются масоны в Европе. Лишь при безусловном подчинении младших степеней старшим масоны достигают желаемых результатов. Весь вопрос в строгой дисциплине. Масонство в Европе достигло того, что правительства прислушиваются к решениям масонов. В Европе во всех органах управления имеются масоны. Они в курсе всего правительственного механизма, в курсе всей экономической жизни страны. Масоны были в России давно, но они всегда преследовались, т. к. правительство всегда боялось упустить из своих рук власть. Александр I был сам масон, и сам же в конце концов испугался их, и предал их. Страх правительства настолько был велик, что при Николае I в присягу была введена фраза не принадлежать к масонам. Все декабристы были масоны. И если проследить историю масонов, то становится ясным, что масоны представляют силу, с которой правительству приходится считаться. В чем же лежит эта сила? Только в строгом исполнении всех масонских постановлений, что заставляет людей действовать солидарно. Все, что принято рассказывать о масонах, об ужасах, происходящих на заседаниях, — все это неправда. Но заседания в строгом порядке и необходимое требование взаимной поддержки составляют всю силу масонов. К несчастью, эти главные условия составляют большую противоположность с натурой русского человека.

Начиная организацию, я всегда этого опасался, и опасения мои оказались

⁶⁴ Позже его не только недооценивали, но старались устранить, т. к. прошел слух о его болтливости, а может быть, и доносите в министерство внутренних дел. В истории масонства он остается подозрительной фигурой.

основательными.

Во время выборной работы в 1-ю Думу со мной очень осторожно заговорил Е.И. Кедрин о масонах. Заметив, что я очень заинтересовался, он признался, что сам масон, и что имеются еще масоны в достаточном числе, чтобы принять новых членов. При этом он заявил мне, что и другие масоны обратили на меня уже внимание, и если бы я захотел вступить в масонство, то согласны были бы меня принять, если выдержу установленный экзамен.

Прием мой был назначен на 27 апреля. В этот день заседал еще третий кадетский съезд. Мне было назначено явиться в редакцию газеты «Страна» на Невском, дом 92, ровно в два часа. В передней встретил меня Кедрин, чтобы я не мог больше никого видеть, и провел через коридор в одну из последних комнат. Я знал, что прием в масонство сопряжен с тайным ритуалом, но в чем он состоял, мне не было объяснено, т. к. это составляет тайну для всех. Рассказывают про масонов всякие сказки о приеме, все это чистый вздор. Напротив, прием, должен я сказать, производит сильное впечатление и основан на очень логическом принципе. Он совершается тайно, вступающий не знает до последней минуты, пока он не принят, кто такие другие масоны, и кто его принимает. Это чрезвычайно важно на случай, если кто не принят, чтобы он не мог никого назвать. Самый прием имеет целью узнать человека, вызывая его на полную откровенность. Оставив меня одного, Кедрин удалился и, вернувшись, передал мне лист бумаги, на котором были написаны вопросы. Я должен был письменно на них ответить. Когда ответы мои были готовы, просмотрены и найдены удовлетворительными, то мне были завязаны глаза и какие-то двое увели меня в другую комнату. Прodelан был весь ритуал приема, который отнял два часа. Должен сказать, что самый допрос производит страшно сильное впечатление, получается какое-то особое настроение, какое-то желание отвечать на все с полной искренностью. Настроение такое приподнятое, что только человек совершенно испорченный может кривить душой, и не быть искренним в своих ответах. Словами нельзя этого выразить, это надо самому испытать, чтобы понять, что происходит с человеком. Такое же мнение я слышал от других, когда они принимались.

Объявив и поздравив меня по положенному ритуалу со вступлением в масонство, каждый из присутствовавших трижды поцеловался со мной. Когда я увидел близко знакомых лиц, я был очень удивлен, ибо по голосам я никого не мог узнать. Принимал меня М.М. Ковалевский, в качестве мастера-наместника, а затем присутствовали доктор Баженов, Кедрин, проф. де Роберти, Маклаков и доктор Лорис-Меликов. С открытием I Гос. Думы и клуба К.-Д. все так были заняты, что ни о какой организации не приходилось думать, и это, надо признаться, большая ошибка, что никто о дальнейшем не думал. Я твердо решил еще тогда, что когда все наладится и войдет в нормальную колею, (нужно будет) заняться серьезной организацией масонства. Мне всегда представлялось, и сейчас в этом убежден, что только при надлежащей организации масонов и, конечно, при твердом решении участвующих подчиниться масонской дисциплине, возможно достигнуть каких-нибудь реальных результатов. Этому может служить примером Турция, Португалия. Без войска никакая революция, никакой переворот немислим, а пропагандировать войско, главным образом офицеров, можно только при посредстве масонов, а не подпольной литературой, которая вовсе не в духе русского офицера. Сейчас же после роспуска I Думы, я переговорил со всеми, и все согласились со мной, что надо начинать действовать. Первым делом послан был в Париж список наших имен с заявлением, что мы решили действовать и принимать новых членов. С декабря 1906 г. очень регулярно начали у меня собираться для приема новых членов. Были приняты профессора Гамбаров, Иванюков, Бороздин, Павлов-Сильванский, доктор Жихарев, барон Майдель, Маргулиес, Щеголев, Немирович-Данченко, Тираспольский, Макаров, Демьянов, Переверзев, Геловани, Масловский, Аничков, Кальманович, полк, гвардии Измайловского полка Теплов, граф. Орлов-Давыдов, Морозов, Коллюбакин, Антоновский, Гольм, Свечин, Кармин. Намечание и прием делались с большим разбором. Хотя мы всех этих лиц хорошо знали, но тем не менее предварительно поручалось двум навести справки и только после обсуждения добытых сведений поручалось кому-

нибудь сделать намеченному лицу предварительное предложение вступить в масонство. Когда число вступающих стало увеличиваться, то был возбужден вопрос о легализации. Принадлежа к французскому масонству, нужно было просить легализацию в Париже. Сделать это надо было чрезвычайно тайно, и потому ждали случая, когда кто-нибудь из масонов, известных Великому Востоку Франции, поедет в Париж. Весной 1907 г. предварительные переговоры было поручено вести Кедрину и Ковалевскому. Ковалевский, вернувшись осенью, привез два патента, которыми ему разрешалось открыть ложи в Петербурге и Москве, но разрешения эти были не от главного масонства Великого Востока Франции, а от единственной ложи Шотландского рита. (Б. не переводит французское слово *rite*, которое значит Устав или Послушание – Н.Б.), Таким результатом поездки Ковалевского все остались недовольны. Нам было желательно, во-первых, сношений с Великим Востоком, и затем приезд уполномоченных для настоящей легализации. Кедрин же ничего не мог устроить, т. к. Ковалевский заявил ему в Париже, что им все устроено.

Зимой в 1907 г. было решено заняться Москвой, но так как в Москве имелся один только масон, доктор Баженов, а для приема требовалось заседание ложи в числе не меньше семи, то решили командировать в Москву семь человек. Были назначены я, Орлов-Давыдов, Маргулис, Макаров, бар. Майдель, Кедрин и Демьянов. В январе 1908 г. мы поехали в Москву. Заседание ложи было устроено в квартире доктора Баженова. Прием совершал Баженов, в качестве мастера-наместника, а мне, как изучившему в подробностях весь ритуал, было поручено давать первые наставления и руководить ритуалом. К приему намечены были кн. Урусов, Обнинский (оба депутаты I Думы), присяжные поверенные Балавинский, Гольдовский и Сахаров, и актер Сумбатов (Южин). Я не забуду впечатления, которое на меня произвел кн. Урусов. Он был страшно сосредоточен. На мое строгое замечание, что если он явился ради любопытства или личного интереса, то должен удалиться, и на вопрос, способен ли он отрешиться от всего земного, он с полным спокойствием ответил, и вид, и голос его были удивительно искренни. С таким же спокойствием он снял все, что было на нем ценного и передал мне в руки. Такое же впечатление произвел он на всех и в самой ложе. Он с полным откровением рассказал всю свою жизнь, все пережитое им во время службы в министерстве внутр. дел., будучи товарищем министра. После приема всех была установлена ложа Московская, под названием «ложа Освобождения». Мастером-наместником был выбран Баженов, первым братом наставником кн. Урусов, вторым Обнинский, секретарем Гольдовский, оратором Балавинский. На другой день снова все собрались, и москвичи, когда им было объяснено о различии двух существующих течений во французском масонстве, присоединились также к мнению петербургского большинства братьев о желательности принадлежать к Великому Востоку. Меня и Баженова уполномочили ехать в Париж и окончательно договориться о приезде французских уполномоченных Верховным Советом для легализации масонства в России. Решено было, что 2 февраля мы с Баженовым выедем в Париж. Вернувшись в Петербург, в квартире состоялось общее собрание всех масонов для доклада о состоявшемся открытии ложи в Москве и о результатах, принятых в Москве.

Нужно было утверждение и согласие всех. Тут разыгрались сцены, которые так знакомы и свойственны всем организациям в России. В председатели собрания Ковалевский, как на грех, предложил гр. Орлова-Давыдова. Громадный, тучный, неуклюжий Орлов-Давыдов, типичный дегенерат, отличается феноменальной глупостью. Страшный тяжелодум, и при этом привычка все умственные мышления излагать громко при всех. Не привычный совершенно председательствовать, он конечно растерялся, не мог ничего формулировать и получился такой сумбур, что он кричал на всех, даже на тех, которые не раскрывали рта, все кричали на него. Как только я доложил обо всем, что было в Москве, Ковалевский заявил, что он отказывается, а желающих быть с ним просит заявить ему. Неудачное, правда, заявление Ковалевского сразу задело многих и Кедрин первый начал возражать Ковалевскому, и главным образом обрушился на него за призыв присоединиться к нему. Непонятно почему, но с самого начала заседания, еще до открытия, многими чувствовалось

что-то неладное, а как только Ковалевский с Кедриним обрушились друг на друга, то собрание сразу приняло бурный характер. Были моменты, когда все кричали, подбегая друг к другу, махали руками. При всем ужасе и тяжелом чувстве, которое все испытывали искренне, общий смех был вызван сценой между председателем и Кедриним. Орлов-Давыдов, вскочив со своего места, тащил Кедрину к себе и не давая ему говорить, кричал: «Повторите еще раз!» Кедрин не выдержал и так заразительно расхохотался, что все невольно начали смеяться. Несмотря на смех, все были удручены состоявшимся расколом. Не знаю, как другие, но для меня было ясно, что хотя раскол и не большой, но это не предвещало слишком большой прочности для организации. С Ковалевским остались только его близкие друзья, Гамбаров, де Роберти, Иванюков и Аничков, который, примкнув к Ковалевскому, потом шепотом говорил каждому из нас на ухо, что он будет и с нами. Это очень характерно для Аничкова, который никогда не знает, чего он хочет, но самый факт указывает, что попали люди, недостаточно проникнутые самой идеей. Как ни старались уговаривать Ковалевского, ничего нельзя было поделывать, он остался тверд в своем решении. Очень неприятно было терять Ковалевского, не говоря уже о том, что самый факт получившихся двух течений с самого начала возрождения масонства был уже крайне печален для дальнейшего успеха. Как было решено еще в Москве, 2 февраля 1908 г., мы с Баженовым поехали в Париж. Заявление наше было принято с большим вниманием, и Верховным Советом решено было командировать двух членов Верховного Совета, г.г. Буле и Сеншоля. Расходы по поездке мы обязались уплатить по 1000 франков каждому. Одну тысячу принял на себя гр. Орлов-Давыдов, и другую тысячу московская и петербургская ложи взяли на себя. Мы были представлены Верховному Совету. Гроссмейстером в это время был депутат Лафер, лидер радикалов в парламенте. Баженова и меня сразу возвели в 18 степень, и очень с нами носились. Все поздравляли нас и желали успеха в наших начинаниях; мы имели случай присутствовать на масонской свадьбе и видеть весь обряд венчания. Надо сказать, что самый церемониал и весь обряд чрезвычайно интересен и торжественен. Приезд французов в Россию был назначен 4-го мая того же 1908 г. Мы торжествующие вернулись – я в Петербург, а Баженов – в Москву. По моем возвращении опять начались регулярные заседания и прием новых братьев. На первом же заседании, ввиду выбывшего Ковалевского, вновь были проведены выборы должностных лиц. Мастером-наместником решили выбрать Орлова-Давыдова, в надежде, что это понудит его давать широко на нужды масонов, что при его средствах легко было бы сделать для всякого другого, но ввиду его скупости, это оказалось слишком трудным для него. Он давал кое-что, но это было сопряжено с такими приготовлениями, что становилось противно с ним заговаривать. Самым тяжелым было для меня то, что постоянно переговоры с ним поручались мне. Взносы в ложу он делал в установленном порядке для всех, 4% с квартирной платы, а в кружечный сбор, полагаемый после каждого заседания, он опускал всегда рубль. Затем он на приезд французов дал тысячу франков и впоследствии, когда был выбран в Верховный Совет, то дал одновременно 3000 рублей. Секретарем и казначеем снова был выбран я, оратором – Маргулиес, первым Наблюдателем Кедрин, вторым – барон Майдель. Заседания ложи происходили исключительно у меня. Все ведение дела поручено было мне: составление списков, выдачу денег и всякие сношения должен был делать я. Вновь вступающий мог видеть только меня, и я должен был делать первое наставление и вводить на прием. Из осторожности я не имел дома никаких списков. Все имена я всегда старался держать в памяти, а пометки о взносе каждого делал в старой телефонной книжке, и не против фамилии, а против заглавной буквы фамилии. Каждые три месяца я отчитывался, чтобы не трудно было запоминать всякую мелочь.

Как было условлено, 8 мая 1908 г. приехали оба француза. На вокзал встречать поехали я и Орлов-Давыдов. Отвезли мы их в гостиницу «Англия» на Исаакиевской площади. Напившись кофе и дав французам переодеться, мы с Орловым-Давыдовым отвезли их в Кресты к Маргулиесу, чтобы совершить сокращенный ритуал. Об этой поездке я никому из масонов не говорил. Только накануне приезда масонов, когда мы вдвоем с Орловым-

Давыдовым устанавливали порядок дня, то я ему открыл свой план. Он очень удивился моей смелости, но сейчас же согласился. Самому Маргулиесу я говорил за несколько дней, и он сперва был согласен и очень доволен, а через день прислал мне через жену письмо, в котором просил не делать этого сумасшествия. Но я твердо решил это сделать, и проделка удалась. Когда потом мы рассказали о нашей поездке в тюрьму, то все были удивлены моему нахальству. Только после того, что проделка мне удалась, я сам испугался моей смелости. Я думаю, что я никогда не решился бы на такую поездку, если бы долго ее обдумывал. Это можно было сделать только при том сильном возбуждении, в котором я находился. В три часа в этот же день было назначено торжественное заседание для легализации и установления ложи. Когда мы вернулись из тюрьмы, то пришел в гостиницу Баженов. Завтракали мы в гостинице. После завтрака я поехал делать нужные приготовления, устраивать комнату, как это требуется по наказу. У меня в это время квартиры не было, так как старую квартиру я сдал ввиду отъезда дочерей, а новая еще ремонтировалась. У Орлова-Давыдова тоже шел ремонт, и мы решили воспользоваться квартирой Маклакова. Квартира его еще тем была удобна, что собрание стольких людей днем у депутата не вызывало особых подозрений. Все уже были в сборе с 2-х часов дня. Я расставил столы и стулья, разложил все необходимые масонские предметы, словом, привел комнату в настоящий вид. Ровно в три часа приехали французы с Орловым-Давыдовым и Баженовым. Тут, благодаря рассеянности Баженова, случилось несчастье, которое могло иметь очень печальные последствия. Баженов забыл в автомобиле масонские книги, и шофер увез их в гараж. В гараже легко могли их заметить, начать рассматривать, и кто-нибудь легко мог донести о странных книгах. Пришлось скорей ехать выручать книги. Французов я провел в приготовленную для них комнату. Французы облачились, в ложе все заняли свои места. В этот день были приглашены также Ковалевский и отколовшиеся вместе с ним братья. Для них были приготовлены специальные места, как это полагается для гостей – сзади председателя. Я должен был вводить французов, а в ложе, в самых дверях, встретил их Орлов-Давыдов, как мастер-наместник, с двумя братьями-наблюдателями. После обмена приветствиями, Буле занял место мастера-наместника, Сеншоль – место первого брата-наблюдателя, вторым наблюдателем был поставлен Баженов, я занял свое место секретаря, а оратором на этот день был назначен Маклаков. Начался церемониал установления ложи. По совершению ритуала я огласил привезенную французами от Верховного Совета грамоту. Ложа получила название «Северная звезда» (чьей-то рукой переправлено: «Полярная» – КБ.). После этого все присутствовавшие начали подписывать клятвенное обещание в двух экземплярах, одно для нас, другое французы отвезли в Париж. Затем французы произнесли прекрасные речи. Им отвечал, как это полагается, брат-оратор. После этого все были удалены. Остались только я, Орлов-Давыдов, Кедрин, Баженов, Маклаков и бар. Майдель. Я и Баженов получили 18°, будучи в Париже. Названных лиц нужно было также возвести в 18°, чтобы имелось нужное число для шапитра (Капитула) – Совет этой степени. Маргулиесу также была обещана степень⁶⁵ и нам было дано право исполнить ритуал по его выходе из Крестов. Совет 18 степени необходим для решения вопросов, которые не могут быть известны ложе. Все кончено было в 7 часов, а в 8 час. все собрались на обед к Донону. У Донона метрдотель, француз, мой хороший знакомый, очень умело отвлекал прислугу, делая всякие распоряжения, когда начинались тосты. Обед прошел так оживленно, что засиделись до трех часов ночи. На другой день мы возили французов показать город, обедали в ресторане «Медведь», и 11-часовым поездом Николаевской ж. д. французы вместе с Баженовым выехали в Москву, устанавливать там ложу. С ними поехал я и Орлов-Давыдов. В Москве самый церемониал был сокращен, ввиду немногочисленности членов, и пробыв там только один день, французы уехали в Париж. Таким образом, почти на глазах Столыпина и его многочисленной охраны, при всех строгостях всяких собраний, было организовано по всем

⁶⁵ По одной версии Маргулиесу дали 18-ю степень тут же, в тюрьме, за его прошлые заслуги.

правилам с полным ритуалом масонство. Масоны посещали тюрьму, устраивали ложи в двух столицах, а правительство со Столыпиным ничего не подозревало. Этого мало. В новой своей квартире я устроил настоящую ложу, как она должна быть, и мебель даже заказал специальную. Квартиру из четырех комнат я нанял над помещением бывшего клуба с тем расчетом, что не будет заметно, когда у меня будут собираться, т.к. внизу собиралась ежедневно думская фракция КД. Комната для ложи была в конце коридора и выходила окнами во двор. Это также навсегда осталось тайной для Столыпина. Мы совершенно спокойно собирались и вначале проявляли большую деятельность. Были приняты вновь депутаты: Пергамент, Букейханов, Черносветов, Некрасов, Караулов, Розанов, Головин (бывш. председатель II Думы), Кильвейн, Кузьмин-Караваев, кн. Максудов, ген. Субботич, Симонов, Веретенников, Буслов, предвод. дворянства Дмитриев, проф. Гордеенко, кн. Эристов, доктора Светловский, Измайлов, четыре офицера-сапера и один артиллерист⁶⁶. В августе на заседании были выбраны делегаты для присутствия на ежегодном Конвенте масонов, в сентябре, в Париже. Выбраны были я, Орлов-Давыдов, Маргулиес, Орлов-Давыдов в последнюю минуту сказался больным, и не явился на Конвент. Думаю, что из простой трусости. Двоюродному брату Столыпина все-таки не хотелось попасться. На Конвенте были только мы вдвоем, я и Маргулиес. Конвент обыкновенно длится неделю, затем происходят два обеда: обед для всех степеней и обед для 18 степени.

На Конвенте принимаются решения, делают запросы правительству, которому ставят на вид решения Конвента. Заседания носят характер парламента. Мы участвовали на всех заседаниях, в дебатах же не участвовали, чтобы не попасть в прессу и тем выдать нашу тайну. Мы были также и на двух обедах. Собственно говоря, хоть мы и были легализованы, ложи наши считаются законными, но этого было еще недостаточно. После установления двух лож и Совета 18 степени⁶⁷, нужно было официально обратиться ко всем масонам других стран и просить нашего признания, а затем посредством публикации объявить об этом. Ввиду же нашего политического положения, сделать этого мы не могли. Тем не менее, мы придумали сделать это иначе: мы решили объехать масонов всех стран и лично заявить о нашем существовании, избегая огласки через прессу. В ноябре-месяце мы собрали свой Конвент, т.е. всех имеющихся масонов. Конвент длился три дня. Первый день он собирался у меня, председательствовал Ковалевский. Второй день у Орлова-Давыдова, председательствовал я, и третий день снова у меня – председательствовал Головин. На Конвенте, во-первых, решено было выбрать Верховный Совет. Выборы должны были быть тайными, записки должен был распечатывать только я один, и я должен был сообщить трем лицам, которые получили бы большинство. Эти лица имели право кооптировать еще трех лиц. Имена лиц, вошедших в Верховный Совет, никому не могли быть известны, исключая меня, и только через меня Совет мог давать свои директивы ложам, также и ложи могли сношаться с Советом только через меня. Во-вторых, решено было произвести выборы должностных лиц, в Совет 18-ти. Выборы в этот Совет должны были происходить только между теми лицами, которые имели уже эту степень. Наконец решено было устраивать масонство во всех крупных городах. В Совете 18-ти председателем был избран я, первым наблюдателем Ковалевский, вторым Кедрин, секретарем бар. Майдель, оратором Маргулиес. В Верховный Совет, как выбранный для постоянных сношений, я входил сам собою и баллотировке не подлежал. Баллотироваться в Верховный Совет могли братья, имеющие 3-ю степень, т.е. мастера и выше. Выбранными в Верховный Совет оказались кн. Урусов, Головин и Маргулиес. Когда я увидел результаты, то у меня точно что-то сорвалось – я предвидел большие неприятности. Предчувствие меня не обмануло. Несмотря на всю идейность масонской организации вообще, а в нашей, в данном случае, в частности,

⁶⁶ Из этого списка в Биографический словарь взяты только проверенные по архивным данным имена.

⁶⁷ «Советом 18-й степени» или «Советом 18-ти» Бебутов называет Ареопаг, или Капитул.

несмотря на клятвенное обещание, которое масоны всегда дают: любить друг друга, чувство тщеславия у некоторых оказалось слишком большим и очень скоро начались закулисные интриги. Баженов и Гольдовский, особенно первый, не могли мириться с тем, что они не были выбраны, а когда вдобавок они еще не были кооптированы, то недовольство их стало заметно проявляться. М. и тут проявил себя: попал он благодаря своему нахальству и умению ловко интриговать. Он сумел убедить многих и собрал себе голоса. На первом же заседании Совета 18-ти решено было возвести в эту степень Головина и Урусова, не потому что они попали в Верховный Совет, это было тайной для всех, — а ввиду их прежней деятельности вообще.

Вел. кн. Н.М. РОМАНОВ (1859-1919)

Николай Михайлович, сын вел. кн. Михаила Николаевича, был братом Александра Михайловича, который, как уже было сказано, был мартинистом и спиритом. Ник. Мих. был до конца жизни холост, и был во многом не похож на остальных членов семейства царя⁶⁸. Он был историком, редактором и издателем альбомов «Русские портреты», провел большую часть жизни за границей и в делах государственных избегал принимать участие, несмотря на интерес к внешней политике. Он знал шесть европейских языков (не считая латинского и греческого) и за границей водился либо с французскими и английскими учеными историками, либо с молодыми людьми, которых предпочитал молодым женщинам, относясь к последним более чем холодно. Одним из его любовников был вел. кн. Дмитрий Павлович, сын Павла Александровича, иначе говоря – двоюродный брат царя и один из убийц Распутина.

Ник. Мих. еще до Февральской революции, а именно 1 января 1917 г., был «за клубные разговоры» выслан царем, и находился в Тифлисе у вел. кн. Николая Николаевича, когда туда приезжал Хатисов для переговоров о том, что делать, и возможно ли каким-нибудь путем воздействовать на царя.

Как известно, еще в июле 1916 г. он написал личное письмо Николаю II (частично – по-французски, которым он владел, как русским), а в ноябре того же года – записку, где сказал все, что думал о царском режиме.

Его брат Александр Михайлович в своих воспоминаниях писал о нем:

«Поклонник словесных дуэлей Клемансо-Жореса, он не хотел допустить, чтобы конституционный строй в России по образцу III французской республики (которая вся была построена на масонстве – Н.Б.) закончился бы полным провалом» (с. 147 и 330).

Ему в масонских кругах было дано прозвище «Филипп-Эгалитэ» в память герцога Орлеанского (1747-1793), помогавшего Мирабо и Дантону, возбуждавшего ненависть Людовика XVI еще до 1789 года, и погибшего на гильотине.

Обстоятельство, которое сделало Ник. Мих. масоном, было не совсем обычным. Он любил мужское общество и, видимо, любил тайные общества, и в конце прошлого столетия был приглашен войти во французское общество Биксио, в котором он оказался, за 30 лет его существования, вторым русским. Первым и единственным до него был всеобщий любимец, И.С. Тургенев (см. записку Биксио Тургеневу 1862 г. в кн. А Мазон. «Парижские рукописи Ивана Тургенева». Париж, 1930, с. 107).

Но Тургенев умер за десять лет до этого, и «братья Биксио» перенесли свои чувства к нему на великого князя. Вскоре он был приглашен во французский масонский Ареопаг – и

⁶⁸ Родословная Романовых сложна потому, что братья Александра II имели множество сыновей, а сыновья, в свою очередь, также обзавелись большими семьями. В результате у младшего брата Александра II, Михаила Николаевича, старший сын (Ник. Мих., о котором идет речь), был двоюродным братом Александра III, и, как он, — внуком Николая I. Обилие Николаев, Михайлов, Александров, не может не сбить с толку даже внимательного читателя.

конечно, Досточтимым 33-й степени.

Биксио стало для Ник. Мих. его семьей. Общество носило имя двух братьев, итальянских карбонариев, которые вместе с Гарибальди восстали за итальянскую независимость. Одно звали Джироламо (см. «Ларусс» XIX века), и он был «соратник Гарибальди». О нем известно мало. Другой, Жак-Александр (1808-1865), после неудач в Италии, бежал в 1830 г. в Париж и стал одним из основателей французского журнала «Mercure de France», просуществовавшего более ста лет. В 1853 г. он собрал вокруг себя друзей, чтобы продолжать дело освобождения Италии от австрийцев. Но он собрал вокруг себя не столько левых французских политиков, сколько писателей, философов, историков и других замечательных и знаменитых французских современников, которых он узнал благодаря своему журналу. Они часто собирались вместе, обедали или ужинали, и обсуждали дела Европы больше, чем участвовали в них. Все происходило «между Лафитом и Клико», как выразился Пушкин по поводу других собраний. Гонкуры, Мопассан, Доде и, конечно, Флобер, а также молодые тогда будущие великие импрессионисты, в количестве 16-ти, составили этот кружок, который очень скоро стал называться «Les Seize de Bixio». Когда умирал один из них, они замещали его для счета. Их всегда должно было быть 16.

Жак-Александр был «вольнодумец» (*libre-penseur*). Он принимал участие в революции 1830 г., а в 1848 г. был одно время министром земледелия в Париже. Он также дрался на дуэли с Тьером и был одним из первых французских воздухоплателей.

Ник. Мих. чувствовал себя в кругу друзей свободным и счастливым человеком. Биксио самого уже давно не было, но общество продолжалось, и одно время в уме Ник. Мих. даже зародилась мысль навсегда переселиться в Париж. Состоя членом французских Ареопагов, он, вероятно, считал, что французские братья-масоны ему как-то ближе, чем петербургские, и тем не менее, что-то личное и важное держало его в русской столице – молодое поколение, покоренное его «клубными разговорами» (среди которых были люди, пришедшие к власти в 1917 году), или члены романовского семейства – Константиновичи, Павловичи и некоторые другие, о которых в свое время шептались его враги, окружавшие трон? Он, при своих средствах и при высоком положении до и после Февраля, мог обеспечить полную неприкосновенность своей частной жизни, и рты были до известной степени зажаты... но, может быть, не навсегда. Сначала французский посол Палеолог, потом сменивший его Нуланс – это мы знаем по их воспоминаниям – настаивали на его отъезде, но он не двигался, и, как это ни странно, — очень точно предвидел, где именно, и когда именно (поздней, сырой ночью, в десяти шагах от тяжелых гробов его царственных предков) окончится его жизнь.

Его брат, Михаил Михайлович, давным-давно исчез с русского горизонта, женившись на красавице, внучке Пушкина, чем вызвал возмущение в дворцовых кругах: брак считался морганатическим, графиня Меренберг, теперь графиня Торби, дочь младшей дочери Пушкина Наталии, рожденной в 1836 г., была с первым мужем разведена. Но Николаю Михайловичу претила сама мысль стать эмигрантом. Он писал об этом своему другу в Париж, — почтовое сообщение все еще действовало, но он писал через французское посольство – что дороже

Биксио у него на свете нет ничего⁶⁹, и что он знает, что его скоро арестуют и расстреляют во дворе Петропавловской крепости. У него была в это время еще полная

⁶⁹ Любопытна запись, которую задолго до рождения вел. князя сделал другой знаменитый член Биксио в 1847 г.: художник Делакруа в своем дневнике сообщает следующее: «Обедал у Биксио с Ламартином, Мериме, Скрибом, Мейербером и двумя итальянцами». Семьдесят лет спустя Ник. Мих. писал в Париж своему другу, французскому историку Массону:

«Будьте так добры, напомните обо мне моим дорогим друзьям из Биксио. Быть может, лучшее, что было у меня в жизни, было мое общение с друзьями из Биксио, и в тяжелые минуты ожидания ареста и, вероятно, казни, у меня есть только одно утешение – воспоминание о братьях, за которое я благодарю их».

Обеды происходили в ресторане Ларю, на площади Мадлен. Он закрылся недавно – в конце 1960-х гг.

возможность выехать – его друг, французский посол Нуланс, все еще был в Петрограде, но он не уехал и, как все остальные великие князья (их было около десяти, застрывших в Петрограде), был расстрелян именно так, как предвидел. Ему, между прочим, позволили взять с собой во двор любимого котенка, и он под расстрелом стоял, держа его у груди.

А.И. ГУЧКОВ (1862-1936)

В архивах Н.В. Вольского и Б.И. Николаевского лежат документы большого интереса и ценности. И, прежде всего, — их переписка. Разобрать ее будет трудно, но не из-за неразборчивости почерков, столь характерной для русских архивов, а из-за неточных или ошибочных дат писем, в большинстве написанных на машинке. Поэтому приведенные ниже отрывки этих документов иногда имеют сомнительные даты. Все эти письма были написаны между 1953 и 1961 гг.; перерывы в переписке значат, что Николаевский в эти месяцы находился в Париже и виделся с Вольским лично. Постоянным местожительством Бориса Ивановича были США. Н.В. Вольский-Валентинов (иногда он подписывал свои статьи псевдонимом «Юрьевский») – меньшевик, историк, автор книги «Встречи с Лениным», переведенной на многие языки и имевшей заслуженный успех у лениноведов, в эти годы жил во Франции.

Вольский – Николаевскому. 12 октября 1953.

«Я говорил о масонах с Л.О. Дан⁷⁰, и о том, кто из наших масон. Я ей по секрету сообщил, что слышал от покойного Бурышкина⁷¹. Она мне тоже по секрету кое-что, о чем я знал, но никогда тому не придавал значения».

Николаевский – Вольскому. 8 октября 1955.

Б.И.Н. запрашивает Вольского о журналисте Ксюнине⁷² сотруднике петербургского «Нового времени» и белградских русских реакционных изданий. А также о журналисте Н.Н. Алексееве, репортере парижского «Возрождения», о «кружке Гучкова» и генерале Туркуле⁷³.

Николаевский – Вольскому. 23 октября 1955.

Обещает, что в «Историческом вестнике», который собираются выпускать он и М.М. Карпович, он напечатает «Мемуары» Бебутова⁷⁴. Сообщает, что у него

⁷⁰ Лидия Осиповна Дан (1878-1963), сестра меньшевика Мартова и жена Ф. Дана. Член с.-д. партии. Сотрудница Социалистического вестника. В эмиграции – Берлин— Париж— Нью-Йорк.

⁷¹ П.А. Бурышкин, историк масонства, московский купец, эмигрант.

⁷² А.С. Ксюнин, сотрудник дореволюционной петербургской газеты Новое время, получавшей правительственную субсидию, в эмиграции жил в Белграде, был тесно связан с Гучковым.

⁷³ Ген. Туркул, крайне правый, эмигрант, германской ориентации.

⁷⁴ См. вводную статью к разделу «Кн. Д.О. Бебутов».

имеется «полная рукопись».

Вольский – Николаевскому. 28 октября 1955.

«Бурышкин показал мне однажды пачку досье с данными, кто и когда из очень, очень многих наших с Вами знакомых вошел в масонскую ложу».

Вольский – Николаевскому. 8 ноября 1955.

«У Бурышкина был список русских масонов. Он сам мне о нем говорил и называл многие имена. Я боюсь, что этот список исчез (а может быть, поступил в архив Колумбийского университета). У меня есть некоторое основание предполагать, что некоторые люди масонской религии хозяйничали у Бурышкина, когда он умер».

Николаевский – Вольскому. Ноябрь 1955.

«О русском масонстве у меня имеются интереснейшие материалы – показания Гальперна, Чхеидзе, Гегечкори (члены Верховного Совета русских лож), Воспоминания кн. Бебутова (основатель) и ряда других. На целый том: Устав, история обоих Конвентов⁷⁵, история «усыпления» ложи Маргулиеса – Бебутова (подозревали в провокации) и пр. Прокопович вошел в ложу (белы.) действительно в 1898 г. — сразу же после того, как вышел из Союза РСД⁷⁶. Есть материалы о переговорах, которые Бебутов в 1909 г. вел с Плехановым, с.-р. и т.д. Многих звеньев все же не хватает, — и я ждал публикаций, надеясь получить.... К сожалению, не получил – придется публиковать так. Статьи Аронсона⁷⁷ очень поверхностные, ничего не дают. Гучков масоном не был⁷⁸, центральными фигурами были Керенский, Некрасов, Чхеидзе, Терещенко, Коновалов, из которых кажется никто (Бурышкину) не рассказывал».

Николаевский – Вольскому. 9 июля 1955 (?). (Из Вермонта, США).

Две страницы на машинке: о письме Н. Крупской Зиновьеву и Каменеву от 23 декабря 1922 г. (не 1923, как думал Вольский); о встрече с Бухариным в Европе в 1935 г.; о письмах Ленина к Горькому; о Троцком, об архивах Горького, которые

⁷⁵ Николаевский, видимо, хочет сказать «Послушаний». Масонские Конвенты созывались регулярно, и их было не два, а гораздо больше.

⁷⁶ Союз Русских Социал-Демократов за границей был создан в Женеве в 1894 группой «Освобождение труда». Распушен 2-м съездом РСДРП (1903).

⁷⁷ Статьи Г.Я. Аронсона о русском масонстве 20 в. были напечатаны в газ. Новое русское слово в октябре 1959 г. (см. раздел «А.Ф. Керенский»).

⁷⁸ Как будет видно дальше, Николаевский в это время был жертвой дезинформации и через несколько лет узнал о Гучкове правду.

были увезены в Москву, накануне его смерти, из Лондона:

«Я думаю, что Вы слишком категоричны в утверждении, что Горький умер естественной смертью. Г. умер через несколько дней после того, как по настоянию Сталина получил свой архив из Лондона от баронессы Будберг (о ней см. Воспоминания Ходасевича в т. 70 «Современных записок» – текст их сильно сокращен)»⁷⁹.

Вольский – Николаевскому. 10 августа 1958.

Б.И.Н., видимо, вернулся (может быть, после личных встреч) к вопросу о Гучкове и «гучковском кружке»:

«Роль некоего Штанге (provokatora, по словам Гуля) была многим известна. (Н.Н.) Алексеев был сыном матери Валентины Николаевны⁸⁰ от первого брака. Он и Гучков «попались в сети Штанге» и Скоблина⁸¹»

Вольский рассказывает, как он бывал у Гучкова в 1930-х гг., и там познакомился со Штанге. В Верхней Савоие была конспиративная квартира, откуда Гучков отсылал свои «директивы» в Москву. Это была западня ГПУ.

Николаевский – Вольскому. 24 августа 1958.

Б.И.Н. просит Вольского написать ему «подробно о сетях, в которые попал Гучков». Он цитирует совершенно нелепые сплетни Кусковой, называет их «рекордным сумасшествием», но упоминает, что в 1919 г. у Гучкова были переговоры с германским штабом, а затем в 1930-е гг., «ген. Шлейхер-Бредов и немецкий штаб имели тайное соглашение со Сталиным», и в это время Гучков завел связи с «русским право-военным лагерем».

Вольский – Николаевскому. 11 сентября 1958.

В этом письме Вольский написал Николаевскому все, что знал, «о романах Ленина». Он называет некую Катерину К., а затем – жену Григория Алексинского, в то время члена партии большевиков. Он также снова возвращается к «сети» вокруг Гучкова: о Н.Н. Алексееве, которого в свое время старались разоблачить, как сов. агента, а также упоминает о его отце, который был расстрелян во время гражданской войны в Царицыне, с двумя другими своими сыновьями, Александром и Павлом, 16 и 14 лет.

Вольский – Николаевскому. 27 ноября 1959.

Не обращая внимания на то, что Б.И.Н. несколько раз ему писал, что Гучков никогда масоном не был, Вольский, зная правду, пишет ему опять:

⁷⁹ Воспоминания о Горьком В.Ф. Ходасевича напечатаны полностью. Письма Горького к нему помещены в Новом журнале, кн. 29, 30, 31. Три статьи о Горьком, написанные незадолго перед смертью и напечатанные в газ. Возрождение, позже вошли в сборник его прозы Белый коридор, Н.-Й., 1982.

⁸⁰ Валентина Николаевна – жена Вольского.

⁸¹ Вольский часто пишет фамилию Штанге – «Штранге». Я оставляю оба варианта, не исправляя их. Скоблин – генерал белой армии, позже – сов. агент.

«Известно ли Вам, что Гучков был масоном, но масоны отвернулись от него, во-первых, узнав, что он находится в сношениях с германским генеральным штабом, и во вторых, что имеет какое-то отношение к делу Конради?»⁸².

К этому письму приложена «записка» Вольского, которую он написал по просьбе Б.И.Н., когда тот был у него в 1958 г. Записка помечена 27 ноября 1959 г., но не Николаевским, а его сотрудницей⁸³, которая многие документы помечала ошибочно. Точной даты указать невозможно, но записка, несомненно дошла до Б.И.Н. в конце 1959 г.

Н.В. ВОЛЬСКИЙ. ШПИОНСКАЯ СЕТЬ ОКОЛО А.И. ГУЧКОВА.

(Машинопись)

АИ. Гучков, узнав, что я живу в Плесси-Робэнсон, в домах, построенных Office Departemental, и что в этих домах много свободных квартир – поселил в одной из них свою жену (Л.А Часар, его «незаконная» жена с двумя детьми). Он очень часто приезжал и почти немедленно после приезда шел ко мне. Споры с ним происходили многочасовые. Он был убежденным сторонником войны с СССР и еще задолго до появления Гитлера, как диктатора, доказывал, что война Германии с Россией неизбежна, и что только в этой войне Россия может освободиться от диктатуры большевизма. Информация, которой обладал Гучков, была всегда очень обширная и свежая.

Из некоторых его замечаний я понял, что у него есть прямая связь с германским посольством в Москве, которое, в свою очередь, поддерживает связь с кем-то из важных персон советской бюрократии. Замечу, что информацию, которую мне удавалось получить от Гучкова, я обычно передавал П.А. Гарви⁸⁴, он несколько раз делал из моих передач заметки в «Соц. Вестник». Гучков имел связь не только с германским посольством в Москве, а и с рядом высших чинов немецкого Рейхсвера и чиновничества в Германии. Он вел с немцами огромную переписку, шла она не обычным путем, а через пути, которые он полагал «конспиративными». Помощником у него в этой переправке писем в Германию, и через тамошних его агентов дальше в СССР, был журналист Н.Н. Алексеев. Путь этих переправок был таков: где-то недалеко от границы Франции и Швейцарии находилось chateau, принадлежавшее или управляемое неким Штранге⁸⁵ (в прошлом какой-то высокий военный чин, адмирал). Сын Штранге жил в Париже и считался добрым товарищем Алексева. Пакеты от Гучкова Алексеев передавал Штранге, тот отсылал их своему отцу и таким образом пакеты Гучкова якобы переправлялись за границу. Неизвестно, был ли агентом Советов отец Штранге (есть данные предполагать, что таковым он не был), но относительно молодого Штранге теперь уже точно знаем, что он задолго до войны принадлежал к сети советского шпионажа. Поэтому можно считать установленным, что содержание «конспиративной» переписки Гучкова, попавшее в его, Штранге, руки, немедленно становилось известным парижскому представителю ГПУ. Мать Н. Алексеева предполагает, что тот же Штранге, донося на него французскому правительству

⁸² Борис Конради – убил большевика Воровского в 1923 г.

⁸³ Сотрудница Б.И.Н. была Анна Михайловна Бургина, поехавшая с ним вместе в Станфорд, где они оба работали в Гуверовском архиве. Она умерла в 1982 г.

⁸⁴ П.А. Гарви, меньшевик, сотрудник Социалистического вестника.

⁸⁵ С этого письма Вольский переходит на Штранге. Отметим кстати, что Марина Цветаева в двух своих письмах к А. Тесковой (осенью и зимой 1929 г.) сообщает, что ее муж, С.Я. Эфрон, уехавший из Медона 23 декабря 1929 г., два месяца «лечился» в русском пансионе (санатории) Chateau d'Arcine, St. Pierre de Rumilly, в Верхней Савойе. Это тот пансион, который держала семья Штранге, т.е. именно то «шато» недалеко от границы Франции и Швейцарии, о котором пишет Вольский.

(как на «немецкого шпиона»), добился ареста Алексева и привлечения его к суду. (В защиту Алексева вступился Керенский). Одним из ближайших сотрудников Гучкова был несомненно Скоблин⁸⁶. Гучков умер, не узнав ничего о предательстве Скоблина. Он относился к нему с полнейшим доверием, посвящал во все детали своих политических предприятий. Последние два года в круг этих предприятий был введен Ксюнин (бывший сотрудник «Нового времени»), живший в Белграде и выполнявший там ряд заданий Гучкова и Скоблина. Узнав о предательстве Скоблина, Ксюнин застрелился. После смерти Гучкова, Часар, разбиравшая его бумаги, сожгла множество писем и всяческих донесений, которые из России получал Ксюнин и переправлял Гучкову. Последний придавал этой переписке такое значение, что перед смертью, в момент, когда его сознание еще работало, потребовал, чтобы из его архива была прежде всего уничтожена корреспонденция с Ксюниным. Любопытно, что в разборе архива Гучкова принимала участие Вера Александровна, дочь Гучкова⁸⁷, два раза съездившая в Москву и несомненно

⁸⁶ До 1937 г. никто не знал, что Скоблин советский агент. В 1937 г. он сыграл главную роль в похищении председателя Общевоинского союза (объединение участников белого движения и Добровольческой армии в эмиграции), ген. Миллера. С. скрылся немедленно, но его жена, известная, популярная еще в России певица Надежда Плевицкая, была арестована французской полицией. Ее защита состояла в том, что она играла роль ничего не знавшей жены. Судебное следствие продолжалось с января до июня 1938 г. Она была признана виновной в соучастии, и судима в конце года. Несмотря на все старания ее адвоката, М.М. Филоненко (см. Биографический словарь), ей дали 15 лет тюремного заключения. Она умерла во время войны.

⁸⁷ Дочь А.И. Гучкова, Вера Гучкова-Сувчинская-Трейль (р. 1906) сыграла довольно значительную роль в жизни Д.П. Мирского, вернувшегося из эмиграции в Сов. Союз в 1932 г. Она несколько раз ездила в Россию, и в 1936 г. прожила там довольно долго. После развода с Сувчинским она вышла замуж за англичанина Трейля, который был убит в Испании, куда он поехал сражаться против Франко (от этого брака у В.А. родилась дочь).

Первый муж ее, Сувчинский (она вышла за него в 1925 г.), был одним из лидеров пражского «Союза Евразийцев» и парижского «Союза Возвращения на родину» (одним из членов которого был и С.Я. Эфрон, муж Марины Цветаевой). Он тоже был в свое время в Испании, ездил в США, жил во Франции и в Англии. Образованный человек, музыковед, он был другом Стравинского и Ремизова. Французские композиторы и музыковеды уважали его за его знания. О нем в журнале Возрождение, издававшемся после войны в Париже и продолжавшем традиции газеты того же названия, выходившей с 1925 г. до июня 1940 г., была помещена следующая характеристика, относящаяся к концу 1920-х гг.:

«Сувчинский произвел на меня впечатление избалованного кота-сутенера. В головке он больше всего гнет в сторону ГПУ, как он говорит, в сторону реальной обстановки... Он – типичный эстет-лодырь, самовлюбленный до конца. Евразийство для него средство, которое дает ему возможность хорошо жить, ездить отдыхать на берег океана, проводить время в праздном бездельи... По своему складу он эстет с головы до ног. Сомневаюсь, чтобы он стал бы распинаться за евразийство. Прежде всего он думает о себе и с этим критерием подходит к вопросам «идеологии». Евразийство, кроме материальных возможностей, щекочет его самолюбие... Все-таки он столп и апостол этого течения, о котором все говорят, и о котором он говорит с видом скучающего сноба. То обстоятельство, что он стоит во главе определенной отрасли дела, создает благоприятную возможность для появления около него всемогущего секретаря. Учитывая характер лиц парижской группы, можно сказать, что вероятным его «секретарем» будет Родзевич, человек волевой и беспринципный. Более талантливый Эфрон не сможет дополнить Сувчинского, так как сам бесхарактерен и, кроме того, с известными устоями элементарной морали». (Л.Б. Возрождение, № 30, 1953, с. 126).

Будучи членом французской компартии, В.А. Гучкова была арестована в начале войны (1939) французским правительством (в связи с германо-советским пактом). Она отсидела некоторое время во французском лагере, а затем, в 1941 г., оказалась в Лондоне, куда ей помог приехать А.Я. Гальперн (см. Биографический словарь), муж Саломеи Андрониковой. В 1947 г. она перевела на английский язык книгу В.А. Кравченко Я выбрал свободу, а в 1959 г. была приглашена как главный кинокритик на радиостанцию Би-би-си.

Этими сведениями я обязана проф. Г.С. Смиту (Ванкувер, Канада), в данное время работающему над собранием литературных статей Д.П. Мирского.

О Вере Гучковой можно прочесть в книге Ольги Ивинской В плену у времени: Трейль и Закревская-Будберг приехали вместе в Сов. Союз и захотели встретиться с Борисом Пастернаком. Пастернак устроил для них завтрак в квартире Ивинской. Завтрак прошел очень оживленно, дамы взяли у Пастернака интервью для какого-то английского журнала. Любопытно было бы знать, кто из двух «иностранных» (как называет их Ивинская) за кем шпионил: Будберг за Трейль, или Трейль за Будберг, или обе они – за Пастернаком, который кормил их икрой?

ставшая (таково было и мнение французской Сюртэ⁸⁸ советским агентом⁸⁹. Она ныне живет в Англии и, как слышно, от коммунизма отошла. Ознакомиться с корреспонденцией Ксюнина Вере Гучковой не удалось. Переписка была спешно сожжена Часар, но не потому что она боялась, что будет прочитана Гучковой (Часар и поныне не хочет верить, что Гучкова была советским агентом), а повинаясь предсмертной воле Гучкова. Оглядываясь назад, нельзя не назвать трагическим положение Гучкова. Скоблин, дочь, молодой Штранге, все следили за ним и о каждом шаге его доносили.

Приписка пером Вольского: Повторяю, что это написано три года назад⁹⁰. Сейчас можно было бы многое добавить. Штранге сейчас в Ленинграде, у него чин «историка» и он принимает или сопровождает приехавших в СССР иностранных историков.

Вольский – Николаевскому. 8 апреля 1960.

«...Дорогой Борис Иванович, пока у Вас есть силы и возможность, обязательно разработайте и напечатайте все, что Вам известно о масонстве. Я очень рад, что этот вопрос поднял Аронсон, но если судить по тому материалу, о котором Вы пишете, что он в Ваших руках, тогда на Вас падает обязанность, эту историческую загадку разгадать. Я передал кое-какой известный мне материал Аронсону, передам его и Вам... Известна ли Вам книга Осоргиной «Русское масонство»?⁹¹ Я ее не знаю, знаю только, что она печаталась в Бельгии, немцы тираж сожгли, но некоторые экземпляры книги остались. Один из них находится в библиотеке Базеля, другой в Женеве. В Нац. библиотеке этой книги, кажется, нет. Кускова мне писала, что Гучков был масоном, но, цитирую ее слова, после дела Конради, в котором он вел себя совершенно непонятно, с ним масоны старались не вступать в интимные отношения... Она прибавила, что отношения масонов с Гучковым совсем прервались, когда стали известны его связи с немецким штабом. По этой причине, писала она, и Бенеш не стал принимать Гучкова и передал ему приказ прекратить его приезды в Чехословакию и Прагу. Кускова, несомненно, по масонской линии была в тесной связи с Керенским и Коноваловым. Масонами были Хижняков, Богучарский, Лутугин, из большевиков С.П. Серeda... Дорогой Борис Иванович, простите, что так... Хочу Вам письмо написать, а настроение... а главное никаких нет физических сил. Нужно думать что скоро поколею, ни ходить, ни дышать не могу. Просто будет чудо, если в этом состоянии буду еще долго тянуть... Оба мы крепко жмем Вашу руку. Ваш Вольский».

(Письмо написано дрожащей рукой, два-три слова остаются под сомнением, шесть слов вовсе не могли быть прочтены).

Николаевский – Вольскому. 17 апреля 1960.

«Обработать и опубликовать масонские материалы я сам считаю крайне нужным и важным, — и займусь этим в ближайшее время. Тем больше буду Вам благодарен, если пришлете имеющиеся у Вас. Страшно жалею, что не повидал

⁸⁸ Французская сыскная полиция.

⁸⁹ По последним сведениям, Гучкова недавно прекратила свою деятельность.

⁹⁰ Т.е. в 1955-1956 гг., хотя поручиться в этом нельзя.

⁹¹ Bakounine, T.A. Le repertoire biographique des Franc-macons Russes. 18 et 19 siecles. Bruxelles, 1940.

Бурышкина до его смерти. Я с ним был связан перед войной, когда он для меня многое нашел по масонству французскому и его связям с Интернационалом. Книгу Осоргиной – в Париже имел, теперь не имею, но пользоваться ею могу. Но она для масонства «карбонарского», т.е. русского, начала 20 века, ничего не дает».

Вольский – Николаевскому. 4 (8) марта 1961.

(В оригинале ошибочно проставлен «1960» – Н.Б.).

«Относительно масонства С.Н. Прокоповича. Кускова, когда я ее прижал, написала мне, что она с С.Н. вступили в русскую масонскую организацию в 1906 г. (об этой организации у меня есть от нее большое письмо). Но покойный Бурышкин, сам масон, и собравший огромное число всяких сведений и документов о масонстве (он показал целую кипу тетрадей об этом) мне сообщил, что ему доподлинно известно, что Прокопович вступил в иностранную масонскую ложу во время пребывания его и Кусковой за границей. Кускова, видимо, тогда в нее не вступила, ибо женщины в иностранные масонские ложи не допускались⁹². Когда я выразил некоторые сомнения относительно масонства Прокоповича еще до 1898 г., Бурышкин пожал плечами: «Зачем вам в этом сомневаться, когда вот здесь, в этой тетради, все сведения о том, как и где Прокопович вступил в ложу». Все, что после Бурышкина осталось, в архиве Колумбии, но собранный им материал о масонстве туда не поступил. Парижские масоны его оттуда извлекли. Тер-Погосян, сам масон, на мой вопрос, переданы ли в архив масонские тетради Бурышкина, сухо мне ответил: «Нет не переданы». И на этом разговор прекратил. Аронсон написал два очерка о русском масонстве в Февральскую революцию⁹³, на мой взгляд, очень интересные. По его просьбе я сообщил ему, что писала мне об этом вопросе Кускова. Было бы не плохо этот вопрос далее копнуть. На мой вопрос, почему вокруг этого столько таинственности, Кускова дала мне объяснение, но на мой взгляд, мало убедительное. Кстати, она мне сообщила, что Гучков был масоном⁹⁴, но от него они отшатнулись вследствие его сношений с военным германским штабом».

А.И. Гучков умер в 1936 г., до похищения ген. Миллера, в котором участвовал ген. Скоблин. До самоубийства Ксюнина в Белграде. О нем были некрологи. Один из них принадлежит перу Керенского. («Современные записки», № 60, с. 460). Мысль редакторов журнала пригласить Керенского и поручить ему это дело, кажется крайне неудачной: Керенский сначала с раздражением подчеркивает, что Гучков никогда не был революционером, а был правым, санкционировал разгон I Гос. Думы, одобрял Столыпина, выступал в III Думе как лидер правых («реакционеров»). В октябре 1915 г. он примкнул к революции. Благодаря скандалу с Сухомлиновым и участию великих князей в делах армии, он якобы увидел «весь ужас в России» и «слился с освободительным движением». Далее он пишет, что Гучков «был бы незаменим в дворцовом перевороте», который готовил в 1916 г. В 1914 г. он предвидел разгром России, ему мало кто доверял, «только узкий круг офицеров и генералов Генерального штаба». 27 апреля 1917 г. (на заседании всех четырех Дум) «он

⁹² Это неверно. Женщины допускались в специальные «белые» ложи.

⁹³ Аронсон напечатал не два, а четыре очерка о русском масонстве, а затем перепечатал их в своей книге, дополнив их новой информацией.

⁹⁴ Б.И.Н. наконец понял тактику масонов, которая при «полной и окончательной радиации» требует отрицания, что такой-то когда-либо был масоном.

произнес трагическую речь о том, что Россия стоит на краю гибели». О том, что Гучков уже с 1920 г. искал в Берлине военной помощи у немцев (вместе с Бискупским, Скоропадским и Красновым)⁹⁵, Керенский не сказал ничего. И о периоде 1920–1936 гг. вовсе умолчал. Ни дата рождения, ни дата смерти (как очень часто в русских некрологах) не упомянуты.

Д.С. НАВАШИН (1889-1937)

4 апреля 1909 г. Брюсов писал Андрею Белому:

Дорогой Борис Николаевич!

Позвольте рекомендовать вам Дмитрия Сергеевича Навашина, молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки. Надеюсь на ваше к нему внимание.

Ваш всегда Валерий Брюсов.

В томе 92 «Литературного наследства» дается следующее примечание к этому письму:

Дмитрий Сергеевич Навашин – поэт, студент-юрист Киевского университета, сын профессора ботаники, позднее академика С.Г. Навашина; к Брюсову обратился с рекомендательным письмом Ф.Ф. Зелинского от 5 марта 1909 г. 6 апреля 1909 г. Навашин писал Белому: «Несколько дней тому назад я имел честь и удовольствие беседовать с Валерием Яковлевичем Брюсовым. Подводя итоги нашего разговора, Валерий Яковлевич предложил познакомить меня с вами, на что я отозвался живой благодарностью и, насколько помню, в тот же день оставил у вас его письмо. Ежели вы ничего не имеете против подобной встречи, не откажите в любезности сообщить мне, в какой день и час я мог бы застать вас дома...» Брюсов опубликовал стихи Навашина и его рассказ «Морской разбойник» в «Северных цветах» в 1911 г. Белый сдержанно отозвался об этих произведениях: «...единственное их достоинство – та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не попавшим однако на страницы «Северных цветов».

(«Русская мысль», 1911, кн. 10, с. 25).

Перед первой мировой войной Навашин был известен узкому кругу московских литераторов, как поэт. Он бывал в Литературно-художественном кружке, где иногда читал свои стихи. Затем несколько лет о нем ничего не было известно, а в середине 1920-х гг. он оказался в Париже на должности помощника директора новооткрытого советского банка на авеню де л'Опера, через который шла теперь франко-советская торговля. В начале 1930-х гг. Навашин уже был директором этого банка и крупным советским экономистом. Среди его ближайших друзей были не только видные французские дельцы, банкиры, масоны Великого Востока, но и министры и сенаторы, как например де Монзи, благодаря которому он вошел во французское масонство. Он выпустил две книги по-французски по экономическим вопросам, печатал во французских журналах статьи. Затем прошел слух, что его вызывают в Москву. Но он туда не поехал. В это время у него уже хранились международные фонды троцкистов.

Навашин жил в особняке по адресу 28 ул. Микельанж, около Булонского леса. В год этот особняк стоил ему около 20 тысяч франков. У него была жена и дочь, две секретарши и

⁹⁵ Три «белых» генерала, которые заправляли русской политикой в Германии, вместе с ген. Туркулом. Эти генералы состояли членами черносотенной «боевой организации» «Трест», в эти годы насквозь пронизанной тайными агентами ГПУ. Необходимо отметить, что ген. Туркул, видимо, был подозрителен своею деятельностью в глазах французских властей: весной 1938 г. он был – без объяснений – выслан из Франции, и окончил свою жизнь в Германии.

трое слуг. В 1931-32 г. в Париже заговорили, что он ушел из банка и отказался ехать на родину. Но материальное положение его от этого, видимо, не изменилось. Он по-прежнему бывал на приемах у французских государственных деятелей, принимал их у себя, держал двух секретарш и по утрам ходил гулять в Булонский лес с двумя породистыми собаками.

25 января 1935 г. Навашин был заколот насмерть на утренней прогулке. Свидетель, видевший сцену убийства издали, дал знать в полицию. Когда явились полицейские, собаки громко выли. Навашин лежал ничком в луже крови, заколотый в спину длинным острым четырехгранным стилетом. На траве лежали очки в роговой оправе. Навашин очков не носил.

Допрошены были десятки людей, начиная с жены и дочери (учившейся в балетной школе), и кончая министром де Монзи, дававшим показания при закрытых дверях. Был даже привезен для дачи показаний недавний перебежчик или, как тогда говорили, «невозвращенец», большевик Крюков-Ангарский, порвавший с Москвой в 1930 г. и живший под другой фамилией. По его мнению Навашин «и порвал, и не порвал» с Москвой и, может быть, только делал вид, что протестует против подготовки московских процессов. На одном из них были приговорены три его друга и сотрудника: Пятаков, Сокольников и Серебряков⁹⁶.

Следствие, предпринятое Сюрте Женераль⁹⁷, не дало никаких результатов. Убийца, молодой блондин в спортивном пальто, которого издали видел единственный свидетель – вышедший на утреннюю прогулку француз – так никогда и не был найден. Несмотря на тщательную проверку банковского счета и записных книжек Навашина, ни один след не привел к аресту убийцы. Дело было закрыто.

За 50 лет, прошедших с того времени, никаких новых данных по нему никогда не было обнаружено.

Что касается масонской судьбы Навашина, то приехав в Париж, он вернулся на краткое время в «Астрею», в которой состоял в России в 1916-1917 гг., но очень быстро «уснул» и перешел во французскую ложу. На похоронах Навашина присутствовал Досточтимый и Премудрый Мастер г. Дуаньон и другие братья. (БИБ, ПА, Ле Тан и др. франц. газеты, январь-март 1937).

Е.Д. КУСКОВА (1869-1958)

Кускова и ее муж, С.Н. Прокопович, принадлежали к пражской эмиграции и во время войны переехали в Женеву. Мне известны 40 ее писем к Керенскому 1945-1958 гг. — около 180 страниц, ее письма к Маклакову, Николаевскому, Вольскому, Л.О. Дан и др. Она пишет о прошлом (десятилетия), и о настоящем, и их такое множество, что видимо она писала не менее восьми-десяти писем ежедневно. Она пишет о революции, о политике Сталина, о сегодняшнем дне и новых эмигрантах, «перемещенных лицах», пленных и беженцах, и ушедших из России с немецкой армией (она считала, что необходимо отправить их, хотя бы и насильно, обратно, т. к. Сталин их, конечно, простит). Она пишет иногда умно, иногда зло, иногда заведомо неправду, часто совершенные нелепости, путает, сплетничает, дает непрошенные советы, а иногда – важную информацию, и несмотря на все это, нельзя отрицать того факта, что письма ее интересны. Она остается одна после смерти Прокоповича, не понимает смерти, собирается вызвать его дух. Деньги на жизнь ей посылает Бахметевский фонд из США, она больна, ноги отказываются ей служить, она слепнет и, тем не менее, продолжает писать письма (и свою автобиографию – дальше детства она идти не решается –

⁹⁶ Все трое – на московском процессе, в 1937 г.

⁹⁷ Сюрте Женераль – полицейская инстанция, подчиненная министру внутренних дел, с центром в Париже.

очень выходит «интимно»). Каждое письмо не менее четырех страниц, а иногда и больше.

Обо всем она имеет мнение: о «платформе» новой волны эмигрантов (где она? ее нет!), о статьях Г.П. Федотова, о хождении Маклакова к советскому послу, о том, что Ходасевич «оплевал» Горького после того, как Горький «помог ему выехать из России» и о том, что «только Бог помог Ниночке (!) Берберовой избежать сотрудничества в «Парижском вестнике»⁹⁸.

Ее навещают: Ступницкий – редактор советской газеты в Париже; Вырубов, живущий в Швейцарии, 33°; Вишняк, бывший редактор «Современных записок». Она волнуется, что эмигрантская газета, которую собираются издавать в Париже (первый слух о «Русской мысли») будет «не то, что надо». Ее беспокоит, что Вельмин (см. Биографический словарь) «слишком много болтает о нашей О.» (Организации, т.е. масонстве), что АЛ. Толстая находится «под дурным влиянием». Все это пересыпано воспоминаниями о кн. Львове, о каких-то забытых народниках, которых она встречала в детстве, суждениями о Бенеше («предатель»), о новом эмигранте Михаиле Корякове («несимпатичный»), о римском папе и проф. Степуне.

Когда Керенский пишет ей, что собирается писать книгу о 1917 г., она дает ему советы: что надо для этого прочесть, с кем поговорить, а главное – она беспокоится, будут ли это мемуары, или это будет исповедь, и он «обо всем» скажет, и во всем признается. Она подробно описывает свою и Прокоповича роль в Февральской революции, словно боится, что он о них забудет, спрашивает Керенского, как он сможет все это сделать один: «один вы не справитесь!»

В это время, в 1956 г., до Керенского доходят слухи, что кто-то из «Социалистического вестника» собирается написать о роли масонства в эпоху Временного правительства (предположительно – Аронсон), и он решает сам кое-что об этом сказать. Сначала Кускова пугается такого решения: «Ваша версия, как Вы сами вероятно чувствуете, убийственна для престижа Врем, правительства и ее пока лучше не муссировать, как бы правдива она ни была, и как бы преступно ни было поведение Малянтовича (министр Врем, прав., пошедший работать к большевикам – Н.Б.), а вместе с ним и всего Врем, правительства»⁹⁹.

Через два года (1958) Керенский, видимо, еще не принял решения, сколько и что именно он откроет из прошлого Временного правительства. На его сомнения Кускова отвечает:

«На Ваш вопрос отвечаю утвердительно: да, надо. Ведь все равно болтовня идет, не лучше ли дать аутентичную запись нашего прошлого? Могу только пожелать Вам успеха и в памяти, и в исполнении. Не совсем понимаю, о каком дневнике Вы пишете. У кого он взят, и кто его вел?»

С этого времени начинается перемена в словаре, которым Кускова до сих пор пользовалась: вместо слова «масонство» она пишет «Союз Освобождения» – эта конспирация делается для полных невежд: Союз Освобождения прекратил существование в 1905 г. Сама Кускова в письме от 7 июня 1958 г. писала: «Весь 1905 г. был занят еще «Освобождением». Сама я узнала о друзьях (!) лишь в 1906 г.» Масонство в России возникло

⁹⁸ Где именно Ходасевич «оплевал» Горького, остается неясным. Уехать нам обоим помог Луначарский (см. Н.Б. Курсив мой, с. 167). Сама Кускова еще в 1935 г. писала мне про «исключительно подлое поведение М. Горького во время похорон Максима» (Железная женщина, с. 262). Что касается меня, то во время немецкой оккупации Парижа я старалась не попадаться на глаза определенной категории людей, которые знали меня в лицо и могли «пригласить» меня в свою газету, пригрозив, в случае отказа, неприятностями. (См. Курсив мой, с. 506).

⁹⁹ Выражения «Ваша версия... убийственна для престижа Врем, правительства» и «как бы преступно ни было поведение Малянтовича» (министра юстиции Врем, прав.) заставляют задуматься.

в 1906 г., и Керенский прекрасно понимал о чем идет речь, когда Кускова ему писала о «разглашении тайн 1906-1917 С. О.», а иногда и просто «Союза», или даже «О» – что, конечно, могло означать и просто «Организацию». Другой способ засекречивания также был рассчитан на невежд: она называла имя человека, хорошо известного Керенскому, и добавляла: «он конечно, как Вы знаете, не масон». Керенский в 1956-1958 г. все не мог принять решения, и Кускова опять пишет ему:

«И еще раз повторяю: да, да, надо все рассказать, и как можно скорее». (См. «Курсив мой», с. 366, разговор с Керенским после ее смерти в 1959 г.). «Много ли было в Союзе друзей. Я думаю, очень много. Некоторых я знаю, но ведь знать имена вообще не полагалось... Киевская, Одесская, Минская группы Освобождения дали потом и друзей. Вообще, это ведь и по целям, и по составу участников организации близкие. Милюков, как Вы знаете, резко отмежевался от «друзей», заявив что он «с мистикой не желает иметь ничего общего».

В это же время Аронсон начал готовить свою книгу с «разоблачениями», и когда до Кусковой дошли слухи об этом, (до нее беспрестанно «доходили слухи»), она подняла кампанию против него, настаивая, чтобы он прекратил свои «сплетни».

«Я резко обрушилась на Аронсона и просила их замолчать, хотя бы из-за тех, кто в России (это была ее обычная отговорка против всяческих разоблачений – КБ). Не умер еще Головин и др. А вдруг их начнут мучить? Из-за тех же соображений я думаю, что и Вам публиковать все это рано. Не знаю, что делает г. Николаевский. Вероятно, старательно собирает сплетни... Я от Вас только услышала, что есть итальянская книга, где перепечатан устав наш... Вы пишете о ней неясно... Боюсь, что если Вы все это поднимете и опубликуете, поднимется опять шум, грохот, добавления и сплетни¹⁰⁰. Изменяю свое суждение. Публиковать не надо. Но записать все это необходимо, пока Вы здоровы и живы. Записать и спрятать. Это необходимо.... Итак – записать. Хотя бы в основных чертах».

Словами «я резко обрушилась на Аронсона» Кускова свидетельствует свою верность Керенскому. Аронсон выждал время, и когда она умерла (1958), напечатал в 1959 г. свои статьи. Его книга «Россия накануне революции» вышла в 1962 г. В ней он перепечатал свои четыре статьи и добавил к ним кое-что из документов: например, письмо Кусковой к Вольскому, которое я ниже цитирую в сокращении, т. к. Аронсон напечатал его почти полностью. В книге своей Аронсон «искренне благодарит» Кускову «за позволение цитировать это письмо, копию которого она лично прислала ему».

Идея «записать и спрятать» была не только у нее, как мы увидим дальше. Керенский переписывался не только с ней по поводу роли масонства в Февральской революции и о собственных проблемах, с ней связанных (отказ заключить сепаратный мир, дело Корнилова и др.), он переписывался и с другими «братьями», и они тоже советовали ему – не печатать, молчать, не давать пищи «дешевым сенсациям», но «записать все непременно» и положить на 25 лет в подвал какого-нибудь «американского университета». Но Керенский их не послушался, он едва-едва коснулся русского масонства в своей книге «Russia and History's Turning Point», и опять замолчал, и при жизни уже ни словом больше не обмолвился о тайном обществе. Записал ли он позже свою «исповедь» и зарыл ли ее где-нибудь на территории США или Соединенного Королевства – осталось неизвестным до сегодняшнего дня.

Несколько слов об «итальянской книге», о которой упоминает Кускова. Она вышла под именем «автора» Евграфа Сидоренко в 1913 г. в Петербурге, в издательстве М.И. Семенова «Прометей» (Поварской пер., дом 10), типография – т-ва «Грамотность» (СПб., Невский, дом

¹⁰⁰ «Сплетнями» она, видимо, называет все те сообщения, которые ей приходится не по вкусу.

82). В ней 192 страницы. Называется она «Итальянские угольщики начала 20 века». В ней в мельчайших подробностях рассказано о тайном обществе «карбонариев», но на самом деле в ней изложен устав русских масонов Великого Востока. Никакого Сидоренко никогда, конечно, не существовало. Небольшая группа масонов, в том числе и сам Керенский, сообща написала эту книгу, где не только раскрыты «все мифы мартинистов и розенкрейцеров», положенные в основу мирового масонства, но изложена жизнь св. Тибальда и объяснены все ритуалы, обряды, тайные смыслы, заклинания и эмблемы современного масонства, процесс тайного посвящения в его тысячелетием узаконенных диалогах, и гимны, которые хором поются, и речи, которые наизусть произносятся во славу Великого Мастера Вселенной. Диалоги, которые ведутся при допросах неопита, и экзамен состоит из огромного количества самых неожиданных вопросов: от отношения его к аборт («убийство плода»), до числа шипов в венце «нашего Брата», когда он был поднят на кресте – их было 72.

В книге этой, между прочим, говорится также о том, что от Досточтимых Мастеров лож требуется «привлекательная внешность, которая вызывала бы в братьях сердечное умиление».

В то самое время, когда Кускова осторожно засекречивала масонскую тему с Керенским, она гораздо откровеннее писала о прошлых тайнах Вольскому, который никогда ни в каких масонских ложах не состоял. Ее письма к нему говорят о потребности высказать некоторые мысли, которыми она, по-видимому, не считала возможным делиться с Керенским.

Между рецептом пельменей и жалобами, что она так стара, что «ничего не успеет записать», она ругает Николаевского, люто ненавидит Черчилля «за его славу» и обещает Сталину встать перед ним на колени, «если он проведет реформы». 24 июля 1946 г. она пишет Вольскому: «Узнала, что повесилась Марина Цветаева», и добавляет: «но мне ее почему-то не жалко»¹⁰¹. Она считает (тогда же), что Ступницкого, редактора советской газеты в Париже, «надо поддержать», потому что ей «Мельгуновщина надоела до черта». Желю Вольского она в течение всей переписки – более десяти лет – называет то Наталия Николаевна, то Валентина Николаевна, а после смерти своего мужа, Прокоповича, верит в спиритизм и собирается им заняться, если найдет время. Время от времени она возвращается к масонству и не знает, как ей к нему подойти: раскрыть ли «наши общие преступления 1917 г.?» Или описать их и «зарыть под Колумбийским университетом» в Нью-Йорке (т.е. под Бродвеем)? Она не сделала ни того, ни другого и, наконец, предпочла Национальную Библиотеку в Париже. Вот, в сокращении, ее письмо Вольскому, процитированное Аронсоном:

«Самый трудный вопрос о масонстве – наше молчание было абсолютным. Из-за этого была крупная ссора с Мельгуновым: он требовал от нас раскрытия всего этого дела. Мельгунов доходил до истерики, вымогая из меня (еще в России!) данные, и заверял, что ему «все известно». Я хорошо знала, что ему ничего почти не известно, как и Бурышкину. Потом он в одной из своих книжек сделал намек, что такое существовало. Скажу Вам кратко, что это было:

Началось после гибели революции 1905 г. во время диких репрессий: Вы их знаете.

Ничего общего это масонство с заграничным масонством не имеет. Это русское масонство отменило весь ритуал, всю мистику¹⁰².

Цель масонства – политическая, работать в подполье на освобождение

¹⁰¹ Я предоставляю читателям судить об этом ее признании по поводу смерти Цветаевой и воздерживаюсь от комментария.

¹⁰² Эта ложь во спасение была разрешена, как мы уже знаем (см. последние строки моего Предисловия к этой книге).

России.

Почему выбрана была такая? Чтобы захватить высшие и даже придворные круги.... Князьев и графьев было много. Вели они себя изумительно: на Конгрессах некоторых из них я видела. Были и военные – высокого ранга.

Движение это было огромно. Везде были «свои люди». Такие об-ва, как Вольно-Экономическое, Техническое, были захвачены целиком. В земствах то же самое.

До сих пор тайна огромна. К Февральской революции ложами была покрыта вся Россия. Здесь, за рубежом, есть много членов этой организации. Но – все молчат! И будут молчать.

После смерти С.Н. (Прокоповича) я получила несколько телеграмм – кратких: *Fraternellement avec vous* («по-братски с Вами», или «братски с Вами» ставилось масонами перед подписью – Я. Б.).

Много разговоров о «заговоре Гучкова». Этот заговор был. Но он резко осуждался членами масонства. Гучков вообще подвергался неоднократно угрозе исключения, и после дела Конради, в котором он вел себя совершенно непонятно, и вызывал скверные подозрения (очевидно – своими симпатиями к белым генералам – КБ.), с ним вообще старались в интимные отношения не вступать. Под конец своей жизни он близко сошелся с германским штабом, и когда приезжал к нам в Прагу, совсем больной, и просил оказать *fraternellement* услугу у чешского правительства, мы услуги не оказывали. Он знал, что мы знаем о его поездках в Германию и очень запутанно об этом рассказывал. Но один раз произошел инцидент: его принял Бенеш. И он Бенешу точно рассказал о планах Гитлера – нападение на Чехию, на Россию и т.д. ... Потом – слово в слово осуществилось то, что рассказывал Гучков Бенешу и нам...

10 ноября 1955 г. Женева».

Она умерла девяноста лет, до последнего дня все еще беспокоясь, что кто-то что-то сделает «не так, как надо», уже не имея сил встать с постели и не понимая, почему она так устает, даже когда не выходит из дому. Но до конца она все повторяла, что с французским масонством у русского ничего общего не было, и что ритуалы все давно были отменены.

А.И. КОНОВАЛОВ (1875-1948)

С Александром Ивановичем Коноваловым у меня с самого начала нашего знакомства возникли дружеские отношения¹⁰³. О них я писала в моей автобиографии («Курсив мой», с. 361-363). Я позволяла себе задавать ему вопросы о прошлом, что очень редко делала с А.Ф. Керенским, и позже делала с Маклаковым, который часто даже поощрял их. Было это от одиночества? Или от сознания, что он идет к концу своей жизни? Во время немецкой оккупации Парижа я часто виделась с Маклаковым, и об этом рассказ будет ниже. Но с Коноваловым о прошлом говорить было интересно только мне, а он совсем, как мне кажется, не любил возвращаться памятью к 1917 году.

Он был тем «миллионером-промышленником», который строил своим рабочим больницы, и был первым человеком во Временном правительстве, в марте 1917 г., кто заговорил о немедленной разработке закона о стачках и забастовках. Ген. Спиридович (начальник царской охраны и один из косвенных убийц Столыпина) в своих воспоминаниях

¹⁰³ Отношения с «начальством» в газете, где я работала 16 лет, у меня были хорошие, но дружеские отношения сложились только с двумя людьми: с Коноваловым и С.Г. Сумским, с которым Ходасевич дружил еще в Берлине, когда Сумский был владельцем эмигрантского издательства «Эпоха». В конце 1920-х гг., все потеряв, он приехал в Париж из Берлина, и неделю жил у нас на улице Ламбларди, в нашей убогой двухкомнатной квартире.

называет его «членом масонской пятерки», а советский историк Дякин говорит о нем, как о находившемся «на левом фланге прогрессистов».

Жизнь его в эмиграции была очень тяжелой. Отчасти это происходило от полного неумения жить в новой эпохе. Он был, несмотря на его прошлое «левого прогрессиста», полностью человеком прошлого века. В первом составе Временного правительства он с самого начала хотел «коалиции с Исполкомом Петроградского Совета», и уведомил Исполком в первые же дни, что будет образовано министерство труда, которое возглавит представитель Совета. Кн. Львов – в близком будущем пятый член пятерки – и Керенский тоже искали среди членов Исполкома подходящих людей, чтобы составить коалицию. Уже 1-го марта была создана Контактная комиссия Временного правительства с Советом, куда из этого последнего вошли Церетели, Чхеидзе и другие. У Коновалова же на даче под Москвой собирались в декабре 1916 и в январе 1917 гг. «левые прогрессисты», а некоторые, по причине конспирации, у него жили (Старцев. «Русская буржуазия...»). К тому же выводу примыкают и два других сов. историка: «20 ноября 1915 г. было совещание на его, Коновалова, квартире, где Керенский, народный социалист, уже выступал в теснейшей связи с кадетами и прогрессистами. Как в 1915, так и в 1916 гг. собрания были конспиративными. Бывали и социалисты». (Граве. «К истории...»; Черменский. «Четвертая Дума...»).

А.И., как многие люди его поколения (т.е. рожденные в 1860-1880), не только старели рано, но и подчеркивали это старение каким-то одервенением, не только физическим, но и умственным: он выглядел в 60 лет на 70 и, кажется, получал удовольствие от своей собственной неподвижности, от того, что на чью-нибудь шутку смеялся не сразу, а минуты через три после того, как она была сказана, и на вопрос отвечал всегда после долгой паузы.

У меня сохранилось несколько писем от него, и я приведу здесь одно из самых любопытных. 14 июня 1940 г. немцами был взят Париж, и помещение редакции «Последних новостей», где он был председателем правления, было разгромлено¹⁰⁴. А.И. с женой, Анной Фердинандовной, были на юго-западе Франции, но не в «свободной зоне», куда добежать не успели. Как очень многие, они бежали в последнюю минуту, и когда немцы, овладев юго-западом Франции, были остановлены перемирием, он оказался в оккупированной зоне.

Он написал мне 20 июля, я получила его письмо не по почте, а с оказией. В этом письме отразился его «каменный оптимизм», мрачный, отзывавшийся отчаянием и растерянностью, оптимизм, которому он, вероятно, научился в эмиграции: денежные трудности, болезни, увечье при автомобильном несчастном случае, больница, семейные трудности, газетные трудности и разбитое в черепки прошлое. «А все-таки живем», говорил он иногда, медленно, без мимики и без улыбки. В письме его были иллюзии, которые мне тогда показались совершенно эфемерными. Письмо печатается по новому правописанию, оно написано по старому.

20 июля 1940.

Дорогая Нина Николаевна!

Рад был читать Ваши строки. Спасибо, что вспомнили обо мне. Радуюсь, что Вы оба здоровы и что мудро приняли решение оставаться на месте и лично оберегать Ваше удобье.

Что писать и с чего начинать?

Несколько слов про себя лично. Мы все – я, жена и (неразборчиво) здоровы. Это, как Вы видите, уже нечто. Про муки, мытарства путешествия и странствования не пишу. Их перетерпели сотни тысяч, а даже может быть и миллионы людей, отголоски страданий которых до Вас, конечно, доходят. В сравнении со многими, многими отделались еще хорошо – упорство, сила воли, находчивость и привычка организованно действовать оказали свое действие и

¹⁰⁴ Редакция и контора газеты Последние новости находилась на улице Тюрбиго, у самого выхода метро Арс-э-Метье, на углу улицы Реомюр, на втором этаже.

воздействие. Придет время, все же увидимся, надеюсь – все расскажу.

Отвечаю прежде всего на поставленные мне Ваши вопросы. М.А Алданов (с которым я не переписывался) проживал некоторое время в По. Недавно он уехал из По в направлении Лазурного берега, заехав по дороге в Монпелье, где проживают Волков и Могилевский. Адреса его не знаю. Если черкнете Н.П. Вакару (58 улица Эмиль Гарэ. По. Нижние Пиринеи) вероятно, последний, ко времени получения Вашего письма, адрес М.А уже будет знать.

Об АФ. К(еренском) я справлялся у многих. Мне сообщают, что около 14-15 июня его видели около испанской границы, нервно метавшегося в разные стороны в заботах как-либо и куда-либо выбраться¹⁰⁵. Супруга будто бы была в очень растрепанных чувствах и рыдала. Уехал ли он? и если уехал, то куда? – друзья его не знают. Я лично склонен думать, что в последний момент ему удалось скорее уехать в Англию, чем в Америку, как некоторые о том предполагают. Если ему удалось уехать в Америку, то об этом я буду знать, т. к. запросил об этом Б.А Бахметева, моего друга в Нью-Йорке.

В Биарицце людей «нашей породы» нет никого. Я установил (неразб.) связь с Виши, По и Монпелье – расположенные в зоне неоккупированной, тогда как сам в Биарицце нахожусь «под башмаком»: крепчайшая письменная связь создалась с Н.П. Вакаром, действуя сообща мы связались с П.Н. Милюковым, Волковым и Демидовым, и многими другими. Хотя не все привычны и любят организованные действия и есть изьяны (не говоря уже о почтовых невзгодах), все же связь «главнейших» налаживается; таким образом удастся познавать мысли каждого, особенно в вопросах, которые должны стать на очередь в отношении возможности или невозможности возобновления газеты «П(оследние) Н(овости)»¹⁰⁶. Но все же эти письменные сношения не достигают цели, как мне бы хотелось. В последние дни я поднял вопрос о том, что настало время куда-то главарям съехаться и обсудить животрепещущий вопрос за общим столом. Где удастся съехаться, и когда – ничего пока еще сказать не могу. Задача не так-то легка – по соображениям передвижения и прикрепления «иностранцев» в местах, где они осели. Все это надо преодолеть. А свидеться – необходимо. Понимание всего происшедшего, выводы на будущее, равно и перспективы – у всех различествуют. Я вместе с Вакаром и Алдановым, принадлежу к числу тех, которые очень мрачно смотрят на вопрос о возможности возобновления издания газеты в условиях мало-мальски приемлемых и достойных, полагая, что со временем даже компромисс найти трудно. П.Н. М(илюков) ищет этого компромисса, но пока не вижу, что он его найдет – каждый день и час только еще более разочаровывают, и в путанице представлений на будущее ничего хорошего предрешить совершенно невозможно. Мои предложения, к которым сначала присоединились Вакар и Алданов, весьма радикальны. Мои шоры с самого начала событий были направлены на Соединенные Штаты Америки. Только там может раздаться свободное русское слово. Конечно, я не утопист, считаю себя реальным политиком. Вижу невероятные препоны и трудности возможного осуществления подобной задачи, и потому не предлагаю какого-либо плана о перенесении издания в Америку в данный момент или ближайшее будущее. Я предлагаю искать компромисса по изданию газеты во Франции и сделать все возможное в этом направлении.

Тем временем однако направить в Америку миссию из 2-х лиц, задача коих была бы исследовать в Нью-Йорке вопрос о нахождении средств потребных, и всяких возможностей перенести издание в Нью-Йорк. Быть может, эта мысль абсолютно неосуществима, а может быть и «за», при известных условиях. Мудрить и гадать об этом, сидя в Париже, Виши, или Монпелье – невозможно. Толковые

¹⁰⁵ А.Ф. Керенский и его жена, Тереза-Нелль, выехали из нашего деревенского дома, в местечке Лонгшен, на заре, 11 июня, в направлении Бордо. 14-го был взят Париж.

¹⁰⁶ Не надо думать, что А. И. Коновалов думал о возможности «коллаборации» с немецкими оккупантами. С некоторой долей наивности он вообразил, что можно будет работать под ними.

люди «посланцы» должны всесторонне изучить этот вопрос на месте, в самой Америке.

Не буду более развивать эту тему и подробно касаться мотивов, которые приводят меня к необходимости ее обстоятельно взвесить, обдумать и обследовать. Суть моего мышления Вам ясна. Я ищу выхода из положения создавшегося постепенно, объять которое надо широко и с большим размахом.

Убежден, все компромиссы поведут лишь газету к медленной и бесславной кончине. Многие в моих доводах и восприятиях можно оспаривать, как это некоторые, конечно, и делают. Вопрос большой и невероятно запутанный. Если увидите кого-либо из сотрудников «П(оследних) Н(овостей)», передайте о моих мыслях и предположениях, в частности, побеседуйте с Н.В. Калишевичем¹⁰⁷. Но действуйте с осторожностью и с надлежащим выбором. Мои соображения и интуиция далеко, далеко не всем окажутся по вкусу.

Отвечайте мне по адресу, указанному выше. Если я уеду отсюда, то письмо мне будет переслано. Или же пишите на адрес Вакара, ему лично или мне – мы с ним обмениваемся всеми получаемыми письмами.

Целую Вашу руку. Дай Бог Вам здоровья. Сердечный привет Н. М(акееву) с просьбой не унывать.

Искренне Ваш А. Коновалов.

А.И. уехал в США, где прожил до конца войны, а затем вернулся во Францию. Он много и тяжело болел. В США ему материально помогали Бахметев и друзья. Это было ему морально тяжело, но выхода не было. Никаких «пенсий» или «страховок» у него не имелось. Незадолго перед его смертью, когда состояние его было признано безнадежным, образовался «комитет», который согласился помогать ему: из двух-трех десятков когда-то богатых людей (братьев «Северной Звезды» и «Свободной России»), к концу войны оставалось не более четырех (средним возрастом 70-75 лет). Эти люди – один в Нью-Йорке, один в Лондоне и двое в Париже – ежемесячно вносили в «комитет» небольшую сумму денег, которая пересылалась А.И. и Анне Фердинандовне. Он очень страдал от своей бедности, но отказаться от денег не мог. В переписке русских масонов (Гувер) есть следы этого тяжелого, если не трагического, конца: в делах, среди потерь и забот конца 1940-х гг., — разбитого Лондона, нищего Парижа, рвущегося из кризисов Нью-Йорка, все четыре «благодетеля» иногда забывали посылать свои чеки или оказывались за пределами почты, телеграфа и телефона. Тогда начиналась паника. В 1948 г. в тяжелых страданиях А.И. умер на руках у жены. Он был когда-то одним из богатейших людей России, советский историк Старцев называет его «капиталистом-реформатором».

А.Ф. КЕРЕНСКИЙ (1881-1970)

Когда В.А. Маклаков спрашивал: «В чем мы ошиблись?» – Керенский всегда отвечал: «Мы никогда не ошибались». Зная его лично около сорока лет, я не всегда была уверена, что он действительно так считает. Он часто старался, иногда примитивно, а иногда и обдуманно, сбивать своих противников, и надо признать, что в большинстве случаев это удавалось ему. Но два случая в его поведении мне кажутся необъяснимыми. Они произошли уже в поздних годах, в США, когда он писал о своем прошлом. Я не могу их разгадать, и они смущают меня. Оба случая связаны с его последней книгой «Russia and History's Turning Point» (1966), где он вспоминает свой «русский» период.

Первый касается цитаты, приведенной Керенским из книги воспоминаний

¹⁰⁷ Н.В. Калишевич (печатался за подписью «Р. Словцов») был постоянным сотрудником газеты, замещал секретаря и выпускающего, А.А. Полякова, и писал о книгах, кино, старом Париже и др.

французского агента Ф. Гренара, друга английского агента Роберта Б. Локкарта, «La Revolution russe»: Гренар оставался в России до последней минуты – т.е. до начала октября 1918 г., когда его, со всеми союзными дипломатами, какие еще оставались в Москве, выслали через Торнео в Европу.

Вот эта цитата:

«Союзники России были ослеплены своим желанием держать Россию в состоянии войны, не заботясь о том, сколько это будет ей стоить. Они были неспособны судить, что было возможно, что было невозможно в это время. Они только помогали Ленину в его игре с целью изолировать главу правительства от народа все больше и больше. Они не могли понять, что насильно удерживая Россию в войне, они тем самым обязаны принять и последствия этого: внутреннее недовольство в стране, отсутствие стабильности в этот переходный период. Настаивая без передышки на своих требованиях, почти приказах, обращенных к Керенскому, о том, чтобы страна вернулась на нормальный путь, они не принимали во внимание обстоятельства, в которых ему приходилось работать, и фактически только еще усиливали тот хаос, с которым ему приходилось бороться. Брюс Локкарт, работавший во время войны в Английском консульстве в Москве, был такого же мнения о политической роли союзников, которую они играли в России в то время».

Этого абзаца в книге Гренара «La Revolution russe» нет, и имени Локкарта – тоже нет. Откуда Керенский взял этот абзац, из чьей книги – неизвестно. В книге Керенского она напечатана на стр. 385-386. Перевод мой.

Названный здесь Локкарт (см. Н.Б., «Железная женщина»), отсидевший в тюрьме, позже был обменян большевиками на сов. представителя в Лондоне, М.М. Литвинова. Он хорошо знал Керенского и сыграл решающую роль в его судьбе, дав ему летом 1918 г. сербский паспорт для переезда в Архангельск, а оттуда в Англию, и тем самым спасши его от ареста и казни.

Вторая загадка, которая менее значительна, чем первая, тоже не имеет объяснения.

Передо мной лежит донесение агентуры Департамента полиции (царского министерства внутренних дел) о «присяжном поверенном А.Ф. Керенском». В нем 58 страниц, и в нем говорится о слежке филеров, которую производили по приказу директора департамента в 1915 г. К нему приложены два секретных циркуляра, один от 16 января 1915 г. по 9-му делопроизводству за № 165377, и второй, от 30 мая 1915 г. по 6-му делопроизводству за № 169823. По причинам, остающимся непонятными, Керенский в вышеупомянутой книге дает только один номер, и то не лично своего дела, но дела тайного общества розенкрейцеров, где главой был, как известно, вел. кн. Александр Михайлович. Номер этот 171902.

В своей последней книге Керенский говорит о своем масонстве, но не много. Он вовсе не связал его с ни «тройкой» (или триумvirатом) – Керенский, Терещенко, Некрасов, ни, как тогда говорили, с «пятеркой» – Керенский, Терещенко, Некрасов, Коновалов и Федоров (которого скоро сменил кн. Львов), а также обошел молчанием причины, по которым между январем и августом 1917 г. в Россию приезжали члены французской радикально-социалистической партии, которая во Франции в это время быстрым шагом шла к власти¹⁰⁸. Эти люди приезжали к нему напомнить о клятве, данной им при принятии его в члены тайного общества, в 1912 г., в случае войны никогда не бросать союзников и братьев по Великому Востоку, тем самым не давая ему абсолютно никакой возможности не только стать соучастником тех, кто желал сепаратного мира, но и обещать его.

¹⁰⁸ В палате депутатов (французском парламенте) между двумя войнами из общего числа 847 депутатов 733 были членами партии радикал-социалистов. Де Голль не дал им воскреснуть в такой силе, и в 1970-х гг. партия насчитывала 14 депутатов в Национальной Ассамблее.

Иностранным дипломатам было известно о его масонстве, как, конечно, и царской агентуре. Уже упомянутый Локкарт знал, что Керенский с 1912 г. состоит в «Малой Медведице». Он писал в своих воспоминаниях:

«Он выжил бы только при одном условии: если бы французское и британское правительства летом – осенью 1917 г. дали ему возможность заключить сепаратный мир...

Чтобы скрыть свою связь с масонами и сдержать клятву, данную Великому Востоку, Керенский говорил после 1918 г. в Лондоне, что он потому хотел продолжать войну, что якобы царский режим хотел сепаратного мира. Мельгунов считает, что царский режим этого никогда не хотел, но выдумка Керенского очень удобно помогла ему скрыть действительную причину желания продолжать войну во что бы то ни стало: связь с масонами Франции и Англии и масонская клятва».

(«Two Revolutions». 1967, с. 88, 113).

Бывший секретарь царского посольства в Лондоне, К.Д. Набоков, несмотря на то, что оба они были масонами (разных Послушаний), относился к Керенскому крайне отрицательно:

«Еще в 1918 г., когда он приехал в Англию, он говорил, что у него мандат «Союза Возрождения России», и что Франция и Англия обещали ему поддержку».

(К.Д. Набоков. «Испытания дипломата», с. 226).

Локкарт возражал ему:

«В 1917 г., когда лейбористы приезжали в Россию, Керенский говорил О'Грэди, что у него, Керенского, есть документ, из которого ясно видно, что царь хотел заключить сепаратный мир 2/15 марта 1917 г. Керенский бережет этот документ, чтобы судить царя и реакционеров»

(«Two Revolutions»).

Но Набоков настаивает на своем:

«Керенский и Терещенко продолжали до конца лгать англичанам и французам»

(«Испытания дипломата», с. 152).

Любопытно сопоставить с этими двумя мнениями – третье: в первом «Письме из далека» Ленин из Швейцарии писал в марте 1917 года:

«...Войну ведет и германская и англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран.

Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого – последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами и кадетами, вместе с частью генералитета и офицерского состава

армии и петербургского гарнизона особенно для смещения Николая Романова¹⁰⁹.
(Собр. соч., М., 1970, т. 31, с. 12-21).

Однако не все министры ни в первой, ни во второй, ни, тем более, в третьей коалиции, были в полном согласии с председателем Совета министров (и Верховным Главнокомандующим). Были случаи протеста. В № 4 «Архива русской революции» находим такой рассказ А. Демьянова о сцене между Керенским и Терещенко:

«Когда Терещенко захотел уйти из министров в отставку (после второго коалиционного правительства), то Керенский прерывающимся от волнения голосом, в котором слышались ноты рыданий, упрекнул Терещенко в том, что тот его покидает, тогда как обещал не расставаться с ним до последнего момента».

Такие сцены, возможно, повторялись несколько раз, т. к. при каждой смене министров для Керенского было очень важно, кто масон и кто не масон: не-масонов он удержать не мог, масонам он напоминал о клятве.

Но не-масонов было немного: в первом составе Временного правительства не-масоном был один Милюков, во втором (первая коалиция) их было не более двух, в третьем – столько же, и в последнем – Верховский, который скоро «бежал». Так обстоит дело по архивным документам на сегодняшний день. К этому надо прибавить, что когда в первом составе (март – апрель) Керенский возглавлял министерство юстиции, он назначил себе следующих помощников: Сомов, Скарятин, Исаев, Муравьев, Демьянов, Тесленко, Зарудный, Переверзев, Чубинский.

Кроме первых трех, все остальные поименованы в Биографическом словаре.

Четыре статьи Аронсона в газете «Новое русское слово» о масонах в русской политике серьезно взволновали Керенского. Кускова умерла в 1958 г., но у Керенского появились другие корреспонденты и советники. Он опять стал задавать все тот же вопрос: что делать? Написать все, как было, или ничего не писать, или написать и напечатать, или написать и зарыть? К этому времени оставалось все меньше и меньше людей его поколения, и даже те, которые были живы, теряли память, а то и всякое соображение о том, о чем их спрашивают. Четыре человека отозвались на его письма. Это были Я.Л. Рубинштейн¹¹⁰, юрист, который

¹⁰⁹ И дальше: «...Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова к захвату власти в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах избивания новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т.д.

...Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал совсем готовое новое правительство, которое и захватило власть после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму...

Рядом с этим правительством, — в сущности простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения данной войны, — возникло главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство.

...Октябристско-кадетское буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», вынужденное обещать народу максимум свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистическую бойню.

(...) правительство войны, правительство продолжения империалистической бойни, правительство грабежа, желающее грабить Армению, Галицию, Турцию, отнимать Константинополь, снова завоевать Польшу, Литовский край и т.д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистическим капиталом. Русский капитал есть отделение всемирной «фирмы», ворушающей сотнями миллиардов рублей и носящей название «Англия и Франция».

(В.И. Ленин. «Письма из далека». Письмо I. Впервые полностью напечатано в 1949 г. в т. 23 собр. сочинений).

¹¹⁰ Я.Л. Рубинштейн между двумя войнами состоял при Лиге Наций экспертом по делам беженцев вместе с бар. Б.Э. Нольде и К.Н. Гулькевичем.

работал в Лиге Наций до войны и теперь начал серьезно болеть; старый масон, член Исполкома Петроградского Совета В. Станкевич; старый петербургский друг Керенского Я.Г. Фрумкин, человек мудрый и спокойный, народный социалист, друг и Станкевича, и Рубинштейна по Берлину еще с 1920-х гг.; и, наконец, — самый младший из них, М.М. Тер-Погосян, бывший эсер, служивший управляющим в одном из парижских кинотеатров, которого друзья звали Тером, и который, как будет видно из его писем к Керенскому, никак не мог перейти с ним на «ты».

Письма Керенского к названным лицам, вероятно, сохранились в их архивах, но я решила обойтись без них. Их письма к нему достаточно красноречиво говорят о тех сомнениях, которые, видимо, мучили их корреспондента.

Одиннадцать писем четырех лиц печатаются хронологически, старое правописание переведено на новое. Они все слегка сокращены, пунктуация их исправлена.

ПИСЬМА МАСОНОВ К КЕРЕНСКОМУ

1

Фрумкин – Керенскому. Нью-Йорк, 20 октября 1959.

...Статей Аронсона я не имел никакого намерения Вам послать – я не сомневался в том, что Вам факт их появления будет неприятен, и решительно не видел для себя причины причинять Вам неприятности... Но раз Вы не только о них узнали, а большую часть их прочли, посылаю Вам при сем все четыре (их было только 4, а не 5). Удивляет меня Ваш вопрос: откуда он все это взял? Ведь он сообщает о всех источниках, на которых базируется. В этом отношении он, может быть, даже пошел дальше, чем надо. Он не назвал ни одного человека масоном, кто раньше не был в печати таковым назван, хотя он знал ряд лиц, в принадлежности которых к масонству он, да и никто, не сомневался¹¹¹. Этот метод он применил и к тому списку «не масонов», которых он распределил по разным партиям. Это все лица, о непринадлежности которых к масонству появилось утверждение в печати, притом этого не сказав, и не упомянув и о том, что он решил в этом контексте назвать только покойников. В результате этого, огромное количество лиц оказалось подозрительным по масонству, и притом – без всяких оснований. Вообще говоря, считаю эти статьи мало удачными, т. к. более или менее осведомленным – со мною в том числе – они ничего нового не дали, а лица неосведомленные по его статьям не поймут, в чем дело. Итак, не принимайте этого слишком близко к сердцу.

2

Тер-Погосян – Керенскому. Конец октября 1959.

Конечно, кн. Львов не принадлежал к ф(ранк)-м(асонст)-ву¹¹², и вообще все

¹¹¹ Аронсон в своих статьях в газете дал неверные данные о деятелях 1917 г., об их принадлежности (и не принадлежности) к масонству. Позже, когда эти статьи были перепечатаны в его книге, кое-что он исправил, но далеко не все.

¹¹² Кн. Г.Е. Львов, как теперь известно, был не только связан с ранними масонскими ложами в России, но и с заговорами 1915 – 1916 гг. Здесь мы имеем пример масонского камуфляжа.

это было бы ему абсолютно чуждо. В.В. (Вырубов)¹¹³ на мой вопрос о его личной принадлежности, сказал, что «был лишь принят, но участия в работах не принимал», и это было будто бы в самом конце. Мне кажется, что он вообще не принадлежал... Здесь мои статьи, не перепечатанные – жалею очень, что ты не прислал мне статей. Я.Л. (Рубинштейн) думает, что, конечно отвечать «им» ни в коем случае не следует, но для будущего материал нужно собрать.

3

Станкевич – Керенскому. Вашингтон, 6 ноября 1959.

...Книга не упоминается у Аронсона¹¹⁴. Кто автор книги? Мне кажется, что удалось найти то, что Вы ищете, а именно: Евграф Сидоренко. «Итальянские угольщики XIX в.» СПб, 1913. Вы ее можете выписать через библиотеку, или я закажу микрофильм....

4

Тер-Погосян – Керенскому. 1 ноября 1959.

...Имел продолжительную беседу с Як. Л. (Рубинштейном) – он тебе подробно написал. По поводу моральной и формальной невозможности ответить А(ронсону)¹¹⁵ сейчас – я согласен с Я(ковом) Л(ьвовичем), но вместе с тем я полагаю, что эта «страница истории» революции не должна ни в коем случае оставаться «закрытой». Посему ты должен (единственное лицо) подробно изложить и в закрытом конверте оставить в Hoover Library, для опубликования, скажем, через 20-25 лет. Я пришел к этому заключению после очень скрупулезного рассуждения. Возможный ответ сейчас А(ронсону) или Н(иколаевскому)¹¹⁶ поневоле пошел бы по линии фельетонной сенсации, данной А-ом. Между тем эта страница общественного движения может принять свои подлинные размеры лишь в климате исторической объективности, лишенной полемической или личной страстности. В особенности имея в виду такие страницы (неразборч.) как с К(усковой...)... и др.

5

¹¹³ Василий Васильевич Вырубов, по бесспорным архивным данным, был еще до 1917 г. масоном 33° и делегатом на всех масонских Конгрессах.

¹¹⁴ Как явствует из этого письма, Керенский просил Станкевича достать ему книгу Сидоренко Итальянские угольщики (см. в разделе «Е.Д. Кускова»). Видимо, Керенскому она оказалась срочно нужна, когда он предполагал написать ответ Аронсону. Книга эта сейчас редчайшая, ксерокопия ее была мне передана проф. Натаном Смитом.

¹¹⁵ Т.е. на фельетоны Аронеона в «Новом русском слове».

¹¹⁶ Инспиратором фельетонов Аронсона Рубинштейн подозревал Николаевского.

Рубинштейн – Керенскому. Париж, 15 ноября 1959.

Дорогой Александр Федорович,

Спасибо за письмо от 26 октября и за фельетоны. Я ждал их с интересом, но они оказались совершенно низкой пробы. Газетное вранье. Потуги состряпать сенсационное блюдо из потерявших вкус обьедков.

Сейчас интерес к мистерии не так уж велик. Его можно разбудить и раздуть. В некоторой мере это сделано, вероятно, фельетонами, которые Вы прислали. Надо думать, что с несколько большим успехом это сделал бы инспиратор фельетонов, если бы он опубликовал собранный им материал. Но в этом случае интерес быстро рассеется. Тому три причины: дальность времени, несоответствие возможной роли мистерии с действительным размером событий и недостоверность материалов разоблачителей.

В настоящее время следопытам аутентичного подтверждения факта не хватает. Им приходится оперировать слухами, домыслами, личными доверительными беседами. Того, что когда-то называлось «царицей доказательств», собственного признания «обвиняемого», у них нет. Болтовня покойного «управляющего делами» в счет не идет. Его имя никому ничего не говорит¹¹⁷.

Положение в корне изменилось бы, если бы Вы привели в исполнение Ваше намерение. Любителям сенсационных разоблачений будет дан прочный базис для дальнейшего мифотворчества. Учтите то обстоятельство, что с момента опубликования Вашего ответа, разъяснений и уточнений, опубликованное Вами перестанет быть Вашим достоянием. Вы утратите право распоряжаться его дальнейшей судьбой.

Сейчас ничего предосудительного Вам и Вашим друзьям не приписывается. Что дурного в том, что у политического деятеля, жизнь и работа которого протекала у всех на глазах, были не только враги, но и друзья, с которыми он был связан интимно, которым безоговорочно доверял. Положение будет иное, если Вы дадите отправную базу для любителей сенсационного вранья.

План М.М. (Тер-Погосяна) об опубликовании через 30 лет – компромисс, которого я не одобряю. На худой конец, это все же лучше задуманного Вами.

6

Рубинштейн – Керенскому. Париж, 21 декабря 1959.

...Благодарю Вас за письмо от 30 ноября... В преддверии Нового года не хочу с Вами спорить. К тому же повторяться не стоит. Мы с Тером внимательно прочли Ваше письмо. По существу на наши аргументы оно не отвечает...

Ссылка на покойного В.А. М(аклакова) не убедительна. Ведь он был в ином созвездии, и к тому же в свое время купно с другими был притушен¹¹⁸.

Наконец, ни Тер, ни я, не думали, что кто-либо будет назван. Мы лишь утверждаем, что «признание факта» даст возможность любителям сенсаций заняться «пришиванием уклонов» усопшим, верившим, что по этой линии их тревожить не станут.

¹¹⁷ Василий Алексеевич Маклаков.

¹¹⁸ Т.е. «усыплен», активного участия в это время не принимал.

Тер-Погосян – Керенскому. 22 декабря 1959.

...Ни Палеолог, ни Альбер Тома не были масонами¹¹⁹. Тома относился с симпатией к масонам, судя по тому, что он несколько раз выступал в Grande Loge в Tenue Blanche¹²⁰. Вас(илия) Васильевича Вырубова) сейчас в Париже нет; по приезде спрошу о Мих. А-че¹²¹. Мне представляется, что ты с одной стороны преувеличиваешь значение «фельетона», а с другой стороны непонятно считаешься с реакцией – православной церковью: «наложено пятно», и т.д. На тебя, на Февраль вешали всех собак, ни один человек, ни одно историческое событие не было столь подло, гнусно оболгано, как ты и Февраль... Что могут означать последние фельетоны, сравнительно со всей грязью, которой нас покрывали и справа и слева! Повторяю, нужно чтобы твое свидетельство было запечатлено и оставлено, как исторический документ. Настоящая история Февраля еще не написана, и упомянутое сообщение войдет в эту историю лишь небольшой частью.

Здесь реакция была почти ничтожна. Вольский мне сказал при встрече: «Обратили ли Вы внимание на фельетон Аронсона?» И больше ничего. Суварин¹²² спрашивал Т.А Осоргину, знает ли она кого-либо, который мог бы дать сведения. Она указала на меня, но он ко мне не обращался...

Фрумкин – Керенскому. Париж, 16 ноября 1960¹²³.

...Вы спрашиваете меня об иностранных масонах. Вам известно, что в Россию в 1917 г. приезжали иностранные масоны. Я всегда избегал касаться в разговорах с Вами и в письмах к Вам этой темы, зная, что Вы к ней аллергичны. Несколько был удивлен тем, что Вы сами ее коснулись в письме ко мне, в связи со статьей Аронсона. Поразительно и, я бы сказал, импозантно, в какой мере в России масонство сумело сохранить конспирацию. Не знали о роли масонства очень многие, вне масонства. Не знал например И.В. Гессен, и очевидно П.Н. Милуков, не догадавшийся, каким образом во Временное правительство попал Терещенко. Но это было давно, а теперь уже многое известно. Известно даже и то, что Вы настояли на том, чтобы Ек. Дм. (Кускова) все, что она знала, оставила под замком на 50 – кажется – лет после ее смерти. Имеется и ответ Чхеидзе ЦК меньшевиков с

¹¹⁹ Французский посол в России, Палеолог, почти наверное не был масоном, но Альбер Тома им был, и на этой почве его дружба с Керенским продолжалась до смерти Тома. Он упомянут во многих французских списках и имел 33°.

¹²⁰ Вечер, на который приглашались профаны.

¹²¹ Михаилом Андреевичем звали Осоргина. Он умер в 1942 г. О чем, в связи с этим, собирался Тер-Погосян спросить Вырубова – неизвестно.

¹²² Борис Суварин, известный французский журналист и литератор, одно время троцкист, редактор Contrat Social.

¹²³ Ровно год прошел со времени колебаний по поводу фельетонов Аронсона.

объяснениями, почему он примкнул к масонству. Не секрет больше, что масонами были не только Вы, но и Некрасов, Коновалов и мн. др. Роль Браудо в разоблачении Азефа установлена в книге, посвященной его памяти, появившейся много лет тому назад, многое опубликовал Мельгунов, многое рассказали не столь, как Вы, скрытные. Впрочем, один видный масон говорил мне, что он вправе ответить на вопрос о том, был ли такой-то масоном, если речь идет о покойнике. А покойный Давыдов – масон высокой степени – мне сказал, что русские масоны были не масонами, а заговорщиками, вся деятельность которых противоречила тому, что и как должны были поступать... При этих условиях я не понимаю, как Вы можете игнорировать то, что многое известно и делать вид, что все это фантазия, и что Вы вообще не знаете, о чем идет речь. Вряд ли это целесообразно. Замалчивание приводит лишь к тому, что масонам приписывают многое, в чем они неповинны.

Примите, дорогой Александр Федорович, мои извинения за то, что говоря о Ваших воспоминаниях, коснулся масонов. Вы можете мне ничего не ответить на то, что я пишу по этому вопросу – я знаю много больше того, о чем пишу. Я примирюсь с тем, что, как я писал, «УВЫ», обо всем этом писать и говорить, даже в тесном кругу, не станете. Я считаю с Вашей аллергией, но мне казалось правильным сказать Вам, что многие – и я в том числе – многим о масонстве – и Вашем в нем участии – осведомлены и поэтому мало целесообразно, как мне кажется, с этим не считаться. Тема эта – важная, без нее многого нельзя понять в том, что произошло в 1917 г., и многое еще до сих пор.

9

Тер-Погосян – Керенскому. 22 декабря 1962 ¹²⁴.

...Я показал Ваше письмо Я.Л. (Рубинштейну) и мы с ним дважды виделись и обсудили положение. Мы согласны с Вами, оно теперь представляется иным, чем три года тому назад.

Теперь покров прорван. Существование Организации¹²⁵ удостоверено Ек. Дм. (Кусковой), которую никто не заподозрит во лжи. Фактические данные имеются в руках лиц, правдивость которых не вызывает сомнений. Если некоторые из этих лиц пока молчат, то молчанию этому наступит конец, и если не при жизни, то в посмертных записках они поведают то, что им было известно. Все они знают мало. В сущности, и материала много меньше, чем того хотелось бы любителям сенсационных разоблачений. В Февральской революции Организация не играла руководящей роли. Если она облегчала сотрудничество некоторых членов Врем(енного) прав(ительства) и, в частности, Вам служила подсобным орудием в Вашей работе, то не она поставила Вас на то место, которое Вы заняли в 17 году, и не она определяла Ваши действия. Между тем: на узкой базе разглашенного заслуживающими доверия лицами, пользуясь именно тем, что эта база бедна и узка, безответственные писаки в угоду охочей до сенсаций публики будут сочинять всяческие небылицы. Доброе имя О. от этого пострадает. Тем, кто добросовестно будет стараться выяснить эту главу истории обществ(енных) движений, разобраться во всем этом вранье будет нелегко.

В этом вся суть дела.

Что касается личного выпада Г. А(ронсона) на стр. 120 его книжки, то он не

¹²⁴ В этом году вышла книга Аронсона Россия накануне революции, где он перепечатал свои статьи о масонстве.

¹²⁵ «Организация», или дальше – «О.» – масонство.

заслуживает внимания, и просто не умен.

По нашему мнению – а Вы просите нас откровенно Вам его высказать, задача Ваша заключается единственно в том, чтобы Ваше свидетельское показание в будущем защитило доброе имя О. и поведало о ней правду.

Мы убеждены, что опубликование Вами в настоящее время подробной Записки этому не послужит, а лишь даст повод нагреть руки разным борзописцам, а иным лишний раз охаять ненавистные им наши убеждения. Вас будут упрекать в утайке существенных данных, Вам будут ставить самые нелепые вопросы, Ваши слова будут извращать и из написанного Вами будут делать самые нелепые выводы. В результате Ваша правда будет погребена под кучей мусора. Мы думаем поэтому, что в настоящее время Вам следовало бы ограничиться самым кратким заявлением, предупредив, что ни в какую полемику Вы вступать не станете и что к сказанному Вы ничего не прибавите. Что более детальное изображение истинного лица О. Вы дадите в особой Записке, которую доверяете на хранение...¹²⁶. Университету с тем, чтобы через 25 лет после Вашей смерти записка стала доступна лицам, изучающим историю Росс(ийских) Общ(ественных) Движений. В настоящее время, ввиду того, что в печати появились сообщения об О., и что некоторые из них исходят от Е.Д. К(усковой), Вы сочли необходимым в интересах истины заявить примерно:

Что среди различных конспиративных объединений предреволюционного времени существовала О., о которой говорит Е.Д. К.

Что О. эта не была политической партией, не имела определенной социально-политической программы.

Что ее задачей было установить личные отношения дружбы и доверия между людьми, одинаково чаявшими превращения России в свободное, правовое государство.

Что от своих членов О. не требовала подчинения, что она не давала им политических приказов и миссий.

Что ее члены сохраняли полную свободу действий, и могли поэтому оставаться лояльными членами различных политических партий.

Что О. к захвату власти не стремилась и такое стремление было бы чуждо ее духу и строению.

Что будучи преемственно связана духовно с одноименными О. прежних времен, она была совершенно независима от каких бы то ни было иностранных организаций.

Что по своему строению и духу О. активной роли, как таковая, в Февральской революции играть не могла, никаких директив своим членам, некоторые из которых оказались членами Вр. прав., она не давала.

Что О. была крайне малочисленна.

К этому полезно было бы прибавить, что оглашать имена известных Вам членов О. Вы не считаете ни возможным, ни нужным, но что во всяком случае список лиц, прямо или косвенно названных членами О., страдает неточностями.

Что касается Записки, доверяемой хранению... университету, то по нашему мнению она должна была бы подробнее развить 9 пунктов Вашего Заявления. На истории О., на судьбе ее последнего состава, нам казалось бы, не следовало останавливаться.

Вот кажется все. Я.Л. (Рубинштейн) и я шлем Вам братские новогодние пожелания.

Пост-скрипtum. (На отдельном листке.) Я бы считал особенно важным (как и Як. Л.– в значительной степени) дать исчерпывающий материал в большой записке, предназначенной для хранения в У-те. Тебе (!) сердечный привет от В. В-ча, А.Л.К., (инициалы неразбор.).

¹²⁶ Так в подлиннике.

Тер-Погосян – Керенскому. Январь 1963.

Очень рад, что наши точки зрения совпали, да иначе и не могло быть. Завтра я буду у Як. Л-ча, подробно поговорим.

Тер-Погосян – Керенскому. 10 декабря 1963.

....2 декабря Яков Львович умер – умер в полном сознании, я был у него накануне, уходят последние свидетели Февральских дней и вместе с тем нашей жизни.

Суварин начал печатать в «Contrat Social» страницы из книги Аронсона о русском масонстве. В прошлом году он мне сообщил, что прежде чем дать напечатать, он хотел бы иметь мое мнение, собирался прислать рукопись. Рукописи он не прислал, а теперь прислал письмо в коем полуоправдываясь – «важная страница истории» – пишет, что статья будет напечатана. Книгу Аронсона я читал – мое мнение ты знаешь. Ушел Яков Львович. Мне представляется, что тебе надлежит для истории дать подлинную картину для опубликования впоследствии. Насколько я помню, у тебя все материалы (ты мне говорил) в «сыром виде». Я думаю, что нам нужно было бы встретиться, и ты мог бы мне продиктовать все, что твоя память сохранила. Вопреки Я. Л-чу, я считаю роль м-ва, в особенности до самой революции 1917 г., весьма значительной.

**В.А. МАКЛАКОВ
(1869-1957)**

Василия Алексеевича Маклакова я впервые встретила в гостиной Винаверов¹²⁷, в 1926 году. Слегка картавя, он читал свои воспоминания о Льве Толстом. Они «подружились», когда ему было 30 лет, а Толстому – 70. Они гуляли в Хамовниках. Возраста Маклакова никто тогда не знал. Он скрывал его, и, как я писала в своей автобиографии (с. 367), он, в небольшой книжке, которую я не раз держала в руках, «Список депутатов Государственной Думы», на том месте, где в столбике был указан его год рождения, продырявил бумагу. В его архиве я нашла, среди его переписки с 17-ю масонами и 7-ю не-масонами, план автобиографии, которую он, видимо, собирался написать. На нем были даты. Год рождения был указан 1870, а затем он был перечеркнут, и тем же почерком, но другими чернилами, две последние цифры были переделаны на 69.

Он никогда не был женат, но был часто окружен красивыми женщинами, преимущественно, не слишком молодыми.

Он был защитником Бейлиса, членом Думы, одним из пособников Юсупова и вел. кн. Дмитрия Павловича в убийстве Распутина – он достал им яд, который на Распутина не подействовал¹²⁸. Он был послом Временного правительства в Париже, куда приехал 25

¹²⁷ Винавер с семьей жили в это время в доме 8, ул. Фурнье (теперь переименованной). С ним жили жена, его сын, будущий профессор в Англии, и дочь – будущий адвокат в Париже.

¹²⁸ Горький, смеясь, говорил, что Маклаков дал Юсупову зубной порошок вместо яда.

октября/7 ноября 1917 г. и верительных грамот президенту Пуанкаре представить уже не мог. Тем не менее, он до 1924 г. оставался жить в помещении посольства. В России он был «против монарха», не «против монархии», как он однажды публично выразился, так что в день отказа вел. кн. Михаила Александровича, брата царя, от российского престола, Маклаков воскликнул во весь голос: «Все пропало!».

До этого, в январе, у него были отношения с ген. М.В. Алексеевым, который участвовал в гучковских планах свержения царя. Еще летом 1916 г. Маклаков и Алексеев беседовали о положении в России. Об этом – и о левизне Алексеева имеется его собственноручная запись в его архиве (18 ящиков). Почерк Маклакова был исключительно неразборчив: он вел дневник с лета 1917 г. до весны 1924. К сожалению этот дневник, — драгоценнейший документ, несомненно уникальный, — не может быть прочтен: очень многие страницы написаны на папиросной бумаге, на обеих сторонах, и так, что не ясно даже иногда, на каком языке он писал – на русском или французском¹²⁹.

Не все шло у него успешно с его подопечными, когда позже, в 1920-х и 1930-х гг., он занимал во Франции место генерального представителя русских беженцев при Лиге Наций. Бывали трудности с преступными элементами (не часто), но главным образом – с его «сотрудниками», на политической почве: в Сербии аналогичное место «генерального представителя» занимал некто Василий Николаевич Штрандтман, когда-то масон его ложи, а в эмиграции – ультраправый, завязший в Белграде в Монархическом Совете и синодальной юрисдикции деятель; помощником этого мракобеса оказался тот самый Ксюнин, о котором я говорила в связи с концом Гучкова. В Чехии же в это время сидел в качестве русского представителя эмиграции член Земгора, человек с испорченной репутацией, не только в связи с денежными хищениями из отпускаемых ему чешским правительством сумм для нужд русских эмигрантов (обучения детей и лечения стариков), но и в связи с тем, что этот «брат» (которого незадолго перед тем пришлось «усыпить») повадился ходить в советское посольство в Праге в гости, и отказывался давать отчет в полученных суммах.

Теперь известно, что Маклаков был одним из тех масонов, которые после Октябрьской революции собирались в Петербурге в доме графини С.В. Паниной, только уже не в гостиных, а в погребке. Он был товарищем сыновей Льва Толстого по гимназии. Его переписка с Александрой Львовной до конца его жизни очень тепла и дружественна. Он называл ее Сашей, она его – Василием Алексеевичем. В Думе он был оратором, видимо – равным Родичеву.

Французы не очень знали, что с ним делать: сов. правительство они не признавали (до 1924 г.), сов. дипломатам, а вначале даже торговым представителям, въезд во Францию не разрешали. Между тем, он не мог представлять во Франции несуществующее Временное правительство. Он приглашался на официальные приемы, молча сидел на Мирной (Версальской) конференции и вел обширную переписку. В 1919 г. краткие надежды свои он возложил на возвращение России «в концерт великих держав», веря в Уфимскую директорию, где все держалось более или менее на двух (правых) эсерах – Авксентьеве и Роговском, — о последнем Мельгунов писал (значительно позже), как о человеке сомнительной репутации, который, приехав к Колчаку, был им арестован.

Переписку он вел с Бахметевым в Вашингтоне, М.А. Стаховичем в Мадриде, Д. Сазоновым в Лондоне, Гирсом в Риме. Гирс до 1922 г. был председателем Совета русских

¹²⁹ Почерк Маклакова был абсолютно неразборчив. В его архиве можно найти, по крайней мере, десять писем различных людей, которые ни одного слова не могут разобрать в его письмах. Для примера приведу здесь четыре свидетельства: Вольский пишет, что завтра купит лупу, чтобы его прочесть. Мельгунов пишет, что в будущий четверг он будет в Париже и зайдет к Маклакову, чтобы тот ему прочел свое письмо. Вишняк посылает ему обратно письмо и говорит, что зайдет, чтобы послушать его, т. к. прочесть он его не может. И я сама пишу ему, прося его дать письмо своей секретарше, чтобы она его напечатала для меня на машинке, и когда она присылает мне это письмо, то я вижу, что она из десяти строк разобрала только семь.

послов за границей. Переписка шла с приезжающими в Европу, после эвакуации из Крыма, с Врангелем, и с теми, которых выслали в 1922 г., а также со старыми знакомыми: Шульгиным, Григ. Трубецким, проф. Кизеветтером, И.И. Тхоржевским, М. Винавером, В. Оболенским, Н. Чебышевым. С этим последним, как и со Стаховичем, его связывала старая дружба, они были на «ты» и даже одно время жили вместе в Париже. Но сенатор Н.Н. Чебышев начисто отказался вернуться в ложи – он решил «уснуть» навсегда.

Маклаков усиленно поддерживал старания Кандаурова, служившего в посольстве, возродить масонство в эмиграции. Но позже близкого участия в ложах не принимал. Несмотря на это, оно привело его к аресту в годы германской оккупации Парижа.

В его переписке есть отклики русских эмигрантских дел первого периода: полного отчаяния, в которое впал Стахович, эгоизма Гирса, злости Сазонова, левизны Бахметева и деморализации кое-кого из менее видных царских дипломатов, чья тактика теперь была полностью заимствована у цыган: украсть сто рублей и убежать.

В 1924 г. Маклаков переехал из посольства на собственную квартиру, где прожил до конца своей жизни, на улице Пэги, в двух шагах от бульвара Монпарнас. Там он поселился с сестрой, Марией Алексеевной, никогда не бывшей замужем и обожавшей брата, и старой прислугой-француженкой. Однажды, году в 1935, я встретила там, на его именинах, «сливки эмиграции», включая семейство Шаляпина: Марию Валентиновну, его дочь от первого брака Стеллу, двух дочерей Федора Ивановича, и его самого. Но до войны и падения Парижа я бывала у Маклакова очень редко.

Как я подробно писала в «Новом журнале» (кн. 63, с. 157), Тургеневская библиотека в Париже, над созданием которой потрудились И.С. Тургенев и все семейство Виардо, была вывезена немцами в неизвестном направлении в 1940 году. В этот день я зашла туда случайно и сразу сообразив, что происходит, бросилась к Маклакову, чтобы просить его что-нибудь, если это возможно, сделать, чтобы остановить это расхищение. Я провела у него несколько часов, пока он звонил по телефону разным людям, и наконец нашел проф. Одинца (позже уехавшего в Советский Союз), который согласился пойти в советское посольство на улицу Гренелль и просить советского посла защиты перед германскими властями, с которыми в то время Россия была в дружеских отношениях. Мотивировка была придумана Одинцом: спасите библиотеку, потому что в этой библиотеке в свое время много работал Ленин. Из этого ничего не вышло. Одинец вернулся, и выслушав его рассказ, я ушла. Маклаков просил меня иногда навещать его. И я обещала.

В. Сухомлин, когда-то левый эсер, живший в это время в оккупированном Париже, и по-прежнему с утра до вечера сидевший в кафе Сен-Бенуа (которое он называл «Святым Бенедиктом»), около бульвара Сен-Жермен, позже вернувшийся в Советский Союз, стоявший тогда уже на советской платформе и глубоко презиравший эмигрантов, так описал свою встречу со мной в этой день:

«(Кругом сидели завсегда и Святого Бенедикта:) бывшая танцовщица Джин, англичанка в очках, с мужскими хватками, щеголяющая грубыми французскими словечками, она работает с начала войны шофером на грузовой машине Красного Креста; пришел ее постоянный собеседник и, если можно так выразиться, «единовец» Серж Набоков (брат писателя – Н.Б.), женственно изысканный питомец Кембриджа... Пришла взволнованная сотрудница милюковских «Последних новостей» (газета, конечно, перестала выходить в июне, а сам Милюков находился на юге, в неоккупированной зоне) и сообщила, что немцы захватили Тургеневскую библиотеку и заколачивают книги в ящики для отправки в Германию, невзирая на протесты библиотечного правления, состоявшего из видных русских эмигрантов. Парижская русская библиотека, основанная И.С. Тургеньевым, существует около 60-ти лет и содержит много ценных книг и даже рукописей».

(Сухомлин. Дневник. «Новый мир», 1965, № 11).

Я стала бывать у Маклакова в мои редкие наезды в Париж (на велосипеде) из деревни, где жила. Велосипед я оставляла на станции, приезжала на поезде, которые из-за бомбежек в тот год ходили нерегулярно. Он постепенно терял слух, пользовался каким-то допотопным рожком, в который нужно было кричать. Я старалась, как могла, развлечь его, просила говорить о прошлом. И он говорил. Но он уже был далеко не тем, каким я его знала до войны, его мучили немощи, и глухота, и одиночество, и вероятно, предчувствие ареста. Он был взят весной 1943 г. К Марии Алексеевне я потом заходила несколько раз, она стала сухонькой и прозрачной, и брала у меня домашнее варенье из черной смородины, которое он любил, для передач.

В тюрьме, где немцев он не видел, все делалось французами; его заставили написать «Записку» о русском масонстве, копия которой лежит в его архиве. Там он объясняет, что это было за тайное общество, имен не называет (они в это время все равно были все пропечатаны в «Journal Officiel», правительственном органе, контролируемом оккупантами): «потерявшие родину помогали друг другу», «на чужбине люди объединялись, чтобы вспомнить родину», «ни политики, ни каких-нибудь нарушений закона не было», — все только на почве личной, интимной привязанности, французы, которые его допрашивали, не хуже него знали все это. Его выпустили через четыре месяца. Он пришел домой. Ему забыли вернуть шнурки для ботинок, и он говорил мне, что вернули часы и брелки на цепочке, и слуховую трубу, а про шнурки забыли, и он сам забыл, и на площади Этуаль (почему он очутился на площади Этуаль, я забыла) он заметил, что волочит ноги.

Я нашла его постаревшим, исхудавшим и совершенно глухим. Помню, во время одного из моих последних посещений в конце лета 1944 г. мы говорили о масонстве Пушкина, и как Вяземский положил ему в гроб перчатку (или перчатки). Наталью Николаевну Жуковский и Вяземский, видимо, устранили от этой обязанности, — обычно это привилегия вдовы. Я спросила его шутя: «А кто же вам положит перчатку, Василий Алексеевич, неженатый вы человек!» А он, как-то грустно глядя на меня, ответил:

— Ну, вот вы и положите, Нина Николаевна.

Русские масоны начали собираться сразу после освобождения Парижа, не дожидаясь конца войны. С начала сентября 1944 г. появились вокруг Маклакова братья, и он стал центром этих сборищ: Тер-Погосян, Титов, Кровопусков, Татарин, Ступницкий. Через несколько лет к ним присоединились вернувшиеся из США во Францию Алданов, Рубинштейн, Альперин, Керенский. Собирались в пустынных кафе, где-нибудь подальше, где не могли встретиться русские, на «масонские завтраки», или «на чашку чая», в «Биотерапии» (лаборатория, принадлежавшая А.А. Титову), в особняке Лианозова (до его смерти), в квартире Тер-Погосяна, Ступницкого, самого Маклакова. Мельгунов, которого близко к этим собраниям не допускали, но который слышал о них, называл их «маклаковское общество», «маклаковцы». Вольского (профана) звали, но он все откладывал свой приезд из-под Парижа. «Вчерашнее собрание, — писал ему Маклаков — чисто масонское». Так продолжалось до конца 1940-х гг., когда были возобновлены «Северная Звезда» и «Свободная Россия» в теперь отремонтированном здании Великого Востока, на ул. Кадэ.

Незадолго до этого на одном из собраний Маклаков читал братьям свои «Еретические мысли», над которыми он тогда работал. Его слушали гости из Великой Ложи, которая тоже возрождалась в это время, и в этот вечер произошло первое после войны и разгрома объединение двух Послушаний, а несколько позже Тер-Погосян делал доклад о том, «что сейчас происходит в России».

(Письмо Маклакова Алданову от 12 февраля 1954 г.)

Но вернемся к 1945 году, когда Красная армия начала штурм Берлина. По этому случаю братья русской ложи решили навестить советского посла, в это время уже

водворенного на улице Гренелль, в помещении, хорошо знакомом Маклакову. Альперин был занят созданием «Общества сближения с Советским Союзом», и постепенно на одном из собраний присутствовавшие пришли к заключению, что необходимо поздравить сов. посла А. Богомолова, вернувшегося в Париж, а также секретаря Гузовского, с победой.

Предварительно получив разрешение из посольства, группа членов «Северной Звезды» и «Свободной России» в начале февраля отправилась на завтрак к советскому послу.

Визит в советское посольство в Париже 12 февраля 1945 г. видных представителей русской эмиграции был огромным событием в последний год второй мировой войны. Часть этих людей вернулась из подполья к себе в Париж, часть жила в Париже, скрываясь от оккупантов, кое-кто был арестован и отсидел во французской тюрьме под немецким наблюдением. Они пошли завтракать к послу А. Богомолову, чтобы поздравить его с близкой победой советского оружия и пить за здоровье Сталина. В США, в газете «Новое русское слово», была 7 марта 1945 г. напечатана длинная корреспонденция бывшего заведующего отделом биржи газеты «Последние новости» Я.Я. Кобецкого об этом посещении. Она приводится здесь с слегка сокращенными речами Маклакова и Богомолова. Кобецкий в группе не состоял, но сам он был масоном. Он знал лично всех, кто пошел к сов. послу (все без исключения были масонами). Одно время считалось, что И.А. Бунин состоял в группе, теперь известно, что Бунина в эти месяцы в Париже не было, — он лично три раза был у Богомолова, но уже значительно позже, когда вернулся в Париж с юга Франции. К этому надо добавить, что причиной его визитов была не столько победа советского оружия, сколько личные дела, связанные с изданием его сочинений в СССР: он хотел сам сделать выбор своих ранних рассказов, но ему этого не позволили.

«Новое русское слово», 7 марта 1945 г. стр. 1-2.

МИТРОПОЛИТ ЕВЛОГИЙ И В.А. МАКЛАКОВ ПОСЕТИЛИ СОВЕТСКОГО ПОСЛА БОГОМОЛОВА

(От парижского корреспондента «Нового русского слова» Я.Я. Кобецкого)

Русская политическая эмиграция в Париже в лице ее наиболее авторитетных представителей вступила на путь полного примирения с советской властью.

12 февраля советского посла Богомолова посетила делегация, во главе которой стоял представитель Эмигрантского комитета, В.А. Маклаков.

В делегацию, помимо В.А. Маклакова, входили следующие лица: Председатель «Союза Советских Патриотов» проф. Д.М. Одинец, А.С. Альперин, А.А. Титов, М.М. Тер-Погосян, В.Е. Татаринев, Е.Ф. Роговский и А.Ф. Ступницкий. Одновременно, по другому приглашению самого полпреда прибыли на рю де Гренелль адмирал М.А. Кедров, заменяющий ген. Миллера на посту председателя Обще-Воинского союза, и адмирал Д.Н. Вердеревский¹³⁰.

Делегация была принята послом Богомоловым и первым секретарем посольства А.А. Гузовским.

Со слов двух лиц, присутствовавших при свидании, передаем содержание речей, которыми обменялся В.А. Маклаков с Богомоловым.

Речь В.А. Маклакова

— Я испытываю чувства глубокого волнения и радости, что дожил до дня, когда я, бывший русский посол, могу здесь, в здании русского посольства, приветствовать представителя Родины и принять участие в ее борьбе с врагами-захватчиками.

Далее Маклаков подчеркнул, что за 27 лет существования эмиграции, существовали определенные предубеждения, создалась особая психология. Нужно время, чтобы исчезла несогласованность, чтобы сгладились все шероховатости и чтобы на основе любви к общей Родине вернулись взаимный контакт, понимание и доверие.

¹³⁰ Кедров был назначен Керенским 30 апреля 1917 г. морским министром. Вердеревский был назначен на то же место в сентябре.

Ответ Богомолова

— Когда эмигранты узнали, как немцы обращаются с русским населением, в них заговорило русское чувство, и они отхлынули от Гитлера. Этот момент был переломным в отношении советской власти к эмиграции. Власть увидела, что в эмиграции не угасло чувство патриотизма и чувство долга перед Родиной.

— Но я сразу хочу подчеркнуть, — продолжал Богомолов, — что есть огромная разница между русским патриотизмом эмигрантов и советским патриотизмом народов Союза. Союз, как таковой, выше России и союзный патриотизм выше русского.

— Смешение понятий русского и советского патриотизма сейчас вещь обычная. Эти понятия смешивает и журнал «Советский патриот». Но эмиграции нужно найти силу духа и разума, чтобы подняться до понятия советского патриотизма.

Обмен мнений

После речи Богомолова собравшиеся поочередно излагали в разной форме однородные по существу мысли и чувства. Все указывали на необходимость единения и общей плодотворной работы, в которой должны принять участие все культурные силы эмиграции. Один из членов делегации задал послу вопрос: что в современной сов. жизни в социально-политическом плане является незыблемым, не подлежащим изменению и что, возможно, подвергнется эволюции?

Посол ответил:

— Незыблемым, неизменным и вечным является отказ от личной собственности на землю, отказ от собственности на фабрики и заводы.

Члены делегации единодушно заявили о своей готовности к единению и о полном отсутствии какой-либо вражды к «Русскому патриоту»¹³¹.

Тост за Сталина

После речей и обмена мнений членам делегации был предложен завтрак «а ля фуршет». Первый тост провозгласил Богомолов:

— За доблестную Красную армию и ее вождя маршала Сталина!

Адмирал Кедров поднял бокал за Богомолова, благодаря его от имени всех присутствующих за только что пережитые исторические минуты.

Сенсация в русском Париже

Как ни велика была политическая эволюция в русской эмиграции, этот визит делегации во главе с В. А. Маклаковым и Н.А Кедровым произвел на нее потрясающее впечатление.

Делегации Маклакова предшествовал визит на рю де Гренелль в сов. посольство митрополита Евлогия, главы западноевропейской епархии.

В результате этого визита, в церковных кругах сообщают, что митрополит намерен оторваться от юрисдикции константинопольского патриарха и перейти в полное подчинение патриарху Алексию Московскому.

Я. Кобецкий.

Два человека из пошедших в советское посольство не были названы Кобецким — возможно, что они были вычеркнуты редакцией «Н.Р.С.». Это были Адамович и Маковский. Может быть, их имена были сняты по той причине, что они были «литераторами», а не

¹³¹ В архивах, где я работала, нет ни комплектов Советского патриота, ни сменившего его Русского патриота, ни Русских новостей. Все три газеты сменяли одна другую, но возможно, что какое-то время они выходили и одновременно. Какая газета подразумевается здесь, я не могу точно сказать.

«политиками». Адамович, при нашей последней встрече в парижском кафе Мариньян (Елисейские поля) в 1966 г., сказал мне о том, что он «жалеет, что ходил», и позже в своей книге о Маклакове (биографии, в которой он забыл упомянуть годы рождения и смерти В.А.М.) он писал, что «многие потом жалели об этом визите», и даже что «Маклаков позже жалел, что пошел к Богомолу»¹³². Что касается Маковского, то он был тем человеком, который летом, после возвращения Бунина из Грасса в Париж, устроил ему свидание с послом, и даже повез его сам в советское посольство. Алданов, который писал о Маклакове потом, вовсе не упомянул об этом его визите так, как если бы его и не было, может быть, по просьбе самого Маклакова, а может быть и потому, что вовсе не сочувствовал ему. Сам же Маклаков, несмотря на нападки на него в «Русской мысли» в конце 1940-х гг., когда в Париже начала выходить русская эмигрантская газета, никогда печатно не признался, что имел иллюзии, которые привели его к этой ошибке¹³³.

В архиве Маклакова в Гувере, как я уже сказала, имеются 18 ящиков (а возможно и больше), где хранятся письма к нему, написанные с 1918 до 1956 гг. Среди них есть и копии его ответов. Два периода особенно полно представлены: период после Первой войны и период после Второй. Официальная переписка времен Версальской конференции (1919 г.) с Бахметевым и другими послами, на толстой бумаге с двуглавым орлом, мною была только просмотрена. Но интимная переписка с ними, а также с бывшими министрами Временного правительства, мне известна. Как писал М.М. Винавер кн. Львову в 1919 г., о себе и своих: «Кадеты мечутся по Европе, а Маклаков у себя, как в крепости».

В этой крепости были моменты и трагические, и комические. Реляции Бахметева смешаны с тяжелыми личными проблемами М.А. Стаховича, посланника в Испании, не знавшего, как выжить в изгнании и скоро умершего – не от болезни, а от переживаний; Керенский из Лондона жалуется в Париж 1 октября 1918 г., что союзники не хотят признавать Уфимскую Директорию, и просит Маклакова нажать на французское правительство, чтобы Франция изменила свою ориентацию... До этого Маклаков обсуждал с ним «левизну генерала Алексеева». За этим следует написанный суконным языком запрос Савинкова, и тут же мрачное письмо бывшего сенатора Н.Н. Чебышева, еще недавно – масона, сообщающего Маклакову свое решение: «Все, к чему имеют касательство Львов, Вырубов и компания, для меня теперь неприемлемо», — пишет он, твердо решив никогда не возвращаться в ложи. Он жалуется на «фо-фреров», т.е. ложных братьев, которых приняли в тайное общество как-то не так, как полагается. «Не удивлюсь никаким их нескромностям», — пишет ему на это Маклаков. Чудом уцелевший «жандарм» Курлов запрашивает: на каком основании русский посол Маклаков окружает себя в Лиге Наций какими-то полубольшевиками (видимо, имея в виду бар. Нольде, Гулькевича и Рубинштейна), и кто платит им жалование? И откуда берутся деньги на помощь так называемой новоявленной русской эмиграции? На что Маклаков сухо отвечает: «Левые дают на Земгор, правые – на Красный крест» (1923). Тут же другой «жандарм» предлагает свои услуги, это М. Кунцевич из 8-го уголовного департамента царского министерства внутренних дел, намекая, что он не прочь поработать на Маклакова, если понадобится (они знакомы со времен процесса Марии Пуаре), и напоминая, что в 1917 г. прис. пов. Зарудный, тов. министра Керенского, без лишних церемоний пригласил его, Кунцевича, вернуться служить новому правительству, что он и сделал. (См. «Курсив мой», с. 363). Ядовитый И.И. Тхоржевский пытается защитить германофильство А.И. Гучкова и упрекает П.Б. Струве, который, по его мнению, «заходит слишком далеко, когда отрицает у Гучкова моральный стержень». Тхоржевский считает, что

¹³² «Раскаяние» Маклакова в печати не состоялось. Это будет ясно из последующего.

¹³³ Русская мысль никогда не могла простить Маклакову этого шага. Редакция в те годы состояла из четырех человек: В.А. Лазаревский (не путать с дореволюционным беллетристом, автором Души женщины). В.Ф. Зеелер. Водов и Полянский. До отъезда в США я заведовала литературной страницей и была репортером (по делу Кравченко и др.). В полемике с Маклаковым газеты я не участвовала.

у Гучкова какая-то особая способность «соблазнять генералов, сначала русских, потом немецких».

Сам Маклаков в одном из писем Винаверу признается, что для него «новоявленный сепаратизм народностей еще страшнее, чем даже большевики». И сообщает свою блестящую мысль: устроить при посольстве в Париже особый парламентский отдел, который будет влиять на французскую палату, т.е. на французских депутатов, и углублять смысл русской проблемы, через Пети и Нуланса (1919).

Между тем мы узнаем (1923), что многие общие знакомые живут совсем не плохо и, видимо, в ус не дуют: «Тхоржевский, Аджемов, Гукасов, Лианозов, Нобель продают свои акции, и довольно удачно».

Но этот первый период имеет к масонству только косвенное отношение. Наиболее важные масонские письма относятся к периоду 1945-1956 гг. Здесь мы видим, как целый ряд новых Маклакову людей вступает с ним в переписку: Карпович, Вольский и даже Николаевский, с которым до войны у Маклакова личных отношений не было. Тогда, в 1918-1925 гг., его рвали на части его коллеги, послы

и дипломаты, от Сазонова и Гирса до секретаря русской легации в Чили. Теперь его рвут на части уцелевшие масоны, пострадавшие от немецкой оккупации не-масоны, закинутые в США старые знакомые, рвущиеся домой во Францию, а также сидящие по тюрьмам за сотрудничество с немцами прежние его подопечные. Последних он оставляет без внимания, а старых знакомых делит на тех, которые простили ему и забыли его визит к послу Богомолу, и тех, кто все еще кипит негодованием. Из этих последних на первом месте, конечно, стоит Мельгунов.

Когда пошедшие к послу составляют декларацию, Мельгунов иронически спрашивает: делегация? от кого именно? Он возмущается главным образом тем, что маклаковцы все еще верят, что со Сталиным случился переворот. Мельгунов называет их визит «свидетельством об интеллектуальной нищете и крахе квалифицированной русской интеллигенции», а примирение со Сталиным – «маниловщиной». Он не унимается и говорит, что на Адамовиче «теперь почиет благодать советская».

Через пять лет Мельгунов делается редактором журнала «Возрождение», и предлагает Маклакову сотрудничать у него, — давая ему случай заставить русскую эмиграцию забыть о том, какая им была сделана ошибка. «И Вольский, и Зензинов уже печатаются в «Возрождении», — пишет Мельгунов. Но Маклаков воздерживается от такого шага, хоть в его письмах «друзьям» в США мы встречаем фразу: «Я часто завтракаю с Гукасовым»¹³⁴.

В ответ на запрос Б.И. Николаевского из Нью-Йорка, Маклаков пишет ему о попытке русских масонов в Париже добиться открытия лож в СССР. «Слышал я о такой попытке», — пишет он Николаевскому, — давая ему понять, что инициатива эта исходит не от него, а от других. «В этом видят способ привлечь на свою сторону американское масонство. Здесь к этому масонские круги отнеслись отрицательно и приняли меры, чтобы Альперина предостеречь. Но я слышал, что один масон уехал в СССР, это мог быть или Кривошеин или Одинец. Могу если хотите, узнать точно. Я сам там, в квартире Альперина, давно не бываю из-за глухоты».

Но, конечно, далеко не все писали ему из США, что они думают: некоторые молча отходили от него в сторону, и там, и в Париже: парижская эмигрантская газета «Русская мысль» началась в 1947 г. с большими трудностями и с очень малыми деньгами. Кое-кто стал приезжать во Францию после шести-семи лет в Америке. Иные, как М.А. Алданов, вели себя так, как если бы ничего не случилось, и никакого визита в советское посольство вообще не было. Он не упоминает об этом факте ни когда пишет письма Маклакову, ни когда пишет о нем. И молчит о том факте, что Маклаков одно время был сотрудником «Русских

¹³⁴ А.О. Гукасов был владельцем конторы на Енисейских полях, богатым человеком и издателем Возрождения, сначала газеты, а затем – журнала.

новостей», которые субсидировались сов. посольством. (См. № 2, апрель 1945: «Советская власть и эмиграция»). Третьи довольны поведением Маклакова и требуют дальнейшего сближения с советским послом, — этих постепенно французские власти высылают на родину, некоторые из них уезжают по собственной инициативе.

Последний раз тема злосчастливого визита вспыхнула в марте 1949 г., когда на процессе известного невозвращенца В.А. Кравченко адвокат противной стороны, т.е. французской коммунистической газеты, Блюмель, в громовой речи, потрясая кулаками, напомнил публике, что советская власть теперь совершенно переродилась, и что «в Париже все эмигранты пошли в сов. посольство, во главе с самим бывшим русским послом, и пили за здоровье Красной армии и Сталина, и им всем было позволено вернуться на родину». (См. отчет с процесса Кравченко 1948-1949 гг. «Новое русское слово», Нью-Йорк и «Русская мысль», Париж. Репортером была Н.Б.). Когда отчет этого судебного заседания был напечатан, редактор сов. газеты в Париже (Ступницкий) заявил, что этого никогда не было, и что репортер «Русской мысли» весь инцидент в зале суда выдумал.

Николаевский Маклакову писал часто, и тот на все запросы отвечал. Он послал ему в США, по его просьбе, список людей, работавших с немцами, в разной мере замешанных в «коллораации»:

Горчаков (?) – «метивший в редакторы на место Милюкова», т.е. «желавший заменить «Последние новости» своей про-немецкой газетой». Не ошибся ли Маклаков, желая назвать Жеребкова, русского гаулейтера, во время оккупации?

Модрах – лицо неизвестное.

Ген. Головин, Д.П. Рябушинский, Илья Сургучев (автор «Осенних скрипок», готовивший себя в будущем председателем Союза русских писателей в «освобожденной Гитлером России»).

А.Н. Бенуа, поместивший отрывок из своих воспоминаний детства в каком-то русском периодическом издании.

С.М. Лифарь – танцевал «Жизель» и другие балеты в парижской Гранд-Опера при оккупации.

Второй список содержал имена лиц, погибших от рук немцев: Мать Мария, Пьянов, Бунаков-Фондаминский, Апостол, Трахтерев, Вольфсон, Левин.

«Пропавшие библиотеки» – Бунакова, Шефтеля, Ходасевича, Осоргина, Тургеневка и т.д.

Люди, умершие собственной смертью: Милюков, Переверзев, Бурцев, П.Б. Струве, Тесленко, Бернацкий, К.К. Миллер, Осоргин, С. Булгаков, Коковцев, Калишевич.

Тут же, в одном из писем Николаевскому, — рассуждения Маклакова о «трех группах» русских эмигрантов в Париже: 1-я – «непримиримые» – Мельгунов, Церетели, правые и левые. 2-я группа – «советские патриоты», бывшие эмигранты, навещающие сов. посольство и собирающиеся в Россию – их имена М. не дает. И 3-я группа: центральные. Себя он включает в эту третью группу.

Жизнь его в эти первые годы после тяжелых военных лет была невеселой: старение, прогрессирующая глухота, смерть близких, одиночество и страшные годы в России – последние годы Сталина, все способствовало некоей меланхолии, которая начала развиваться в нем. В дни его юбилея (75 лет) «Русские новости» поздравили его, как близкого друга и единомышленника, а «Русская мысль» требовала от него письма в редакцию, что он с советской газетой в Париже ничего общего не имеет. Но он не сумел ответить на это и еще больше раздражил своих критиков, вдруг проявив какую-то неожиданную вялость мысли. Когда-то он мечтал «хоть как-то сговориться с Витте», потом «хоть как-то согласиться со Столыпиным» (обоих он, конечно, знал лично), теперь он «хоть как-то» хотел примирить с собой когда-то ему близкую старую эмиграцию, но печатно это сделать не мог и не хотел, и как-то по секрету, частным образом, старался починить, что было сломано.

Теперь он уже не скрывал, что вместо яда дал Юсупову порошок из двух облаток аспирина, что родился в 1869 г., что не видит, как остановить крушение старого мира, и

потерял связь с современностью.

В 1948 г. на одном из своих редких публичных выступлений он, выслушав кого-то (у него теперь был американский аппарат и он мог слышать, что говорят другие), сказавшего из публики, что «одним Евангелием, как собирается сейчас сделать Керенский, нельзя восстановить Россию», он нервно и плохо владея собой, сказал с эстрады:

— Если Бога нет, и нет бессмертия души, то что же нам остается? Только конституция Джефферсона?

И тогда на это отозвался спокойный голос из дальних рядов:

— Да! Дайте нам только конституцию Джефферсона!

Но дальних рядов он, конечно, слышать не мог¹³⁵.

Переписка его с 17-ю масонами чрезвычайно интересна, и «старых времен», и «второго периода». Почтовое сообщение между старым миром Европы и новым миром за океаном было налажено к весне 1945 г. В это время до Керенского в Нью-Йорке доходят слухи, что Маклаков начинает жалеть о своем визите на улицу Гренелль, и он этому не может не сочувствовать. Он радуется, что Маклаков «уходит от своих иллюзий», и Маклаков оправдывается: «Наша группа была создана (от Ступницкого до Тер-Погосяна) спешно, и дали знать, что хотят идти в посольство (местоимение опущено: мы или они?). Богомоллов назначил день. Председатель – Альперин (группы? Или Общества сближения с Советской Россией?)». О газете «Русские новости» – «она соответствует нашей группе» – Маклаков короткое время сотрудничал в ней, как и Бердяев. В 1958 г. Керенский, узнав о смерти Терещенко, спрашивает, «не осталось ли после смерти Терещенко каких-либо бумаг», и делится с ним своими мыслями о религии и о «вере современного человека в машину».

Переписка с Б.И. Элькиным (Лондон – Париж, 1940-е гг.) главным образом касается тяжбы наследников Милюкова (ум. 1943). Элькин, редактировавший последний (посмертный) том «Воспоминаний» Милюкова, а позже – книгу Адамовича о Маклакове, был к тому же и душеприказчиком Милюкова. С Маклаковым он обсуждает, «что делать с посольским золотом» (три миллиона золотых рублей), лежащим в лондонском банке с 1920 г. Об этом 25 лет тому назад уже запрашивал Маклакова Бахметев: «Где они?» Бахметев, который был против белого движения, видимо, беспокоился, что они будут переведены генералу Врангелю, но насколько можно понять из сумбурного обмена письмами, часть их была переведена в свое время Колчаку. Теперь Элькин советует Маклакову перевести золото в Швейцарию. В 1949 г. он сообщает Маклакову, что «с огромным трудом удалось получить разрешение перевести золото в Швейцарию».

Элькин был членом комитета помощи А.И. Коновалову, и 11 сентября 1947 г. он пишет Маклакову: «Терещенко, как и Бахметев, ассигновали 5 тысяч франков для А.И.», и 6 июля 1948 г. опять: «Если Терещенко будет давать в течение года по 10 фунтов стерлингов в месяц, то дело будет иметь фундамент». 28 июля 1946 г. он сообщает Маклакову в Париж свое впечатление от Ступницкого, которого Элькин видел в Лондоне: «Я отчетливо ощутил перед собой Смердякова», а 28 декабря 1949 г. он, узнав о том, что советская газета на деньги посольства кончилась, и начали выходить «Русские новости» (тоже под редакцией Ступницкого), неожиданно спрашивает: «Неужели же хоть раз в неделю не может он, Ступницкий, продолжать ее?»¹³⁶

Переписка с Е.Д. Кусковой началась у Маклакова рано. Они, разумеется, знали друг друга еще до первой войны. Еще в Берлине, в 1920-х гг., Кускова в письмах начала беспокоиться о Гучкове: «Если увидите в Париже Гучкова, передайте адрес наш ему. Он звонил нам на Хенель-штрассе, когда нас там уже не было» (1920 г.). И несколько позже:

¹³⁵ Я была в зале, но к Маклакову не подошла и после февраля 1945 г. никогда с ним больше не встречалась.

¹³⁶ Эта фраза неясна, в ней есть противоречие, но так – в подлиннике.

«Где А. И. Гучков и что делает?» И опять: «Куда девался Алекс. Ив. и почему умолк как-то?»

К середине 1930-х гг. Гучков уходит с ее горизонта – она узнала, что он навсегда «усыплен», и о нем надо забыть.

Теперь начинают следовать новости из Праги в Париж, из которых одна весьма ценная: в письме от 3 марта 1936 г. она пишет, что Н.И. Бухарин был проездом в Праге, после того, как побывал в Голландии и Германии, и объявил о своей лекции на русском языке. Зал, в котором обычно происходили эмигрантские собрания, был переполнен (трудно понять по письму, сколько он вмещал человек, по-видимому, не менее 300). «Под конец, — пишет Кускова, — он сделал (на эстраде) символический жест (т.е. масонский салют), придрался к случаю и сказал: «Ведь вот сидящий тут Егор Егорович Лазарев (правый эсер) хорошо помнит, как мы...» А когда лекцию окончил, направился в упор к Лазареву, жал ему руку... Что это значит? Что Бухарин был масон? Вряд ли. Но он знаком давал знать аудитории, что есть связь между нею и им, что прошлая близость не умерла. Через два года на московском процессе Бухарина судили. Конец его известен.

Письма конца 1940-х гг. отчетливо показывают ее политические настроения: в это время Маклаков, как и некоторые другие эмигранты, не сочувствовали тем советским пленным и вывезенным из России немцами русским, которые не хотели возвращаться домой. В своих письмах Маклакову она пишет, что старается объяснить швейцарским властям, что русских – бывших пленных или ушедших с немецкой армией из России, или увезенных на работы в Германию, которые почему-то хотят остаться в Европе, надо отсылать назад, что их Родина ждет и примет с радостью, что там они будут дома, а не жалкими безродными беженцами, затерянными в чужих странах¹³⁷. Она, переехав из Праги в Женеву, не может понять, почему эти люди прячутся, как могут, от властей, и когда случайно встречает их, объясняет им, что им необходимо вернуться на родину, чувствуя при этом к ним враждебность, и не стараясь ее даже побороть.

В 1945 г. Ступницкий поехал навестить ее, и он очень понравился ей. Она согласилась сотрудничать у него в газете и жалуется, что Элькин собирается вчинить ему иск за то, что он взял милюковское название «Последние новости» для своих «Русских новостей». В начале 1950-х гг. она переходит к сплетням: «Бунин в своем доме, в Грассе, строил против Зурова баррикады», «Вельмин увлечен доставкой в Америку разных архивов», «Панина сделала черную работу для А.И. Толстой в ее книге «Отец». В 1954 г. она решила написать статью о Горьком: «Опустила все места, где была замешана Ек. Павловна. Она еще жива, а живых «там» трогать боюсь. Опустила также период его отношений с баронессой Будберг. Эта женщина противная и насквозь фальшивая. Но уж за нее обиделся бы Вас. Вас. Вырубов. Не знаю, почему он дружит с ней? В Женеве она все пыталась познакомиться с нами. Но я решительно это отвела».

Затем очередь доходит до М.Ф. Андреевой: «Алексей Стахович, брат Михаила, восхищался М.Ф. Андреевой и ее глупостью, и называл ее «мимозой». И посмеивается над Керенским, который не знает политического выхода, кроме Нагорной проповеди.

Маклаков отвечает ей в спокойном, даже холодноватом тоне, посылает ей в 1945-1946 гг. свое «Необходимое разъяснение»¹³⁸ (о визите к Богомолу), объясняет ей, кто был германофилом в эмиграции, до войны Германии с Россией (адмирал Кедров, ген. Головин). Сообщает ей о собраниях «маклаковской группы»: «9 декабря 1952 г. Вчера было собрание у Т(ер)-П(огосяна). Доклад делал (приехавший из США) Зензинов», и терпеливо объясняет ей, в связи с ее внезапной неприязнью к Элькину, французский закон о наследовании: «Дела Нины Васильевны (вдовы Милюкова) не блестящи»¹³⁹.

¹³⁷ Кускова, однако, к себе в Прагу не вернулась и осталась жить в Женеве.

¹³⁸ Насколько я могла установить, это разъяснение не было опубликовано. Но поручиться в этом не могу.

¹³⁹ Закон наследования во Франции определяет детям львиную долю имущества и только малую долю

* * *

Письма Ариадны Владимировны Тырковой гораздо более сдержанны, умны, и менее подвержены бесконтрольным эмоциональным выпадам: у Тырковой было чувство юмора, и это помогало ей сообщать Маклакову такие новости (в 1919 г.), как: «Совет Послов обратился к Чичерину, прося его не уступать Дарданеллы союзникам». На сообщение Маклакова о том, что визит к Богомолу продолжался два часа с половиной, и что он собирался навестить его, Богомолова, еще до его приглашения, когда посол ему особо подчеркнул, что он хотел бы непременно видеть у себя Кедрова и Вердеревского, Тыркова спрашивает его: «Что об этом скажут Ваши друзья-масоны?» И даже о масонстве она говорит без торжественной серьезности: вспоминая Маклакова в 1905 г. у нее в доме, на званом вечере, она пишет, что войдя он сделал масонский знак:

«Кто-то из моих гостей так истолковал Ваш жест. Сейчас, 50 лет спустя. Вы берете это всерьез, употребляете Ваше выражение «нарушать доверие». В те времена к масонству относились иначе, чем теперь, с усмешкой, а не с ненавистью. В 1904 – 1905 гг. я слышала не раз толки о том, как Ковалевский набирает членов в свою ложу». Слово «Ареопаг» приводило ее в веселое настроение: «Мы с Вами были членами двух Ареопагов!» (т.е. кадетской партии и ложи). Это название «тайного общества в тайном обществе», где сидели только Досточтимые и Премудрые, и о равенстве было забыто, вызывало ее улыбку.

Есть правда в ее словах: серьезность появилась в масонстве только после тяжелых поражений 1917 г., и вспоминая их, Тыркова сама теряла чувство юмора.

Ее удивляет, что в ограде православного собора на улице Дарю водрузили красный флаг. Маклаков отвечает ей, что это так и надо, потому что был праздник победы над Германией, и если бы не было флага, это была бы демонстрация. Вероятно, он был прав, но... «разве церковь не отделена от государства?»

* * *

Бесспорная ценность писем Алданова к Маклакову в том, что они открывают нам картину масонского предсмертия. Оба умерли в 1957 г., и о своем близком конце, если и думали про себя, друг другу не заикались, но конец масонства был ими осознан вполне, — может быть, Алдановым сильнее даже, чем его корреспондентом, которому оставалось два года, чтобы дожить до девяноста лет.

Такт и мера в характере Алданова не были врожденными чертами, они были им благоприобретены. Он создал их в себе, он всю жизнь заботился о своей «гештальт», образе, который он проецировал на других, образе «европейца», цивилизованного члена цивилизованного века, так или иначе не позволявшего себе проявлений эмоций дикаря, ошибок дурака, дурных манер и слишком искренних исповедей. Алданов не подозревал, что кое-кто, особенно из «молодых», над ним посмеивается, и продолжал называть Толстого «граф Лев Николаевич», напоминать при каждом удобном случае, что «Иван Алексеевич» получил премию Императорской, а не какой-нибудь советской, Академии за перевод «Гайаваты», что раз «Павел Николаевич» сказал, что это – так, спорить с ним было бы неуважительно. Еще в 1937 г. Алданов нашел тон переписки с Максаковым:

«Я сейчас пишу статью... Можно упомянуть о Вашем устном рассказе, как Вы беседовали в 1917 г. с ген. Алексеевым? Помнится, он признал невозможным сотрудничество с Романовыми».

Алданов, конечно, был в ужасе от визита маклаковской группы к Богомолу, но тем не менее 11 июня 1945 г. он писал из Нью-Йорка А. Титову, что «Василий Алексеевич написал прекрасное письмо об их хождении». В архиве есть письмо Маклакова к Алданову, помеченное 10 мая (года нет), это то письмо, о котором Алданов сообщает Титову.

Маклаков, полу-оправдываясь, писал ему:

«Я невольно вспоминаю 41 год – поход Гитлера на Россию для ее «освобождения от большевиков». У нас никакой силы не было, но нам приходилось решать, на чьей мы стороне. И несмотря на общую ненависть к Советам, зародилось течение, которое в этой схватке стало на стороне Советской России. Никто не был уполномочен решать это за эмиграцию, но, посреди официального германофильства, возникло течение за предпочтение Сов. России – Германии. Оно публично не могло выступать, но сами собой подбирались единомышленники так, чтобы не было огласки; собирались побеседовать за чашкой чая, то у меня, то у Ступницкого, то у других. Несогласные отходили, согласные приглядывались и оставались. Так зарождалась группа, которую сначала связывали с собственными именами, потом она выпустила печатную листовку, которую подписали самозванным именем.

В 1945 г. группа ходила к Богомолу, потом задумала оформить себя в Общество сближения с Советской Россией, чтобы (неразборч.: распасться? закрыться?), как только Советы пошли не по нашей дороге».

Конца письма в архиве нет, нет и подписи, это – машинопись, лицо и оборот, видимо – копия, которую Маклаков оставил себе.

Из их переписки, начатой в 1930-х гг., становится бесспорным, что Маклаков предпочитал встречаться уже в эти предвоенные годы с «друзьями» у близких друзей на дому, или в кафе, или ресторане, но не в здании на ул. Кадэ. Встречались у Фондаминского (Бунакова), у Софьи Григорьевны Пети, в квартире самого Маклакова. До войны Демидов и Зензинов также входили в эту небольшую группу. В 1948 г. Маклаков официально возвращается в ложу, и в 1950 г. круг людей ему близких суживается до 10–15 человек: одни и те же имена начинают повторяться в письмах к Алданову и Алданова к нему. Среди них: Вырубов, Элькин, Тер-Погосян, Титов, Альперин, Керенский. В это же время в письмах обоих возобновляется камуфляж, столь привычный в переписке масонов, и постоянная оговорка о новом завербованном члене группы «хотя он и не масон», или «он, как Вы знаете, конечно, не масон»: «Хотя АА. (Титов) и не масон, его надо привлечь». В это время и Титов, и Вырубов думают о создании некоего «совещания», где можно будет говорить о текущих событиях: «Нет причин, — пишет Алданов в 1956 г., — придавать такому совещанию именно масонский характер». (Но, конечно, без обращения в газеты!). А событий немало, и одно из них – довольно неприятное: на съезде советских писателей в Москве Федин под шумные аплодисменты объявил, что Бунин перед смертью стал советским гражданином. «Все потребовали, — пишет Алданов, — чтобы В.Н. Бунина это опровергла, она не захотела» (Бунин умер за три года до этого). И Алданов не понимает: Почему? Она не скрывала: запретил ей это Зуров.

Теперь и Алданов начинает предпочитать «маленькую группу». На улице Кадэ закончен ремонт, но там стало так неуютно: двери широко открыты, чужие люди входят и выходят, все тайны описаны в книгах, символы расшифрованы, описаны ритуалы и имена опубликованы. Братья в палате (теперь – Генеральная Ассамблея) уже имеют не сотни мест, а всего десятка два. Кое-кто из новоприезжих просится в масоны, но как они оказались здесь, в Париже? Кто знает, что они делали до этого, и где? Некоторых берут в Ученики, но проходит и три, и четыре года, а они все еще не могут пройти в Подмастерья, и в ложах нет Мастеров, и значит, никакого Ареопага создать невозможно. Этого никакой Устав не

предвидел: некого послать в Совет, в Консисторию, на Конгресс... Но где этот Совет? И будет ли Конгресс? У кого есть время разучивать ритуальные диалога и делать доклады? И что осталось от свободы, братства и равенства?

Брат Газданов, вышедший недавно в Тайные (3°) Мастера, пишет Маклакову, что никто вокруг него не знает, о чем писать, чтобы получить следующую степень. Им кажется, что церемонии, диалоги и ритуалы хорошо бы было сократить, они только отнимают время. Среди них есть уже «третье поколение» эмигрантов, и братья «второго» кажутся новоприбывшим стариками. Общего разговора не получается: одни окончили французский лицей, едва говорят по-русски, другие – «перемещенные лица» и ничего не окончили. И что делать, если между ними попадутся «власовцы», носившие немецкую форму? Куда их девать?

Неравенство теперь сказалось во всей своей силе. Оно было всегда: когда армяне отказывались идти в одну ложу с торговцами ковров, будучи банкирами, а евреи – адвокаты и члены Гос. Думы не хотели знать, что делается в ложе скорняков и портных, все еще повторялась лицемерная формула 1789 года. Но теперь и формула развалилась, и это – тайна, которую надо спрятать, которую нельзя открывать профану. Трудно поверить, чтобы оба, и Маклаков, и Алданов, не понимали этого положения вещей. Маленькая группа в уютной квартире Пети или в пустынном, тихом кафе на тихом перекрестке, где «гарсон» знал каждого клиента и подавал ему не дожидаясь его заказа, где Керенского звали «Monsieur le President», а Маклакова – «Monsieur l'Ambassadeur», становились каким-то чудесным преддверием небытия для кучки людей с их игрой во что-то, чего в реальности уже не существовало. Алданов формулирует очень точно, почему необходимо продолжать эти встречи, не дать кружку распастыся: «надо оставить след», «поговорить», «обменяться мнениями», и может быть, попозже «опубликовать в брошюрке, просто так, для памяти»... Через два-три года ни его самого, ни половины его «друзей» не было в живых.

Но он очень хотел, чтобы кто-то «вел запись», «чтобы не пропало для будущего», чтобы собирались люди «надежные и не болтливые». Может быть, уговорить кого-нибудь из «близких» (например – Вольского, который так слаб, что почти уж и в Париж не ездит). Алданову приходит в голову соединить оба Послушания¹⁴⁰, он спрашивает Маклакова, нельзя ли как-нибудь их объединить, он продолжает называть их «обидианс». Кое-кто, видимо, тоже подумывает об этом. Ермолов – не масон, как сообщает Алданов Маклакову на всякий случай (его как раз в это время возводят в Мастера Великого Востока), проявляет большой интерес¹⁴¹. О нем мало что известно, он скоро неожиданно умирает. Но оба корреспондента не уверены, что на ул. Кадэ им будет оставлено помещение, там – не до них, у французов свои заботы. Может быть, Маклаков может что-нибудь устроить с французами. И дальше: «Они ведь все у Вас бывают».

Вместе с этим замечаются два явления: собрания интимные делаются все интимнее: «У Тера мы были вчетвером», и они делаются все менее и менее живыми: «В пятницу у Альперина ничего особенно интересного не было. Это была первая встреча людей, которые так часто встречались, что едва ли могут сказать друг другу нечто новое и неожиданное». На

¹⁴⁰ Мысль о слиянии двух Послушаний была не только у Алданова, но и у Вырубова. Если в Ареопагах больше не было ни первого, ни второго поколений, то соединение двух Уставов могло произойти только неофициально, т.е. на «домашнем» или «интимном» уровне, но никак не на законном основании. Даже весьма редкое присутствие Вольского в кафе доказывает, что «кафейные» встречи, на которых этот «профан» сидел среди Премудрых Ареопага, мало имели общего с тайными собраниями потомков розенкрейцеров. См. короткий список присутствовавших на одной из последних «сессий», в конце 2-й главы этой книги. Вряд ли среди этих людей (где нет ни одного Премудрого, не говоря уже о Досточтимых), хоть один мог быть привлечен в группу уходящих со сцены ветеранов русского масонства. Что до Великой Ложи, то дела обстояли если не хуже, то так же, как и в Великом Востоке.

¹⁴¹ «Здесь был Ермолов, говорил мне о планах Вырубова объединить русские ложи обеих обидианс», писал Алданов в одном из последних своих писем.

некоторых собраниях бывал и Вольский. 14 марта 1954 г. Алданов сообщает Маклакову: «Были обычные: Титов, Вольский, Михельсон, Берлин, Вельмин, Рубинштейн. Не было Кантора и Татаринова».

Алданов теперь поселился в Ницце и обсуждает с Маклаковым статью «нового эмигранта» Бориса Ширяева, в черносотенном «Знамени России», № 109. Статья о масонстве и фельетонах Аронсона, и «о нас обоих», пишет Алданов, но у Маклакова теперь новая забота: он решил писать автобиографию и не знает, как ее писать: о детстве и семье – просто, но потом? «Как можно писать о себе? – спрашивает он. — Выходит так интимно! Не могу... Слишком трудно...»

На это жалуется и Кускова в письмах, и другие – о себе писать они не умеют. Поздневикторианское воспитание запретило говорить о себе самом и не научило, как подойти к собственной молодости. Вспомним, как Бердяев в «Самопознании» перешел от детства к «идеям», интересовавшим его, как мучился Добужинский, как сказать о том, что всегда должно оставаться тайной. И А.Н. Бенуа просто перешагнул через молодость, напрямик к Дягилеву, к «Миру искусств», к выставкам, Петербургу, Парижу и прочему.

И Маклаков, от детства и семьи, сразу идет к Государственной Думе и кипению в обеих столицах. Он решительно отказывается от всяких даже намеков на свою истинную личность, как бы зажав все это, задавив, в предвидении жадного потомства. И выютюжив все, что в глубоком сознании (и подсознании) беспокоило его когда-то.

За год до смерти Алданову исполнилось 70 лет. Начались торжества. «А.С. Альперин хочет, чтобы я приехал и выступил на ул. Кадэ в день моего семидесятилетия, — пишет он из Ниццы Маклакову. — А.С. еще предлагает позавтракать частным образом: 6-7 человек, из которых Вас, естественно, называет первым. Это я принимаю с большой радостью». Но от торжества в храме Великого Востока он категорически отказывается: «Я не буду в этот день и в ближайшие за ним в Париже». Его больше не соблазняют ни храм, ни церемонии, ни агапа – вся эта декорация, видимо, перестала пленять его, и Маклаков не настаивает: можно посидеть в «Био-терапии» у Титова, можно чем-нибудь перекусить в старом кафе, можно собраться в «Труа-з-Обю» на Порт де Сен-Клу, там теперь уже никого не встретишь, не то что раньше, там теперь никто не бывает, все умерли... Немногим живым осталось только «обмениваться мнениями», да мечтать о «брошюрке», в которой, может быть, их можно будет зафиксировать. В конце концов – братья всегда любили обмениваться мнениями: М.М. Ковалевский обменивался мнениями о мировой политике с Сеншолем и Буле, о новейших веяниях в музыке с «русским Листом» – Антоном Григорьевичем, о современной русской поэзии Надсона – с Вас. Ив. Немировичем-Данченко, о живописи так называемых «импрессионистов» с Ярошенко («Всюду жизнь») и Саврасовым («Грачи прилетели»), и о будущих возможностях воздухоплавания – с Яблочковым. Он также любил пофилософствовать о человеческих страстях со своей родственницей, знаменитой математичкой Софочкой, с которой – как сплетничали злые языки – у него «так ничего и не вышло».

Г.Я. АРОНСОН

Меньшевик «второго поколения»¹⁴², Аронсон, как масон, очень рано «уснул», может быть, был Г, а может быть, только «кандидатом»: меньшевики считали масонов «дилетантами», а себя «профессиональными политиками». Будучи в центре группы «Социалистического вестника», основанного еще Мартовым, он не хотел, а может быть и не мог состоять в тайном обществе. О масонах он позволял себе изредка писать: в «Новом русском слове», а также в одной из своих книг. Он открыл немного, но и то, что он открыл, пробудило интерес к тайному обществу среди профанов, а среди масонов вызвало сильную

¹⁴² Т.е. вступивший в партию РСДРП после официального раскола ее на большевиков и меньшевиков.

тревогу. Его ценный двухтомный труд «Книга о русском еврействе» страдает крупными недостатками: вместо имен и отчеств поставлены инициалы, годов рождения и смерти – нет. В его книге «Россия накануне революции», где одна глава посвящена масонству, фамилии масонов и не-масонов указаны неверно. В беседах со мной он признал свои ошибки. Исправлять их было поздно.

Наше знакомство началось довольно оригинально: моя первая критика, за подписью «Н.Б.», была напечатана в газете «Дни» (Берлин, 1923). Это была заметка о его книге стихов «Мир издалека» (может быть, тоже первой, но я не уверена). Она тогда только что вышла. Это был мой первый шаг в литературной критике, но он не привел к личному знакомству, и Аронсон забыл обо мне так же, как я о нем.

Личные отношения начались только в 1940 г., благодаря его письму ко мне. Он писал:

18.5.1940.

Многоуважаемая г-жа Берберова,

Основание к моему обращению к Вам дала мне газетная заметка о предстоящем вечере в память В.Ф. Ходасевича, в которой упоминалось Ваше имя. Дело, о котором я пишу Вам – давнее, и мне хотелось запросить о нем Вас вскоре после смерти В.Ф. Делаю это с опозданием сейчас, несмотря на мало подходящее для этого время, побуждаемый к тому некоторыми обстоятельствами личного характера.

Насколько я знаю, покойный В.Ф. в течение долгих лет лелеял мысль об издании скромного поэтического наследия, оставшегося от Муни¹⁴³ (С. В. Киссина). Почти 20 лет тому назад, еще в Москве, мне привелось об этом слышать от самого В.Ф. Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы могли осведомить меня, в чьих руках находятся сейчас стихи Муни и как можно было бы получить к ним доступ.

Я интересуюсь этим вопросом не только потому, что всегда был поклонником поэтического таланта Муни, но потому, что в давние молодые годы, особенно 1905-09 гг., меня связывали с ним тесные дружеские отношения. Неоднократно мечтая об издании его книжки стихов за границей, я оставался при этих мечтаниях гл(авным) обр(азом) потому, что все время рассчитывал, что при той особенной теплоте, с которой к Муни относился В.Ф., последнему удастся осуществить этот замысел.

Сейчас, конечно, все сложилось с наследством Муни крайне неблагоприятно. Тем не менее, я хотел бы попытаться сделать то, что не удалось В.Ф., — т.е. приложить все усилия к изданию его книги. Лично я не располагаю для этого средствами. Но у меня есть связи и возможности, — притом в кругах, обычно мало доступных нашим эмигрантским литераторам.

Если бы мое имя Вам было совершенно неизвестно, позволю себе сослаться в качестве рекомендации на нашего общего знакомого М.В. Вишняка. Хотя я и вхожу в Союз журналистов, тем не менее я живу особняком от эмигрантских кругов (сотрудничаю в «Социалистическом» Вестнике» и в еврейской социалистической печати, гл(авным) обр(азом) в Америке).

Заранее благодарю Вас за скорый ответ. Прошу Вас простить меня за причиняемое беспокойство.

С искренним уважением Григорий Аронсон.

Это письмо было написано меньше чем за два месяца до вступления немцев в Париж. Я успела ответить ему. Он очень скоро оказался в США. Тут я лично познакомилась с ним, вскоре после моего приезда, в ноябре 1950 года.

¹⁴³ Муни (настоящее имя – Самуил Викторович Киссин) – друг молодости Ходасевича, поэт-символист, был женат на сестре Брюсова, Лидии Яковлевне. О нем см. В.Ф. Ходасевич. Некрополь, Париж, 1976, с. 111-117.

В 1959 г., между 8 и 12 октября, в нью-йоркском «Новом русском слове» были напечатаны его статьи о масонстве. Приблизительно в это же время я начала составлять каталог масонских имен. В 1962 г. эти же статьи были перепечатаны в его книге «Россия накануне революции». Весной 1967 г. я написала ему письмо, после нескольких встреч в Нью-Йорке¹⁴⁴.

Принстон, 4 февраля 1967

Многоуважаемый Григорий Яковлевич, я бы очень хотела встретиться с Вами, чтобы поговорить на одну важную тему в связи с интересом одного моего аспиранта (кандидата на доктора философии) к прошлому русского еврейства. Ваша книга на эту тему у меня есть, а английское ее издание я заказала для нашей библиотеки, и оно сейчас уже пришло. Может быть, мы могли бы поговорить в Публичной Библиотеке, если Вы там бываете, или Вы разрешите приехать к Вам домой.

Если Вас не смущает расстояние (полтора часа на автобусе), то я была бы очень рада видеть Вас у себя. Вы могли бы приехать к завтраку, скажем к часу, выехав из Нью-Йорка в И ч. 30 м. с «Порт Оторити», на 8-й авеню. Обратное в любое время есть автобус в Нью-Йорк.

Черкните мне, что бы Вы предпочитали. Можно было бы устроить встречу в ближайшее воскресенье, часа в 4 – это если Вы захотите, чтобы я приехала к Вам. Или, если Вы заняты, я бы могла приехать в Нью-Йорк в пятницу, 17-го. Буду Вам очень благодарна, если Вы мне напишете, а я тогда, получив Ваше письмо, позвоню Вам отсюда по телефону, чтобы подтвердить встречу.

Заранее Вас благодарю за внимание к моей просьбе.

Но в это время он уже приехать не мог. Насколько я помню, первой заболела и скончалась его жена. Он предпочел, чтобы я приехала к нему, что я и сделала.

Марта 4, 1967

Многоуважаемая Нина Николаевна.

Меня на днях оповестили, что в Библиотеку Принстонского университета послан экземпляр «Книги о русском еврействе» (бесплатно). Письмо библиотекаря, сославшегося на Вас, я отправил «по линии», — поэтому не могу написать ему или ответить на его письмо. Нашел поэтому выход в том, чтобы Вам написать эти несколько строк.

С искренним приветом
и благодарностью за Ваше посещение.

Ваш Г. Аронсон.

Видимо, после этого письма он написал мне еще одно – о Троцком. Луи Фишер взял его у меня, чтобы сделать копию, и забыл вернуть. Его у меня нет¹⁴⁵. Вот мой ответ на него:

16 апреля 1967. Принстон.

Многоуважаемый Григорий Яковлевич, наши письма разошлись. Благодарю

¹⁴⁴ С этого времени я начала систематически заниматься русскими масонами 20 века. Разговоры с Аронсоном, как первые, так и последующие, несомненно, подвинули меня в моих исследованиях. Я глубоко благодарна ему.

¹⁴⁵ Архив Луи Фишера после его смерти был передан в библиотеку Мэдд, в Принстоне. К нему сделан аннотированный каталог. Письмо Аронсона ко мне, вероятно, лежит в одной из папок (всего – 34 ящика) и может быть найдено.

Вас за ценные сведения о Троцком. Прочла Ваше письмо моему здешнему другу, Луи Фишеру, который тоже был очень заинтересован. Надеюсь, что летом Вы приедете ко мне и тогда познакомитесь с Л.Ф.– который – увы! – сейчас в госпитале, у него был второй инфаркт. Я ему говорила о Вас и он очень будет рад познакомиться с Вами. Впрочем, если память мне не изменяет, я его Вам представила на собрании памяти Николаевского? Или это был Кеннан?

Я лечу в Калифорнию на будущей неделе, там будет Конференция (50 лет сов. культуры) – приглашены Фейнзод из Харварда и я. Когда вернусь, позвоню Вам по телефону.

Еще раз спасибо. Кроме Вас, не к кому обращаться за точными сведениями о старых делах. Еще есть М.В. Вишняк. Надеюсь, он здоров? Давно не видала его.

Жму Вашу руку.

После этого письма я еще раз три была у него, в последний раз – за несколько недель до его смерти, и несколько раз встречалась с ним в Нью-Йорке. Он слабо отрицал, что был масоном. Но две цитаты из его книги 1961 г. «Революционная юность» (с. 104, 109-110), как будто все-таки оставляют в уме некоторые сомнения.

Дело происходило в Витебске:

«В своих воспоминаниях, посвященных эпохе первой мировой войны и кануну Февральской революции, я подробно рассказываю о кружке офицеров не-социалистов, с которыми мне в годы 1915-1916 пришлось сблизиться, о пестрых политических совещаниях представителей разных групп либералов, радикалов, социалистов и беспартийных, которые мы созывали, которые превратились в почти постоянное учреждение (как бы прообраз коалиции цензовых и социалистических элементов февральской революции)...

Постепенно создавалось такое положение, что для обсуждения волновавших нас всех вопросов, для непритязательного, никого не связывающего обмена мнений, устраивались каждые 2-3 недели встречи и собеседования, на которые обычно приглашались до 20-ти человек – представители русской, польской, еврейской интеллигенции. Я, вероятно, участвовал почти во всех таких заседаниях; только после революции (уже в 1918 г.) я узнал, что помимо этих общих заседаний, устраивались отдельные заседания членов местной масонской ложи, с участием некоторых членов Гос. Думы. Я не был масоном и сейчас не знаю, в чем специфическом выражалось участие масонов в этих заседаниях. Если в основе масонского движения чисто организационно таилась идея объединения и сговора представителей различных политических партий, то надо признать, что те общие совещания местной интеллигенции, куда входили не-масоны, также имели этот объединяющий межпартийный и внепартийный характер. К сожалению, история масонского движения еще не написана, и масоны не считают возможным до сих пор разглашать свои тайны».

Впечатление от него у меня осталось, что это был человек что-то скрывающий, может быть – боящийся сказать лишнее, и знающий, что настало время об этом сказать.

СОВЕТСКИЕ ИСТОРИКИ

Прежде чем говорить о советских историках, необходимо сказать несколько слов о двух авторах, которых в просторечье называют «историческими романистами». Они – поставщики «легкого чтения», и часто не без таланта рассказывают увлекательные истории из прошлого, с диалогами и бутафорией, когда герои их то «задумываются, почесывая затылок», то «многозначительно покашливают», то шепчут что-то любимой женщине, так что никто не слышит, кроме нее самой.

К историкам эти авторы отношения не имеют, но читатели читают их с увлечением.

Роман М. Касвинова «23 ступени вниз» о Николае II написан именно в таком стиле: когда царь принимает Столыпина по серьезному государственному делу у себя в кабинете,

то горит камин, собеседники сидят в уютных креслах, а царица в углу штопает царю носки.

Роман Н. Яковлева «1 августа 1914 года» несколько более реален. В нем мы даже находим кое-что о масонстве: автор встречал министра Временного правительства Н.В. Некрасова (имеется пример прямой речи героя); автор дает нам понять, что имеется также документ, а может быть и не один, с которым он ознакомился. Но вместо любопытства, читатель начинает смутно чувствовать медленный прилив скуки: в тот момент, когда Н. Яковлев на страницах романа заставил своего героя заговорить, оказалось, что это вовсе не Некрасов, а только сам Яковлев.

В писаниях этих романистов-фельетонистов трудно отличить фантазию от истины, и читатель иногда бывает не совсем уверен: действительно ли царица не штопала царю носки, а Некрасов не говорил Яковлеву о каких-то своих записках, мемуарах и документах, не то где-то зарытых, не то им замурованных. Читателю предложен кусок прошлого, и он не прочь узнать о нем побольше, даже если оно слегка искажено и приукрашено. Хуже, когда поставлены кавычки и начинается цитата, которая нигде не кончается, так как автор забыл кавычки закрыть. «Некрасов рассказывал мне тогда много интересного», — пишет Яковлев, но не говорит, когда он это записал: тогда же? или через двадцать лет? или он пишет по памяти? И можно ли в этом случае ставить кавычки? Было ли то, что началось кавычками, взято из зарытого материала, или что-то другое?

Фамилии близких друзей Некрасова и его братьев по масонской ложе полны ошибок, которые Некрасов сделать не мог: вместо Колюбакина – Колюбакин, вместо Григорович-Барский – Григорович-Борский. Изредка Яковлев поясняет: «слово неясно в документе». В каком документе? И почему этот документ не описан? Разговор Яковлева с Шульгиным никакого интереса не представляет: Шульгин никогда не был масоном, а Яковлев – историком. Но не за это, а за другие грехи советская критика обошлась с ним жестоко.

Когда советские историки справедливо жалуются на скудость материала о масонстве¹⁴⁶, и некоторые из них надеются, что многое еще может выйти наружу, я не могу разделить их оптимизма: слишком многое было уничтожено во время красного террора и гражданской войны людьми, имевшими даже отдаленное касательство к дореволюционному масонству России, не говоря уже о самих братьях тайного общества. А что не было уничтожено тогда, то постепенно уничтожалось в 1930-х гг., так что после 1938 г. вряд ли что-нибудь могло уцелеть на чердаках и в подвалах. Художница Удальцова в начале 1930-х гг. в Москве сама сожгла свои картины, а Бабель – часть своих рукописей, как и Олеша. Что можно еще сказать после этого? С.И. Бернштейн, современник и друг Тынянова и Томашевского, уничтожил свою коллекцию пластинок, наговоренную поэтами в начале 1920-х гг. Бернштейн был первый в России, тогда занимавшийся «орфоэпией».

Советские историки не располагают нужными им масонскими материалами не потому, что они засекречены, а потому что их нет. Масоны не вели масонских дневников и не писали масонских воспоминаний. Они соблюдали клятву молчания. В Западном мире частично уцелели протоколы «сессий» (возможно, что протоколы начали вестись только в эмиграции). В каком же состоянии находится сейчас советская масонология?

Начну издалека: две книги, изданные Б. Граве в 1926 и 1927 гг., я нахожу до сих пор

¹⁴⁶ «Известны многие примеры, что целые масонские архивы увозились после смерти выдающихся масонских деятелей, иногда лицами совершенно неизвестными близким родственникам, но предьявлявшими неоспоримые доказательства своих прав на масонское наследие...»

От опасно больного брата старается он (т.е. пришедший) отобрать все масонские бумаги и вещи, которые у него могут быть, для доставления их после смерти его, в великую ложу, или по крайней мере, обязан он сохранить их...

Вот почему нам неизвестны имена всех масонов, состоявших звеньями длинной орденской цепи Александровского времени, вот почему так не полны и немногочисленны членские списки, дошедшие до нас». (Тира Соколовская. Голос Минувшего, 1914, март, № 3, с. 246).

Вот как, еще накануне Первой войны, жаловался историк старого масонства в журнале С.П. Мельгунова на скудость масонских архивных материалов!

очень ценными и значительными. Это – «К истории классовой борьбы» и «Буржуазия накануне февральской революции». Они не много сообщают нам о масонстве, но дают некоторые характеристики (например – Гвоздева). В этих книгах дана прекрасная канва событий и некоторые краткие, но важные комментарии: «У министра Поливанова были связи с буржуазной оппозицией», или рассказ о визите Альбера Тома и Вивиани в Петербург в 1916 г., и о том, как П.П. Рябушинский, издатель московской газеты «Утро России» и член Государственного Совета, информировал французов о том, куда царское правительство ведет Россию (с Распутиными, Янушкевичами, и прочими преступниками и дураками). Это происходило, когда все собирались в усадьбе А.И. Коновалова под Москвой, на секретных заседаниях. Между 1920-ми гг. и работами академика И. Минца прошло почти тридцать лет. Минц писал о масонстве, которое то ли было, то ли нет, а если и было, то никакой роли не играло. Он, тем не менее, цитирует воспоминания И.В. Гессена, где бывший лидер кадетов, не-масон, писал, что «масонство выродилось в общество взаимопомощи, взаимоподдержки, на манер «рука руку моет». Справедливые слова. Но Минц их понимает так, что масонство вообще было явлением незначительным и скептически цитирует письмо Е. Кусковой, опубликованное Аронсоном, о том, что движение «было огромно», всерьез принимая ее утверждение, что «русское масонство с заграничным ничего общего не имело» (типичный масонской камуфляж и ложь во спасение), и что «русское масонство отменило весь ритуал». Мы теперь знаем из протоколов масонских сессий, что это все неправда. Минц так же твердо уверен, что никакого «Верховного Совета Народов России» никогда не было, и что ни Керенский, ни Некрасов не стояли во главе русского масонства. Позиция Минца – не только преуменьшить масонство в России, но и осмеять тех, которые думают, что «что-то там было». Заранее предвзятая позиция никогда не придает историку достоинства.

Работы А.Е. Иоффе ценны не тем, что он сообщает о масонстве, но тем фоном, который он дает для него в своей книге «Русско-французские отношения» (М., 1958). Альбера Тома собирались назначить «надзирателем» или «Особоуполномоченным представителем» союзных держав над русским правительством в сентябре 1917 г. Как и Минц, он считает, что русское масонство не играло большой роли в русской политике и, цитируя статью Б. Элькина, называет его Ёлкиным.

В трудах А.В. Игнатьева (1962, 1966 и 1970-е гг.) можно найти интересные подробности о планах английского посла Бьюкенена, в начале 1917 г., повлиять через английских парламентариев-лейбористов, «наших левых», на Петроградский Совет, чтобы продолжать войну против «германского деспотизма». Он уже в это время предвидел, что большевики возьмут власть. Игнатьев говорит об изменивших свое мнение о продолжении войны, и медленно и тайно переходящих к сторонникам «хоть какого-нибудь», но если возможно, не сепаратного мира (Нольде, Набоков, Добровольский, Маклаков). Он дает подробности о переговорах Алексея с Тома по поводу летнего наступления и нежелания Г. Трубецкого пускать Тома в Россию летом 1917 г.: будучи масоном, Трубецкой отлично понимал причины этой настойчивости Тома. Советский историк сознает важность встреч ген. Нокса, британского военного атташе, с Савинковым и Филоненко в октябре 1917 г. — оба были в некотором роде союзниками Корнилова, — и рассказывает, сознавая всю безнадежность положения Временного правительства, о последнем завтраке 23 октября у Бьюкенена, где гостями были Терещенко, Коновалов и Третьяков.

В этом же ряду серьезных ученых стоит и Е.Д. Черменский. Название его книги «IV Дума и свержение царизма в России», не покрывает ее богатого содержания. Правда, большая часть ее посвящена последнему созыву и прогрессивному блоку, но уже на стр. 29 мы встречаем цитату из стенографического отчета 3-й сессии Гос. Думы, по которому видны настроения Гучкова в 1910 г.: 22 февраля он сказал, что его друзья «уже не видят препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод».

Особенно интересны описания тайных собраний у Коновалова и Рябушинского, где далеко не все гости были масонами, и где нередко попадаются имена «сочувствующих» чиновных друзей (слова «карьергард» он не употребляет). Картина этих встреч показывает,

что Москва была «левее» Петербурга. Им описано конспиративное собрание у Коновалова, 3 марта 1914 г., где участники представляли спектр от левых октябристов до социал-демократов (хозяин дома в это время был тов. председателя Гос. Думы), а затем и второе – 4 марта у Рябушинского, где, между прочим, присутствовал один большевик, Скворцов-Степанов (известный сов. критик, о котором в КЛЭ нет сведений). Кадет Астров сообщает (ЦГАОР, фонд 5913), что в августе 1914 г. «все (прогрессисты) прекратили борьбу и устремились на помощь власти в организации победы». Видимо, вся конспирация прекратилась до августа 1915 г., когда началась катастрофа на фронте. И тогда же, 16 августа, у Коновалова опять собрались (между другими – Маклаков, Рябушинский, Кокошкин), для новых разговоров. 22 ноября в доме Коновалова были и трудовики, и меньшевики (среди первых – Керенский и Кускова). Там было одно из первых обсуждений «апелляции к союзникам». Черменский напоминает, что генералы были всегда тут же, близко, и что Деникин в своих «Очерках русской смуты», много лет спустя, писал, что «прогрессивный блок находил сочувствие у ген. Алексеева». В это время Меллер-Закомельский был постоянным председателем на совещаниях «прогрессивного блока» с представителями Земгора.

Черменский ходит рядом с масонством, но еще ближе подходят к нему нынешние более молодые историки, работающие в Ленинграде над эпохой 1905-1918 гг. Так, один из них ставит вопрос о «генералах» и «военной диктатуре» летом 1916 г., «после того, как царь будет свергнут». «Протопопов никогда не доверял Рузскому», говорит он, и переходит к письму Гучкова, распространявшемуся по российской территории, к кн. П.Д. Долгорукову, который предвидел победу Германии еще в мае 1916 г. Знания этого автора может оценить тот, кто внимательно вникнет в ход его мышления, тщательность его работ и умение подать материал большого интереса.

Есть среди этого поколения советских историков и другие талантливые люди, значительные явления на горизонте советской исторической науки. Многие из них обладают серьезными знаниями и нашли для них систему, некоторые награждены и литературным талантом повествователя. Они отличают «важное» от «неважного», или «менее важного». У них есть чутье эпохи, которым обладали в прошлом наши большие историки. Они знают, какое большое значение имели (неосуществленные) заговоры – они дают картину масонского и не-масонского сближения людей, партии которых не имели причин сближаться между собой, но члены этих партий оказались способными на компромисс. Это сближение и – у некоторых из них – соборное видение Апокалипсиса, идущего на них с неизбежностью, от которой нет спасения, вызывают у нас теперь, как в трагедии Софокла, ощущение ужаса и совершающейся судьбы. Мы понимаем сегодня, чем был царский режим, против которого пошли великие князья и меньшевики-марксисты, на краткий срок соприкоснувшиеся, и вместе раздавленные.

В одной из недавних книг мы находим рассуждения о западничестве и славянофильстве на таком уровне, на каком они никогда не были обсуждены в закупоренной реторте 19 столетия. Автор находит «цепочку следов» (выражение М.К. Лемке). Она ведет от ставки царя через его генералов к монархистам, которые хотят «сохранить монархию и убрать монарха», к центристам Думы, и от них – к будущим военным Петроградского Совета.

Беседы А.И. Коновалова с Альбером Тома, или оценка ген. Крымова, или званый вечер в доме Родзянко – эти страницы трудно читать без волнения, которое мы испытываем, когда читаем трагиков, и которое мы не привыкли испытывать, читая книги ученых историков. Здесь есть то «творческое заражение», о котором писал Лев Толстой в своем знаменитом письме к Страхову, и которым обладают далеко не все люди искусства. Советские историки, специалисты по началу 20 века, касаются изредка в своих работах и русского масонства. Это дает мне право, работая над моей книгой, думать не только о том, как ее примут и как оценят молодые европейские и американские (а также русско-американские и американо-русские) историки, но и о том, как ее прочтут советские историки, которые за последние годы все больше направляют свое внимание в сторону русских масонов XX столетия. Прочтут ее, или

услышат о ней.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские тексты, опубликованные

- Адамович, Г.В. В.А. Маклаков. Париж, 1959.
- Алданов, М.А. «Рецензия на сборник Памяти погибших». (Авторы сборника: Милюков, Зеелер, Астров, Оболенский, С. Смирнов, Эльяшев). Современные записки, № 41, 1929.
- Алданов, М.А. «Третье марта». Сборник в честь 70-летия П.Н. Милюкова. Париж, 1929.
- Александровский, Б.Н. «Тайные тропы диверсий». Голос Родины, № 1 (2249), январь 1981.
- Алексеев, Борис. «Охота за масонами». Былое, Пг., 1917, № 4.
- Алексеев, Борис. «Пять донесений тов. министра внутренних дел Курлову». В кн. Щеголев. Охранники и авантюристы, см. ниже.
- Алексеев, М.В., ген. «Две тетради, 1916 – нач. 1917 гг. Записи, дневники». Русский исторический архив, кн. 1, 1929.
- Алексеев, С.А., сост. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. 5 тт. М., 1925-1930.
- Амфитеатров, А.В. «Мое пребывание в масонской ложе». Сегодня, Рига, 6 августа 1930.
- Анин, Д. «О либералах и кадетях». Новый журнал, № 81.
- Аноним. «Временное правительство. Опыт анализа». Русская летопись, кн. 1.
- Аронсон, Г.Я. «Московские зимы». Новый журнал, № 10.
- Аронсон, Г.Я. «О Маклакове». Новый журнал, № 26.
- Аронсон, Г.Я. Мартов и его близкие. Н. И., 1959.
- Аронсон, Г.Я. Революционная юность. Н. И., 1961.
- Аронсон, Г.Я., ред. Книга о русском еврействе. 1 тт. Н. И., 1960-1968.
- Аронсон, Г.Я. «Масоны в русской политике». Новое русское слово, 8-12 окт. 1959.
- Аронсон, Г.Я. Россия накануне революции. Н. И., 1962.
- Аронсон, Г.Я. Россия в эпоху революции. Н. И., 1966.
- Архив русской революции. Под ред. И.В. Гессена. Прага, 1921-1937, 22 тт.
- Астров, Н.И. Воспоминания. Париж, 1941.
- Барк, П.Л. «Воспоминания». Возрождение, №№ 157-170, 172-184, 1965-1967.
- Белоусов, И.А. «Масоны во Франции». Вестник Европы, СПб., 1912, №3.
- Белый архив. Под ред. Я. Лисовского. 3 тт. Париж, 1926 – 1928.
- Бердяев, Н.А. «Жозеф де Местр и масонство». Путь, № 4, июнь-июль 1926.
- Берлин, П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922.
- Бонч-Бруевич, В.Д. «О Кропоткине». Звезда, 1930, № 4.
- Боровой, А.А. Современное масонство на Западе. М., 1922.
- Бородин, Н.А. Идеалы и действительность. Берлин, 1930. (Миссия Б.А. Бахметева).
- Браудо, А.И. Сборник очерков и воспоминаний. Париж, 1937.
- Бубликов, А. А. Русская революция. Н. И., 1918.
- Бунин, И.А. «Переписка с М. Вейнбаумом». Новый журнал, № 133.
- Бурышкин, П.А. Москва купеческая. Н. И., 1954.
- Былое. По ред. П.А. Щеголева. Пг./Л., 1917-1926.
- Левин Ш.М., Вапк С.Н., Дякин В.С.. (Ред.) В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль 19 – нач. 20 в. Л., 1969.
- Вакар, Н.П. «Интервью с П. Финисовым о деле Корнилова». Последние новости, февраль-март 1937.
- Васильев, Н. Правда о кадетях. СПб., 1907.
- Великая Октябрьская Социалистическая революция. 1 тт. М., 1957-1961.

(Просмотрены).

Вольский, Р. «Николай II, департамент полиции и русские масоны». Возрождение, 25 мая 1930.

Верховский, А.И. Россия на Голгофе. Пг., 1918.

Верховский, А.И. На трудном перевале. М., 1937, 2-е изд., 1959.

Вильчковский, С. «Записки о ген. Рузском». Русская летопись, кн. 3.

Винавер, М.М. История Выборгского воззвания. Пг., 1917.

Винавер, М.М. Недавнее. Париж, 1928.

Винавер, Р.Г. «Вожди кадетской партии». Новый журнал», № 10.

Владимиров, А. «Буржуазия между двумя революциями». Проблемы марксизма, № 8-9, 1931.

Внутренняя политика царизма. (Два заговора). Сборник, Л., 1967.

Воейков, В.Н. С царем и без царя. Гельсингфорс (Хельсинки), 1936.

Войтинский, В. Годы побед и поражений. Воспоминания. 3 тт. Тома 1,2.

Берлин, 1923 – 1924. Том 3 – в рукописи (Гувер).

Воля России. Журнал. Ред. Слоним, Лебедев и др. Прага, 1922-1932.

Вопросы истории КПСС. М., 1945, №№ 3, 4.

Воронович, Н.В. Записки камер-пажа императрицы Марии Федоровны. Н.-Й., 1952.

Воронович, Н.В. «Меж двух огней». Архив русской революции, кн. 7, 1922.

Ганецкий, Я. «Автобиография». Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, ч. 1, Приложение, с. 97-101.

Генкина, Э.Б. Очерки по истории Октябрьской революции. т. 2. Февральский переворот. М.-Л., 1927.

Гессен, И. В. «В двух веках». Архив русской революции, кн. 22. Гессен, И.В. Годы изгнания. Париж, 1979. Гиндин, И.Ф. «Русская буржуазия в период капитализма». История СССР, 1963, №№ 2,3.

Гиппиус, З.Н. Синяя книга. 1914-1918. Белград, 1928.

Головин, Ф.А. «О Муромцеве». Красный архив, кн. 58, 1933.

Головин, Ф.А. «Разгон Второй Государственной Думы. Записки». Красный архив, кн. 43, 1931.

Гольденвейзер, А.А. «Из киевских воспоминаний». Архив русской революции, кн. 6.

Горелов-Гакебуш, М. На реках Вавилонских. Берлин, 1921.

Государственная Дума. Стенографические отчеты заседаний. СПб./Пг., 1906-1917.

Государственная Дума. Список членов. Энциклопедический словарь Гранат, т. 17, Приложение 18, с. 640. Государственная Дума. Частное совещание, Некрасов, Родзянко и др. Воля России, 1921.

«Государственное совещание». 1917 год в документах и материалах, № 6, 1930. (Центрархив. ЦГАОР).

Граве, Б. К истории классовой борьбы. М.-Л., 1926.

Граве, Б. Буржуазия накануне Февральской революции. М.-Л., 1927.

Грунт, А.Я.; Фирсова, В.Н. Россия в эпоху империализма. 1907-1917. М., 1960.

Грюнвальд, К. «Карбонарии». Возрождение, 14 мая 1930.

Гуревич, В.А. «Гражданская война на Востоке. 1918-1922». Летопись революции.

Гучков, А.И. «Воспоминания» (16 глав). Последние новости, август-сентябрь 1936.

Давыдов, А.В. Воспоминания. Париж, 1982.

Дан, Федор. «К истории последних дней Временного правительства». Летопись революции, кн. 1, 1923.

Демьянов, АС. «Моя служба при Временном правительстве». Архив русской революции, кн. 4.

Демьянов, АС. «Записка о подпольном Временном правительстве». Архив русской революции, кн. 7.

Деникин, АИ. Очерки русской смуты, 6 тт. Париж, 1921-1926. (Дело Корнилова).

- Добровольская, О. «Из воспоминаний». (О Гурко, вел. кн. Н.М. Романове, Керенском, Орлове-Давыдове и др.). Русская летопись, Париж, кн. 4.
- Долгоруков, П. Великая разруха. Мадрид, 1964.
- Дякин, В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914-1917. Л., 1967.
- «Европейские социалисты и Февральская революция». Красный архив, №№ 15, 16, 1926.
- За кулисами царизма. М.-Л., 1925.
- Завадский, С.В. «На великом изломе». Архив русской революции, кн. 8.
- Заславский, Д.И.; Канторович, В.А. Хроника Февральской революции. т. 1. Февраль-май. Пг., 1924.
- Зензинов, В.М. «Февральские дни». Новый журнал, № 34.
- Злоказов, Г.И. Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов. М., 1969.
- Иванов, Н.Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965.
- Иванов, Василий. От Петра Первого до наших дней. Указатель литературы по масонству. Харбин, 1934.
- Игнатъев, А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.
- Игнатъев, А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. Февраль-октябрь 1917г. М., 1966.
- Игнатъев, А.В.; Иоффе, А.Е. «Международная обстановка накануне Октября». Вопросы истории, 1962, № 11.
- Иоффе, А.Е. Русско-французские отношения в 1917г. М., 1958.
- Иоффе, Г.З. Февральская революция в англо-американской историографии. М., 1970.
- История дипломатии. Дипломатия в годы первой мировой войны, т. 2. М., 1945.
- Ичас, М.М. «Воспоминания». Последние новости, 12 марта 1927.
- Карийский. «Мемуары». Зеленый журнал, 1924, кн. 10.
- «Кадеты в 1905-1906 гг.» Красный архив, кн. 46, 47-48. (Материалы ЦК партии Народной свободы).
- «Кадеты в дни галицийского разгрома. Конференция к.-д. партии 6– 8 июня 1915 г.» Красный архив, кн. 59.
- «Кадеты за границей. Парламентская делегация в 1916 г. Доклад Милюкова в Военно-морской комиссии Гос. Думы 19 июня 1916 г.» Красный архив, кн. 58.
- Казаль-де-Нис, Эмилио. Основные черты современного масонства. Пер. с французского. СПб., 1913.
- Карпович, М.М. Записка о деятельности российского представительства в Америке. Н. И., 1925.
- Карпович, М.М.; Чижевский, Д.И., ред. Русский литературный архив. Н.-Й., 1956.
- Касвинов, М.К. 23 ступени вниз. Роман. М., 1978.
- (Керенский, А.Ф.) Александр Федорович Керенский. (По материалам Департамента полиции). Пг., 1917. 60 с.
- Керенский, А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918.
- Керенский, А.Ф. «Некролог А.И. Гучкова». Современные записки, кн. 60, 1936.
- Керенский, А.Ф. «О немецких деньгах». Русская мысль, Париж, 1956.
- Кобецкий, Я.Я. «Корреспонденция из Парижа». О визите представителей русской эмиграции в Париже к сов. послу А. Богомолу 12 февраля 1945 г. Новое русское слово, 7 марта 1945.
- Ковалевский, Е.П. «По поводу лекции Н.Е. Маркова». Возрождение, 10 ноября 1926.
- Ковалевский, Е.П. «Ответ Маркову Второму». Возрождение, 26 ноября 1926.
- Ковалевский, М.М. «Масонство во время Екатерины». Вестник Европы, 1915.
- Ковалевский, М.М. «Воспоминания». История СССР, 1969, № 5.
- Коковцев, В.Н. Воспоминания. 2 тт. Париж, 1933.
- Коммунистический Интернационал. 4-й Конгресс. Ноябрь-декабрь 1922. Отчеты и

стенограммы. Пг., 1923.

Коммунистический Интернационал. 4-й Конгресс. Резолюция об исключении французских масонов из французской компартии. Пг., 1923.

Коммунистический Интернационал. 5-й Конгресс. Июль 1924. Отчеты и стенограммы. Л., 1925.

Конвент Великого Востока. Отчет. Луч света, 1913, № 6, с. 46.

Коренев, С.А. «Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах». Архив русской революции, кн. 7.

Краснов, П. «На внутреннем фронте». Архив русской революции, кн. 1.

Красный архив, №№ 1-106. М., 1922-1941. Просмотрены №№ 1-67, 69-70, 74-78, 79-98.

Краткая литературная энциклопедия в 9-ти томах. М., 1962 – 1978.

Кривошеин, К.А. А.В. Кривошеин. Париж, 1973.

Кроль, Л.А. За три года. Владивосток, 1921.

Кропоткин, П.А. Записки революционера. СПб., 1906.

Крыжановский, С.Е. Воспоминания. Берлин, 1937.

Кульман, Н.К. «Из истории масонства». Журнал Министерства Народного Просвещения, СПб., 1907, т. 10, с. 343-373.

Курлов, П.Г. Гибель императорской России. Берлин, 1923.

Кускова, Е.Д. «Письма к разным лицам» (цитирует Аронсон в кн. Россия накануне революции).

Лапин, Н. сост. «Прогрессивный блок в 1915-1917 гг.» Красный архив, кн. 50-51 (1932), кн. 52 (1932), кн. 54 (1933).

Лебедев, А.А. «К закрытию масонских лож». Русская старина, СПб., 1912, март, с. 523-538.

Лебедев, Владимир. «Конец Савинкова». Воля России, Прага, 1924, № 14-15.

Лемке, М.К. 250 дней в царской ставке. Пг., 1920.

Ленин, В. И. «Письма издали. Письмо первое». Сочинения. Издание пятое. Том 31. М., 1969. (Впервые полностью – в 1949 г., т. 23, изд. четвертое).

Ливчак, В.Ф. «О политической роли масонов во второй русской революции». Свердловский юридический институт. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 56. Свердловск, 1977, с. 135-142.

Ломоносов, Ю.В. Воспоминания о мартовской революции. Стокгольм-Берлин, 1919.

Лопухин, В.Б. «Люди и политика». Вопросы истории, 1966, № 11.

Лукин, А.П. «Бой под Ангерном». Последние новости, 3 сент. 1936.

Лукин, Ю.Н. Краткий курс масоноведения. Харбин, 1937.

Лукомский, А.С., ген. Воспоминания. 2 тт. Берлин, 1922.

Любимов, Лев. «Отчет о докладе Бердяева о масонстве». Возрождение, 14 фев. 1928.

Любимов, Лев. «О масонстве и его противоречиях». Возрождение, 30 сент. и 3 окт. 1934.

Львов, В.Н. «Воспоминания о деле Корнилова». Последние новости, 30 нояб.– 9 дек. 1920.

Маклаков, В.А. «О Распутине». Современные записки, кн. 34.

Маклаков, В.А. Вторая Государственная Дума. Париж, б/д (1940?).

Маклаков, В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936.

Маклаков, В.А. «Перед Второй Думой». Новый журнал, кн. 12.

Маклаков, В.А. «Канун революции». Новый журнал, кн. 14.

Маклаков, В.А. «Еретические мысли». Новый журнал, кн. 19, 20.

Маклаков, В.А. «Советская власть и эмиграция». Русские новости, Париж, 1946, № 2.

Маклаков, В.А. Из воспоминаний. Н.-Й., 1954.

Мандельштам, М.Л. 1905 год. Воспоминания. М., 1931.

Мансырев, С.П. «Мои воспоминания о Государственной Думе». Историк и современник, Берлин, 1923, №№2, 3.

- Маниковский, АА, ген. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 2-е изд. М., 1930.
- Маргулиес, М.С. Год интервенции. 3 тт. Берлин, 1923.
- Марков, Н.Е. (Второй) «Об еврействе и масонах». Доклад. Отчет в Возрождении, 4 ноября 1926.
- Мартынов, Е.И., ген. Попытка военного переворота. Л., 1927.
- Мартынов, Е.И., ген. Царская армия в Февральскую революцию. М., 1927.
- Мартынов, Е.И., ген. «Конференция союзников в Петрограде в 1917 г.» Красный архив, кн. 20.
- Николаевский Б.И., Далин Д. (Под ред.). Материалы по истории русского революционного движения. 2 тт. 1924.
- Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Врем. прав. Серия III. 1914-1918 гг. Комиссия при ЦИК СССР под председ. М. Покровского. 4 тт. М.-Л., 1935-38.
- Мельгунов, С.П., Сидоров, П. (ред.). Масонство в его прошлом и настоящем. 3 тт. М., 1914-1918. (С участием Обнинского, Перцова, Пиксанова, И.Н. Розанова, Семевского, Себеки, Соколовской, Хераскова, Тарле и др.).
- Мельгунов, С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1939.
- Мельгунов, С.П. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940.
- Мельгунов, С.П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964.
- Милюков, П.Н. История русской революции. Части 1-3. София, 1921-1922.
- Милюков, П.Н. «Дневник». Красный архив, 1933, №№ 5, 6.
- Милюков, П.Н. «По поводу воспоминаний В.А. Маклакова». Современные записки, №№ 41, 57.
- Милюков, П.Н. «Роковые годы. 1904-1906». Русские записки, Париж, №№ 4-21. 1938-1939.
- Милюков, П.Н. Воспоминания, 1859-1917. 2тт. Н. И., 1955.
- Милюков, П.Н.; Терещенко, М.И. «Переписка с послами Временного правительства». Борьба классов, 1931, № 5.
- (Милюков, П.Н.). Сборник в честь 70-летия П.Н. Милюкова. Париж, 1929.
- Министерство иностранных дел Временного правительства. 1917 г. Секретные документы, опубликованные в СССР. (Каталог Библиотеки Конгресса: 1626/075).
- Минц, И.И. «Метаморфозы масонской легенды». История СССР, 1980, № 4.
- (Муромцев, С.А). Сборник памяти С.А Муромцева. М., 1911.
- Набоков, В. Д. «Письмо в редакцию по поводу воспоминаний В.Н. Львова о деле Корнилова». Последние новости, 15 декабря 1920.
- Набоков, В.Д. «Воспоминания». Архив русской революции, кн. 1, 1921.
- Набоков, К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1923.
- Николаевский Б. (ред.). На рубеже. №№ 1-5. Париж-Н.-Й., 1951-52.
- Наумов, АН. Из уцелевших воспоминаний. Н. И., 1954.
- Некрасов, Н.В. «Интервью о деле Корнилова». Речь, 13 сент. 1917.
- Никитин, Б.В. Роковые годы. Париж, 1937.
- Николаевский, Б.И. «И.Г. Церетели». Социалистический вестник, №№730, 739, 1959-1960.
- Нольде, Б.Э. «Набоков в 1917 г.» Глава в кн. Далекое и близкое. Париж, 1930.
- Нольде, Б.Э. «Вашингтонская конференция». Современные записки, № 8.
- Обнинский, В.П. Последний самодержец. Берлин, б/д.
- Обнинский, В.П. Новый строй. М., 1909.
- Ольденбург, С.С. Царствование императора Николая II. Том 2. 1907-1917. Мюнхен, 1949.
- Осоргин, М.А. Вольный каменщик. Роман. Париж, 1937.
- Пальчинский, П.Н. «Временное правительство в 1917 году. Последние часы». Красный

архив, № 56, 1933.

«Парламентская делегация 1916 г.» Красный архив, № 53, 1933.

Петропавловский, С. «Дворянство, бюрократия, монархия перед Февральской революцией». Пролетарская революция, 1922, № 8.

Петрункевич, И. И. «Из записок общественного деятеля». Архив русской революции, № 21, 1931.

Платтен, Н.Ф. «Из Зеркального переулка в Кремль. Мемуары». Грани, №№ 77, 79.

Погребинский, А.П. «Военно-промышленные комитеты». Исторические записки, М., 1941, т. 11.

Погребинский, А. П. «К истории Союза городов и земств». Исторические записки, М., 1941, т. 12.

Покровский, Алексей. Русские масоны в эмиграции. Париж, 1941.

Покровский, М.Н. Царская Россия и война. М., 1924.

Поливанов, АА. Из воспоминаний и дневников. М., 1924.

Полнер, Тихон. Жизненный путь князя Львова. Париж, 1932.

Половцев, П.А. Дни затмения. Париж, 1925.

Прогрессивный блок. Красный архив, кн. 50/51, 52, 56 (1932-1933).

Пролетарская революция. №№ 1-120. М., 1921-1936.

Протопопов, Д.Д. «Предсмертная записка». Голос минувшего на чужой стороне (ред. Мельгунов). 1926, № 2 (стр. 167-193).

Пуришкевич, В.М. Дневник члена Гос. Думы. Рига, 1918.

«Рабочая группа при Военно-промышленном комитете». Красный архив, № 57, 1933; № 67, 1934.

Раскольников, Ф.Ф. «Открытое письмо Сталину 17 авг. 1939 г.» Новая Россия, № 17, Париж, 1 окт. 1939 г. (см. также Н.Б. Железная женщина. Н.-Й., 1982).

Родичев, Ф.И. «Из воспоминаний». Современные записки, № 53, 1933.

Родичев, Ф.И. «Автобиография». Возрождение, № 31, 1954.

Родичева, А.Ф. Письмо в редакцию. Новый журнал, № 38, 1954.

Розен, Р.Р., барон. 40 лет на дипломатической службе. 2 тома. Лондон, 1922.

Романов, Александр Мих., Вел. кн. Воспоминания. Части 1-3. Париж, 1933.

Романов, Андрей Владимирович. Дневник б. Великого князя Андрея Владимировича: 1915 год. Ред. В.П. Семенников. Л., 1925.

Романов, Ник. Мих., Вел. кн. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905-...

Романов, Ник. Мих. «Дневники». Красный архив, № 49/6, 1931.

Рубинштейн, Н.Л. «Внешняя политика Керенщины». В сборнике Очерки по истории Октябрьской революции, т. 2. М.-Л., 1927.

Руднев, В.В. Некролог К.Н. Гулькевича Современные записки, № 59, 1935.

Руднев, В.М. «Воспоминания». Русская летопись, Париж, 1922, № 2.

Русская летопись. Париж, 1921-1925.

Сабанеев, Леонид. «Об Алданове и Авксентьеве». Новое русское слово, 1 марта 1959.

Савич, Н.В. «Колчак и Гос. Дума». Архив русской революции, кн. 10.

Савич, Н.В. Некролог А.И. Гучкова. Возрождение, № 3914, 20 февраля 1936.

Савич, Н.В. «Воспоминания». Часть 1. Государственная Дума. Грани, № 127, 1983.

Савинков, Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920.

Савинков, Б.В. Накануне новой революции. Варшава, 1921.

Сазонов, С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

Сакулин, П.Н. «Новый труд по истории масонства». Голос минувшего, М., 1915, № 7-8.

Сборник секретных документов из бывшего архива М.И.Д. №3. Пг., 1917.

Свитков, Н.А. (Степанов). Масонство в русской эмиграции. Париж, 1932. (Переиздано в 1964 г., к масонству причислены Ленин, Троцкий, Зиновьев и мн. др.).

Семенов, Ю.Ф. «Сумерки французского масонства». Возрождение, 1 апреля 1934.

Семенников, В.П. Политика Романовых накануне революции. М.-Л., 1926.

- Семенников, В.П. Монархия перед крушением. М.– Л., 1927.
- Сидоренко, Евграф, псевд. Итальянские угольщики. СПб., 1913.
- Синегуб, С.С. «Защита Зимнего дворца». Архив русской революции, кн. 4.
- Скобелев, М.И. «Воспоминания. 25 февраля – 3 марта». Вечерняя Москва, 12 марта 1927 (Цитирует Черменский, в кн. 4-я Дума...).
- Скрынников, Николай. Массонство. Париж, 1921.
- Славин, Н.Ф. «Из истории кризиса верхов». История СССР, 1964, №6.
- Словцов, Р., псевд. (Н.В. Калишевич). «Дети вдовы». Последние новости, 11 марта 1930.
- Словцов, Р. «Массонство во Франции». Последние новости, 18 марта 1930.
- Смирнов, С.А. «К истории одного заговора». Последние новости, № 2325, 22 апреля 1928.
- Советская историческая энциклопедия, т. 4. М., 1963, с. 619.
- Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1983.
- Соколовская, Тира. «25-я масонская ложа». Русская старина, СПб., 1907, № 3.
- Соколовская, Тира. «Из материалов...» там же, № 2.
- Соколовская, Тира. «Сокровенность масонских списков». Голос минувшего, М., 1914, № 3.
- Советский патриот, газета. Гл. ред. проф. Д.М. Одинец и А.П. Марков, редколлегия: Ступницкий, Волков, А.М. Михельсон. Париж, 1945-1948. (Информация Соц. вестника, № 5-6, 1945 г.).
- Спиридович, А.И., ген. Великая война и Февральская революция. 1914-1917гг. 2 тт. Н. И., 1960. (Архив хранится в Йельском ун-те).
- Станкевич, В.Б. Воспоминания 1914-1919. 1-е изд. Берлин, 1920. 2-е изд. М.– Л., 1925.
- Старцев, В.И. Русская буржуазия и самодержавие. 1905-1907. Л., 1977.
- Старцев, В.И. Революция и власть. М., 1978.
- Старцев, В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.
- «Ставка 25-26 октября 1917 г. Телеграммы и документы». Архив русской революции, кн. 7.
- «Ставка и московский комитет общественной безопасности в 1917 г.» Красный архив, № 61, 1933.
- Струве, Г.П. «Н.С. Гумилев. Жизнь и личность». Н. Гумилев. Собрание сочинений в 4 томах. Под ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Том 1. Вашингтон, 1962.
- Струве, П. Б. Размышления о русской революции. София, 1921. Суханов, Н.Н. Записки о революции. В 2 томах. Берлин, 1922. Сухомлин, В.В. «Дневники 1940-х гг. Париж». Новый мир, 1965, № 11.
- Сухомлинов, В.А. Воспоминания. М., 1926.
- Тальберг, Н., барон. «О Гучкове». Владимирский вестник, № 26.
- Татаринов, В. «Современное масонство». Числа, Париж, № 4.
- Темкин, Я.Г. Циммервальд-Кинталь. М., 1967.
- Тер-Асатуров, Д.Г. Записка о деятельности Российского представительства в Америке (посольства в Вашингтоне и Заготовительного Комитета в Нью-Йорке...). Париж, 1923.
- Тер-Асатуров, Д.Г. Дополнительная записка о деятельности Российского представительства в Америке. Париж, 1925.
- Терещенко, М.И. «Екатеринбургская трагедия». Последние новости, № 4108, 21 июня 1932.
- Тивель, А.; Хеймо, М. Десять лет Коминтерна в решениях, и цифрах. М.-Л., 1929.
- Толстой, Л.Н. Письмо к С.А. Толстой, от 15 ноября 1866 г. Полное собрание сочинений, т. 83. М.– Л., 1938.
- Тома, Альбер. Об Армении. Перевод и предисловие А. Чобаньяна. Пг.?, 1918.
- Троповский, А. «Что такое франк-масоны»? Всеобщий ежемесячник, СПб., 1911, №3, с.

117-129.

- Тхоржевский, И.И. «О Гучкове». Возрождение, январь-февраль 1935.
- Тхоржевский, И.И. Некролог А.И. Гучкова. Возрождение, №3914, 20 февраля 1936.
- Тыркова-Вильяме, А.В. На путях к свободе. Воспоминания. Н. И., 1954.
- Утро России, 13 августа 1915. Список будущего правительства (прогрессивного блока), с сохранением трех царских министров – Кривошеина, Поливанова и Игнатьева.
- «Учредительное собрание». Красный архив, кн. 28.
- «Февраль и союзники». Красный архив, кн. 20.
- «Февральская революция в Петрограде». Красный архив, кн. 41-42, 1930. (Документы военной комиссии Государственной Думы).
- Филоненко, М.М. «Интервью о деле ген. Корнилова». Русское слово, 10 сентября 1917.
- Фракция прогрессистов. Полный сборник платформ Гос. Думы. Вып. 2. СПб., 1913.
- Харитон, Б.О. «Некролог В.Д. Набокова». Литературные записки, № 1, Пг., май 1922.
- Церетели, И.Г. Воспоминания о Февральской революции. 2 тт. Париж, 1963.
- Чебышев, Н.Н. Близкая даль. Воспоминания. Париж, 1933.
- Челноков, М.В. «Показания в Чрезвычайной комиссии». Падение царского режима, т. 5, стр. 296.
- Черменский, Е.Д. «Кадеты накануне Февральской революции». Исторический журнал, 1941, № 3.
- Черменский, Е.Д. Россия в годы империалистической войны. М., 1951.
- Черменский, Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. Изд. 2-е. М., 1970.
- Черменский, Е.Д. Четвертая Гос. Дума и свержение царизма. М., 1976. Чрезвычайная Следственная Комиссия. Падение царского режима.
- Стенограммы допросов. Под редакцией П.Е. Щеголева. Т. 17. Л., 1924-1926.
- Шаховской, В.Н. «Sic transit gloria mundi»: 1893-1917 гг. Париж, 1952.
- Шидловский, С.И. Воспоминания. В 2 томах. Берлин, 1923.
- Шипов, Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918.
- Ширяев, Б. «О статье Аронсона». Знамя России, № 109.
- «Царь Николай II. Судьба останков царской семьи». Знамя России, № 147, 1956.
- Шляпников, А.Г. Канун 1917 года. В 2 томах. М., 1922-1923.
- Шляпников, А.Г. Семнадцатый год. 5 тт. М., 1923-1931.
- Шуб, Д. «Поездка Ленина». Новый журнал, № 57.
- Шульгин, В.В. Дни. Белград, 1925. Тоже. М., 1927.
- Щеголев, П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.
- Энгельгардт, Б.А. Революционные дни. 1921.
- Юренев, П.П. «Воспоминания». Последние новости, 3 апреля 1924.
- Яблоновский, С.В. Фельетоны о Бунине (по поводу его визитов в сов. посольство в Париже). Русская мысль, октябрь, ноябрь, декабрь 1948.
- Яковлев, Н.Н. 7 августа 1914 года. М., 1974.
- Яхонтов, Я.Н. «Тяжелые дни». Архив русской революции, кн. 18, 1926.
- Z. «Те, кто участвовал в этом». О Протопопове и возможности провокации царского правительства в феврале 1917 г. Последние новости, 30 марта 1924.
- Вырезки из газет Возрождение, Последние новости (Париж, 1920 – 1940), Новое время. За свободу (Варшава), Знамя России (Германия) и др., о масонстве. Гуверовский архив.

Русские тексты, неопубликованные [147]

Адамович, Г.В. Письмо М.М. Тер-Погосяну. ПА.
Адамович, Г.В. Речь о Гоголе. 4 с. 714.

- Адамович, Г.В. Речь о Достоевском. ПА.
- Алексеев, М.В. Военные письма и документы. Из материалов веры Михайловны Борель. Гувер.
- Алексинский, Г.А Переписка с Б.И. Николаевским. Гувер.
- Аронсон, Г.Я. Письма к Н.Н. Берберовой. АНБ.
- Бебутов, Д.И. Записки. 677 с. Гувер.
- Берберова, Н.Н. Письма к Г.Я. Аронсону. АНБ.
- Берлин, П.А, Письма к нему Вольского, Кусковой, Мельгунова, Николаевского и др. Гувер.
- Библиографические материалы о масонстве, 1922-1940, Гувер.
- Бунин, И.А Переписка с Алдановым, Цетлиной и др. 1940-е гг. Гувер.
- Бурыйшин, П.А. История «Северной Звезды». 8 лекций, 5 с. ПА.
- Бюллетень Совета Объединения. №№ 1, 2, 3. Апрель, май, июнь 1939. ПА.
- Вакар, Н.П. Переписка с масонами в Париже. Гувер.
- Вакар, Н.П. Переписка с братьями «Астреи». Гувер.
- Вишняк, М.В. Из бумаг редакции Современных записок. Гувер.
- Войтинский, В.С. Воспоминания, т. 3. Рукопись. Гувер.
- Вольный каменщик. Бюллетень русских лож. Париж, 1946.
- Вольский Н.В. Архив, 10 ящиков, Гувер.
- Вяземский, В.Л. Заметки. ПА.
- Иванович, Ст. Архивы. Гувер.
- (Игнатъев, граф; Штакельберг, барон). «Дело министра Революционной Обороны о военном атташе гр. Игнатъеве и бар. Штакельберге». Гувер.
- Кандауров, Л.Д. «Записка». (История русского масонства). Машинопись. 12 с. ПА.
- Карпович, М.М. Письма Н.В. Вольскому. 1949-1959. Гувер.
- Кефали, М. РСДРП: 1922-1932. История партии. Гувер.
- Керенский, А.Ф. Письма Карповичу, Маклакову и др. 1945-1959. Гувер.
- Кокошкин, Ф.Ф. Доклад, сделанный 31 августа 1917 г. в заседании Московского комитета к.-д. партии. (Частично напечатан в интервью с К. в Русских ведомостях, 1 сент, 1917). Гувер.
- Кускова, Е.Д, Письма к Керенскому (40 писем). Архив К. в Техасе.
- Кускова, Е.Д. Письма к Р.А. Абрамовичу. Гувер.
- Кускова, БД. Письма к Н.В. Вольскому. (Частично опубликованы Аронсоном). Гувер.
- «Лотос». Анонимный отчет о деятельности ложи. Париж, 1933– 1949. 81 стр. ПА.
- Львов, В.Н. Показания. Папка «Дело Корнилова». Колумбийский ун-т.
- Маклаков, В.А. Письма к нему Кусковой, Тырковой, Керенского, Вольского, Николаевского, Милюкова, Мельгунова, Стаховича, Чебышева и др. Гувер.
- Маргулиес, М.С. Доклад. ПА.
- Маргулиес, М.С. Протокол торжественного собрания «Северной Звезды» 4 февраля 1925.
- Маргулиес, М.С. Рукопись воспоминаний «Годы интервенции». Гувер.
- Маргулиес, М.С. Статья о русском масонстве в журнале Акация. Пер. с французского. ПА.
- Мельгунов, С.П. Письма в архивах Алданова, Аронсона, Маклакова, Вольского и др.
- Мельгунов, С.П. Архив. Гувер.
- Масонский бюллетень. Нью-Йорк, 1945.
- Милюков, П.Н. Архив. (Записки Кишкина и Кокошкина о деле Корнилова. Показания Кокошкина 31 августа 1917 г. Московскому комитету к.-д. партии). Колумбийский ун-т.
- Николаевский, Б.И. Письмо Мельгунову. 30 июня 1930. Гувер.
- Николаевский, Б.И. Письма к Н.В. Вольскому. Гувер.
- Николаевский, Б.И. Интервью с П.Н. Милюковым (1927). Гувер.
- Николаевский, Б.И. Интервью с Чхеидзе и Гапьерном. Гувер.

- Переверзев, П.Н. Речь в ложе. Париж. ПА.
 Переверзев, П.Н. Записка Маргулиесу и ответ Маргулиеса. ПА.
 Переверзев, П.Н. Отчет за 10 лет существования. 1924-1934. ПА.
 Сватиков С.Г. Переписка с Николаевским по поводу «Воспоминаний» Бебутова. Гувер.
 «Северная Звезда» – заметки о русской ложе. 2 стр. ПА.
 Станкевич, В. Рукописный черновик воспоминаний: 1914-1919. 256 с. Гувер.
 Церетели, И.Г. Письма к нему разных лиц, в т. ч. — одно письмо М.И. Цветаевой 1926 г. Гувер.
 Чайковский, Н.В. Материалы. Гувер.
 Чхеидзе, Н.С. Материалы. Гувер.
 Ященко, А.С. Материалы (197 папок). Гувер.

Иноязычные тексты, опубликованные

- Anet, Claude, *La revolution russe*. 4 vol. Paris, 1917-19.
 Association Antimaconique. *La France maconique de masquee*. Mai, 1907 («Choses de Russie»).
- Bakhmetev, B.A. *The Legacy of War – Peace*. Boston, 1927.
 Bakounine, T.A. *Le repertoire biographique des franc-macons russes*. 18 et 19 siecles. Serie Slave, No. 2. Bruxelles, 1940.
 Bazili, N.A., de. *Memoirs*. Hoover Institution Press, 1973.
 Baylot, Jean. *Dossier francais de la Franc-maconnerie reguliere*. Paris, 1965.
 Bell, James Alexander. *Famous Masons*. Washington, D. C., 1928.
 Brault, Eliane. *Psychoanalyse de l'initiation maconique*. Paris, 1965. Nouv. ed., revue et augm. Paris, 1975.
 Breshkovskaya, Katerina *Hidden springs of the Russian Revolution*. Stanford, 1931.
 Browder, Robert Paul. *The Origins of Soviet-American Diplomacy*. Princeton 1953.
 Buchanan, Sir George William. *My Mission in Russia*. 2 vols. London, 1923.
 Bund. «About Bund and the RSDWP». *Russian Review*, 1955, No. 4.
 Bunyan, J. and Fisher, H.H. *The Bolshevik Revolution*. 1917-18. Stanford U. Press, 1934.
 Brown, John and Grant, Steven; eds. *Guide: Russian Empire and the Soviet Union*. Russian Archives in the USA Boston, 1981,
 Burgina, Anna. *Russian Social Democracy. The Menshevik Movement. A Bibliography*. (Stanford, 1968).
 Buryshkin, Paul. *Bibliographie sur la franc-maconnerie en Russie*. Ed. par T. Bakounine, Paris, 1967.
 Calendrier Maconique du Grand Orient de France. 1862.
 Centre de Documentation Juive Contemporaine. *La presse, la propagande et l'opinion publique sous l'occupation*. Paris, 1946.
 Chabrier, Madeleine. «La Bibliotheque Nationale; 1940-44». *Le Journal de Documentation*, #1, Oxford, December 1945, pp. 136-147.
 Chambrun, Charles, comte de. *Lettres a Marie*. Petrograd 1914-18. Paris, 1941.
 Communist International. *Fourth Congress, Leningrad and Moscow*. 1922. (Publ. 1923).
 Corneloup, J. *La Chair quitte les os mais l'acacia refleurira!* Preface de Jacques Mitterand. Paris, 1968.
 Coston, Henri. «La franc-maconnerie russe». *Les Documents Maconiques*, No. 5, fevrier 1943.
 Coston, Henri, ed. *La Republique du Grand Orient*. Paris, 1964.
 Dan, Lydia (The papers of...) (Recollections of Lenin, Bukharin's meeting with F. Dan, Krivitsky case, etc.) Dordecht, Holland.
 Gmeline Patrick, de. *Noblesse Russe*. Paris, 1978.
 Debo, Richard K. *Revolution and Survival. The Foreign Policy of Soviet Russia 1917-18*.

Toronto, 1979.

Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie et des Franc-Maçons. Paris, 1971.

Dictionnaire Universel de la Franc-Maçonnerie. Ed. par Daniel Ligou, Paris, 1974.

Les Documents Maçonniques. Directeur Bernard Fay. Paris, octobre 1942 – juin 1944 (mensuel).

Dore, Andre. Article dans le Bulletin des Archives Superieures. Paris: Grand Orient de France, 1982.

Drachkovitch, Dushan. Albert Thomas, diplomate. Mission en Russie. Societe des amis d'Albert Thomas. B.I.T. 1957.

Elkin, Boris. «Attempts to Revive Freemasonry in Russia», Slavonic and East European Review, London, 1966, July, XXXIV.

Encyclopedia of Free-Masonry. Ed. by Albert Mackey, N.-Y., 1966.

F.N.C. La Grande Loge de France, le Grand Orient de France. 4 volumes avec une liste de F. F..... Paris, Diffusion C.A.D.

Fainsod, Merle. International Socialism and the World War. Harvard U. Press, 1935.

Faucher, Jean Andre. La franc-maçonnerie en France. Paris, 1968.

Fay, Bernard. Article dans Le Temps, le 2 decembre 1941.

Fischer, Fritz. «Germany's Aims in the First World War». Russian Review. 1967.

Foreign Relations U. S. issued by the State Department. 1933. Negotiations with Russia. National Archives, Official Reports.

Francis, David. Russia from the American Embassy. April 1916 – November 1918. N.-Y., 1921.

Galperine, Samuel. Le bolchevisme et la franc-maçonnerie. Paris, 192?.

Giers, M.N. «Memoirs». Revue Canadienne d'Etudes Slaves, 1967-69.

Golder, Frank, ed. Documents of Russian History 1914-1917. N.-Y., 1927. (Also in French: Archives secretes de l'Empereur Nicholas II, Paris, 1928).

Grand Orient de France. Der Sitzungsbericht des Pariser Kongresses der Freimauerei der Alliierten und Neutralen Nationen in Juli 1917. Leipzig, 1933.

Grenard, Ferdinand. La Revolution russe. Paris, 1933.

Guchkov, A.I. Speech at the Octobrist Conference, Nov. 21, 1913. Russian Review (London), 1914, No. 1, pp. 141-58.

Guichard, Alain. La franc-maçonnerie. Paris, 1969.

Gurko, Vasily. War and Revolution in Russia 1914-18. N.-Y., 1919.

Gurko, V.I. Features and Figures of the Past. Stanford, 1939.

Hahlweg, Werner, Lenins Rueckkehr nach Russland. 1917. Leiden, 1952.

Haimson, Leopold. «The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905-17». Slavic Review, March 1965, XXIV.

Haimson, Leopold. «Les Mencheviks». Cahiers du Monde Russe et Slave, Paris, vol, 14, 1-2.

Hasegava, Tsuyoshi. The February Revolution. Seattle, 1981.

Hass, Ludwik. «Z dziejow wolnomularstwa w miedzywojennej Europie srodkowowschodniej». Kwartalnik Historyczny, Krakow, 1975, LXXXII, cz. 1.

Hoare, Samuel. The Fourth Seal. London, 1930.

Hosking, Geoffrey A. The Russian Constitutional Experiment: 1907-1914. Cambridge, 1973.

Huntingdon, W. Chapin. The Homesick Million. Russia out of Russia. Boston, 1931.

Hutin, Serge. Les societes secretes. Paris, 1960.

Internationales Freimauerer Lexikon. Eugene Lennhoff und Oskar Posner. Unverwanderter Nachdruck der Ausgabe 1932. Munchen – Zurich – Wien, 1963-65.

International Proceedings. Transcription of Conference of the Supreme Councils 33°. Washington, D. C., 1912.

Inter-University Project on the History of Menshevik Movement. Archives of Columbia University. Series edited by L. Haimson. U. of Chicago Press. Hoover Institution, Russian Language Series.

- Izvolsky, A. P. *Recollections of a Foreign Minister*. English translation by Seeger. Garden City, N.-Y., 1921.
- Le Journal Officiel Liste des officiers et dignitaires, membres des Supremes Conseils du Grand Orient, des Conseils Federaux des Societes Secretes dissoutes. 12 aout – 22 octobre 1941.
- Jubile de la franc-maconnerie reguliere en France. Histoire de la Grande Loge. Paris, 1963.
- Karpovich, M.M. «History of the Russian Revolution of 1917». *Journal of Modern History*, 1930, Vol. 2, No. 2.
- Katkov, George. *Russia. 1917*. N.-Y., 1967.
- Katkov, George. *The Kornilov Affair*. London, 1980.
- Keep, J.L.H. «1917: the Tyranny of Paris over Petrograd», *Soviet Studies*, July, 1968, XX, 1,
- Kerensky, A.F. *The Prelude to Bolshevism*. London, 1919.
- Kerensky, A.F. *La revolution russe*. Paris, n. d.
- Kerensky, A.F. *La catastrophe*. Paris, 1927.
- Kerensky, A.F. *The Crucifixion of Liberty*. London, 1934.
- Kerensky, A.F. *Russia and History's Turning Point*. N.-Y., 1965.
- Kerensky, A. and Browder, R.; eds. *The Russian Provisional Government 1917. Documents*. 3 vols. Stanford, 1961.
- Korostovets, Vladimir. *Seed and Harvest*. London, 1931,
- Kovalevsky, M.M. «American Impressions». *Russian Review*, 1951, X.
- Krasny Arkhiv. *A Digest by Rubenchik and Bouteille*. 2 volumes. Cleveland, 1947-50.
- Lantoine, Albert. *Les societes secretes actuelles en Europe et en Amerique*. Paris, 1940.
- Le Bihan, Alain. *Loges et Chapitres de la Grande Loge et du Grand Orient*. Paris, 1967.
- Le Congres Maconnique pendant la Grande Guerre. (Cite par Hutin, p. 39) (British Museum: 4787, bb. II.)
- Ledri, Charles. *La franc-maconnerie*. Paris, 1958.
- Lesure, M. *L'histoire de la Russie aux Archives Rationales*. Paris, 1970.
- Letters of the Tsar to the Tsaritsa. 1914-1917. New York, 1929.
- Letters of the Tsaritsa to the Tsar. 1914-1916. London, 1923.
- Ligou, Daniel. *La franc-maconnerie*. Paris, 1977.
- Lockhart, Sir Robert Brace. *Two Revolutions*. London, 1957, 2nd edn., 1967.
- Makeev, Nicolas and O'Hara, Vallentine. *Russia*. With an introduction by H.A.L. Fisher. N.-Y., 1925.
- Mariel, Pierre. *La franc-maconnerie en France*. Paris, 1969.
- Marques-Riviere, J. *Reglement et Constitution de la Franc-Maconnerie*. Paris, 1943.
- Mellor, Alec. *La charte inconnue de la franc-maconnerie chretienne*. (Tours, 1965).
- Mellor, Alec. *La Grande Loge Nationale Francaise*. 1980.
- Meynell, Hildamarie. «The Stockholm Conference of 1917». *International Review of Social History*, 1960, V.
- Mitterand, Jacques. *La Politique chez les FM*. Paris, 1973.
- Monniot, Albert. *Les marts mysterieuses*. Paris, «Nouvelles Editions Nationales». (s. d.).
- Naudon, Paul. *La franc-maconnerie*. Paris, 1965.
- Nekliudov, A. *Diplomatie Reminiscences Before and During the World War: 1911-17*. London, 1920.
- Nikitin, B.V. *The Fatal Years*. London, 1938.
- Nolde, Boris. *Alliance Franco-Russe*. (Institut d'Etudes Slaves, No. 7). Paris, 1936.
- Nolde, Boris. *L'ancien regime et la revolution russe*. Paris, 1928.
- Noulens, Joseph. *Mon ambassade en Russie Sovietique*. Paris, 1933.
- Paleologue, Maurice. *An Ambassador's Memoirs*. Transl. from the French. N.-Y., 1924-25.
- Palou, Jean. *La franc-maconnerie*. Paris, 1969.
- Paxton, Robert, O. *Vichy France*. N.-Y., 1975.
- Pearson, Raymond. *The Russian Moderate and the Crisis: 1914-17*. London, 1977.
- Rabinowitch, Alexander. *Prelude to Revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917*

- Uprising. Bloomington, 1968.
- Rabinowitch, Alexander. *The Bolsheviks Come to Power*. N.-Y., 1976.
- Radkey, Oliver. *The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917*. Cambridge, Mass., 1950.
- Red Archives: *Russia State Papers 1910-18*, ed. by C. S. Vulliamy. London, 1929 (quoted by Karpovich in *Journal of Foreign Affairs*.).
- Riquet, Michel. *Les F.-M. Dialogues entre M.R. et Jean Baylot*. Paris, 1968.
- Riha, T. «Miliukov and the Progressive Bloc in 1915». *Journal of Modern History*, Chicago, 1960, XXXII.
- Riha, T. *A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics*. Notre Dame, 1969.
- Romanov, Grand Duke Nicholas Mikhailovich. *La fin du tsarisme. Lettres inedites a Frederic Masson. 1914-1918*. Paris, 1968.
- Rosen, R.R., Baron. *Forty Years of Diplomacy*. 2 vols. N.-Y., 1922.
- Rosenberg, William G. *Liberals and the Russian Revolution*. Princeton, 1974.
- Rossignol, Dominique. *Vichy et les franc-macons. 1940-44*. Paris, 1981.
- Sadoul, Jacques. *Lettres de Jacques Sadoul a Albert Thomas. Notes sur la Revolution Bolchevique 1920*. Paris, 1950.
- Saint-Charles, Pierre. *La franc-maconnerie au Parlement*. Paris, 1956.
- Schechtman, Joseph B. *The Vladimir Jabotinsky Story*. 1 vol. N.-Y., 1956-61.
- Simmons, E., ed. *Continuity and Changes in Russian and Soviet Thought*. Cambridge, Mass., 1955. (Karpovich on Maklakov and Miliukov).
- Smith, Clarence Jay. *The Russian Struggle for Power. 1914-17*. N.-Y., 1956.
- Smith, Nathan. «The Role of Russian Freemasonry in the February Revolution...». *Slavic Review*, December 1968, XXVII.
- Smith, Nathan. «Masonic Movement in Russia after 1905», and 15 other articles in the *Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*, among them: on I.V. Gessen, F.A. Golovin, N.N. Kutler, A.A. Manuilov, V.D. Nabokov, N.V. Nekrasov, V.A. Obolensky, I.I. Petrunkevich, and more. (Gulf Breeze, FL, 1976).
- Spiridovich, A. *Les demieres annees de la Court de Tsarskoe Selo*. 2 vols. Paris, 1928-29. (vol. 2, p. 328 – sur Bebutov).
- Telepnev, B. *Freemasonry in Russia*. XXXV *Ars Quatuor Coronatorum*. London, 1922.
- Thomas, Albert. «Journal de Russie». *Cahiers du Monde Russe et Sovietique*, 1973, vol. 14, No. 1-2.
- Trotsky, Leon. *The First Five Years of the Comtunist International*. Vol. 1 & 2. London –New York, 1953.
- U.S. Documents. No. 86. 67th Congress, 2nd Session. *Loans to Foreign Governments*. Leffingwell Memorandum, June 28, 1919.
- Vandervelde, Emile. *Trois aspects de la revolution russe*. Paris, 1918.
- Villard de Honnecourt. *Travaux*. Vol. 8. 1972.
- Wade, Rex. *The Russian Search for Peace: February-October 1917*. Stanford, 1969.
- Williams, Robert Chadwell. *Culture in Exile: Russian Emigres in Germany, 1881-1941*. Ithaca, N.-Y., 1972.
- Wirth, Oswald. *La franc-maconnerie rendue intelligible a ses adeptes*. Paris, 1975.
- Woytinsky, Wladimir. *Stormy Passage*. Vols. 1, 2. Vanguard Press, 1961.
- Zeman, Z.A.B. *Germany and the Revolution in Russia: 1915-18*. London, 1958.
- Zeman, Z. and Scharlau, W. *The Merchant of Revolution*. London –New York, 1965.

Иноязычные тексты, неопубликованные [148]

«Cahiers de la GLDF». (Anonyme).

- Gloton, Edmond, compilateur. «La Chaine de l'Union», Manuscript. (Avant 1940).
- GLDF. «Constitution et Reglements Generaux». GLDF 1894. Rites Ecossais. Paris, 1923.
- «Grand Orient de France. Supreme Conseil». Pour la France et les Possessions Franfaises. Cahiers des Grades Symboliques. Installation d'Ateliers. Inauguration du Temple. Banquets. Pompes funebres. Annee 0887.
- Kandaurov et Sliozberg. Notes sur la Franc-Maconnerie. Grande Loge. Consistoire «Rossia». 11 pages. Exemplaire appart. a P. Pereverzev. 1929.
- Kandaurov, L.D. Note to P. Pereverzev, 1 page.
- Komfeldt, Michel. «Memoire sur la F.M. Russe». Exemplaire hectographie No. 56, appart. a P. Pereverzev. Contresigne pour authenticite par L. Kandaurov et G. Sliozberg. 29 avril 1929. (Rites Ecossais).
- Maklakov, Basil A. «La Franc-Maconnerie». Dactylographie. 1943, a la prison de la Sante, Boulevard Arago, Paris.
- Margulies, Emmanuel S. «La Franc-Maconnerie en Russie depuis 25 ans». Acacia, No. 16, fevrier 1925. Pp. 288 – 292.
- Masonic Club Russia. Bulletin No. 1. 1943. Dedicated «To the Memory of Brother Ossorgin». Hectograph. (Including an obituary on Avxentiev, and other materials by: Aldanov, G. Gurevich, Delevsky, Imshanetsky, Charles Johnson, Mendelson, Mabo, Leites and Liberman).
- «Notes sur Ossorgin». 2 pages.
- «From an Official List». 1 p.
- Points de Vue Initiatiques. Un bulletin paraissant 4 fois par an avant 1940.
- Provisional Government. Relations with France. 1917-1924. Hoover.
- Radio-Paris, 26-me emission. Mardi, 13 avril 1943, de 9:40 a 9:50.
- Rapport du Groupement des Loges de la GLDF, le 28 fevrier 1952. 15 pages dactylographiees.
- Reglement Special du Consistoire «Rossia». Annees 1, 2, 3, Installe a l'Orient de Paris le 10 fevrier 1927. 5 p.
- Revue Internationale des Societes Secretes. Rue Cadet, Paris.
- United History of Russian Masonry, Typescript. 1931(?). Archives du Grand Orient, Paris.

КНИГА «ЛЮДИ И ЛОЖИ» И ЕЕ АВТОР

О своей жизни Нина Николаевна Берберова (1901-1993) подробно рассказала в автобиографии «Курсив мой», и вряд ли имеет смысл эту книгу пересказывать. Но сказать несколько слов о ее литературной деятельности стоит.

Нина Берберова уехала из России в 1922 году совсем молоденькой девушкой, уехала с Ходасевичем, уже известным поэтом, который готовил ее к литературному дебюту и всячески предостерегал от участия в коллективных акциях начинающих поэтов, справедливо полагая, что в условиях эмиграции назвавший себя начинающим рискует остаться таковым на всю жизнь.

К совету Ходасевича Берберова прислушалась и в литературу вошла как-то сразу, причем с первых же шагов как литератор самостоятельный. Первая подборка ее стихов, а также перевод бюргеровской «Леноры» появились в 1923 году в первом номере берлинского журнала «Беседа», в редактировании которого принимали участие Горький и Ходасевич.

В том же 1923 году берлинское издательство «Геликон» выпустило отдельной книгой ее перевод «Опасных связей» Шодерло де Лакло. А уже в конце года состоялся дебют Берберовой в самом главном эмигрантском журнале «Современные записки», причем не только как поэта, но и как критика.

С этого времени Нина Николаевна Берберова стала постоянным автором «Современных записок», таким образом сразу перешагнув стадию начинающего автора. После этого ее охотно печатали практически все эмигрантские издания: газеты «Последние

новости» и «Дни», журналы «Воля России», «Звено», «Новый дом», «Новый корабль». В журнале «Новый дом» Берберова стала даже одним из членов редколлегии.

Стихи Берберова продолжала писать на протяжении всей жизни, но обращалась к ним нечасто. Отдельным изданием они были опубликованы лишь спустя несколько десятилетий¹⁴⁷. Больше времени она отдавала прозе, опубликовав серию рассказов в «Последних новостях» и «Современных записках», а также три романа: «Последние и первые» (Париж: Я. Поволоцкий, 1931), «Повелительница» (Берлин: Парабола, 1932), «Без заката» (Париж: Дом книги, 1938). Романы, а в еще большей степени рассказы, были из эмигрантского быта, в духе жестокого реализма Достоевского.

Критика сразу же оценила берберовскую прозу весьма высоко, причем на этом сошлись даже завзятые литературные враги и полемисты. Скупой на похвалы Набоков назвал роман «Последние и первые» книгой «своеобразной, ладной и блестящей <...> это литература высокого качества, произведение подлинного писателя»¹⁴⁸.

Положительно отозвались о романе самые видные эмигрантские критики: Глеб Струве, Владислав Ходасевич, Владимир Вейдле и др. Даже Георгий Адамович, человек из другого литературного лагеря, редко совпадавший в оценках с Набоковым и Ходасевичем, здесь вынужден был согласиться и давал положительные рецензии на все книги Берберовой, начиная со второго романа.

Берберова рано ощутила, а позднее и осознала растущий интерес к документальным жанрам, мемуарам, биографиям и т.д. Предпосылки к тому, что жанр этот ей будет близок, содержатся уже в ранней прозе Берберовой, причем от года к году становятся все заметнее.

Во второй половине тридцатых она приступает к этому жанру вплотную, публикуя художественные биографии русских композиторов: «Чайковский: история одинокой жизни» (Берлин: Петрополис, 1936) и «Бородин» (Берлин: Петрополис, 1938), а также книгу на французском языке «A. Block et son temps» (Paris, 1947).

Последней книгой европейского периода жизни Берберовой стал сборник «Облегчение участи» (Париж: YMCA-press, 1949), в который вошли повести, появлявшиеся в «Современных записках» и «Новом журнале» в 30-40-е годы. В 1950 г. Берберова оставила Европу и переехала в США. Здесь с 1958 года она преподавала в Йеле, а затем в Принстоне, продолжала писать беллетристику, публикуя ее в «Новом журнале», «Мостах» и «Опытах», и незадолго до смерти – в 1989 году – еще успела побывать в России, которую не видела почти семь десятилетий. Но главными ее произведениями стали книги иного, небеллетристического жанра.

Именно они получили наибольшую популярность как у русского, так и у иностранного читателя. Первой из них была автобиография «Курсив мой», вышедшая в 1969 году на английском, а позже двумя изданиями на русском языке (Munich, 1972; New York: Russica Publishers, Inc., 1983). В России она печаталась – несчастный случай – одновременно в двух разных журналах¹⁴⁹, а позже вышла и книгой в издательстве «Согласие».

За ней последовало жизнеописание баронессы М. Будберг «Железная женщина» (New York: Russica Publishers, Inc., 1981), в 1989 году впервые напечатанное в России¹⁵⁰, а в 1991 году переизданное одновременно «Политиздатом» и «Книжной палатой».

Определяя жанр этой книги, Андрей Вознесенский назвал ее «инфроманом»¹⁵¹ –

¹⁴⁷ Берберова И. Стихи: 1921-1983. Нью-Йорк, 1984.

¹⁴⁸ Рувль. 1931. 23 июля.

¹⁴⁹ Вопросы литературы. 1988. №№ 9-11; Октябрь. 1988. №№ 10-12.

¹⁵⁰ Дружба народов. 1989. №№ 8-12.

¹⁵¹ Вознесенский А. Инфроман // Дружба народов. 1989. №8. с. 125.

информационным романом, то есть повествованием, настолько насыщенным документально, что подлинной пружиной сюжета становится именно информация, а не конфликт между героями или в душах героев, как это обычно бывает в беллетристике.

Сама Берберова тоже считала, что судьба Марии Будберг – скорее предлог, чем основная цель повествования: «Обстановка и эпоха – два главных героя моей книги»¹⁵². И эти слова, и определение Вознесенского можно отнести не только к «Железной женщине», но и ко всей берберовской трилогии.

И это именно трилогия, а не три повествования на разные темы; как раз единой темой все три книги и связаны. Тему эту Берберова прямо формулирует на первых же страницах «Курсива», задавшись целью «рассказать свою жизнь в хронологическом порядке и раскрыть ее смысл».

Вот эта ключевая фраза: «Из трех возможностей: жить для будущей жизни, жить для будущих поколений и жить для сегодняшнего дня, я очень рано выбрала третье»¹⁵³. Почти ту же мысль Берберова высказывает, пытаясь раскрыть смысл жизни Марии Будберг, которую хорошо знала. Смысл этот: выжить во что бы то ни стало, причем не просто выжить, но в любых обстоятельствах и любой ценой оказываться наверху.

В книге, повествующей уже не об отдельной судьбе, а о судьбе целого поколения или, по крайней мере, большей его части, подобной фразы нет, но по прочтении ее складывается впечатление, что Берберова и здесь видела тот же смысл. Эта третья, завершающая трилогию, книга – «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (New York: Russica Publishers, Inc., 1986). В России она до сих пор появлялась лишь в журнальном варианте¹⁵⁴ и отдельным изданием выходит впервые.

Историки

Начиная с тридцатых годов в Советском Союзе на протяжении полувека практически не появлялось публикаций о масонстве XX века, даже об иностранном, не говоря уже об отечественном. Были лишь упоминания в академических статьях и монографиях А.Е. Иоффе, А.В. Игнатьева, Е.Д. Черменского, которые широкого отклика не вызывали.

Новые поколения, в отличие от своих дедов, помнящих по крайней мере антимасонские кампании в дореволюционной консервативной прессе, не знали о масонстве буквально ничего. Только в семидесятые годы шлюзы слегка приоткрылись, и на неподготовленного читателя хлынула волна публикаций самого разного толка и качества.

Если на Западе тайные общества самых разнообразных типов давно стали неотъемлемым атрибутом политической жизни и более или менее действенным инструментом, дополняющим официальные институты, то для российского читателя 70-80-х годов нашего века масонская тема стала откровением. Сама возможность существования тайных обществ, кроме официально узаконенных секретных организаций, казалась советскому человеку явной крамолой, и даже мысль об этом была способна ошеломить советского человека.

Как водится, первой брешь пробила историческая беллетристика и скандально-сенсационные откровения публицистов от истории Н.Н. Яковлева, М.К. Касвинова, В.А. Пигалева, В.Я. Бегуна и др., вызвавшие к теме живой интерес.

Возражали им официальные советские историки вроде И.И. Минца, категорически

¹⁵² Берберова Н. Железная женщина. М.: Политиздат, 1991. с. 5.

¹⁵³ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. New York, 1983. т. 1. с. 7.

¹⁵⁴ Вопросы литературы. 1990. №№ 1, 3-7.

отрицавшие не только какое бы то ни было влияние масонов на политическую жизнь России, но зачастую и само их существование.

Почти все, о чем они писали, было в общих чертах известно любому зарубежному читателю, причем не только историку, но и рядовому эмигранту – подобных публикаций того и другого толка, и даже покруче, в эмиграции выходило предостаточно. В СССР принято было их все без различия относить к разряду белогвардейско-черносотенных, не вдаваясь в дальнейшие подробности, не обсуждая и не читая. До недавнего времени под эту категорию попадали практически любые работы, вышедшие за пределами Советского Союза.

И до сих пор многочисленные дореволюционные и белоэмигрантские публикации, посвященные масонству, в большинстве своем остаются вне поля зрения историков по понятным причинам: источник это весьма ненадежный, как и вся вообще публицистика, факты часто процентов на 90 вымышлены, а вместо осмысления, как правило, присутствует просто-напросто подтягивание их под заранее заданную концепцию.

Однако следовало бы когда-нибудь сделать их общий обзор, во-первых, с точки зрения социологической, что-нибудь вроде: «Масонство глазами российского обывателя», а во-вторых, чтобы проследить распространение информации и обрастание ее слухами. До сих пор все историки отделяются по этому поводу общими фразами: тут, мол, и так все всем понятно. Между тем, эти писания очень неоднородны по своему содержанию, авторам и уровню информированности.

Например, Н.А. Свитков (Степанов) в своей брошюре¹⁵⁵, базирующейся, судя по всему, на материалах французской антимасонской лиги, приводил список русских масонов, насчитывающий сотни фамилий, и хотя туда попало несколько лиц, никогда никакого отношения к масонству не имевших, вплоть до Ленина, в основе своей список совпадает со списком Берберовой, несмотря на то, что составлен на полвека раньше.

Большинство белоэмигрантских разоблачительных публикаций тридцатых годов легко возводится к брошюре Свиткова, добавлены лишь эмоции да домыслы, хотя и тут есть исключения. В нескольких публикациях этого рода, например, структура, иерархия и даже состав масонских лож в эмиграции воспроизводились в целом почти верно, хотя авторам свойственно было расширять список, зачисляя в масоны почти всех заметных людей, от Бунина до Ленина.

Помимо авторов, преследующих те или иные конъюнктурные соображения, были и историки, стремившиеся объективно разобраться в проблеме, не ставя себе задачей любыми средствами доказать то или иное мнение, не сообразуясь с фактами. На протяжении многих лет работали над темой масонства О.Ф. Соловьев, В.И. Старцев, А.Я. Аврех, и их публикации выгодно отличались от обычных публицистических писаний осторожным обращением с фактами и постоянными архивными поисками. Беда в том, что фактов в их распоряжении было не так уж много.

Почти все авторы, пишущие о русском масонстве XX века, вынуждены были в качестве опорных перебирать одни и те же несколько цитат, домысливая и догадываясь обо всем остальном. Они и сами это прекрасно понимали: «что же касается источников, то их действительно не так много <...> Упоминания о масонских связях А.Ф. Керенского, Н.В. Некрасова, М.И. Терещенко и А.И. Коновалова в воспоминаниях П.Н. Милюкова, вышедших в свет в 1955 г., и письма Е.Д. Кусковой, приведенные в книге Г.Я. Аронсона «Россия в эпоху революции» <...> мемуары И.В. Гессена и книга С.П. Мельгунова»¹⁵⁶.

До выхода книги Берберовой публикации подлинных масонских документов можно

¹⁵⁵ Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.), составленное на основании масонских документов. Париж: Edition de la «Libre parole», 1932.

¹⁵⁶ Старцев В.И. Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989 №6. с. 34-35.

было пересчитать по пальцам, и самой значительной из них была статья Б.И. Элькина¹⁵⁷. Почти все документы взяты из зарубежных архивов, реже – из государственных, а в большей степени из частных собраний.

Документов, непосредственно относящихся к политическому масонству предреволюционных лет, в российских архивах удалось обнаружить не много. До сих пор наиболее обстоятельно исследовано по первоисточникам лишь так называемое «полицейское» масонство, т.е. старательная, но безрезультатная охота на масонов, а в еще большей степени – донесения о ложах или даже целых грандиозных масонских сообществах, которые существовали только на бумаге, — инспирированные царской охранкой из карьерных соображений, а также авантюристами всех мастей из соображений корыстных или тщеславных, — случаи нередкие в то богатое на политические провокации время.

Каким образом царская полиция пыталась разоблачать несуществующие масонские ложи, получая под это правительственные субсидии, весьма красочно описано в книгах О.Ф. Соловьева и А.Я. Авреха¹⁵⁸, пользовавшихся материалами архивов Департамента полиции и охранных отделений.

Причины, почему эта область оказалась исследована лучше других, очевидны: эти документы в российских государственных архивах представлены с достаточной полнотой. За недостатком других источников историкам остается либо счесть, как это сделал, например, А.Я. Аврех, что полицейское масонство преобладало и ничего серьезного не было, либо пытаться реконструировать историю масонства по сохранившимся намекам или косвенным свидетельствам, как поступила Берберова. В последнем случае претендовать на абсолютную истину трудно, зато результаты оказываются более впечатляющими.

В семидесятые-восемидесятые годы больших успехов, чем в России, достигли зарубежные ученые, и в те времена имевшие доступ к архивным источникам разных стран и возможность обобщить гораздо большее количество свидетельств и документов. Здесь нужно назвать прежде всего упоминаемого Берберовой американского ученого Натана Смита и польского историка Людвика Хасса, которым принадлежат наиболее серьезные работы о русском масонстве.

Все настоящие публикации российских ученых на эту тему относятся к концу восьмидесятых – началу девяностых годов, то есть появились уже после выхода книги Берберовой.

«Люди и ложи».

Историю создания книги Нина Берберова довольно обстоятельно изложила в собственном предисловии. Добавить к этому можно только то, что в «Курсиве» она рассказывала, как Хатисов в Париже советовал ей «стать членом женской ложи и затем написать роман о современном русском масонстве»¹⁵⁹. Хатисов оказался неплохим пророком. «Люди и ложи» Берберовой, правда, не роман, но по увлекательности не уступят хорошему роману.

Эта книга написана не столько историком, сколько современником, со всеми вытекающими из этого достоинствами и недостатками. Отсюда многочисленные неточности, но и редкая осведомленность и редкая же популярность у читателей.

¹⁵⁷ Elkin Boris. Attempts to Revive Freemasonry in Russia // Slavonic and East European Review. 1966. XXXIV. July.

¹⁵⁸ Аврех А.Я. Мasons и революция. М., 1990; Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917 гг. М., 1993. с. 194-207.

¹⁵⁹ Берберова Н. Курсив мой. New York, 1983. т. 1. с. 364.

Далеко не все историки могут щегольнуть таким, например, оборотом: «как мне говорил Керенский...», и уж тем более не все решатся использовать такие непроверяемые факты в качестве аргумента в строгом исследовании. Другое дело – современник, мемуарист, интуитивно ощущающий достоверность или недостоверность тех или иных высказываний собеседника. В книге Берберовой оба ее дара – мемуариста и историка – проявились в одинаковой мере.

Берберовой доводилось сетовать, что «в русской масонской литературе ничтожно мало книг, написанных для печати, в расчете на широкого читателя, а не только для посвященных, и не малограмотными авторами, а людьми осведомленными и добросовестными». Ей самой удалось написать именно такую книгу.

При этом Берберова особо подчеркнула, что «книга эта написана не только для специалистов, но и для рядового интеллигентного читателя». И это действительно так.

Читателя привлекают таинственная атмосфера, недоговоренности, весь увлекательный антураж и прочие атрибуты хорошей беллетристики. Специалиста – словарь и множество архивных сведений, которые нуждаются в осмыслении и проверке.

Этим гибридным жанром объясняются одновременно все достоинства и недостатки книги. Она написана увлекательно, с размахом и читается легко, чего не скажешь о большинстве сухих и осторожных исторических трудов. Историки могут считать это недостатком, но рядовые читатели отнесут скорее к достоинствам. Читать «Люди и ложи» интересно, даже если не во всем с автором соглашаешься.

В результате получилось так, что книга заинтересовала сразу все читательские группы: массовый читатель видит в ней прежде всего увлекательнейшее повествование, эрудит – великолепный кроссворд для интеллектуалов, специалист – огромный пласт новой информации и отличный повод для споров и размышлений.

При всех неточностях книга Берберовой «Люди и ложи» остается первостепенным источником информации по истории XX века, одним из немногих трудов, представляющих собой не только догадки, домыслы и размышления, но и впервые вводящих в оборот немалое число материалов и документов. Концепция, которой придерживается Берберова, – дело другое. Концепции видоизменяются, сменяют друг друга, зависят от общественно-политической ситуации и современных условий, а факты остаются, предоставляя любому желающему возможность трактовать их как заблагорассудится.

Книга, пришедшая по вкусу читателям, была, однако, с недоверием встречена историками. Их многое насторожило в книге Берберовой, и, в первую очередь, известный налет таинственности и недоговоренности – то есть как раз то, что вызвало читательский интерес.

Берберова не забывает упомянуть о том, что пыль на ящиках с масонскими бумагами «была в два пальца», но очень редко дает точные или хотя бы приблизительные описания документов, обнаруженных, по ее выражению, «в недрах отдела рукописей». Часто проверить автора почти невозможно, в книге дан лишь результат поисков, заключение, но откуда именно почерпнуты факты, насколько они достоверны – об этом остается только гадать.

Обобщая недовольство историков, В.И. Старцев пишет, что Берберова как равноценным источникам «доверяет и упоминанию в записке Кандаурова, и очерку А.П. Лукина, в котором рассказывается о «декабристском» кружке в Гельсингфорсе перед Февральской революцией, и публикации в «Journal officiel», осуществленной немцами осенью 1941г., и застольным разговорам у М. Горького в Сорренто в середине 20-х годов. Поэтому, строго говоря, по каждой фамилии, упомянутой в списке Берберовой, возможны споры»¹⁶⁰.

Но при недостатке подлинных документов историк вынужден либо констатировать

¹⁶⁰ Старцев В.И. Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. №6. с. 40.

этот прискорбный факт, либо пытаться восстанавливать истину на основании косвенных признаков.

Берберова выбрала второй путь, причем вполне сознательно, оговорив это в своей книге: «косвенное показание, а еще лучше, когда их два или три, дают историку больше, чем показания самих братьев тайного общества, с его индульгенцией – неотъемлемым правом делать бывшее небывшим, то есть правом узаконенной лжи».

Историки по большей части восприняли это как нарушение правил, но Берберову волновали не проблемы методологии. Она писала не только историческое исследование, базирующееся на документах, но одновременно и сам документ, хорошо понимая, что если она не напишет о сотнях и тысячах только ей известных фраз, намеков, догадок и других мелочей, об этом не напишет уже никто.

Свидетельство современника, даже если он нечаянно или намеренно ошибается, все равно остается для историка драгоценным материалом. В этом отношении содержательная книга Берберовой не имеет себе равных и надолго останется необходимейшим первоисточником для всех историков, даже для тех, кто не разделяет ее взглядов и не согласен с ее оценками.

Спорить с отдельными положениями и догадками Берберовой можно и нужно, но ценности ее труда никакие дополнения и уточнения не умалят.

Несколько уточнений

Берберова пишет, что «Ковалевскому было предложено проявить инициативу и получить директивы для открытия первых лож». Судя по документам и воспоминаниям, инициатива исходила от самого М.М. Ковалевского. В статье Б. Элькина приводится ходатайство члена ложи «Верные друзья» Ковалевского председателю совета «Великого Востока Франции» от 11 января 1906 года о получении временных полномочий, позволяющих «создать на Востоке Москвы или Петербурга правильную ложу, работы которой могут быть начаты позднее в законной форме назначенным вами делегатом»¹⁶¹.

И.В. Гессен вспоминал, что еще в 1904 году ему была устроена встреча с только что прибывшим из-за границы Ковалевским. «Ковалевский, едва успев поздороваться, сразу же стал доказывать, смотря мимо меня, что только масонство может победить самодержавие. Он положительно напоминал комиссионера, который является, чтобы сбыть продаваемый товар, и ничем не интересуется, ничего кругом не видит и занят только тем, чтобы товар свой показать лицом»¹⁶².

По утверждению Берберовой, первая петербургская ложа была основана в 1907 году, первая московская, «Возрождение», — в 1908. Но в статье Б.И. Элькина приведен протокол основателей «Возрождения» в Москве, датированный 15 ноября 1906 г., в котором значатся имена Ковалевского, Маклакова, Баженова, Аничкова, Лорис-Меликова, де Роберти, кн. Урусова, кн. Бебутова, В. Немировича-Данченко и др.

Петербургскую ложу Берберова называет «Северной звездой» и рассказывает целую историю о том, что название было изменено из-за одноименной царской яхты. Но опубликованные документы ложи заверены печатью с надписью по-русски: «Полярная звезда». Первый ее состав насчитывал 19 человек, среди них те же, что и в «Возрождении», Бебутов, Маклаков и Немирович-Данченко, а также Маргулиес, Переверзев, Коллюбакин, Браудо, Шингарев, Щеголев и др. Мастером «Полярной звезды» с января 1907 года стал граф А.А. Орлов-Давыдов.

¹⁶¹ Elkin Boris. Attempts to Revive Freemasonry in Russia // Slavonic and East European Review. 1966. XXXIV. July. p.462.

¹⁶² Гессен И.В. В двух веках // Архив русской революции. Берлин, 1937. т. 22. с. 216-217.

Ложи были санкционированы Р. Сеншолем и Ж. Буле («Великий Восток Франции») в июле 1908 года, а уже в ноябре конвент из обеих лож тайным голосованием выбрал Верховный совет, в который вошли Урусов, Головин и Маргулиес.

Участие А.В. Амфитеатрова в организации первых российских лож представляется весьма сомнительным. Эмигрировав в 1904 году (а не в 1905, как пишет Берберова), с 1906 по 1916 год он жил в Италии и мог руководить этим процессом разве что по переписке.

Берберова считает несомненным, что Буле и Сеншоль приезжали в Россию несколько раз и открывали ложи, подчиненные не только «Великому Востоку», но и «Великой Ложе Франции». Ее уверенность в этом разделить трудно. Таких полномочий они не могли иметь, и в документах «Великой Ложи» историки не нашли даже намека на существование ее лож в России.

В пользу такой догадки есть единственное свидетельство: об этом упоминает Кандауров, но как раз «Записка» Кандаурова считается источником весьма ненадежным, поскольку «в части, касающейся периода до конца 1917 г., опирается исключительно на услышанное от других и догадки»¹⁶³.

Кандауров стал масоном лишь в 1917 году, поэтому никак не мог «уже с осени 1914 г. налаживать связи <...> с братьями своей Великой Ложи», о чем пишет Берберова. Савинков, наоборот, стал масоном не в 1922 году, а раньше, в 1917.

Судя по контексту, в котором в первый раз упоминается Лорис-Меликов, это, скорее всего, не Иосиф Григорьевич, дипломат в Норвегии, а Иван Захарович Лорис-Меликов, врач и личный друг Ковалевского. Принадлежность к масонству дипломата предстоит еще доказать.

Н. Берберова упоминает «Великую французскую национальную ложу», но ложа с таким названием появилась во Франции только в 1948 году, до того была «Великая национальная независимая и правильная ложа», да и она действовала с 1913 г., так что не могла «существовать в мирном сожительстве с другими тремя» послушаниями до 1912 года, как пишет Берберова.

Доклад Г.В.Адамовича, по словам Берберовой, «помещенный в «Бюллетене» №7, в июле 1961 г., о смысле эмиграции: «Что мы такое? Что впереди? Зачем мы в эмиграции?» – это, судя по всему, доклад под названием «Надежды и сомнения эмиграции», прочитанный Адамовичем в ложе «Юпитер» 20 апреля 1961 года и опубликованный двумя месяцами позже в «Вестнике Объединения Русских лож Д. и П. Шотландского Устава» (1961. №7. с. 3 – 18).

Доклад его о Достоевском, вопреки утверждению Берберовой, в «Вестнике» не публиковался, там был напечатан, помимо вышеупомянутого, только доклад о Гоголе (1959. № 3. с. 31-34) и два некролога: «Памяти Д.Н. Ермолова» (1963. № 11. С. 2-3) и «Памяти В.В. Вырубова» (1964. №12. с. 7).

Особенно много неточностей допускает Берберова в датах жизни своих персонажей, несмотря на то, что проставлены они в «Биографическом словаре» далеко не у всех.

Так, даты жизни М.И. Терещенко – 1886-1956, а не 1888-1958; Г.В. Адамовича – 1892-1972, а не 1894-1971. Точная дата рождения ММ. Ковалевского – 1851 год, а не 1857, В.А. Маклакова – 1870, Ф.И. Родичева – 1854, В.А. Бобринского – 1867, В.Я. Богучарского (наст. фам.: Яковлев) – 1860, В.М. Зензинова – 1880, Б.Э. Нольде – 1876, С.Д. Урусова – 1862, И.Г. Церетели – 1881.

Чаще всего Берберова ошибается на год-два, но иногда и лет на пять-шесть, что уже существенно. П.А. Бурый умер в 1955 г., а не в 1959 году, и эмигрировал не «после 1917», а в январе 1920 года, успев побывать министром финансов в правительстве Колчака.

Н.В. Некрасов не «работал на Беломорско-Балтийском канале в 1928-1930». Строительство канала и началось-то лишь в конце 1930 года. До ареста в 1930 году Некрасов

¹⁶³ Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. №1. с. 28.

служил в Центросоюзе, а в заключении находился с 1931 по 1933 год и канал строил именно в качестве заключенного. Позже, с 1939 года, он действительно был служащим на строительстве канала Москва-Волга.

Вадим Андреев не «вернулся в СССР после сотрудничества в «Советском патриоте», а лишь взял советский паспорт. В Советском Союзе побывал в 1957 году и принял решение не возвращаться после встречи с братом Даниилом, к тому времени отсидевшим свой срок.

Неточно и то, что Антонин Ладинский «в конце 40-х гг. был выслан из Франции в СССР». Он был выслан из Франции в сентябре 1950 года и жил в Дрездене, вернувшись в Советский Союз лишь в 1955 г.

А.А. Кизеветтер не в 1918 году оказался в эмиграции, но был выслан в 1922 г., на печально знаменитом «философском пароходе».

О том, что профессор Д.Д. Гримм оказался «после войны – в Австралии», сведений найти не удалось. Освободившись после ареста в 1919 году, он эмигрировал в Финляндию, редактировал там газеты «Русская жизнь» и «Новая русская жизнь», в 1922-1929 годах был деканом Русского юридического факультета в Праге, в 1927-1934 гг. — профессором университета в Тарту.

С.Ф. Ольденбург был не председателем, а секретарем Российской Академии наук, а Н.Б. Щербатов в царском правительстве занимал пост министра внутренних дел, а не иностранных.

И.Н. Ефремов (1866-1932) был депутатом не только IV, но также I и III Государственной Думы, а кроме того членом не только «Малой Медведицы» и «Думской ложи», но и «Верховного Совета народов России».

У Т.А. Бакуниной-Осоргиной книга о русском масонстве XVIII-XIX вв. существует не только на французском, но и на русском языке, причем не одна¹⁶⁴ – правда, эти книги куда более популяризаторские, чем монументальный «Le repertoire biographique».

Берберова не могла не знать эти книги, потому что первую из них рецензировал В. Ходасевич¹⁶⁵, за работой которого она очень внимательно следила даже после того, как они расстались в 1932 году.

Трудовиков Берберова не совсем правомерно отождествляет с партией народных социалистов, особенно когда речь идет о «последних годах царского режима». Народно-социалистическая партия (энесы; 1906-1917) слилась с Трудовой группой (трудовики; 1906-1917) лишь в июне 1917 года, образовав Трудовую народно-социалистическую партию (1917-1940, с 1920 – в эмиграции).

«Арьергардом» масонства трудовиков назвать можно с большой натяжкой, поскольку как сама группа, так и ее думская фракция на девять десятых состояли из крестьян. Берберова, вероятно, упоминает ее в таком контексте потому, что в 1915 году председателем фракции был выбран А.Ф. Керенский.

Кстати, говоря об «арьергарде» масонства в дни перед Февральской революцией, Берберова открывает список почему-то графом П.А. Гейденом, тут же проставляя даты его жизни – 1840-1907 гг., на этот раз совершенно верные.

О «Союзе Освобождения» как одной из организационных форм прамасонства писали, помимо Берберовой, и российские историки. Например, О.Ф. Соловьев находил, что «организационные формы Союза имели черты сходства со структурой «Великого Востока Франции»¹⁶⁶. Милюков в воспоминаниях говорит о том, что «из этого круга получал

¹⁶⁴ Бакунина Т.А. Русские вольные каменщики. Париж: Свеча, 1934; Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. Париж: Свеча, 1935.

¹⁶⁵ Возрождение. 1934. 23 августа. № 3368. с. 3.

¹⁶⁶ Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917. М., 1993. с. 171.

неоднократные и настойчивые предложения <...> войти в некий тайный союз»¹⁶⁷. Союз, членами которого были, среди прочих, В.Я. Богучарский, П.Д. Долгоруков, В.И. Вернадский, М.Д. Лутугин, С.А. Котляревский, А.М. Колюбакин, А.И. Протопопов, Н.Н. Львов, Л.И. Петрункевич, Д.И. Шаховской, просуществовал, как известно, с января 1904 по август 1905 г., а в октябре 1905 г. на смену ему оформилась кадетская партия.

Но если уж расширять список мест, где встречался «арьергард», вплоть до «Союза Освобождения», то стоило включить туда и «Парижскую русскую школу для взрослых», как ее именует Берберова, и которая на самом деле называлась «Высшей школой общественных наук». В ее организации, помимо М.М. Ковалевского, принимали активное участие почти исключительно одни только масоны иностранных лож: Ю.С. Гамбаров, Е.В. де Роберти, Е.В. Аничков, о чем Берберова не упоминает.

Можно упомянуть и кружок «Беседа» (1899-1905), членами которого были С.А. Котляревский, Д.И. Шаховской, В.А. Маклаков, Г.Е. Львов, и более поздние «Клуб образования» (Петербург, 1909), «Общество единения народностей в России» (Москва, 1909), их местные отделения в городах России и другие легальные организации, используемые русским масонством так же, как французское масонство использовало в качестве легальных «Лигу по защите прав человека» и другие аналогичные организации.

Но при таком рассмотрении российское масонство окончательно получает вид специфической межпартийной общественной организации, отличающейся от огромного количества обычных общественных организаций только тем, что не стремилась афишировать свои цели и деятельность. Впрочем, некоторые зарубежные исследователи именно так российское масонство и расценивают¹⁶⁸.

О.Ф. Соловьев сомневается в том, что А.И. Гучков был масоном, и, надо сказать, посвященная Гучкову глава приложений действительно кажется не очень убедительной. Во всей приведенной переписке Вольского и Николаевского нет ни одного факта в пользу такого предположения, нет даже косвенных доказательств, есть лишь убежденность в том Вольского, да и то со слов Кусковой, которые сам же Николаевский называет «рекордным сумасшествием».

Гальперн, член ложи «Малая медведица» с 1910 года, причислял к масонам, среди других, также Мережковского, Гиппиус, Суханова. Почему Берберова, знакомая с работой Гальперна и ссылающаяся на нее, не сочла нужным подтвердить или опровергнуть это заявление в «Людах и ложах», остается загадкой. В «Курсиве» она твердо называла Мережковского среди лиц, «никогда не принадлежавших к масонству»¹⁶⁹.

Все эти неточности неудивительны – в то время, когда создавалась книга, достоверных справочников еще почти не было, а в «Биографическом словаре» Берберовой далеко не все фамилии настолько громкие, чтобы попасть в Британику или Большую Советскую Энциклопедию.

Стоило бы внести и несколько других уточнений, не относящихся впрямую к теме книги и ее персонажам, но, тем не менее, напрашивающихся. Так, например, «Звено», литературное приложение к «Последним новостям», выходило в Париже не с 1920, а с 1923 года.

Упомянутый Берберовой роман «Негромкий выстрел» «некоего Иванова» принадлежит перу известного исторического романиста Валентина Пикуля. Роман печатался под псевдонимом в советской пропагандистской газете «Голос Родины», рассчитанной на

¹⁶⁷ Миллюков П.Н. Роковые годы // Русские записки. 1938. № 11. с. 139.

¹⁶⁸ Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905-1917 // Slavic Review. 1965. March. XXVI.

¹⁶⁹ Берберова Н. Курсив мой. New York, 1983. т. 2. с. 665.

эмиграцию, а позже вышел отдельным изданием. Он появился в тот самый период, когда советское общество едва ли не впервые открыло для себя масонскую тему, и подобные книги и публикации сыпались одна за другой.

К сожалению практически все эти произведения – как романы, так и исторические труды, — по сути не вышли за рамки беллетристики в силу обилия домыслов при почти полном отсутствии объективной информации. Серьезные историки обратились в России к этой теме позже.

Когда-нибудь историки дополнят новыми фактами многие биографии «Словаря», да и сам «Словарь» наверняка расширят, превратив его в более развернутый справочник.

Но все это дело будущего. Книга и в таком виде заслуживает всяческого внимания. Отдельные неточности ее достоинств отнюдь не умаляют. При такой насыщенности информацией и неизученности материала их могло бы быть и много больше.

Подобные незначительные и даже более существенные уточнения к книге Берберовой будут наверняка появляться и в дальнейшем, по мере публикации новых архивных разысканий, но сути они не изменят и на оценке ее труда вряд ли скажутся.

Споры о масонстве

Берберова в первом же абзаце заинтриговывает читателя утверждением, что заинтересовалась русскими масонами «не потому что это были исключительные люди, а потому что они были люди исключительного времени и играли в нем исключительную роль». Как раз о роли масонов почти все историки единодушно говорят обратное, хотя по другим вопросам часто расходятся.

О.Ф. Соловьев: «История масонства в России на протяжении длительного периода не свидетельствует о его значимости»¹⁷⁰.

Л. Хасс: «Роль масонства в событиях марта – октября 1917 не могла быть не только решающей, но даже сколько-нибудь значительной»¹⁷¹.

А.Я. Аврех: «Расклад реально задействованных политических сил накануне и в ходе Февральской революции был таков, что масонского присутствия среди них практически не ощущалось. Оно было так мало и ничтожно, что его не заметили даже современники»¹⁷².

Знакомый Берберовой Натан Смит, суммируя высказывания на эту тему, писал: «Все масонские источники единодушны в том, что организация распалась и потому не оказала влияния на политическую жизнь страны»¹⁷³.

Несколько выше роль масонов оценивал только В.И. Старцев, но и его вывод весьма далек от берберовского: «Верховный Совет народов России» был хотя и тайным, но весьма действенным институтом формирования общественного мнения и оппозиционных настроений»¹⁷⁴.

Таким образом, здесь Берберова куда ближе к консервативным публицистам и сторонникам теории заговора, чем к историкам-марксистам, — с той лишь разницей, что она гораздо информированнее и тех, и других. Но, скорее всего, это просто способ подогреть

¹⁷⁰ Соловьев О.Ф. Масонство в России // Вопросы истории. 1988. № 10. с. 25.

¹⁷¹ Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. №1. с. 33.

¹⁷² Аврех А.Я. Мasons и революция. М., 1990. с. 320.

¹⁷³ Smith N. Political Freemasonry in Russia. 1906-1918: A Discussion of the Sources // Russian Review. 1985. Apr. p. 168.

¹⁷⁴ Старцев В.И. Российские масоны XX века // Вопросы истории. 1989. №6. с. 49.

читательский интерес. Берберова использовала антураж теории заговора, чтобы привлечь внимание к реальным вещам, в то время как обычно используют реальные факты для того, чтобы привлечь внимание к теории заговора.

Широковещательные заявления вроде того, что «в это время – от начала Первой войны и вплоть до февраля 1917 г. — в России не было профессии, учреждения, казенного или частного общества, организации или группы, где бы не было масонов», следует отнести все на тот же счет читательского интереса.

Приведенный список 660 имен, из которых вдобавок половина относится к эмигрантской эпохе, говорит о другом. Несколько сотен человек на сто пятидесяти миллионную страну и «не было общества, организации или группы» – это явно сказано для красного словца и привлечения публики. По численности и масштабам деятельности российское масонство не идет ни в какое сравнение с французским.

По подсчетам Ю.И. Рубинского¹⁷⁵, к началу XX века среди депутатов французского парламента из примерно 600 человек к масонству принадлежали 150-200 лиц, имевших сильные позиции в средствах массовой информации и в органах местного самоуправления, что содействовало успеху на выборах.

Всего же только в «Великом Востоке Франции» числилось до 30 тысяч членов (в одном Париже 62 ложи), немногим уступала «Великому Востоку» и «Великая ложа Франции» – 33 братства шотландского обряда. Председателем партии радикалов и радикал-социалистов, до Второй мировой войны поставлявшей президентов и премьер-министров, был Ж. Лаферр, глава «Великого Востока» в 1903-1909 гг. Исполнительный комитет партии почти наполовину состоял из масонов, бюро комитета – на две трети.

В России же ситуация даже отдаленно не напоминала французскую. В первое десятилетие века, по строгим подсчетам, едва ли полсотни россиян состояло в правильных ложах, считая здесь и ложи иностранных государств. И даже если принимать во внимание все косвенные признаки, число этих людей вряд ли перевалит за сотню. Прочие составляли тот самый «арьергард», о котором пишет Берберова, то есть принимали участие в общественных организациях и кружках, может быть, и разделяя какие-либо воззрения, но в строгом смысле слова масонами не являясь. Все остальное шло по ведомству «полицейского масонства».

Правда, спустя несколько лет это число значительно выросло. Л. Хасс насчитывал к 1913 году свыше 40 лож по России общей численностью до 400 человек, а к началу 1915 года – 49 лож, в которых состояло до 600 членов. Но уже после Февральской революции количество лож сократилось до 28, а их деятельность практически сошла на нет.

Причины этого историки обсуждают в деталях, но в главном склонны скорее согласиться: «политическая организация, являвшаяся одним из орудий оппозиции царизму, потеряла смысл с его свержением»¹⁷⁶.

Считается уже почти законом социальной жизни то, что люди, объединенные в организацию политической целью, весьма быстро теряют почву для единства, этой цели добившись. Начинается обычная политика и дальнейшая борьба за власть, только уже между собой.

Поскольку русское масонство XX века, в отличие, например, от масонства века XVIII, практически не ставило перед собой задач просветительских, мистических и т.д., ограничиваясь почти исключительно политическими и карьерными соображениями, последние и одержали верх. Потому и не удивителен бросающийся в глаза после февраля 1917 года разноречивый и противоречивый между членами ордена, которые еще недавно были куда более единодушны, теперь же, добившись верховной власти, забыли основные

¹⁷⁵ Рубинский Ю.И. Масоны во Франции (вчера и сегодня) // Вопросы истории. 1976. №9. с. 143.

¹⁷⁶ Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730-1917 гг. М., 1993. с. 261.

масонские правила, ибо никогда всерьез в них не верили.

Напротив, мистическое масонство некоторое время продолжало свою деятельность и при советской власти, пока не было юридически запрещено и уничтожено физически. Опубликованные недавно воспоминания и другие материалы о русских мартинистах, розенкрейцерах и тамплиерах (Левандовский, Никитин, Налимов) рассказывают о них весьма подробно. Но к политическому масонству десятых годов они не имели никакого отношения.

Временное прекращение деятельности масонских лож между двумя революциями вызывает наиболее жаркие споры историков. Берберова в разных местах книги указывает несколько различных причин закрытия лож в начале десятых годов: «болтливость князя Бебутова», «департамент полиции стал сильнее нажимать», а чуть позже «пошли такие раздоры, что десять братьев пришлось временно «усыпить». По мнению Натана Смита, в 1915 году было усыплено не десять братьев, а десять или двенадцать лож, и связано это было с возникшими разногласиями по поводу ответственности правительства за военные поражения.

Л. Хасс считает, что все регулярные русские ложи были усыплены еще в 1909 году, и поводом послужила излишняя разговорчивость отдельных масонов, в первую очередь, князя Бебутова и Баженова, вызвавшая обостренный интерес властей и очередную антимасонскую кампанию в правой прессе. Истинной причиной было стремление очистить свои ряды от случайных и нежелательных элементов, осуществить в своем роде переворот под благовидным предлогом.

Позже, в 1912-1915 годах, было вновь создано до 50 лож, действовавших до 1917 года, но они уже не были правильными, регулярными ложами, получившими признание у материнских французских лож. Именно это масонство было собственно политическим, «карбонарским», не придерживающимся обрядов и не задумывающимся о духовном совершенствовании.

А.Я. Аврех оспаривает утверждение Некрасова и относит роспуск лож не к 1909 году, как показал тот, а к 1911¹⁷⁷. Поскольку по этому вопросу ни один историк не располагает точными фактами и основывается исключительно на догадках, приходится признать, что это наиболее темный период в недолгой деятельности русского предреволюционного масонства, и вряд ли он будет убедительно объяснен до обнаружения новых документов.

Идеологическую «тиранию Парижа над Петроградом», которой посвящена книга Джона Кипа, вряд ли правомерно распространять на предреволюционные масонские взаимоотношения. В Париже о новых, нерегулярных, ложах вообще вряд ли знали, по крайней мере историкам не удалось найти ни одного упоминания о таком факте.

Зато косвенных свидетельств обратного много – русские не приглашались на международные масонские мероприятия конца 1910-х годов: ни на Конференцию масонских послушаний Союзных Наций в январе 1917, ни на Конгресс масонских послушаний Союзных и Нейтральных Наций в июне 1917 г. Это, напротив, говорит скорее о том, что русские масоны-карбонарии к середине десятых годов были полностью предоставлены самим себе и не испытывали прямого давления французов по масонской линии.

«Верховный Восток народов России» был создан на конвенте 1912 года в Москве без согласия «Великого Востока Франции», т.е., по масонским правилам, незаконно, и впоследствии международным масонством признан не был. Многим русским эмигрантам в Париже после 1917 года было отказано в приеме во французские ложи иначе как со степени ученика с предварительным формальным посвящением, что их возмутило, а Керенский швец отказался участвовать как во французском, так и в русском масонстве.

По этой причине некоторым историкам не кажется убедительным и эпизод с французами у Керенского, рассказанный Берберовой со слов полковника Н.Н. Пораделова.

¹⁷⁷ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. с. 320.

Марсель Кашен вышел из масонства в 1901 году; о том, что Альбер Тома состоял в его рядах, нет никаких данных. Да и не было у французов необходимости умолять Керенского не бросать Францию – почвы для сепаратного мира в России тогда не существовало, переговоры по этому поводу велись, однако Германия в тот момент была категорически против¹⁷⁸.

Берберова стремится доказать обратное, опровергая многочисленные свидетельства современников. Н.Н. Яковлев, не указывая, правда, источник, приводит слова Н.В. Некрасова о том, что «уже с 1910 г. русское масонство отделилось и прервало связи с заграницей»¹⁷⁹.

На том же настаивал Керенский: «Хотел бы подчеркнуть, что наше общество было неправильной масонской организацией»¹⁸⁰. Ему вторит Кускова, считая, что русское масонство преследовало лишь тактические цели и не имело ничего общего с иностранным¹⁸¹.

Берберова категорически не согласна с такой трактовкой и, несмотря на целый хор голосов, отводит их все по тем или иным причинам: Яковлева – не считая его историком, Кускову и Керенского – как масонов, лгущих во спасение тайны. Не убеждают ее и доводы тех историков, которые склоняются к точке зрения Кусковой.

Кто тут прав, на сегодняшний день сказать со всей уверенностью нельзя. Этот вопрос, как и многие другие в истории российского масонства, остается открытым для обсуждения. Вряд ли стоит считать и Берберову последней инстанцией.

Зато книга ее не только побуждает размышлять, но и предоставляет богатый материал для размышления.

Олег Коростелев

¹⁷⁸ Подробнее об этом см.: Хасс Л. Еще раз о масонстве в России начала XX века // Вопросы истории. 1990. № 1.

¹⁷⁹ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. с. 230.

¹⁸⁰ Kerensky A. Russia and History's Turning Point. New York, 1965. p. 88-89.

¹⁸¹ Slavic Review. 1968. Dec. p. 606-607.